

**Материалы Одиннадцатой
Ежегодной Международной
Междисциплинарной
конференции по иудаике.
Часть 1**

**Moscow Center for University Teaching
of Jewish Civilization "Sefer"**

**Institute of Slavic Studies
RAS**

**Proceedings of the Eleventh
Annual International
Interdisciplinary Conference
on Jewish Studies
Part 1**

Moscow 2004

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"

Институт славяноведения
Российской Академии Наук

**Материалы Одиннадцатой
Ежегодной Международной
Междисциплинарной
конференции по иудаике.
Часть 1**

ספ

Академическая серия
Выпуск 16

Москва 2004

УДК 94(=411.16)(063)

ББК 63.5

М34

Редакционная коллегия:

Р.М. Капланов, В.В. Мочалова

Издание осуществлено при финансовой поддержке:

**Американского Еврейского Объединенного Распределительного
Комитета (ДЖОЙНТ);**

Благотворительного Фонда Ханадив

Published with the support of:

the American Jewish Joint Distribution Committee (JDC);

Hanadiv Charitable Foundation (HCF)

В настоящее двухтомное издание вошли материалы Одиннадцатой ежегодной международной конференции по иудаике (3-5 февраля 2004 г.), организованной Московским Центром научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер»; Международным Центром Университетского Преподавания Еврейской Цивилизации – Центром Чейза по развитию иудаики на русском языке (Еврейский Университет Иерусалима) при поддержке Американского Еврейского Объединенного Распределительного Комитета “Джойнт”, Еврейского Агентства в России, Благотворительного Фонда Ханадив, Евро-Азиатского Еврейского Конгресса и Российского Еврейского Конгресса. В конференции приняли участие ученые из стран СНГ и Балтии, а также из Великобритании, Венгрии, Германии, Израиля, Польши, Португалии, США, Швейцарии.

ISBN 9-8604-020-1

ISBN 9-8604-021-X

© Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах “Сэфер”, 2004

© Институт славяноведения РАН, 2004

© Коллектив авторов, 2004

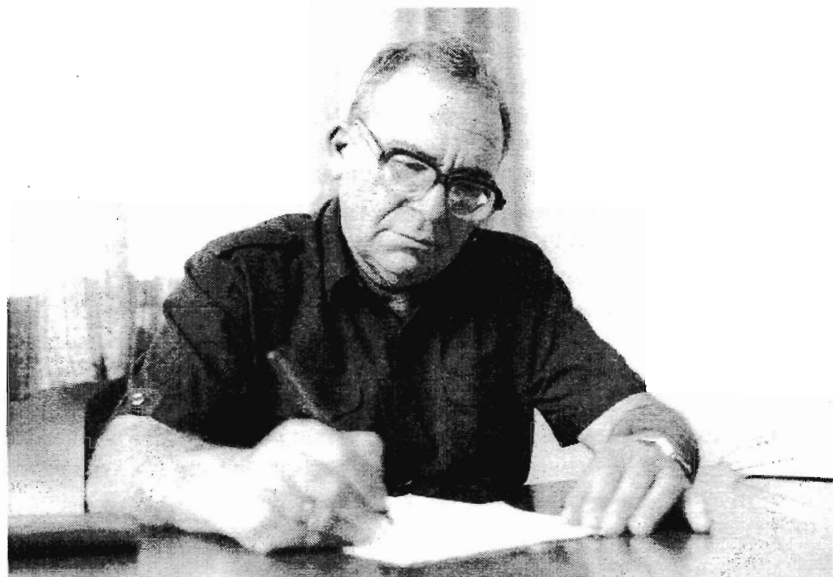
© Центр “Сэфер”, оригинал-макет, 2004

Содержание

<i>От редколлегии</i>	8
<i>R. Goldman. In Memoriam – Nehemia Levtzion</i>	11
ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА	13
<i>Наталья Кашовская, Сергей Кашаев</i> Иудаизм на Боспоре – археологический контекст	13
<i>Эдуард Кравченко</i> Безынвентарные могильники западной окраины Хазарии (к вопросу о распространении в каганате монотеистических религий)	24
<i>Игорь Семенов</i> О набеге хазарского полководца Блучана на Грузию в VIII веке	40
<i>Александр Тортика</i> Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства	47
<i>Евгений Баккал, Олег Белый</i> Обзор архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899 – 1980 гг.)	81
<i>Дан Шапира</i> Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А.С. Фирковича	102
<i>Юргита Шауцюнайте-Вербицкене</i> Ограничения еврейского ремесла и торговли в городах Великого Княжества Литовского	131
<i>Виталий Андреев</i> «Православная бездна» XVII в. в историческом сознании еврейского народа: историографический аспект	141
<i>Инна Соркина</i> Парадоксы борьбы российского правительства с «питейным промыслом» евреев в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Беларуси)	153
<i>Борис Гельман</i> Лейба Ашурович Фронштейн – севастопольский городской глава (1810 г.). Русские издания XIX века как источник сведений о еврейских личностях	171
<i>Майя Виттенберг</i> Евреи и Власть. Записки еврейских экспертов в материалах губернских комиссий по еврейскому вопросу 1881 года	179
<i>Владимир Щукин</i> О правовом положении евреев – земледельцев (колонистов) в Новороссийском крае (XIX – нач. XX в.)	188
<i>Вячеслав Зарубин</i> М.М. Винавер и Крым	196
<i>Надежда Аблова</i> История еврейской общины в Маньчжурии (1897–1917 гг.)	212
<i>Gertrud Pickhan</i> Changing the Context: The General Jewish Workers' Union («Bund») in Interwar Poland	218

<i>Виктор Гусев</i> Национальная программа Бунда: от гражданского равноправия евреев к экстерриториальной культурно-национальной автономии (1897–1917 гг.)	224
<i>Анатолий Мощук</i> Польский Бунд – между социал-демократией и большевизмом	241
<i>Мария Лобанова-Гулак</i> Истоки тактических и организационных разногласий теоретиков Бунда и В.И. Ленина накануне II съезда РСДРП (на примере конфликта по поводу созыва О.К.)	252
<i>Татьяна Шор</i> Культурная хроника евреев Эстонской Республики на страницах газеты «Последние известия» в период подготовки к введению культурного самоуправления (1925–1926)	266
<i>Валерий Гессен</i> Борьба властей с хасидами в Ленинграде в 1920–1960-х гг. (по архивным материалам)	281
<i>Елена Генина</i> Судьба раввина И.Б. Рапопорта в контексте кампании по борьбе с космополитизмом в Кузбассе	294
<i>Евгений Мовшович</i> Преследования евреев Ростова-на-Дону при Советской власти	305
<i>Эмма Шкурко</i> Три дела Гени Левит	329
<i>Евгений Розенблат</i> Основные проблемы терминологии темы Холокоста	341
<i>Григорий Смирин</i> С.М. Дубнов в преддверии холокоста: рижские годы (1933–1941)	356
<i>Дмитрий Олехнович</i> «Антисемитизм есть порождение буржуазии...» – антисемитизм глазами советских идеологов: по материалам периодической печати Латгалии (1940–1941)	361
<i>Витаутас Толейкис</i> Освещение Холокоста в Литве: ситуация, контекст, прогнозы	370
<i>Неринга Латвите Густайтене</i> Особенности холокоста в провинции Литвы: Тракайский уезд	377
<i>Марк Гольденберг</i> Евреи в крымском партизанском движении и подполье 1941–1944 гг.	388
<i>Эмануил Иоффе</i> Юденрат минского гетто	393
<i>Игорь Смольский</i> Зарождение и развитие сионизма в Галиции в конце XIX – начале XX вв.	404
<i>Борис Волкович</i> Сионистское движение в Латвии (1918–1940)	412
<i>Татьяна Кузнецова</i> Этноним «еврей/жид» в информационном пространстве газеты «Brīvā Zeme» (1920–1934)	422
<i>Галина Осипова</i> Антисемитизм и дискриминация евреев в Дагестане в первые годы советской власти	437

<i>Гекторас Виткус</i> Идеологическая инструментализация антисемитизма в истории движения литовских предпринимателей (1930–1940 гг.)	446
<i>Ирина Масюкова</i> Законодательно-правовая система государства Израиль и проблемы иммиграции (1950–1970-е годы)	458
<i>Ирина Баулина</i> Динамика арабо-израильских переговоров 1990-х годов и их влияние на социально-экономическую и политическую жизнь израильского общества	467
<i>Contents</i>	478

**Профессор Нехемия Левцион
1935–2003**

Мы посвящаем это издание памяти нашего друга, коллеги, партнера, одного из отцов-основателей и председателя Международного Наблюдательного Совета Центра «Сэфер», профессору Нехемии Левциону, столь много сделавшему для возрождения иудаики на постсоветском пространстве и безвременно ушедшему от нас в 2003 г. после продолжительной болезни.

Профессор Нехемия Левцион в 1992–1997 гг. был Председателем Академического совета Международного центра университетского преподавания еврейской цивилизации при Еврейском университете Иерусалима (МЦУПЕЦ). На последнем заседании Совета управляющих МЦУПЕЦ (5 января 2003 г.) профессор Левцион отметил, что Еврейский университет – естественная среда для функционирования МЦУПЕЦ, и он радостно наблюдает за его успешной работой. В заключение он сказал: «Мы с удовлетворением смотрим назад и с большой надеждой – вперед».

Находясь на этом посту и отдавая должное Иерусалиму как центру еврейских исследований, он, тем не менее, уделял большое внимание региональным проектам в сфере иудаики: в значительной степени благодаря усилиям профессора Левциона, и возник в 1994 г. наш Центр «Сэфер», он также способствовал созданию Европейского центра университетского преподавания еврейской цивилизации (Оксфорд).

На протяжении своей долгой работы профессор Левцион занимал многочисленные научные и административные посты, последним из них оказалась должность Председателя Комитета по планированию и грантам Израильского Государственного Совета по высшему образованию. В этой должности профессор Левцион немало способствовал развитию системы высшего образования в Израиле.

Академическое сообщество стран СНГ и Балтии также всегда с благодарностью будет помнить Нехемию Левциона и его вклад в становление иудаики в нашем регионе.

Редколлегия

Prof. Nehemia Levtzion
1935–2003

We dedicate this book to the blessed memory of our Friend, Colleague, Partner, one of the founder-fathers and past Chairman of the International Advisory Council of the Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization «Sefer», Professor Nehemia Levtzion who did so much for the revival of Jewish Studies in the former Soviet Union, and passed away on August 15, 2003 after a protracted illness.

As the Academic Chairman of the International Center for University Teaching of Jewish Civilization (Hebrew University of Jerusalem) during the years 1992–1997, Prof. Nehemia Levtzion emphasized activities promoting regional academic cooperation in Jewish civilization studies while maintaining the centrality of Jerusalem. Prof. Levtzion's efforts brought about the establishment of *Sefer* – the Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization, and were instrumental in creating the European Center for University Teaching of Jewish Civilization. At the last meeting of the International Center's Board of Regents, held on January 5, 2003, Prof. Levtzion remarked that the Hebrew University is the natural place for the International Center and that he was delighted to see it flourishing. His concluding words were: «we look backward with satisfaction and look forward with much hope».

In his decades long career Prof. Levtzion served in many academic and administrative positions, most recently as Chair of the Planning and Grants Committee of Israel's Council for Higher Education. He left a rich legacy of broadening the scope of higher education in Israel.

The Academic community of the CIS and Baltic countries will also always remember with gratitude Nehemia Levtzion and his contribution to the development of Jewish Studies in our part of the world.

Editorial Board

In Memoriam – Nehemia Levtzion

I met Professor Nehemia Levtzion for the first time when he was still president of the Open University of Israel, and he was working on a cooperative program of courses for the then-Soviet Union with the Open University of Russia. I got involved through the American Jewish Joint Distribution Committee (AJJDC), because we were interested in developing academic Jewish studies in the USSR.

When Nehemia Levtzion subsequently became the Academic Chairman of the International Center in 1992, he and Richard Scheuer, then Chairman of the Board of Regents, invited me to join them in advancing the Center's program – and I agreed, first as a «volunteer» and then as Chairman of the Board of Regents.

At the helm of the Center, Nehemia Levtzion focused his efforts on outreach, and emphasized activities promoting regional academic cooperation in Jewish civilization studies while maintaining the centrality of Jerusalem.

Nehemia Levtzion's role as a distinguished academician was crucial in furthering the International Center's work in Russia at that time. His experience and expertise helped establish a body that today serves the academic Jewish studies community in the 15 republics of the FSU. In 1993 he went to Moscow to select a group of scholars to participate in the International Center's fourth workshop on University Teaching of Jewish Civilization in Eastern Europe. When this group returned to Moscow, they had decided to set up a body that would be an affiliate of the International Center in Jerusalem, and that would also be a model for additional groups that would advance and promote Jewish studies in different regions throughout the world. And so *Sefer* – the Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization was established. *Sefer* has become a major «academic mall» for the FSU. *Sefer's* development added the extra opportunity for *students* to participate in international activities (for example, Eshnav – a student experience in Israel program, and the Summer and Winter schools in the FSU).

Subsequently, Nehemia Levtzion's focus on outreach took him to Europe, where the European Center for University Teaching of Jewish Civilization was established within the European

Association of Jewish Studies. Successive academic chairmen Avni and Assis have continued in the same direction, furthering the International Center's programs in Latin America and in cooperative projects with universities all over the world.

Professor Nehemia Levtzion led the International Center into its new home in The Hebrew University, where the Center has emphasized the access to the vast resources available at the National and University Library, various archives, and the expertise of scores of scholars in relevant fields.

Nehemia Levtzion's legacy in his own field is certainly known in the academic world, but his impact on people from other academic fields, and from outside academia, as to the importance of Jewish studies is playing a major role in the development of Jewish studies worldwide.

Ralph Goldman
Honorary Life Chairman, Board of Regents, ICUTJC
Honorary Executive Vice President, AJJDC

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Наталья Кашовская, Сергей Кашаев (Санкт-Петербург)

Иудаизм на Боспоре – археологический контекст

Иудаизм на Боспорской земле давно стал историческим фактом, но даже небольшое материальное его подтверждение всякий раз становится историческим открытием. В.С. Флеров совершенно справедливо обращает внимание археологов на два важных момента, которые необходимо учитывать при обнаружении артефактов, относящихся к иудейской религии: 1-е, имел ли иудаизм прозелитов иные формы отличительные от раввинистического; 2-е, если имел, то в какой именно форме иудаизм мог сохраняться или выражаться при этническом смешении общин (Флеров, 2002, с. 93). Однако, мы считаем, что подобное отношение к археологической реальности справедливо не только для хазарского периода. Дохазарскую датировку иудейских надгробий обнаруженных в последнее время в Фанагории и близ нее признают многие исследователи Яйленко, Даньшин, Петрухин (Яйленко, 1987, с. 20–21; Даньшин, 1993, с. 68; Петрухин, 1997, с. 202).

В 15 км. от Фанагории расположен археологический памятник Вышестиблевская-11. В 1999–2001 годах в ходе работ на поселении обнаружена серия надгробий с иудейской символикой. Эти надгробия уже опубликованы, и мы датируем их первыми веками нашей эры (Кашаев, Кашовская, 1999, 332–334; Кашаев, Кашовская 2001, с. 145–146; Кашаев, Кашовская, 2002, с. 132–138).

В 2001–2002 гг. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил раскопки на поселении Вышестеблевская-11. В ходе раскопок была обнаружена заглубленная в землю постройка, получившая наименование Строительный комплекс-6. Она представляет собой землянку прямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ.

При разборке заполнения землянки было обнаружено надгробие с иудейской символикой лежащее лицевой стороной

вверх. Далее в ходе расчистки была обнаружена каменная вымостка, в которую лицевой стороной вниз были уложены еще 5 надгробий.

Пол землянки многократно покрывался белой глиняной обмазкой. Зафиксированы два строительных периода СК-6. На первом этапе каменной вымостки не существовало, а пол многократно покрывался белой глиной, что говорит о длительном использовании постройки. На втором этапе, видимо в процессе капитального ремонта, в землянке была сооружена каменная вымостка с использованием надгробий, а так же продолжается покрытие не замощенной части глиняной обмазками.

После полной расчистки выяснилось, что СК-6 представляет собой землянку прямоугольной формы размерами 2,9 x 6,2 м, заглубленную от уровня древней поверхности примерно на 0,4–0,5 м.

Помимо вымостки в землянке были обнаружены:

– в западном углу постройки углубление сложной формы, заполненной толченой ракушкой.

– конструкция из ярко-коричневой глины с примесью толченой ракушки, размер конструкции 0,65 x 1,75 м. Одна половина конструкции представляет собой плоский «столик» с бортиком, вторая – небольшое углубление овальной формы. В нём лежала половина массивного круглого жернова. При расчистке всей конструкции была обнаружена зола.

На дне землянки вдоль северо-восточной борта имеется каменная кладка, выложенная в один ряд из некрупных камней. Она служила основанием сырцово-глиняной стенки.

Основными элементами декора на всех 6 надгробиях являются семисвечник (менора), а так же стилизованные пальмовая ветвь (лулав) и трубный рог (шофар). На оборотной стороне двух надгробий выбиты тамгообразные символы в виде перевернутого трезубца. На лицевой стороне одного из самых массивных надгробий (№ 3) традиционный уже декор дополнили 7 «кружков с веточкой». Некоторые «кружки» соединены с другими символами или между собой. Возможно, они должны символизировать плоды яблوك (этрог). Пять стелообразных надгробий лежали в вымостке лицевой стороной вниз, шестое

– помещено в центре вымостки и всего комплекса и оно несло совсем не утилитарную функцию, а, видимо, сакральную. Для исполнения особой цели создателями была выбрана плита, наиболее тщательно обработанная. Лицевая сторона хорошо отшлифована, на ней изображены семисвечник, шофар и лув. В верхней части плиты в рамке, сохранилась двухстрочная надпись на древнееврейском языке, выполненная арамейским квадратным шрифтом. В отличие от великолепного качества обработки самой плиты, надпись вырезана небрежно – строчки не ровные, буквы проработаны слабо. Первая строчка в целом читается, вторая залезает на край рамки, в ней различимы отдельные буквы.

Не только восстановить полностью вторую строку, но и определить точно количество букв в ней, представляется весьма сложным.

Текст может быть восстановлен в двух вариантах:

1 מ מצבה לקבר v בתי ב /
 2 מ כרואהל ...הה...ה<ה...

Это памятник могилы Шабтая, сына
 Михаэля

1 מ מנה לקבר v בתי ב /
 2 מ כרואהל ...הה...ה<ה...

Это укрытие (сокрытие) могилы Шабтая сына
 Михаэля

Два варианта одинаково возможны и объясняются они как степень сохранности текста, так и фиксируемой традицией эпитафийного стиля, употребляемой в этом регионе. Имена Шабтай и Михаэль достаточно распространены на Боспоре Киммерийском и отмечены в различных эпиграфических источниках региона и прежде всего в манумиссиях (см. Корпус Боспорских надписей).

Из публикаций посвященных иудейским древностям Боспора, известно 9 надгробий с еврейскоязычным текстом. Представляемая надпись является 10-й. Как и наша плита, большая часть аналогичных находок обнаружены во вторичном использовании.

Интерпретировать обнаруженный строительный комплекс возможно только с учетом всех конструктивных деталей.

Планировка, артефакты из заполнения землянки позволяют говорить, что это не хозяйственный или жилой, а культовый комплекс. Всё это дает основу для размышления над его профессиональной ориентацией.

Значительным моментом для понимания назначения комплекса являются надгробия и их функциональное использование в комплексе. Кто оставил плиты первоначально? Кто уложил вымостку? Допустимо ли такое «пренебрежительное» отношение к плитам и использование их для вымостки?

С одной стороны по имеющейся символике культовый комплекс может быть отнесен к иудейскому культу. С другой, совершенно очевидно, что мы столкнулись с комплексом неожиданной конструкции, объяснение которой (как и предполагал В.С. Флеров) оказалось совершенно невозможной с точки зрения «быта и культовой практики позднего, особенно современного иудаизма». Более того, «археологическая реальность» обнаруженного иудаизма заставляет взглянуть на него не следуя, а отрицая традицию.

Рассмотрим имеющиеся аналогии каждой архитектурной детали комплекса: надгробие, установленное в центре и несущее основной акцент; алтарь-жертвенник, с положенным в нем жерновом, углубление в западном углу и общая планировочная композиция.

О не устоявшейся у иудеев форме синагоги и самых невероятных, на первый взгляд, композициях её заполнения мы находим достаточно примеров на широком географическом пространстве.

Рассмотрим первый и наверно самый главный элемент комплекса – плита с менорой, поставленная в центре вымостки.

Мы имеем несколько примеров изображения меноры, которое должно было заменять, по-видимому храмовый семи-свечник, тем самым исполняя еще и дополнительную функцию – символизировать Храм.

Например в синагогальном комплексе в Остии (Италия), датируемом III–IV вв. на фрагменте античного пилон был выполнен рельеф с изображением меноры, шофара, лулава и этрога. Автор считает, что сам пилон выполнял функцию арона га-кодеша и называет этот комплекс Скинией (Verduchi, XV.1).

Вторым и территориально более близким примером может послужить находка в Херсонесе, в кладке апсиды раннехристианской базилики известняковой плиты с менорой. Изучив иудейские древности Херсонеса Э. Оверман, Р. Макленнан, М.И. Золотарев, считают наиболее вероятным, связывать ее с большим общественным зданием, перекрытым Базиликой 1935 г.

Эта находка «указывает на присутствие иудейского этноса в Херсонесе римского времени» (Оверман, Макленнан, Золотарев, 1997, с. 58).

Для осмысления общей культовой ситуации на Боспоре очень важно отметить находку из этой Базилики двух фрагментов штукатурки с текстом на иврите, который при реконструкции Этель Эшли обнаружил Ананию из Боспора. Язык стал консолидирующим элементом иудеев Причерноморья. Датировка находок не выходит «за пределы IV в.» (Оверман, Макленнан, Золотарев, 1997, с. 59).

Стоит подчеркнуть, что о комплексах в Остии и Херсонесе мы имеем лишь предположительное представление составленное по уцелевшим фрагментам. В то время как вновь открытый комплекс на Тамани не перекрыт поздними постройками и сохранился относительно хорошо.

Примеры Остии и Херсонеса позволяют и нам рассматривать надгробие с менорой, использованное вторично и установленное в центре комплекса как синагогальный (храмовый) элемент.

Позднеантичная иудейская культовая практика, соседствующая с квазипрозелитической свободой, допускала, как доказывают наблюдения И.А. Левинской, даже изображения бюстов на иудейских надгробиях (Левинская, 2000, с. 143). Вольные религиозные нормы язычников симпатизирующих или следующих иудейскому культу подтверждаются случаями сооружения алтарей Богу при условиях, если они будут соответствовать предписаниям Торы (Левинская, 2000, с. 144).

Второй важной деталью является конструкция из глины с жерновом и столиком, атрибутируемая нами как алтарь-жертвенник. К подобному рассмотрению мы склоняемся, изучив имеющиеся случаи нахождения жертвенников в культовых строениях и фактов характерного использования в них жерновов.

На Боспоре, где исторически мы наблюдаем смешение различных культур и традиций, раскопками фиксируется самое неожиданное использование типичных утилитарных вещей. При исследовании некрополей малых городов Илурата и Китея Хршановским и И.А. Тульпе были обнаружены жернова непосредственно под погребениями или над жертвенными ямами, которые были атрибутированы в подобном применении как алтари-жертвенники (Тульпе, Хршановский, 1994, с. 108–109).

Однако, алтари-жертвенники отмечаются в этом регионе и в других культовых комплексах монотеистических религиозных систем. Первые раннехристианские храмы Предкавказья относятся к IV–V вв. и связывают с сармато-аланами. (Минаева, с. 89–90).

Христианизация шла из Закавказья и Византии. В рассказе о св. равноапостольская Нине, который можно рассматривать как предысторию грузинского христианства, усматривается историческая связь христианства и священнического «иудаизма» (т.е. храмовой, не раввинистической традиции). Св. Нина приходит в Мцхету к существующей иудейской общине, создавать им Храм. На церковной периферии консервативная среда народного благочестия до сих пор сохранила обряд «корбони» (Кавказ, Балканы). Иудейская основа чина «корбони» заключена не только в происхождении термина, но и в литургическом чиновствовании. Эта проблема в раннехристианской истории подробно рассматривалась В.М. Лурье (Лурье, 2001, с. 154–164) и по мнению исследователя именно «антииудейская полемика» являлась надежным «консервантом» архаичных христианских преданий. Синкретизм прослеживался и в культовых комплексах Хумаринского городища, хотя скорее его можно отнести к культуре огнепоклонников. Не однозначной является оценка общественного здания Саркельской крепости. Предположение С.А. Плетневой о возможности трактовки обнаруженного в Саркеле одиноко стоящего здания как синагоги, поддерживают далеко не все хазароведы (Плетнева, 2000, с. 98, 2002, с. 83; Флеров, 2002, с. 95; Швецов, 2002, с. 107). А.Я. Найман находит возможным говорить о святилище (Найман, 2002, 104).

На территории адыгских племен упоминаются христианские епархии. В Ново-Михайловском, Лоо, Адлере также за-

фиксированы христианские храмы этого времени. Чир-Юртские христианские храмы, которые Плетневой названы «семейными» (Плетнева, 2000, с. 215), в плане четырехугольные, один из них имеет возвышение, которое объясняют его исследователи как жертвенник (Археология с. 97).

Существование практики жертвоприношения и в раннехристианской церкви подтверждается многочисленными письменными источниками (Евтихий об освещении хр. Св. Софии в Константинополя).

Обращает на себя внимание и третий не менее важный элемент комплекса: его общая планировочная композиция, которая приближает нас к восприятию всего комплекса как библейской Скинии.

В классическом понимании, описанном в Библии, Скиния предполагает прямоугольную вытянутую форму, наличие места Святая Святых для ковчега завета, жертвенника, стола с хлебами, светильника и умывальника, расположенных в определенных местах.

В СК-6 мы имеем площадь комплекса, разделенную на две части – Святая Святых и Святилище. Роль завесы (перегородки) в данном случае выполняла плита с семисвечником.

Состоящий из двух элементов алтарь-жертвенник выполнял совмещенную функцию – стола «предложений» и жертвенника курения.

Лунка с ракушечным заполнением была стоком для воды и может соответствовать необходимому для Скинии умывальнику.

По библии Святая Святых в Скинии ориентирована на запад. В нашем случае мы имеем расхождение с традиционной ориентацией примерно на 100 градусов. Учитывая то, что СК-6 расположен вдоль берегового обрыва можно сказать, что он был расположен в соответствии с окружающим ландшафтом и возможно с остальной планировкой поселения.

Поиски аналогий обосновано поднимают вопрос: с какими временем и традицией можно связать обнаруженный объект.

Петрухин В.Я. обращает внимание на сложность изучения «неуловимых иудейских памятников» именно из-за невыразительности обрядовых форм у слишком «тонкого слоя приверженцев» иудаизма (Петрухин, 1997, с. 202).

Археология Хазарии констатирует отсутствие традиции «гражданского и культового домостроения» (Флеров, 2002, с. 95) и все выше приведенные обсуждения касались вопросов хазарского иудаизма. Но даже в пределах хазарской проблематики В. Лурье усматривает зыбкость теоретических представлений о формировании принятого иудейского культа (Лурье, 2001, с. 437). Мнение Н. Голба о практике у хазар синкретического «шаманского» иудаизма, возможно, допускавшего ритуальные жертвоприношения (Голб, Прицак, 1997, с. 45) при условиях существующей традиции «нераввинистических» течений в диаспоре. Можно говорить, что результат интеграции иудейского мира с прозелитическими тенденциями (Петрухин, 1997, с. 218) фиксирует культовый комплекс «батарейки» Вышестеблиевская-11, равно как и «историческое время» этой интеграции.

Датировка СК-6 может быть высказана, после детального осмысления всех имеющихся данных. Это и характер постройки, серия иудейских надгробий с нанесенной надписью и тамгообразными знаками, все составляющие ее элементы.

Мы имеем структурную композицию комплекса, которая по своим характерным деталям может быть отнесена ко времени только становления культовых канонов послехрамового иудаизма.

– **текст эпитафии** на надгробии № 1 имеет широкие хронологические рамки. Палеографическая оценка шрифта затруднена из-за отсутствия на сегодняшний день сводных эпиграфических таблиц, с учетом его региональных особенностей. Однако существует мнение о времени перехода греко- и латиноязычных общин на еврейский язык и графику – к IV–V вв. (Даньшин, Левинская, Тохтасьев). Имя Шабтай **שבתאי** и его происхождение разбирала Левинская, исследуя надписи Боспора и она полагает вслед за Чериковером и Л. Згустой, что это имя имеет широкое распространение в языческой среде, выходящей за пределы еврейского круга (Левинская с. 145; Левинская, Тохтасьев..., с. 72–73). Даньшин, изучавший историю иудейской общины Фанагории, считает, это имя с греческими его вариантами **Σαββίω** **Σαββίων** **Σαβίων** **Σαββατίων**, на ряду с именем **Αβια**, употребляется до середины III в. н.э. Смена новой языковой ситуации на Боспоре отражена, по мнению

Даньшина, в использовании имен Σαδοὺῆλ, Τσα`ακίος, Амц, Менахем, Мирьям, Моисей, Авраам.

По стилю и формуле эпитафий можно отнести к позднеантичной традиции и датировать II–VI вв. н.э.

– **Шесть надгробий**, обнаруженные во вторичном использовании, значительно пополняют сведения об иудейских надгробиях Боспора Киммерийского. По нашим подсчетам сейчас их известно уже около 100.

В целом, если учесть известные сегодня материалы к датировке плит с иудейскими символами в Северном Причерноморье, характером и стилем изображений, надгробия из комплекса находят аналогии с памятниками 2–6 вв. н.э., происходящих из Эрец Исраэль и Средиземноморья.

– Для **интерпретации тамгообразных** знаков была проведена консультация с известным в этой области специалистом Сергеем Александровичем Яценко, который, считает, что данные тамги (в виде перевернутого трезубца) были нанесены представителями сармато-аланского клана. Время нанесения тамг период с рубежа 1–2 вв. по первую половину 2 в. н.э. По его мнению изучаемые плиты можно считать едва ли не самыми ранними из датировемых, а сам археологический контекст их обнаружения – уникальным.

– **керамика в СК-6** обнаружена, в основном, в верхней части комплекса потревоженной глубокой плантажной распашкой. Имеющийся керамический материал, происходит из культурного слоя и относится ко всем периодам жизни поселения, начиная с 5 в. до н.э. и по 10 в. н.э.

Непосредственно на полу СК-6, из белой обмазки и между камней вымостки, керамики не обнаружено, т.е. пол был практически чистым.

Эта ситуация с одной стороны затрудняет датировку по керамическим находкам, с другой стороны еще раз подчеркивает значимость объекта для древних обитателей поселения и уважительное к нему отношение. Даже после прекращения своего функционирования он не был засыпан мусором, как это часто бывало.

Проведенный анализ комплекса, позволяет интерпретировать его, как культовое сооружение, оставленное местным иудаизированным населением Боспора киммерийского. Уже

сейчас можно говорить, что, раскопав СК-6, мы столкнулись с уникальным археологическим объектом, дающим археологическое подтверждение процессов иудаизации, активно происходивших на Боспоре в 1–6 вв. н.э. и имевших место в последующие века.

Для уточненной датировки СК-6 требуется, и это очевидно, детальное рассмотрение и уточнение всех материалов на фоне формирования общего свода памятников Боспора и их систематизации.

Литература

Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР. М., «Наука», 1984, С. 281, Табл. ХС1, рис. 2; С. 319, Табл. СХХVIII, рис. 1–2.

Голб Н., Прицак О., 1997. Хазарско-еврейские документы X в. «Гешарим», Москва-Иерусалим, 1997.

Драчук В.С. 1967. Стела со знаками из Теребовельщины // СА, № 2. М.

Драчук В.С. 1972. Новые антропоморфные стелы с единичными сарматскими тамгами. // КС, № 130, С. 105–111.

Драчук В.С. 1975. Система знаков Северного причерноморья. Киев.

Даньшин Д.И. 1993. Фанагорийская община иудеев // Вестник Древней истории № 1. М. С. 59–72.

Кашаев С.В., Кашовская Н.В. 2001. Новые боспорские надгробия // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государств. СПб. С. 164–174.

Корпус Боспорских Надписей. 1965. М. Наука.

Левинская И.А. 1999. Деяния Апостолов. Историко-филологический комментарий. М.

Левинская И.А. 2000. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. Санкт-Петербург. Логос.

Лурье В.М. 2001. Kevin Alan Brook, The Jews of Khazaria (Northvale-New Jersey-Jerusalem: Jason Aronson Inc., 1999) xv, 352 pp. ISBN0-7657-6032-0 / Рецензия // Христианский Восток. Т. 2 (VII) 2001.

Люценко А.Е. 1876. Еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. СПб.

Марти Ю.Ю. 1934. Новые эпитафические памятники Боспора // ИГАИМК, М.-Л. С. 57–89.

Найман А.Я. 2002. Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. Харьков, 2002.

Оверман Э., Макленнан М., Золотарев И. 1997. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. Публікації архелогічних матеріалів. Київ, 1. 1997.

Петрухин В.Я. 1997. Послесловие и комментарии // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. «Гешарим», Москва-Иерусалим, 1997.

Петрухин В.Я. 2000. Послесловие / *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. // «Гешарим». Москва-Иерусалим. 2000.

Плетнева С.А. 2000. Очерки хазарской археологии. «Гешарим». Москва-Иерусалим. 2000.

Плетнева С.А. 2002. Хазары и Хазарский каганат // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

Соломоник Э.И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Соломоник Э.И. 1983. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев. С. 80–95.

Соломоник Э.И., 1997. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь, Иерусалим. С. 9–22.

Сэмюэлс Р. 1990. По тропам еврейской истории. Иерусалим.

Тульпе И.А., Хршановский В.А. 1994. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. СПб., 1994.

Флеров В.С., 2002. Иудаизм в археологии Хазарии: где и что искать? // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

Хвольсон Д.А. 1884. Сборник еврейских надписей. СПб. С. 527.

Швецов М. 2002. Об археологических признаках погребального обряда иудеев // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

Шкорпил В.В. 1910. Боспорские надписи найденные в Керчи в 1910 году // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб. Выпуск 40. С. 92–114.

Яйленко В.П. 1987. Материалы по Боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья. М. С. 4–201.

Яценко С.А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Яценко С.А., 2002. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб. С. 79–82.

Verduchi P.A. Le complexe portuaire de Rome de quelques observations // Ostia, port et porte de la Rome antique. Geneve. XV.1

Irina A. Levinskaya and Sergei Tokhtas'yev. 1996. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom. // Studies on the jewish diaspora in the hellenistic and roman periods. Tel-Aviv University. P. 56–73.

Эдуард Кравченко (Донецк)

**Безынварные могильники западной окраины Хазарии
(к вопросу о распространении в каганате
монотеистических религий)**

Вопрос о распространении монотеистических религий среди населения Хазарии является одной из основных проблем истории этого государства. Исторические источники донесли до нас сообщения о том, что значительная часть жителей хазарских городов, по крайней мере, уже в 9 веке не была язычниками. В числе религий, распространенных среди них, упоминаются христианство, ислам и иудаизм. Особый интерес у исследователей вызывает факт принятия в каганате в качестве государственной религии иудейской веры. Следствием разработки этого вопроса, ставшего предметом многочисленных споров, было появление диаметрально противоположных точек зрения, а также обширной библиографии. Одни авторы практически приравнивали понятия «хазарин» и «иудей». Другие же указывают, что иудаизм затронул лишь верхушку хазарского общества и являлся в каганате религией немногих.

Тем не менее, к концу 20 в. письменные свидетельства, повествующие о религиозной ситуации в Хазарии, практически себя исчерпали. Об этом однозначно было сказано в информации о 1 хазарском коллоквиуме, проходившем в 1999 г. в г. Иерусалиме. Для дальнейшего продвижения в деле изучения хазарской проблематики нужен был новый материал. Такой материал дает археология. Собственно, в изучении истории хазарского каганата археологические материалы уже давно показали себя не менее важными свидетельствами, чем исторические источники. Так, уже на 1 хазарском коллоквиуме довольно много докладов было сделано археологами. На 2 же коллоквиуме, проходившем в г. Москве в 2002 г., доклады на археологическую тематику преобладали. Тем не менее, даже данные археологических источников, дающих первостепенный и важный материал по изучению проблем истории хазарского государства, в решении вопроса о распространении среди хазар иудейской веры остаются бессильными. Комплекс проблем, возникающих перед археологами, емко и

сжато был передан В.Е. Флеровым в тезисах ко 2 коллоквиуму «Хазары». Само название работы указанного автора четко отражает суть вопроса, т.к. в самом деле не ясно «где и что искать». Упомянутые в источниках города с трудом поддаются локализации. Местонахождение столицы государства – Итиля достоверно не известно. На основной территории каганата (кроме Северного Кавказа и Крыма) культовых построек, связанных с монотеистическими религиями, не обнаружено.

Не более данных мы имеем и о распространении других монотеистических религий. На Северном Кавказе и в Крыму были раскопаны погребения, произведенные по христианскому обряду, и церкви хазарского времени. Собственно и Крым, и Северный Кавказ, граничащий с христианским Закавказьем, относились к числу территорий, находящихся в сфере Византийского влияния, поэтому распространение среди населения этих территорий, в том числе и пришлого, христианской религии представляется вполне закономерным процессом.

О распространении среди населения хазарских городов ислама писалось в работах практически всех специалистов, занимающихся вопросами хазарской истории. Тем не менее, какого-либо археологического подтверждения письменные свидетельства современников до 80-х гг. 20 в. не получили, да и получить не могли, т.к. комплекс проблем здесь был почти тот же, что и в вопросе о распространении среди населения Хазарии иудаизма. Основными проблемами было отсутствие сведений о точной локализации хазарских городов, в которых, согласно историческим свидетельствам, находились крупные мусульманские общины, а также сложностью датировки мусульманских безымянных кладбищ.

На основной же территории распространения культуры населения Хазарского каганата – салтово-маяцкой культуры – до недавнего времени каких-либо следов влияния монотеистических религий не было обнаружено. Культовые постройки хазарского времени здесь не известны, да и по справедливому замечанию В.Е. Флерова, не ясно как они должны выглядеть. Кладбища, исследованные на этой территории, в основном представлены инвентарными ямными и катакомбными могильниками с языческим обрядом погребения. Значительное количество погребений, несущих явные следы влияния хрис-

тианства, было исследовано на могильнике Саркела. Известны подобные кладбища на Нижнем Дону и Северском Донце (поздняя часть могильника Зливки). Тем не менее, кладбище Белой Вежи, равно как и христианские могильники Нижнего Дона и Северского Донца, датируются постсалтовским временем.

Все это создало общий «языческий» фон материальной культуры населения Хазарии, не совпадающий с сообщениями исторических источников.

Выше указывалось, что, согласно свидетельствам современников, среди населения хазарских городов широко были распространены три монотеистических религии: иудаизм, ислам и христианство. В количественном отношении средневековые авторы на первое место ставили мусульман, а затем христиан и иудеев. Тем не менее, возле некоторых поселений, наряду с инвентарными могильниками, известны кладбища, погребения которых либо не содержат инвентаря, либо имеют бедный инвентарь. Слабая степень исследованности этих кладбищ объясняется сложностью их датировки, культурной и профессиональной интерпретации. Ряд таких могильников находится в бассейне Северского Донца. Материалы их исследований нельзя отнести к числу широко известных. Так, если ряд авторов упоминает в своих работах о наличии на Северском Донце раннемусульманских могильников как о факте, то в рецензии В.А. Кореняко на книгу В.Е. Флеровой указывается, что «мусульманские захоронения *кажется* известны в бассейне р. Северский Донец».

Основной целью доклада является освещение результатов раскопок некоторых могильников, расположенных в среднем течении Северского Донца. Несмотря на принадлежность этих кладбищ мусульманскому населению, материалы их интересны не только в плане изучения хазарских мусульман. Они дают важнейшую информацию о распространении на территории Хазарского каганата монотеистических религий в целом.

Вопрос о распространении ислама среди населения салтово-маяцкой культуры среднего течения Северского Донца был впервые поставлен С.И. Татариновым и А.Г. Копылом. В 1976 и 1978 гг. указанными авторами исследовался могильник городища у с. Маяки. Среди прочих могил на нем были обнаружены безынвентарные салтовские погребения и захоро-

нения мусульман. И те и другие авторы раскопок датировали хазарским временем. Исследования этого же могильника, произведенные в 1988–1989 гг., М.Л. Швецовым и автором данной работы показали, что обнаруженные здесь мусульманские погребения датируются более поздним периодом существования памятника. Тот факт, что мусульманские захоронения прорезали верхний слой, содержащий материалы салтово-маяцкой культуры, наличие в заполнении могил как керамики хазарского, так и фрагмента сосуда золотоордынского времени, наличие в заполнении одной из ям обломка жженного кирпича свидетельствовало, что мусульманское кладбище, раскопанное С.И. Татариновым и А.Г. Копылом, относилось к золотоордынскому времени. Тем не менее, на соседнем с ним участке были найдены мусульманские погребения другого, более раннего могильника, который наиболее вероятно относился к хазарскому периоду истории данного памятника. Материалы раскопок С.И. Татарина и А.Г. Копыла нашли отражение в ряде небольших публикаций и в обобщающей статье.

В 1994, 1996–1997, 2000–2003 гг. производились раскопки у с. Сидорово, расположенного в 4 км от с. Маяки выше по течению р. Северский Донец. Здесь исследовались городище, прилегающее к нему селище и два мусульманских могильника, входивших в состав этого крупного археологического комплекса, общая площадь которого составляет 120 га. Материалы, обнаруженные на данном памятнике, показали, что он возник в середине VIII в., как небольшое укрепленное поселение. В пользу этого свидетельствуют нумизматические находки, встречаемые на небольшой части площади комплекса, где находился ранний памятник. Среди них аббасидский дирхем и обрезки, две половинки табаристанских(?) драхм, солид Константина V. По всей видимости, этим или немного более поздним временем датируются его укрепления, или, по крайней мере, часть их.

В конце IX в. происходит резкий рост площади памятника. Он становится, чуть ли не в три раза больше, чем прежнее поселение, и превращается в крупный населенный пункт. В пользу этого свидетельствуют раскопки на территории городища, где практически сплошными площадями были вскрыты

большие участки (до 800–900 кв.м.). В целом, в период 1994, 1996–1997, 2000–2003 гг. на Сидоровском археологическом комплексе была вскрыта площадь около 3000 кв.м. На основной части городища монетных находок нет. Нет и случаев прямой стратиграфии между археологическими комплексами. Случаи прямой стратиграфии зафиксированы только на площади раскопа 9. Именно на этом участке были обнаружены ранние слои памятника. Создается впечатление, что на значительной части городища, занимающей чуть ли не 2/3 его площади, жили непродолжительное время, возможно, в пределах одного-двух поколений.

Металлические предметы представлены стандартным набором, характерным для памятников салтово-маяцкой культуры (ножи, тесла-мотыжки, фрагменты удила, стремян, гиря, подвес от кистеня или боевого цепа и т.д.). Наконечники стрел представлены как трехлопастными, так и листовидными экземплярами.

Амфорная тара на ранней части памятника представлена в основном разновидностями амфор II типа. При этом, полностью отсутствуют как амфоры класса 24, датируемые до I-й пол. IX в., так и амфоры класса 42, нижняя дата которых уходит в сер. X в. В заполнении многих комплексов встречены фрагменты кувшинов с плоскими ручками.

В керамическом комплексе Сидоровского городища присутствует еще одна категория находок, важная для датировки. Это гончарные и лепные крышки с высокими цилиндрическими ручками. Внешняя их поверхность украшена кольцевыми поясками параллельных линий, нанесенных гребенчатым штампом при вращении предмета, пальцевыми вдавлениями по краю, наклонными радиально расходящимися от центра насечками. Ручки их иногда имеют рифление, нанесенное гребенчатым штампом. Неожоженные полуфабрикаты таких крышек были найдены в заполнении горна 2 в 2000 г.. Крышки этого типа нехарактерны для памятников салтово-маяцкой культуры, где представлен другой их вид. Находка только одного обломка ручки от крышки этого типа среди многочисленных материалов Саркела, по нашему мнению, только подтверждает этот вывод. Близкие нашим ручки с территории Волжской Болгарии датируются нач. X в.. Датировку и проис-

хождение данной категории материала исследователи древностей Волжской Болгарии рассматривали по-разному. А.Х. Халиков связывал эти крышки, «не имеющие аналогов в салтово-маяцкой культуре», со средневековой керамикой Хорезма (джетыасарская культура) и поселений городского типа Южного Казахстана. Т.А. Хлебникова, напротив, считала их формой, восходящей «к крышкам кочевнической группы керамики салтово-маяцкой культуры». В качестве аргумента она приводила вышеупомянутый факт наличия в Саркельских материалах обломка от такой крышки. Датировала она указанные крышки более широкими хронологическими рамками, чем А.Х. Халиков, считая, что они существуют в продолжение всего домонгольского и раннезолотоордынского времени. Компромиссной точки зрения придерживается Н.А. Кокорина, указывая, что уже во 2-й пол. XI в. в керамике Биляра количество крышек с высокой ручкой уменьшается в 10 раз. Собственно, и до этого времени они составляли, по подсчетам А.Х. Халикова, очень небольшую в процентном отношении группу – всего 0,03 % от общего количества посуды. К концу домонгольского времени, по мнению Н.А. Кокориной, данный вид крышек полностью исчезает.

Наличие на значительной части памятника в одних и тех же археологических комплексах амфор II типа, кувшинов с плоскими ручками, и фрагментов крышек с высокой ручкой: отсутствие при этом в них типов амфор как 1-й пол. IX, так и 2-й пол X вв.; отсутствие на этой же части памятника ранних монет и случаев прямой стратиграфии между комплексами, все это свидетельствует в пользу того, что данная часть памятника функционировала в конце IX – первой пол. X в.

Таким образом, можно говорить о существовании Сидоровского археологического комплекса до сер. X в. и вряд ли позже. Гибель городища была связана с его разгромом. В пользу этого свидетельствуют находки на памятнике. Так, в верхнем слое раскопа 5 было обнаружено погребение. Скелет лежал в культурном слое, рядом с сооружениями. Из вещей при нем обращает на себя внимание круглая серебряная серьга, сделанная из скрученной в трубочку тонкой пластины. Судя по положению костей, погребенный был похоронен. Еще одно подобное погребение находилось внутри помещения II. Здесь покой-

ника уложили на пол постройки, прислонив его головой к столбу, на который опиралась матица, и так оставили. Положение костей скелета свидетельствует о том, что покойник не был засыпан землей. С первоначального места были смещены череп, кости ног, лучевые кости рук.

Судя по всему, после разгрома памятника какая-то часть населения вернулась на него и поспешно похоронила убитых. После этих событий поселение было оставлено, и на нем больше не жили. Вполне вероятно подобного типа погребения были обнаружены на Сидоровском городище во время раскопок указанного памятника В.К. Михеевым в 1971 г..

Оба мусульманских могильника прилегают к поздней части памятника, что позволяет их датировать временем функционирования этой части населенного пункта.

Основная часть (90%) этих захоронений произведена со строгим соблюдением мусульманских погребальных канонov. Доминирующим типом могилы на кладбищах археологического комплекса у с. Сидорово является яма с заплечиками (уступами) вдоль длинных стен. Погребальные камеры были перекрыты досками, уложенными на уступах вдоль или поперек могильной ямы. Ориентировка погребенного колебалась в запад/северо-западном секторе. Обычное положение скелета - вытянуто на спине или правом боку. Расположение костей свидетельствует, что погребенные были спеленаны. Иногда в могилах присутствуют гробовища (деревянные рамы без дна), имеющие прямые аналоги на языческих некрополях салтово-маяцкой культуры.

Сопроводительный инвентарь в могилах обычно отсутствовал. Исключением являются погребения №№ 28, 169 и 190. В погребении 28 у черепа находился серолощенный сосуд. У погребенного из могилы 190 был обнаружен точильный камень, находившийся по центру таза. Особый интерес представляет группа предметов, найденных у затылочной кости черепа детского скелета (погребение № 169): серебряный бубенчик, три змеевидных подвески, вырезанных из тонкого листа меди, черная стеклянная бусина с желтыми «глазками». Они представляли собой набор амулетов, которые крепились к ленте, вплетенной в косу погребенной. Перечисленные выше вещи находят прямые аналоги в древностях салтово-маяцкой куль-

туры. Они и материалы раскопок прилегающего к кладбищу поселения позволяют датировать рассматриваемые могильники 2-й половиной IX – X в.

Анализ деталей обряда свидетельствует, что для населения городища у с. Сидорово ислам не был новой религией. Процесс его распространения в среднем течении Северского Донца начался, очевидно, еще в середине IX в. В это время завершился период конфронтации Хазарии с исламскими государствами, уступив место активным торговым контактам. Связи с миром ислама, в том числе и со Средней Азией, способствовали проникновению в Хазарию культурных и идеологических влияний. Наиболее вероятно, что мусульманские миссионеры приходили в Нижнее Поволжье с территории Хорезма. Оттуда по торговым путям проповедники двигались далее на запад. Именно тогда ислам распространился и в среднем течении Северского Донца, вдоль которого пролегал крупный торговый путь.

Мусульманские могильники среднего течения Северского Донца пока являются крайними западными точками, на которых процесс распространения ислама в IX–X вв. зафиксирован археологически. Письменные же источники свидетельствуют о попытке распространения ислама в 60 гг. IX в. намного западнее – на территории Дунайской Болгарии.

Расположение кладбищ у памятника, прекратившего существование во 2-й пол. X в., характер погребальных сооружений, конструкция гробовищ и немногочисленные вещи, содержащиеся в отдельных могилах, позволили связать эти некрополи с местным населением хазарского времени.

Мусульманские кладбища были обнаружены и ниже по течению Северского Донца. Такой могильник был зафиксирован С.И. Татариновым и А.Г. Копылом в 45 км ниже по течению Северского Донца у с. Платоновка. Этот практически не исследованный могильник прилегает к крупному поселению хазарского времени. Два некрополя с мусульманским обрядом погребения исследовались К.И. Красильниковым. Один из них располагался у с. Лысогоровка на левом притоке р. Северский Донец – р. Айдар. Из 55 опубликованных погребений, исследованных здесь, 35 были произведены с соблюдением мусульманских канонов. Судя по публикациям,

они не отличались от сидоровских. Для датировки Лысогородского могильника особый интерес представляет факт наличия в двух погребениях дирхемов 212 и 222 гг. X. Согласно сообщению К.И. Красильникова, «признаки мусульманской обрядности, а также дирхемы» были зафиксированы и на Новолимаревском могильнике, расположенном на р. Деркул, которая также является левым притоком Северского Донца.

Археологические материалы свидетельствуют, что проживающее в Доно-Донецком регионе население хазарского времени было знакомо и с христианством. Так, в подъемном материале на Сидоровском городище был обнаружен железный крест, который В.К. Михеев относит к постсалтовскому времени. Влияние христианской погребальной обрядности как будто прослеживается на могильнике Червоная Гусаровка (Харьковская обл. Украины). Ряд его погребений имел бедный инвентарь, а в одном из них была встречена нашивка в виде креста.

Особый интерес представляет группа знаков, до обжига прочерченных на керамических сосудах. Так, в раскопе 9 на Сидоровском археологическом комплексе был обнаружен венчик кувшина, на котором у верхнего края крепления ручки был до обжига прочерчен равноконечный крест. Еще один такой сосуд был найден на Кировском городище. Здесь крест был прочерчен также до обжига на внутренней стороне венчика корчаги. Подобный знак присутствует на одном из сосудов из Верхнего Салтова. Еще один сосуд с этого же памятника имеет налепную крестообразную фигуру на плечиках. Этнографически подобный обычай известен. На территории Украины гончары еще в XIX–XX вв. иногда ставили кресты на горлышках и стенках сосудов с целью воспрепятствовать проникновению внутрь сосуда вредоносных сил. Для украинского гончара крест был священным символом, напрямую связанным с религией – христианством. Сложнее обстоит дело с крестами на керамике салтово-маяцкой культуры. Гончар, ставящий этот знак, мог быть как христианином, так и язычником. Тем не менее, относительно частое использование из прочих охранных символов именно креста, по нашему мнению, может свидетельствовать о проникновении каких-то христианских влияний в среду населения салтово-маяцкой культуры.

В плане изучения вопроса о распространении христианских воззрений в среде населения салтовских городищ среднего течения Северского Донца интерес представляет находка В.В. Давыденко на Царином городище обломка формы, служившей для отливки змеевика и крестообразной подвески. По мнению С.И. Татарина, – она являлась обломком византийской шиферной иконы. Против этого свидетельствует как общая схематичность изображения, так и тот факт, что в надписи вокруг головы Медузы Горгоны слово «Агиос» написано через «Н – эту» «АГНОС». Датировка этой формы, скорее всего, укладывается в хронологические рамки хазарского времени. В пользу этого может свидетельствовать характерная форма креста с кружочками на концах лопастей.

Интерес представляет и тот факт, что после гибели Хазарского каганата, оставшееся на территории Среднего Подонковья оседлое население довольно быстро приняло христианскую веру. Так, на поселениях XI–XIV вв., заселенных потомками населения салтово-маяцкой культуры ощущается сильное влияние Киевской Руси и христианства. Об этом свидетельствуют как клейма на днищах сосудов, имеющие начертания букв греческого алфавита, так и находки на поселениях среднего течения Северского Донца предметов христианского культа. Особый интерес представляет поздняя часть могильника, исследованного М.Л. Швецовым у озера Чернецкое, рядом со знаменитым Зливкинским могильником. По мнению автора раскопок, это кладбище было оставлено населением, исповедовавшим христианство. Быстрое внедрение христианства в мировоззрение населения среднего течения Северского Донца можно сравнить с подобным процессом, происходившим в IX в. в Дунайской Болгарии. Там относительно быстрое принятие христианской религии произошло благодаря хорошему знакомству населения с этой конфессией, а также фактом наличия среди этого населения какого то процента христиан.

Таким образом, можно констатировать, что, во 2-й пол. IX - 1-й пол. X в. в среднем течении Северского Донца жило несколько крупных мусульманских общин. Места проживания этого населения маркируются кладбищами с мусульманским обрядом погребения. Есть данные о знакомстве этого населения и с христианством. Наличие даже на окраинных тер-

риториях каганата мусульманских общин и христианского населения свидетельствует, что информация исторических источников о религиозной ситуации в Хазарии вполне достоверна. По-видимому, в это время идет активное внедрение монотеистических религий в идеологию жителей крупных населенных пунктов. Отражением этого процесса может быть исчезновение в сер. IX в. на памятниках салтово-маяцкой культуры амулетов, тесно связанных с язычеством.

Не обнаружены пока только иудейские погребения. Основная сложность их идентификации связана с тем, что не ясно, как конкретно они должны выглядеть. Предлагаемые М.Л. Швецовым археологические признаки погребального обряда иудеев вряд ли будут присутствовать во всей своей полноте, а рассчитывать на обнаружение надгробий с символикой, по всей видимости, не приходится. Скупые описания иудейского погребального обряда показывают, что каких-либо предметов в могиле может и не быть. Так, в современной ортодоксальной еврейской традиции даже гроб должен быть сколочен деревянными гвоздями. У крымских караимов употребляется яма с заплечиками и деревянным перекрытием, ориентированная на север/северо-запад. Каких-либо вещей здесь также нет. Если же ссылаться на описание погребения хазарских каганов, то здесь мы видим классический языческий обряд погребения, который М.И. Артамонов сравнивал с описанием погребения Аттилы.

В плане вопроса о распространении монотеистических верований на территории Хазарии интерес представляет еще одна находка. Она происходит из Северного Приазовья, из разрушенного погребения, входящего в круг захоронений, которые большинство исследователей относят к погребениям этнических хазар. Из данного погребения, обнаруженного экспедицией В.К. Кульбаки на территории г. Мариуполя, происходит сосуд со знаками, прочерченными на его плечиках до обжига. Сосуд лепной с подправкой на гончарном круге находит близкие аналоги среди керамики поселений степного болгарского варианта салтово-маяцкой культуры. Один из знаков представляет равносторонний крест. Учитывая смысловую нагрузку, которую несет изображение креста, прочерченное на стенке сосуда, реально предположить, что и второй

рисунок, расположенный рядом с ним должен был иметь сакральное значение.

Вторая фигура имеет более сложную конфигурацию и истолковать ее значение не столь просто, как первой. Ситуация усложняется тем, что контур отдельных частей этой фигуры врезан неглубоко, и в районе ее на стенках сосуда имеются трещины. В основе символа лежит равносторонний ромб, пересеченный вертикальной линией, которая в нижней части завершается П-образной подставкой. С боковых сторон и от центра ромба отходят вертикальные отростки. Они завершаются выше вершины ромба. От каждой из верхних боковых его частей отходят дополнительные отростки симметрично расположенные с обеих его сторон. С левой стороны их видно два; с правой же – четко прослеживается только один. Тем не менее, судя по его расположению и общему, симметричному, характеру изображения, их и с этой стороны было два. В пользу этого свидетельствует поврежденная трещиной едва заметная линия, отходящая от правой стороны ромба. Чуть выше вершины ромба все эти линии пересечены горизонтальной чертой, над которой возвышаются их верхушки. К сожалению, состояние изображения не очень хорошее. Четко прослеживаются шесть вертикальных отростков, и очень слабо видны контуры седьмого. Горизонтальная линия, отсекающая их верхние части на $1/3$ своей длины совпала с трещиной на стенке сосуда.

Описанное изображение имеет очень отдаленное сходство с отдельными тамгообразными знаками сарматского времени, происходящими с территории Северного Причерноморья. Прямых аналогий ни среди этих знаков, ни среди знаков на раннесредневековой керамике и кирпичях хазарского времени обнаружить не удалось. Нижняя П-образная его часть напоминает изображение основания, подставки. Подобным образом изображались различные христианские символы, где на подставке, П-образной, или фигурной, (символизирующей Голгофу), помещался крест. В нашем случае подставка вертикальным стержнем связана с ромбом, от которого отходят вертикальные отростки. Следует сказать, что в культовой практике различных религий применялись и применяются многоствольные светильники, имеющие, в частности, квадратное

или круглое основание. Подобные предметы можно видеть в христианских храмах. Некоторое сходство имеет указанная фигура и с менорой – священным иудейским символом. От последней ее, тем не менее, отличает форма подставки, которая на изображениях меноры обычно представляет собой треножник. В целом, по нашему мнению, вторая фигура, прочерченная на сосуде из погребения, разрушенного в г. Мариуполе, изображает храмовый светильник с семью свечами.

Таким образом, на сосуде изображено два символа, несущих охранительную функцию. Присутствие их не обозначает, что изготовивший этот сосуд мастер был христианином или иудеем (в последнем случае он вряд ли поместил бы два подобных изображения вместе). Напротив, гончар вполне мог быть язычником, или человеком, лишь недавно принявшим одну из монотеистических религий. Так или иначе, гончар мог изобразить на сосуде известные ему священные символы, которые, по его мнению, должны были препятствовать проникновению внутрь сосуда вредоносных сил. Примером, когда охранительную функцию несли чуждые населению знаки, могут служить изображения на знаменах Войска Запорожского. Среди них присутствовали такие чуждые христианскому населению Украины символы, как свастика.

Таким образом, вышеперечисленные факты свидетельствуют о высокой степени информативности исторических свидетельств, оставленных средневековыми авторами о населении Хазарии. Присутствие мусульман и христиан, зафиксированное историческими свидетельствами в основных городах Хазарии, а археологическими источниками – на ее окраинах, дает основание полагать, что факт отсутствия погребений иудеев объясняется просто невозможностью выделить их захоронения среди погребений безынвентарных немусульманских кладбищ салтово-маяцкой культуры. Такие могильники известны возле поздних салтовских поселений, в том числе и на Северском Донце. Большинство погребенных на них уложены вытянуто на спине, головой на запад, лицом вверх. Руки их либо вытянуты вдоль туловища, либо сложены на костях таза. Единичные предметы представлены украшениями или деталями одежды. Эти погребения нельзя назвать мусульманскими, т.к. отсутствует ориентация на кыблу и имеются дета-

ли одежды, и вряд ли, можно отнести к числу языческих. Группы населения, хоронившие своих умерших на таких кладбищах, вполне могли исповедывать как христианство, так и иудаизм. По крайней мере, именно эти религии, наряду с языческими верованиями и исламом, упоминаются в свидетельствах, оставленных современниками о населении Хазарии

Библиография

Кестлер А. Тринадцатое колено. 1993. // http://www.urania.ru/bulletin/bk591_intro.html.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. М., 1990.

Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах // СА. № 3. 2000.

Флеров В.С. Иудаизм в Хазарии: где и что искать? // Хазары. Тезисы Второго международного коллоквиума. М., 2002. С. 92–96.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 158–164.

Фронджуро М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. // Археологические исследования Северного Крыма. Киев, 1968.

Баранов И.А. Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII–X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990 С. 133–39.

Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи, МИА № 109, 1963.

Масловский А.Н. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001.

Флеров В.С. Иудаизм в Хазарии: где и что искать? // Хазары. Тезисы Второго международного коллоквиума. М., 2002. С. 94.

Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 211.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001. С. 9.

Копыл А.Г., Таринов С.И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА № 1. 1979.

Копыл А.Г., Шамрай А.В., Таринов С.И. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Маяки // АО, 1978. М., 1979.

Копыл А.Г., Таринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 52–71.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. С. 247, 248. Рис. 39.

- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля у Північному Причорноморі. К., 2001. С. 76.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 50–52, 66–68, Табл. 20–22, 28, 33.
- Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001. Рис. 21, 6.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА, № 75. М.–Л., 1959. С. 230, рис. 14, 15–20.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии М., 1982. С. 95.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии М., 1982. С. 95, 98. Рис. 28, 9–11.
- Халиков А.Х.* История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М., 1976. С. 45. Рис. 12.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии М., 1982. С. 95, 98.
- Хлебникова Т.А.* Неполиваная керамика Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 95, 97. Рис. 71, 21–24.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Болгарии второй половины IX – начала XV вв. Казань, 2002. С. 72–73.
- Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В.* Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах № 7. Донецк, 1998.
- Татаринов С.И., Копыль А.Г.* Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. № 1. 1981.
- Красильников К.И.* Археологические свидетельства азиатского этноса в степном Подонцовье в раннем средневековье // V сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. 10–12 жовтня 2001 р. К., 2001а.
- Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2001б.
- Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховья Северского Донца // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Аксенов В.С., Тортика А.А.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.
- Parchomenko O.V.* Die Keramik der Variante der Saltovo-Majaki Kultur am oberen Lauf des Flusses Don // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer variauter (Hg: G. Baliunt) Varia Archaeologica III. 1990. S. 293. Taf. 4, 8; 6, 6.
- Пошивайло О.* Етнографія українського гончарства. К, 1993.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л.* Новые данные о христианском населении края в XIII–XIV вв. // Материалы научно-практического семинара, посвященного 15-летию Славяногорского историко-архитектурного заповедника. Славяногорск, 1995.

Шамрай А.В. Каменная иконка с Царина городища // *Материалы научно-практического семинара, посвященного 15-летию Славяногорского историко-архитектурного заповедника.* Славяногорск, 1995.

Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001. С. 24.

Флеров В.С. Иудаизм в Хазарии: где и что искать? // *Хазары. Тезисы Второго международного коллоквиума.* М., 2002. С. 94.

Флеров В.С. Иудаизм в Хазарии: где и что искать? // *Хазары. Тезисы Второго международного коллоквиума.* М., 2002. С. 95.

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Красильников К.И. Археологические свидетельства азиатского этноса в степном Подонцовье в раннем средневековье // *V сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції.* 10–12 жовтня 2001 р. К., 2001а.

Яценко С.А. Знаки-Тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С. 108.

Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // *МИА, № 75.* М.–Л., 1959.

Михеев В.К., Копыл А.Г. Средневековые поселения и могильники Подонцовья // *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез докл. семинара.* Донецк., 1989.

Копыл А.Г., Татаринцов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе.* Казань, 1990. С. 52–71.

*Игорь Семенов (Махачкала)***О набеге хазарского полководца Блучана на Грузию
в VIII веке**

В грузинской летописи «Матиане Картлиса» («Летопись Картли») сохранилось сообщение о набеге хазарского полководца Блучана на территорию Грузии. Прочитирую перевод текста, сделанный Г.В. Цулая.

«По преставлении святого мученика Арчила остались у него сыновья Иован и Джуаншер. Отправился Иован в Эгриси [Западная Грузия – И.С.] и забрал с собой мать и двух сестер. А Джуаншер с двумя (другими) сестрами остался в стране Картлийской и Кахетской. Сестра же младшая его была прекрасна ликом, и слухи о красоте ее дошли до царя Хазарского Хакана; прислал он гонцов, дабы выпросить Шушан себе в жены, взамен обещав пособить в борьбе с сарацинами. И когда посол Хакана подступил (к Картли), Джуаншер поведал обо всем своему брату и матери. Однако они не поддались и ответствовали: “Уж коли станет нам неведомо, то лучше удалиться в Грецию и обратиться к христианам, нежели позволить язычнику опохабить дитя наше”. И Шушан гневно порицала Хазарского царя.

Спустя три года после этого снарядил Хакан *спасалара* своего Блучана; прошел он дорогу Лекетскую и вступил в Кахети; осадил крепость, в которой пребывал Джуаншер и сестра его Шушан и дней через малость овладел (крепостью) и увел их в плен; сокрушил город Тбилиси, полонил Картли и всю эту страну.

И когда они ступали по дороге Дариалана, Шушан молвила брату своему: “Лучше мне помереть, дабы господь сопричастил меня святой матери, нежели быть посрамленной язычником”. И тут же выщербила из перстня своего драгоценный камень, высосала скрытое под ним смертное зелье и тотчас пала мертвой.

Затем прибыл Блучан к Хакану и представил ему Джуаншера; поведал также о кончине сестры его Шушан. И разгневался (Хакан) за то, что не принесли тела усопшей, узреть которое он желал. Схватили Блучана, накиннули ему на шею

аркан, отдали двум всадникам на растерзание и оторвали ему голову немилосердно. По истечении семи лет Хакан отправил Джуаншера в собственную страну, одарив его обильно»¹.

И.А. Джавахишвили, а вслед за ним и А.П. Новосельцев, полагали, что речь идет о событиях 764–765 г., когда хазары во главе с Рас-тарханом совершили нападение на Закавказье², а М.И. Артамонов связывал нападение Блучана на Грузию с хазарским вторжением в Закавказье 799 года³. Однако, для столь поздней датировки этого рейда нет никаких оснований, так как известно, что отец Джуаншера, эрисмтавар Арчил, был казнен в 718 г.⁴, правление же его сыновей – Иоване (на западе Грузии) и Джуаншера (на востоке Грузии) – приходится непосредственно на последующий период, то есть указанное вторжение Блучана должно было происходить в 20-х или 30-х гг. VIII в. Поэтому следует признать вполне логичной точку зрения Вахушти Багратиони, относившего этот набег к 731 г.⁵, правда, эту датировку можно несколько уточнить. Поскольку в 731 г. хазары не совершали нападений на закавказские страны, то надо полагать, что указанный рейд Блучана на Грузию происходил годом раньше – в конце 730 г. Под этой датой, точнее под 112 г.х. (730–31 г.), в ряде источников сообщается о крупном хазарском вторжении в Закавказье. По сообщению Левонда, хазары во время этого нападения выдвигались в Закавказье через Дербентский проход во главе с полководцем Тармачем⁶. По сообщению же ат-Табари и Ибн ал-Асира, вторжение возглавлял сын кагана Барсбек (его имя в источниках передается с различными искажениями; по всей видимости, наиболее точная его форма дана в сочинении ал-Куфи⁷), выдвигавшийся через Дарьяльское ущелье⁸. Ясность в этот вопрос вносят данные Бала‘ами: вторжение хазар в 730 г. происходило через «несколько кавказских проходов»⁹.

Именно в 730 г. принц Барсбек, выдвигавшийся против арабского полководца ал-Джарраха через Дарьял, мог захватить Джуаншера и его сестру в одной из крепостей Кахетии. В таком случае, Лекетская дорога тождественна современной Военно-Грузинской дороге¹⁰. Кстати, последующее присутствие Джуаншера в стане хазар подтверждается данными ал-Белазури и Бала‘ами, которые объясняли успешные действия Барбека против арабов в 730 г. тем, что он от некоего грузин-

ского князя получал сведения о дислокации арабских войск¹¹. Таким образом, едва ли могут оставаться сомнения в том, что полководец Блучан, фигурирующий в «Матиане Картлиса» тождественен принцу Барсбеку¹², правда, данные грузинского источника о том, что Блучан (=Барсбек) был казнен, вызывают недоверие¹³, так как Барсбек принадлежал к царствующему роду Ашина, был сыном кагана и, наконец, героем кампании 730 года, во время которой арабский военачальник ал-Джаррах был убит.

Следует обратить внимание также на следующее: хазарский военачальник увел в плен не только эрисмтавара Джуаншера, представителя правящего рода Картли, но и его сестру. Надо полагать, что первому была уготована участь заложника, а второй – стать одной из многочисленных жен кагана. И то, и другое означало вхождение восточной части Картли, в которой правил Джуаншер, в состав Хазарского каганата. В связи с этим надо напомнить следующее.

В IX в. Эльдад а-Дани писал о том, что в составе Хазарского государства находились 25 племен. В некоторых списках сочинения Эльдада а-Дани приводится другое число этих племен – 28¹⁴. Для X в. имеются более подробные сведения на этот счет. Так, во вступительной главе «Книги Иосиппон» о хазарах сказано, что «Они бесчисленны, берут дань от двадцати пяти государств...»¹⁵. Число 25 совпадает с числом жен, которые, по данным Ибн Фадлана, содержались в гареме кагана. Как можно понять, эти жены являлись сестрами или дочерьми правителей тех политических образований, которые входили в состав Хазарского каганата. Каждый из этих правителей отправлял ко двору кагана также заложников мужского пола – из числа членов своей семьи. В числе таких заложников был, например, сын правителя волжских болгар¹⁶. Как рассказывает Ибн Фадлан, в гареме хазарского кагана находилась также дочь этого правителя, причем, когда она умерла, каган потребовал прислать в гарем ее сестру¹⁷.

Подобные же сведения имеются и у арабского энциклопедиста XII в. Йакута: «Обычай хазарских царей иметь 25 жен, из которых каждая есть дочь царя из соседних царей. Берет же он их (хазарский царь своих жен) волей неволей (хотят они или нет)»¹⁸.

Об отдельных случаях, когда правители зависимых государств отдавали своих дочерей или сестер в гарем кагана, известно из сообщения Анании Ширакаци: он упоминает о том, что жена хазарского кагана происходит из народа басилов¹⁹ (берсил). Как справедливо полагал А.В. Гадло, в данном случае также имел место ритуальный брак, означавший подчинение кагану²⁰.

Таким образом, представляется вполне вероятным, что каган «сватался» к Шушан вовсе не потому, что был наслышан о ее красоте, а потому, что намеревался включить Восточную Картли в состав каганата. Согласно «Матиане Картлиса», каган намеревался сделать это еще за три года до нападения Блучана, обещая помощь против арабов, но получил отказ. Это произошло в [730 – 3 =] 727 г. Надо полагать, что намерение кагана включить Восточную Картли в политическую систему каганата было связано с успешным походом того же Барсбека против арабов в 726–27 г.²¹

И еще одно замечание по этому поводу: по данным «Матиане Картлиса», Джуаншер пробыл у кагана семь лет, то есть до 737 г. В некоторых списках этого источника, сказано о том, что каган отпустил Джуаншера на «седьмом году» пребывания последнего в плену²², то есть через неполные семь лет, что хронологически полностью соответствует дате разгрома хазар арабским военачальником Мерваном. В связи с этим, представляется более, чем оправданным вывод о том, что в 737 г., после поражения хазарской армии, каган был вынужден отказаться от своих притязаний на Картли, а в этих условиях пребывание Джуаншера при дворе кагана (в качестве заложника) теряло смысл, и именно поэтому, а может быть, и по требованию Мервана грузинский князь был отпущен на родину. Таким образом, указание «Матиане Картлиса» на семилетнее пребывание Джуаншера в плену у кагана еще раз подтверждает вывод о том, что вторжение Блучана в Картли происходило в 730 г.

Примечания

¹ Летопись Картли / Пер. введение и прим. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982. С.47. См. также: Картлис цховреба. I. Тбилиси, 1955. С. 249–250 (на груз. яз.); *Brosset M. Histoire de la Géorgie.* SPb., 1849. P. 184–185; *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник

материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.22. Тифлис, 1897. С. 26–27; Матиане Картлиса / Пер., введен. и примеч. М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. С. 27–28.

² *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа. Т. II. Тбилиси, 1948. С. 77–78; Тбилиси, 1965. С. 80 (на груз. яз.); *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 190.

³ *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 251.

⁴ *Вахушти.* История Грузии / Изд-е Д.З. Бакрадзе. Тбилиси, 1885. С. 125 (на груз. яз.). См. также: *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. С. 26. Как указывает М.Д. Лордкипанидзе, в одной из поздних рукописей «Картлис Цховреба» имеется приписка, указывающая на год казни Арчила – 718 г. (Картлис цховреба. I. С. 245; Матиане Картлиса. С. 63. Прим. 4. Ср.: История Грузии / Учебн. пособие; под ред. Н.А. Бердзенишвили. I. Тбилиси, 1962. С. 124).

⁵ *Вахушти.* История Грузии. С. 127. См. также: *Brosset M.* Histoire de la Géorgie. P.257. N.1. В своей датировке набега Блучана на Грузию Вахушти Багратиони опирался на сообщения средневековых арабо-персидских источников о набеге хазар на Закавказье в 112 г.х. (730–31 г.).

⁶ *Гевонд.* История халифов / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 71–72.

⁷ См.: Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. с арабск. З.М. Буниятова. Баку, 1981. С. 22. По мнению З.М. Буниятова, А.П. Ковалевского и О.Г. Большакова, имя сына кагана, фигурирующее у ал-Куфи как *Нарстик*, передает тюркск. *Барсбик (Там же. С. 79. Прим. 26; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 164. Прим. 34; *Большаков О.Г.* Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. / Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева; Отв. ред. Т.М.Калинина. М., 2000. С. 61).

⁸ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M.J. de Goeje. Ser. II. Lugduni Batavorum. 1879–1890. P. 1530 (Шихсаидов А.Р.* Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 79); Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-тарих. Каир, 1934. Т. IV. С. 207 (Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камил (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П.К. Жузе. Баку, 1940. С. 26). О военной кампании 730 года см. также: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984. 3.17; ал-Куфи. С. 24–25; Халифа ибн Хайят. Та'рих Акрам Дийа' ал-'Умари. Ан-Наджаф, 1386 (1967). С. 355–356 (*Бейлис В.М.* Сообщения Халифы ибн Хайята ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 40); Ал-Баладзори. Книга завоевания стран [Текст 4-х глав] / Текст и пер. с арабск. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1927. С. 16; Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben-Djarir-ben Jazid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mo'hammed Bel'ami d'argis les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury, par M. Hermann Zotenberg. I–IV. 1867–1874. P. 516

(Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табари / Пер. П. Тяжелова // Журнал мин-ва народного образования. 1844. Ч. 43. № 7, 8. С. 67–71); Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана: «Бревиарий» Никифора / Тексты, переводы, коммент. М., 1980. С. 67. Опираясь на данные Халифы ибн Хаййата вторжение хазар можно датировать ноябрем-декабром 730 г. (месяц *рамадан* 112 г.х.) (Халифа ибн Хаййат. С. 355 (Бейлис В. М. Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. С. 40; С. 50. Прим. 2)).

⁹ Bal'ami. P. 516.

¹⁰ См.: Бердзенишвили Н. А. Дороги Грузии в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966. С. 65 (на груз. яз.); Матиане Картлиса. С. 63. Прим. 6. По мнению Г. В. Дулая, Лекетская дорога – это путь, соединявший Кахети с Дагестаном (Летопись Картли. С. 79–80. Прим. 3. См. также: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 237. Прим. 271), по М. Джанашивили – «Лезгинская дорога» (Джанашивили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. С. 27).

¹¹ Баладзори. С. 16; Bel'ami. P. 516.

¹² Предположение о тождестве Блучана (в армянской версии «Картлис цховреба» – Булджан; см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 251) и Барсбека, имя которого в некоторых источниках передается как Бардженк (*Kazem-Beg M. A. Derbend-Nameh, or the History of Derbend... // Memoires l'Academie imp. des Sciences de St. Petersburg. 1851. T. 6. P. 628*), Бардженк (Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табари. С. 22) и т. д., выдвигалось и ранее, но оно не было подкреплено надежными аргументами.

¹³ М. И. Артамонов, напротив, с доверием относился к сообщению «Матиане Картлиса» о том, что Блучан был казнен хаханом (Артамонов М. И. история хазар. С. 251).

¹⁴ См.: Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princenton (N. Y.), 1954. P. 141.

¹⁵ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874. С. 21.

¹⁶ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1957. С. 78.

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. С. 30.

¹⁹ Армянская География VII в. по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Текст и пер. с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов. СПб., 1877. С. 38; Патканов К. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Март. С. 28.

²⁰ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 62.

²¹ О военной кампании хазар против арабов в 726–27 г. см.: Халифа ибн Хаййат. С. 351 (Бейлис В. М. Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. С. 39); Ибн ал-Асир. Т. IV. С. 199 (Пер. П. К. Жузе. С. 25–26).

²² Картлис цховреба. I. С. 250; Brosset M. Histoire de la Georgie. P. 258; Матиане Картлиса. С. 63. Прим. 8.

Summary

Semyonov I.

On Khazar General Bluchan's Raid on Georgia in the VIIIth Century

The stories of Georgian chronicles «Matiane Kartlisa» («Chronicles of Kartli») about the Khazar general Bluchan's raid in the Georgia must be tied with events by 730 when, according to at-Tabari, Ibn al-Asir, Levond and others, invasion of the Khazarian troops on the Transcaucasus took place. According to «Matiane Kartlisa» Bluchan took Georgian governor Juansher prisoner and delivered him to Khagan. Probably it was the result of the Khagan's claiming on the territory of the Georgia. However after seven years Juansher was free and returned to Georgia. Obviously it was connected with defeat of Khazarian army by Arabian general Marvan ibn Muhammad in 737. Khagan was forced to give up the Georgia to Arabs, and it was a reason for Juansher's discharge.

*Александр Тортика (Харьков)***Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства**

Вынесенная на обсуждение проблема династических браков, практиковавшихся государственной верхушкой Хазарии – сначала каганами, а затем и царями–беками, имеет, прежде всего, самостоятельное научное значение как исследование одного из направлений государственно-политической деятельности Хазарского каганата. Как представляется, специально, по крайней мере, в отечественной историографии, эта тема пока не рассматривалась.

Можно выделить несколько аспектов названной проблемы, требующих уточнения или отдельного изучения. Это, во-первых, распространенность названного явления в хазарской истории, его хронология. Во-вторых, круг контактов их регулярность и интенсивность в перечне тех государств и народов, с которыми заключались брачные союзы. В-третьих, те конкретные политические цели, которые ставили перед собой хазарские правители или их контрагенты в названной системе взаимоотношений. Очевидно, что в течение хазарской истории со второй половины VII по середину X в. политическая обстановка неоднократно менялась, менялись союзники или противники Хазарского государства и, соответственно, менялись направления брачных связей правящих родов Хазарии. Здесь одним из наиболее заметных становится вопрос о роли женщины – жены правителя, в политической жизни хазарского государства, а так же о статусе обитательниц гарема, имевших разное этническое происхождение. Наконец, в-четвертых, требуют изучения те политические традиции, с которыми связано заключение межгосударственных брачных союзов, их происхождение в Хазарии, то влияние, которое, возможно, оказали на их развитие более ранние или современные Хазарскому каганату империи и государства – Тюркский каганат, Китай, Иран, Византия и Арабский халифат.

В определенной связи с проблемой династических браков находится так же вопрос о характере и динамике развития хазарского «двоевластия» (точнее о времени смещения кагана

беком и о нарастающей полноте государственных функций последнего). Как отмечает К. Цукерман, на ранних этапах существования Хазарского государства династические браки были одним из признаков полновластия кагана: «каган принимал посольства, командовал войском, выдавал дочь или сестру замуж за иноземного правителя...»¹. Очевидно, что право на заключение династических браков является одной из важных прерогатив полновластного правителя. Его последовательная реализация, отраженная в источниках иностранного происхождения, позволяет хотя бы косвенно судить о внутригосударственных процессах и событиях.

Далее, как совершенно верно подчеркивал М.И. Артамонов², династические межгосударственные браки могут быть хорошим индикатором распространения мировых религий ближневосточного происхождения (иудаизма, ислама, христианства), адепты которых, особенно в средние века, избегали перекрестных брачных союзов, и считали их невозможными. В отличие от них язычники или представители традиционных религий и мировоззрений Среднего и Дальнего Востока (зороастризм, даосизм, конфуцианство, буддизм) считали допустимыми подобные браки. Также, при условии перехода в ту или иную мировую религию, брачный союз мог быть заключен между династическим представителем ближневосточной мировой религии и бывшим язычником (язычницей). Таким образом, в ходе изучения хазарской истории этот аспект может косвенно указать на время принятия иудаизма правящей верхушкой Хазарии.

Поставленные проблемы могут быть решены на основе традиционного для изучения хазарской истории и хорошо известного специалистам набора письменных источников, характеристика которых уже неоднократно производилась в научной литературе³ – это: закавказская армяно-албанская и грузинская традиции, арабо-персидская литература, еврейско-хазарские документы, византийские исторические произведения. Для проведения аналогий могут быть привлечены китайские источники, древнетюркские рунические надписи и Повесть временных лет.

Поскольку названные источники дают достаточно разнообразный и разнородный фактический материал, дальнейшее

изложение будет построено по тематическому принципу, а внутри тем по хронологии событий. Темы формулируются в результате вычленения основных направлений династических контактов Хазарского каганата, а их приоритет определяется тем значением, которое играли эти связи в политической практике каганата. Сначала будут рассмотрены данные по хазаро-византийским династическим связям, затем по хазаро-арабским, после этого брачные союзы с дружественными или равноправными племенами и народами, а в конце – будут даны сведения о принудительных браках с дочерьми потерпевших поражение и подчиненных хазарам вождей и правителей.

Одно из первых сообщений источников о попытке заключения брачного союза между Византией и сюзереном хазар – Западно-тюркским каганатом, связано с именем византийского императора Ираклия, который, во время военной кампании на Кавказе в 622 г. договорился о заключении династического брака с джебгу-каганом западных тюрков (Зиевиллом). Брак не состоялся, так как джебгу-каган (ябгу) погиб в междоусобной войне начавшейся в каганате. Византийская принцесса, дочь Ираклия от первого брака – Евдокия, уже отправившаяся в дорогу, видимо, с большим облегчением для себя узнала о смерти жениха и, по приказу венценосного отца, вернулась домой, так и не доехав до ставки тюрков.

Никифор пишет об этом брачном договоре следующее (событие датируется И.С. Чичуровым 622 г.): «...Ираклий упрочил договор – он показал турку изображение своей дочери Евдокии и сказал ему: “Бог соединил нас – явил тебя моим чадом. Вот дочь моя – августа ромеев. Если ты возьмешься вместе со мною за оружие и поможешь в борьбе с врагом, я дам ее тебе в жены”. Под влияние красоты и точности портрета тюрков воспылал любовью к оригиналу, и еще больше склонился к союзу. Тотчас же он передал императору архонта и множество тюрков»⁴. Далее, около 629 г. или, скорее, в 630 г. (год смерти ябгу западных тюрков): «Ираклий приказал своей дочери Евдокии отправиться [в путь] из Византия, так как он обручил ее с турком. Но когда он узнал, что тюрк погиб в сражении, то повелел ей вернуться»⁵.

По мнению И.С. Чичурова, женихом Евдокии мог быть ябгу-хаган западных тюрков Тунг ши-ху (Зеевил Феофана),

который и погиб в 630 г. Интересно, что в это время западные тюрки стремятся породниться с двумя императорскими дворами – византийским и китайским. В 625 г. Тун шеху-хан просил о браке китайского императора. Этот союз был необходим ему для повышения своего внешнеполитического престижа и получения поддержки Китая в борьбе с восточными тюрками. Китайцы медлили с ответом, лавируя между различными группировками тюрков, но, в конце концов, дали согласие на брак и даже нашли подходящую принцессу. Впрочем, и здесь брак не состоялся из-за начала военных действий между восточными и западными тюрками⁶.

Следует отметить, что во всех названных случаях установление брачных союзов было взаимовыгодным для участвующих сторон. Ираклий получил сильного и обязательного союзника в тяжелой и затянувшейся войне с Ираном – ябгу выполнял условия договора вплоть до распада тюркского каганата в 630 г. Тюрки воспользовались победоносными походами Ираклия для захвата Албании (по договору с Ираклием это была их зона влияния), создав ему тем самым безопасный тыл в Закавказье. Как было отмечено выше, брак не состоялся в силу объективных причин, тем не менее, было положено начало для продолжения подобных взаимоотношений в будущем. Основой этих отношений были, прежде всего, военно-политические интересы Византии на Кавказе и в Закавказье. Поскольку эти интересы были всегда актуальны, то постоянно существовала и потенциальная возможность для заключения военно-политического союза, скрепленного брачным договором, с той стороной, которая могла помочь Византии в реализации ее планов. С последней четверти VII в. такой силой на Юго-востоке Восточной Европы становятся хазары. В результате очень скоро они становятся участниками событий, одним из последствий которых было заключение первого династического брака между Хазарским каганатом и Византийской империей.

Феофан Исповедник так пишет об этих событиях (И.С. Чичуров датирует отрывок 704/705 г., К. Цукерман 700 г.⁷): «Когда Юстиниан, живший [в то время] в Херсоне, заявил, что вновь собирается царствовать, тамошние жители, убоявшись опасности со стороны империи, решили либо убить его, либо выслать василевсу. А он, проведая [об этом], смог

спастись бегством и, достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с великими почестями, и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое время Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой. Услышав про это, Апсимар послал хагану [посла], обещая ему множество даров, если он перешлет ему живого Юстиниана, если же нет, то хотя бы его голову. Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а [сам] приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только им дадут знать. Но, так как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, [все] стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же Юстиниан поступил и с архонтом Валгицем. [Затем] он немедленно отсылает Феодору в Хазарию, а сам, тайно сбежав из Фанагории, прибыл в Томы»⁸.

Далее, в 706/707 г. вернув себе престол: «...Юстиниан послал флот, чтобы привезти их Хазарии свою жену, но многие корабли затонули вместе с людьми. Хаган, услышав об этом, пишет ему: “О неразумный, неужели тебе недостаточно было двух или трех кораблей, чтобы забрать свою жену и не погубить [при этом] столько людей? Или ты считаешь, что и ее возьмешь в сражении? Знай, у тебя родился сын, пошли [за ними] и возьми их”. Юстиниан, послав кувикулярия Теофилакты, привез Феодору и Тиверия, ее сына, короновал их и они воцарились вместе с ним»⁹.

Статуя хазарской принцессы, а теперь императрицы Византии была поставлена в Константинополе рядом со статуей ее мужа. Есть предположение, что в связи с этим в столице империи побывал и сам хаган, чествование которого происходило у «Царской цистерны»¹⁰. Ал-Масуди называет жену Юстиниана дочерью «малика хазар». А.А. Новосельцев убежден, что в данном случае речь идет именно о хакане хазар¹¹, который в тот период хазарской истории еще обладал всей полнотой власти в государстве. После вторичного свержения Юстиниана II в 711 г. сам император был обезглавлен, а его

сын (зарезали, вытащив из церкви) и сторонники были убиты¹². Судьба хазарской принцессы не известна.

Итак, Юстиниан II был женат на хазарке, что позволило ему в какой-то период своего изгнания и ссылки даже пользоваться военной и политической поддержкой Кагана и получить убежище в Фанагории. Хазары, вероятно, предполагали, что в случае его возвращения в Византию, они смогут приобрести могущественного и благодарного союзника. Но хазарский каган ведет двойную игру и готовится убить Юстиниана, и только своевременное предупреждение жены спасло его от смерти в Фанагории. Как только их взаимные надежды не оправдались, Юстиниан II идет на союз с дунайскими болгарами (тактически это было выгодно, так как болгары находились в непосредственной близости от метрополии). После воцарения Юстиниана хазары сначала признают его, и отдают без препятствий жену и сына, но потом поддерживают восстание Вардана Филиппика. Жена Юстиниана, хазарка Феодора и их сын, внук или племянник кагана – Тиверий были официально коронованы и в течение 4 лет соправительствовали императору. Таким образом, династический брак в данном случае можно считать официально состоявшимся. Основной причиной этого брака было, по всей видимости, желание кагана вмешаться во внутренние византийские дела и тем самым укрепить свои позиции в Крыму, а так же приобрести сильного союзника в лице империи. По всем внешним признакам интрига закончилась удачно для хазар, но, вероятно, Юстиниан не оправдал каких-то надежд кагана, и был им снова предан. Не известно, пытался ли каган спасти свою сестру (или дочь) и племянника (или внука). Не было и мести за смерть племянника. Интересы политики оказались, в данном случае, сильнее родственных отношений.

Последний династический брак между Хазарским каганатом и Византией был и самым удачным в истории хазарских внешнеполитических связей. Как известно император Лев III в 732 г. женил своего сына Константина V на хазарской принцессе, дочери кагана – Чичак (в переводе – Цветок, Ирина после крещения). По Феофану произошло это следующим образом: «В этом году (732/733 г.) василевс Лев женил сына

Константина на дочери хагана, властителя скифов, обратив ее в христианство и назвав Ириной»¹³.

К. Цукерман напрямую связывает это событие с внешне-политическими интересами Византии. Хазары, верные союзническим отношениям, вторгаются в Закавказье, ослабляют арабов, и византийцы снова восстанавливают некоторые из своих владений в этом регионе¹⁴. Тот же автор настаивает на том, что брак Константина V был первым династическим браком в Византийской истории, с чем, нельзя согласиться. Даже если и не учитывать брака Юстиниана II и Феодоры, заключенного в период изгнания императора, то помолвка дочери Ираклия – Евдокии с ябгу-каганом западных тюрок была заключена вполне легитимно. Брак, безусловно, состоялся бы, будь жених жив. Следовательно, для Ираклия не было формальных препятствий для заключения подобного династического союза, либо он пренебрег этими препятствиями и традицией. Прецедент имел место. Интересно, что во всех описанных случаях инициаторами брака выступают именно византийцы.

Далее Феофан сообщает о том, что: «25 января, того же, 3-го, индикта (750 г.) у василевса Константина родился сын от дочери хагана Хазарии, которого он назвал Львом»¹⁵. Известно, что Лев IV Хазарин был византийским императором с 775 по 780 г. Насколько можно об этом судить на основе сохранившихся сведений источников Лев IV был одним из немногих (если не единственным) хазар полукровок – потомков династических браков, достигших власти и правивших в другом государстве. Для Византии это единственный случай.

Примерно в то же время, несколько позже Константина V, хазары заключают династический союз с еще одной могущественной военно-политической силой – арабами. Этот брак был инициирован арабской стороной. Как отмечал А.В. Гадло – «мир с хазарами был укреплен браком Язида ибн Усайда с дочерью кагана». По его мнению, этот брак свидетельствовал о завершении арабо-хазарских войн и признании южных границ и сферы влияния каганата¹⁶.

Язид ибн Усайд ас-Сулами был наместником Армении с 752/3 г. до 70-х гг. VIII в. Идея брака с хазарской принцессой исходила от халифа Мансура (754 – 775 гг.), который рассчитывал таким путем вступить в союз с каганом. По данным

ал-Балазури это произошло следующим образом: «Когда халифом стал Мансур, он назначил правителем Азербайджана и Армении Йазидом ибн Усайда ас-Сулами. Он [Йазид] завоевал Баб ал-Лан и разместил в нем гарнизон и наемников. Затем он подчинил санаров, и они обязались вносить харадж. В это время Мансур написал ему письмо, в котором указывал установить родственные отношения с царем хазар. [Йазид] исполнил это»¹⁷. Наиболее подробно об этом браке пишет Ибн А'сама ал-Куфи¹⁸. Брак это мотивировался арабами тем, что было необходимо обезопасить от набегов хазар закавказские владения Халифата. Единственным способом достигнуть мира халиф считал союз с каганом, закрепленный браком с правителем Армении. Язид выполнил поручение халифа, и попросил у кагана руку его дочери – Хатун (видимо все-таки не имя, а статус – принцесса). Гевонд сообщает об этом же событии следующее: «Во время своего управления Езид отправил депутацию к царю севера, которого звали Хаганом, с целью породниться с ним, чтобы через то соблюсти мир с ним и с войсками хазарскими»¹⁹. Каган согласился, отдал дочь и дал за нее богатое приданое (100 тысяч дирхемов, 4 тысячи кобылиц с жеребятками, 1 тысяча мулов, 10 тысяч хазарских верблюдов мелкой породы, 1 тысяча двугорбых бактрийских верблюдов, 100 тысяч овец, 10 крытых повозок с дверями, обитыми серебряными и золотыми пластинами, внутри устланных черным мехом и обтянутых парчой, 20 повозок с драгоценностями и утварью). Сопровождали принцессу 10 тысяч хазар из лучших фамилий – поистине «царский поезд»²⁰.

Хатун приняла ислам, вышла замуж за Язида и прожила с ним 2 года и 4 месяца, родив двух детей²¹. К сожалению и она и ее дети умерли. Ал-Куфи сообщает, что «Йазид страшно горевал по ней»²², но по данным Гевонда хазары решили, что это было сделано арабами умышленно, и совершили набег на Закавказье²³. «Собрав огромное войско, они двинулись на мусульман и вскоре вышли из Баб ал-Абваба...»²⁴. Брак между Язидом и хазарской принцессой М.И. Артамонов датировал 759/760 гг., а набег хазар, соответственно, 762/763 гг.²⁵. Затем в 764 г. состоялся еще один набег. Оба набега были достаточно разрушительными, и принесли большой ущерб арабам. Были разбиты их армии, а территория Албании была подвергнута

разграблению. Так же как и приданое, выделенное каганом, месть хазар за якобы убитую (отравленную) Хатун и ее детей по своим масштабам соответствовала статусу принцессы – дочери кагана: «И не видели муслимы дня страшнее этого, ибо было убито огромное их число... Хакан же, и его воины ушли, захватив такое количество добычи, что описать невозможно»²⁶.

Следующая попытка династического брака между арабским наместником в Закавказье и фамилией хазарского кагана (возможно легендарная) так же закончилась неудачно. Претендентом со стороны арабов был ал-Фадл ибн Яхья ибн Халид ал-Бармаки, сын везира и молочный брат халифа Харуна ал-Рашида. В 791 г. он был назначен наместником Армении, Азербайджана, Мидии и Каспийских провинций. После неудачной попытки воевать с хазарами он решил жениться на дочери кагана. Каган, по всей видимости, согласился и в 798/9 гг. отправил свою дочь Суб-т (С-бу-т) в Закавказье. По неизвестной причине принцесса умерла в дороге. Сопровождавшие ее тарханы сообщили, что она была коварно убита арабами. Вслед за этим каган вторгся в Закавказье, и мстил за дочь, повсеместно убивая арабов²⁷.

Оба описанных случая династических браков между наместниками халифа в Армении и хазарским каганом были инициированы арабами. Оба брака закончились плачевно для хазарских невест, а затем и для арабов и не привели к установлению долговременных и стабильных мирных отношений. Следует отметить, что и византийцы и арабы сватаются к хазарам на протяжении практически всего VIII в. К началу – первой трети века относится время заключения таких браков византийцами (Юстиниан II – 700 или 704 г., Константин V – 732 г.). Во второй половине века брачными партнерами хазар пытаются стать арабские наместники Армении (Язид – около 760 г. и Фадл Бармаки – около 798 г.).

Ни в IX, ни тем более в X в. хазары больше уже не заключают династических браков такого высокого межгосударственного уровня. Возможно, что это объясняется, в первую очередь, определенной стабилизацией военно-политической обстановки. Устанавливается некоторое, хотя и очень неустойчивое равновесие между Византией и Арабским Халифатом²⁸. Войны продолжают, но они уже не требуют вмеша-

тельства третьей силы и заключения брачных союзов с хазарами.

Возможно, прекращение подобных брачных союзов можно объяснить и фактом иудаизации хазарской верхушки, которая, в соответствии с известным сообщением ал-Масуди, произошла как раз на рубеже VIII и IX вв. Впрочем, необходимо отметить, что К. Цукерман, вслед за Марквартом и Г. Вернадским, достаточно доказательно настаивает на том, что это обращение произошло не ранее 861 г., после неудачной миссии к хазарам Константина – Кирилла Философа.

Наконец, с конца первой трети IX в. века начинается постепенное ослабление Хазарии, степи между Доном и Днепром занимают венгры, а с 889 г. печенеги. Это, вероятно, снижает роль хазар в Причерноморском регионе. С другой стороны в своих военно-политических и экономических интересах они начинают в большей степени ориентироваться на местные народы Восточной Европы и каспийско-волжскую торговлю. В X в. Хазарский каганат настолько ослаблен, что его правители могут претендовать на заключение браков только с представителями местных племен и небольших государств. Кроме того их иудаизм, хотя бы и формальный, в это время уже не вызывает сомнения. Очевидно, что это представляло серьезные затруднения для заключения браков с потомством христианских или мусульманских династий.

Кроме брачных союзов с крупными средневековыми государствами, такими как Византия и Арабский Халифат, хазары с самых первых шагов своей истории практикуют союзнические и, иногда, равноправные брачные договоры с представителями восточноевропейских племен и народов. В краткой версии Армянской Географии, в одном из первых известных и достоверных упоминаний о хазарах говорится о том, что: «Царем севера является хакан, государь хазар. Царица, или хатун, жена хакана, из народа басил»²⁹. М.И. Артамонов считал барсил болгарами, проживающими в северо-западном Прикаспии, близкую точку зрения разделяли А.В. Гадло и А.П. Новосельцев. К. Цукерман располагает раннюю Барсилию армянских источников в Волго-Камье, что сомнительно. В любом случае традиционный выбор главной жены хазарского кагана – хатун из представительниц одного и того же

кочевого племени подчеркивает особое, практически равное хазарам положение этого племени в каганате. Точных данных о том, сохранили ли хазары подобную традицию до конца своей истории, нет, но это вполне возможно. Догадку подтверждают косвенные данные арабо-персидских авторов и еврейско-хазарской переписки, которые будут рассмотрены ниже.

Барсилы были родственны хазарам, и входили в состав их объединения, поэтому брачные отношения с ними носили фактически внутренний и традиционный характер. В то же время, уже к первой трети VIII в. относятся данные о заключении хазарами браков с представителями других, независимых от них народов. Прочти в одно время с Константином V, родственные отношения с хазарским каганом устанавливает владетель Абхазии Леон I. Он был женат на дочери кагана, т.е., возможно, на сестре или племяннице жены Константина V. Ребенок, родившийся в этом браке – Леон II в середине 70-х – начале 80-х гг. VIII в. отложился от Византии и, пользуясь поддержкой хазар, стал независимым царем Абхазии³⁰. Он, с точки зрения династических связей, мог чувствовать себя достаточно уверенно и в отношениях с византийским императором, поскольку был двоюродным братом или племянником Льва IV Хазарина³¹.

Следующий пример равноправного союзнического брака связан с хазаро-венгерскими отношениями в период пребывания венгров в Восточной Европе. Константин Багрянородный пишет о том, как венгры: «...жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой»^{32,33}. М.И. Артамонов датировал это событие серединой IX в³⁴.

Венгры, как известно, были нужны хазарам, прежде всего, для борьбы с печенегами. По мнению К. Цукермана, заключение такого брака, когда хазарка была отправлена в кочевья венгров, означало признание Леведии в качестве независимого правителя, но не подчинение венгров хазарам. В пос-

леднем случае, по его мнению, в хазарский гарем попала бы знатная венгерская девушка³⁵. В то же время, исходя из всего контекста сообщения Константина Багрянородного, следует, что венгры в это время находились в дружественных отношениях с хазарами и, хотя бы формально, признавали их сюзеренитет (избрание Арпада предводителем венгров обсуждалось с хазарами, и произошло с их согласия и при их участии)³⁶.

Напротив, у покоренных владетелей хазары забирали дочерей в гарем кагана или царя, получая, таким образом, своего рода заложниц, которые должны были обеспечить большую сговорчивость и послушание их отцов и братьев. Еще в самый ранний период существования хазарского государства в 70-е гг. VII в. предводитель гуннов Прикаспийского Дагестана Алп-Илитвер «принужден был дать» свою дочь в супруги кагану (сведения «Хроники Михранидов»). Этот факт А.В. Гадло рассматривал как признак его вассальной зависимости от хазар³⁷. В то же время этих гуннов нельзя считать барсилами, т.е. речь в данном случае идет не о хатун, а об одной из многочисленных жен или наложниц кагана, происходящих из числа дочерей подвластных вождей и правителей. Интересно, что несколько ранее состоялся брак другой дочери Алп-Илитвера с князем Джуаншером – правителем Албании. В этом случае гунны выступали если не в качестве сюзеренов албанского князя, то, по крайней мере, в качестве равной силы и обеспечивают себе этим браком политический союз с Албанией³⁸.

Один из случаев такого брака по принуждению, ставших известными авторам письменных источников, датируется первой половиной VIII в³⁹. Тогда хазарский хакан организовал поход в Грузию, и пытался принудить грузинских князей выдать за него их сестру⁴⁰. В «Матиане Картлиса» («Летопись Грузии») содержится предание, согласно с которым каган сватался к младшей дочери царя Грузии Арчила – Шушан(е): «В царствование Иоане и Джуаншера хазарский хакан, прельщенный красотой младшей сестры царя Иоане, по имени Шушаны, предложил царю выдать за него замуж сестру свою, а взамен этого обещал свое содействие в борьбе против арабов⁴¹. К наследникам Арчила, братьям грузинской принцессы – Иоане и Джуаншеру, был послан хазарский посол, который

просил ее руки для кагана, и обещал помочь в борьбе с арабами. Грузины отказали в браке. Хазары ответили войной. «Получив отказ, хакан послал своего полководца Блучана в Грузию по лезгинской дороге»⁴². Была взята крепость, в которой скрывалась Шушан(а) и один из ее братьев – Джуаншер. Ряд областей Грузии, в том числе и Тбилиси, были разгромлены, и хазарское войско отправилось назад. Но Шушан(а) отравилась ядом, спрятанным в перстне и умерла где то в районе Дарьяла. Не уследивший за ней хазарский военачальник – Блучан был казнен (обезглавлен) каганом «только потому, что он не сумел доставить труп умершей красавицы Шушан», а брат Шушан(ы) – Джуаншер, провел семь лет в плену у хазар в качестве заложника, «а затем с великими почестями был отправлен на родину»⁴³. М.И. Артамонов считал сведения этой легенды вполне вероятными и соответствующими реалиям хазарской политике на Кавказе и в Закавказье⁴⁴. В это время правом межгосударственных браков пользуется именно каган. Его прерогативы однозначны, а неудача сватовства вызывает гнев и неприятные последствия для виновников (упрямых братьев царицы, прежде всего Джуаншера и незадачливого военачальника хазарского войска – Блучана).

Ибн-Фадлан, побывавший на Волге и в Булгаре в 921 г., однозначно пишет о браках по принуждению как об устоявшейся и хорошо известной соседям практике правителей Хазарского каганата: «...У царя хазар двадцать пять жен, причем каждая из них – дочь какого-либо царя соседних земель. Он берет их себе волей или неволей»⁴⁵. Кроме названного числа жен у царя было еще 60 наложниц, причем каждая из них жила в отдельном помещении, судя по описанию – юрте⁴⁶.

Как совершенно верно отмечал Б.Н. Заходер, в числе царей, дочери которых пополняли гарем кагана (или все же царя – А.Т.) были главы не только собственно-хазарских родовых объединений, но и соседних с ними народов и племен⁴⁷. В частности Ибн-Фадлан рассказывает о том, как царь Хазарского каганата используя военную демонстрацию принудил к браку дочь правителя Волжской Булгарии Алмуша: «До царя хазар дошла [весь] о красоте дочери царя “славян”, так что он послал сватать ее. А он высказался против него, и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой, хотя

он иудей, а она мусульманка. И так, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя “славян”, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой»⁴⁸. Очевидно, что не каган, лишенный к тому времени всех властных функций, а именно царь (бек) Хазарии взял себе в жены знатную болгарку. Когда она умерла, то он же претендовал на брак с ее сестрой.

О том как «экскурсиократор» алан был вынужден отдать свою дочь в жены сыну хазарского царя, сообщает анонимный автор Кембриджского документа – Текста Шехтера: «...в дни Аарона царя царь алан воевал против казар, потому что подстрекал его царь Греции. Но Аарон нанял против него царя TWRQY’, так как он [был силен]. Царь Алан пал перед Аароном, и (последний) захватил его в плен живым; но [царь] оказал [ему ве]ликий почет и взял его дочь в жены своему сыну, Иосифу. Царь алан поклялся ему в верности и царь Аарон отпустил его в его [з]емлю...»⁴⁹. Иосиф был последним царем (беком) Хазарии в X в., имя которого известно авторам письменных источников. Именно от его лица составляется ответ на запрос Хасдая ибн Шафрута. Его предшественник, возможно отец, принуждает к браку болгарку. Он сам женат на аланке. Очевидно, что династические браки в это время становятся полной прерогативой хазарских царей – беков и, вероятно, уже не могут практиковаться каганами.

По мнению одного из авторов последней публикации приведенного выше документа – О.И. Прицака, в данном отрывке речь идет о событиях, происходивших в 20 – 30-е гг. X в. В целом с ним солидарен М.И. Артамонов, который считал, что результатом этого брака стало изгнание из Алании епископа и священников и отречение аланских князей от христианства в 932 г.⁵⁰.

Следует отметить, что почетное, с точки зрения константинопольского еврея – гипотетического автора Текста Шехтера, замужество дочери аланского царя, могло восприниматься самым предводителем алан как большое несчастье и унижение. Об этом свидетельствует, в частности, подобная же ситуация, описанная в «Записке» Ибн-Фадлана. Именно

так воспринимал необходимость заключения родственных отношений с хазарским царем предводитель болгар Алмуш, который поспешил поскорее выдать другую дочь за вождя одного из подвластных ему племен, только для того, чтобы и она не отправилась к хазарам. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что, казалось бы, уже замиренный царь – экскурсиократор Алании через какое-то время (20–30 лет) после войны описанной в тексте Шехтера, снова нападает на хазар на дороге к «Климатам», и настроен по отношению к ним явно враждебно⁵¹.

Происхождение 25 жен, положенных по регламенту хазарскому царю, можно гипотетически реконструировать на основе сообщений источников о племенах и народах, входивших в состав Хазарии. Наиболее подробный перечень таких народов содержит еврейско-хазарская переписка. Он может быть восстановлен на основе обеих (краткой и пространной) редакций ответа Иосифа Хасдаю ибн Шафруту. В «краткой редакции» говорится о том, что на севере и северо-востоке Хазарского государства Иосифу подчиняются и платят дань «девять народов»⁵². «Пространная редакция» в соответствующем месте дает перечисление этих народов, правда, здесь их уже не девять, а восемь. Это – «Бур-тс, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн» (соответственно – это: буртасы, волжские болгары, савиры или сувары, эрзя, черемисы, вятичи, северяне, славяне)⁵³.

Далее перечисляются народы и пункты северо-западного Прикаспия, и северного Предкавказья, вплоть до Черного моря. По версии «краткой редакции», здесь расположено 15 подчиненных хазарам народов. В их числе по данным «пространной редакции»: (1)⁵⁴ «С-м-н-д-р в конце (страны) Т-д-лу» и местность, расположенная вдоль Каспия вплоть до Дербента, т.е. территория страны или «царства гуннов».

Затем народы названы в направлении на запад, вдоль Кавказских гор – это: (2) «Азур, в конце (страны) Б-г-да, (3) С-риди, (4) Китун, (5) Ар-ку, (6) Шаула, (7) С-г-с-р-т, (8) Албус-р, (9) Ухус-р, (10) Киарус-р, (11) Циг-л-г, (12) Зуних, расположенные очень высоко в горах, (13) все аланы до границы Аф-кана, (14) все живущие в стране Каса и (15) *все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул до границы моря Кустандины...*»⁵⁵. Если

принять последнее обобщение трех племен – «все (племена)» за один пункт, то можно говорить о том, что данные «пространной редакции» практически полностью совпадают с числом 15 «краткой редакции», если нет, то перечислено 17 народов и пунктов. Среди этих позиций очевиден Семендер на северо-западном берегу Каспийского моря, аланы и касоги в северном и северо-западном Предкавказье, этническое определение других народов имеет много разночтений, вызывает затруднения специалистов да и не требуется в настоящем контексте.

В следующем списке «краткая редакция» насчитывает 13 народов и мест, а «пространная» относит к их числу: «Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин»⁵⁶ – ровно 13 наименований. Все эти пункты давно определены. Известно, что первым здесь назван Саркел на Дону, затем Таматарха на Таманском полуострове, все остальные пункты от Керчи и до Гурзуфа расположены на территории Крыма.

Наконец, последним народом, который, по версии царя Иосифа, подчиняется хазарам и платит им дань, названы печенеги – Б-ц-ра, кочующие неподалеку от Днепра – Ва-г-з (Юг-з)⁵⁷.

Всего в результате проведенных подсчетов получается, учитывая неточности и разночтения между «редакциями» ответов Иосифа, от 37 до 40 подчиненных народов, областей и пунктов. Уже давно общим местом стало утверждение о том, что во время правления Иосифа, большинство из названных народов и местностей не подчинялись Хазарскому каганату, это очевидно. Тем не менее, приведенный список дает представление о том, что названные Ибн-Фадланом цифры в свое время вполне соответствовали реальности. Действительно правитель Хазарии мог иметь 25 (и более) жен, являвшихся дочерьми правителей подчиненных ему народов. Среди них, учитывая так же и данные других источников (ПВЛ, арабских авторов), в разное время могли быть: барсилки – хатум, аланка с Северного Кавказа, болгарка из Волжской Булгарии, представительница гуннов прикаспийского Дагестана, дочери племенных вождей бургассов, касогов, вятичей, северян, полян, радимичей, венгров, гузов, различных горских народов Северного Кавказа, правителя Крымской Готии (Мнк-т – Мангуп) и тд. Проследить эти династические связи

точнее, в их конкретном проявлении и развитии, не представляется возможным в силу отсутствия соответствующих сведений источников.

Здесь очень удобной оказалась распространенная среди кочевников, независимо от их религии, норма многоженства предводителя – кагана или бека-царя. Очевидна и определенная дифференциация жен кагана, а с конца IX в. и царя, статус которых, вероятно, должен был зависеть от значимости в политике хазар того государства или племени, представительницами которого они являлись.

Уже отмечалось, что в ранний период хазарской истории первой и главной женой кагана была представительница барсислов. Не известно, сохранилась ли эта традиция до последних лет существования каганата. В любом случае статус первой жены – хатун был весьма высок. Известно, что в 730/1 гг. во главе Хазарского каганата стояла женщина – мать умершего кагана – Парсбит⁵⁸. По мнению М.И. Артамонова она, возможно, выступала в роли опекуни несовершеннолетнего кагана⁵⁹.

К началу IX в. относятся события, о которых сообщает Масуди. Здесь хазарский посол рассказывает везиру халифа Мамуна (813–833 гг.) о том, что, когда однажды у хазар был голод, некая хатун – «сестра хазарского царя» убедила народ подчиниться божьей воле. Трудно согласиться с М.И. Артамоновым, который считал, что ее брат был «низшим царем», в то время как существовал и некий «высший царь»⁶⁰. Видимо, «низшего царя» можно квалифицировать как бека, а «высшего царя» как кагана Хазарии, который тогда еще обладал реальной властью. Вспомним, что примерно в то же время (около 834/6 г.) в обращении к византийскому императору Феофилу с просьбой о строительстве Саркела фигурируют хаган и пех Хазарии⁶¹. Следовательно, в качестве хатун в данном случае логичнее всего рассматривать родственницу – жену, сестру, дочь, именно «высшего царя», т.е. кагана Хазарского каганата.

Особый интерес вызывает так же обращение этой хатун к «божьей воле» в описанном ал-Масуди конфликте с голодным хазарским народом. Такая форма обращения, если она действительно имела место, может косвенно свидетельствовать, вопреки мнению К. Цукермана, и об иудаизме хазар уже в это время.

Как уже отмечалось выше, анализ проблемы осложняется известным «двоевластием» хазар, точнее сменой правящей династии ко второй половине – концу IX в., когда каган потерял реальную власть, и Хазарским каганатом реально правят представители династии беков – цари Хазарии⁶². В этих условиях царь-бек также как и в свое время каган имеет главную жену, которая, после смерти мужа сохраняет важное положение своего рода «вдовствующей хатун» (если допустимо такое выражение) при своем сыне. Об этом сообщает Иосиф: «...я живу у этой реки (Итиля – А.Т.), с помощью всемогущего, и у меня есть в моем царстве три города. **В одном (из них) живет царица со своими прислужницами и евнухами.** Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов...» – «Краткая редакция»⁶³. «Пространная редакция» уточняет: «Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. **В одном (из них) живет царица; это город, в котором я родился.** Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину), описывает окружность, расположен в форме круга»⁶⁴. По мнению А.Я. Гаркави, с которым согласен и П.К. Коковцов⁶⁵, здесь идет речь именно о матери царя хазар. Действительно – Иосиф здесь «родился», соответственно в этой части Итиля должна проживать его мать.

Таким образом, очевидно наличие «хатум» и в семейно-династической традиции беков-царей. Она была главной женой, матерью наследника и даже после смерти царя-отца при царе-сыне сохраняла за собой очень высокий социальный и государственный статус. Это характерно для кочевников, сходная ситуация существовала, например, в крымском ханстве. Хотя Иосиф отмечает свое тюркское происхождение, и говорит о том, что только сын наследует место отца в его династии, это не мешает предположить, что его мать (жена кагана) могла быть и иного, не хазарского этнического происхождения. Если каганы брали за себя барсилы, то совсем не обязательно, что цари-беки сохранили такую же традицию. Скорее наоборот. Неизвестно, какого точно она была происхождения, если исходить из данных Текста Шехтера – то в отдельных случаях можно предположить и еврейские корни жены царя-бека.

В этом источнике говорится о том, что представители первой волны еврейских переселенцев в Хазарию, бежавшие от «ига идолопоклонников» (как принято считать, это событие произошло где-то в первой половине VII в.) «породнились путем браков с жителями этой страны, смешались с язычниками». Они получили одинаковые права с аборигенами – хазарами, поскольку «научились делам их, и всегда выходили с ними на войну; и они стали одним народом». Жена хазарского главнокомандующего – некая еврейка по имени Серах, была в состоянии религиозно повлиять на своего мужа и способствовала тому, что он прошел обряд обрезания, стал ортодоксальным иудеем и принял имя Сабриэль⁶⁶. В документе сказано, что Сабриэль был не хазарином, а евреем, забывшим традиции иудаизма и сделавшим военную карьеру у хазар. Даже если это и так, то все равно он – главный военачальник может рассматриваться как представитель высшей хазарской знати и его семейные отношения, в какой-то степени отражают принятые среди знатных хазар. Как следует далее из текста легенды, Сабриэль, в дальнейшем, стал царем Хазарии, т.е., возможно, родоначальником той династии беков-шадов, которая со временем, в течение IX в. узурпировала власть у династии каганов. Если это так, то цари-беки, инициировавшие в свое время принятие иудаизма хазарской аристократией, в качестве главных жен могли брать если и не евреек, то представительниц хазарских родов принявших иудаизм.

Следует, впрочем, помнить и о том, что Текст Шехтера был написан, скорее всего, константинопольским евреем, жившим или часто бывавшим в Хазарии и представляет собой неофициальную версию принятия иудаизма в качестве государственной религии Хазарского каганата. В официальной версии, изложенной в обеих редакциях письма Иосифа, первого прозелита зовут Булан, он явно хазарин, а его жена не только не принимает никакого участия в его религиозном просвещении, но и вовсе не упоминается в тексте источника. В этой связи сообщение Текста Шехтера необходимо рассматривать не как однозначный факт, а как прозелитическую легенду, содержащую только некоторые элементы позитивной информации. Роль Серах может быть преувеличенной, если не выду-

манной вообще, с целью усиления впечатления о роли ранней еврейской общины Хазарии в иудаизации своих патронов.

Так или иначе, и у каганов и у беков Хазарского каганата на всем протяжении его истории существовал институт хатун – старшей жены, матери или сестры, а иногда и дочери правителя. Старшая жена, вероятно, была матерью наследника, а после смерти мужа при несовершеннолетнем сыне выступала в роли правительницы–опекуниши. При взрослом сыне она сохраняла высокое социальное и, возможно, политическое положение и даже имела свой отдельный двор – «вдовствующая хатун».

Сестра кагана так же иногда выступала в роли хатун, возможно, что после смерти матери кагана, и могла иметь некоторое влияние и авторитет во внутренних делах. Сестры кагана могли быть участницами международных браков высокого уровня, как, например, в случае с императором Византии Юстинианом II. Чаще замуж выдавали дочерей кагана, которых, вероятно, было немало. Возможно, что не все они происходили от первой жены – хатун и, поэтому довольно свободно выдавались за относительно незначительных правителей (Абхазии или Венгрии). Иногда это могли быть и дочери от главной жены, своего рода «принцессы крови». Логично предположить, что на такой принцессе был женат Константин V. В сообщении о браке с арабским наместником Армении – Язидом, фигурирует дочь кагана – Хатум, т.е. принцесса. Ее имя – титул, описание богатого приданого, которое дал за нее отец, а так же кровавой мести арабам за ее смерть, свидетельствует о том, что она была дочерью кагана от главной и возможно уже покойной жены, поскольку унаследовала ее звание.

Этническое происхождение хатун на всех этапах хазарской истории, скорее всего, не могло быть одним и тем же. Менялись политические приоритеты и союзы. Произошла смена правящей династии Хазарского каганата. Если есть данные о том, что в VII в. хазарские каганы брали за себя барсилок, то в дальнейшем они могли быть и иного происхождения. Источники донесли до нас несколько имен хазарских женщин. Прежде всего – это Феодора, жена Юстиниана II, названная так, по всей видимости, после крещения. Около 730 г. Хазарией правит Парсбит, имя которой, возможно, имеет иранский характер (аланка?). Далее, в хронологическом

порядке, следует назвать Чичак – Ирину, имя которой считается однозначно тюркским и переводиться как «Цветок». Затем следует Хатун – жена Язида, вместо имени автор источника назвал в данном случае тюркский термин, обозначающий именитую женщину, аристократку. Потом в списке идет умершая на пути к своему арабскому жениху Суб-т (С-бут). Ее имя не поддается точной идентификации, но, возможно, так же имеет тюркское происхождение. И, наконец, последней должна быть названа еврейка Серах, жена Сабриэля по Тексту Шехтера. Все эти имена, за исключением последнего, относятся к VIII в. и свидетельствуют о значительной этнической пестроте хатун, что в очередной раз отражает сложный этнический состав населения Хазарского каганата и его многочисленных соседей.

К первой половине – середине X в. большинство народов Юга Восточной Европы выходит из Хазарского каганата и обеспечение положенного по этикету количество жен хазарского царя становится все более трудным делом, а внешняя политика хазар терпит одно поражение за другим. Усиливаются другие объединения и племена, которые успешно конкурируют с хазарами, и используют сходные методы политических взаимоотношений друг с другом. Благодаря ал-Мас'уди известно, что в середине X в. между царем алан и царем Серира (Горный Дагестан) существовали брачные связи. Они были женаты на сестрах друг друга⁶⁷. Поскольку, как отмечает А.В. Гадло, в это время царь Серира совершает регулярные набеги на хазар, такой брачный союз можно рассматривать как объединение против хазарского господства в регионе⁶⁸. Эта мысль находит подтверждение у Константина Багрянородного, который однозначно говорит о напряженных отношениях между хазарами и аланами и о реальной возможности нападений алан на «Климаты» Хазарии и на караваны хазар, идущие в Крым.

Очевидно, что описанные выше династические браки и браки-заложничества были нормой тогдашних политических внутри – и межгосударственных отношений, а не исключением из правил. Такие отношения были широко распространены и в других средневековых государствах, каганатах, империях. Вероятнее всего, в случае с хазарами традицию заключения

таких браков и способы их использования в политике следует рассматривать как результат политической практики Китая, воспринятой сначала Тюркским каганатом, а от последнего унаследованной и хазарами. Как отмечает скептически настроенный, по отношению к идее преемственности хазарского государства от тюрков, К. Цукерман: «несмотря на то, что имеющиеся источники явно не поддерживают гипотезу о происхождении хазарских каганов от династии Ашина, принадлежность Хазарского государства тюркской традиции несомненна»⁶⁹. По этому же поводу П.Б. Голден писал, «что Хазарский каганат являлся государством, привнесенным в Западную Евразию извне. Его формы управления, иерархию, должности следует искать в институтах тюркского каганата, с историей которого его образование тесно переплеталось»⁷⁰.

В политической практике Тюркского каганата можно найти много примеров, подтверждающих эту мысль. Тюрки широко практиковали династические браки с самыми разными народами и государствами, и использовали их как действенное орудие для заключения союза или подчинения противников. Уже приводился выше рассказ Феофана о помолвке между джебгу-каганом западных тюрков и Евдокией, дочь Ираклия. Этот союз имел прямые внешнеполитические последствия, и был связан с войной против Ирана, которую совместно вели тюрки и византийцы.

Об использовании тюрками брачных союзов начиная с VI в. неоднократно сообщают раннесредневековые китайские авторы. Известно, что первый тюркский каган Тумынь (Ильхан) в 536 г. победил и покорил телесцев. После этого: «Полагаясь на свою силу и многочисленность он просил брака у жужаньского государя. Анахуань крайне разгневался и послал нарочного с таким ругательным ответом: “Ты мой плавильщик: как же осмелился сделать такое предложение?” Тумынь также рассердился и убил посланного; после сего прервал связь с ханом, и просил брака у западного дома Вэй. Вынь-ди согласился, и в... (551 г.) выдал за него Чань-лэ царевну»⁷¹.

Династический союз с той или иной державой был индикатором внешнеполитического статуса кочевого объединения или каганата, его военной мощи и политического признания. Тюрки восприняли отказ в браке со стороны кагана жужаней как

оскорбление, и вскоре разгромили этот народ. С другой стороны их требования по отношению к жужаням имели целью демонстрацию своей возросшей силы, и были направлены на подчинение последних. Так же и хазары принудили к династическому союзу Алп-Илитвера, предводителя гуннов Дагестана, Алмуша – царя Волжской Булгарии, «экскурсиократора» Алании, пытались путем прямого насилия и войны добиться брака с грузинской принцессой – Шушан. Эти примеры датируются всем временем существования хазарского государства, начиная с конца VII и по середину X вв., и свидетельствуют об устойчивости и традиционности такого поведения.

Династическая активность тюрков распространялась и на западных государей. Около 562 г. хан Истеми отдал свою дочь за Хосроя Ануширвана. Этот брак был призван укрепить союз тюрков и Ирана против эфталитов, война с которыми длилась с 563 по 567 гг.⁷².

Чаще всего тюрки заключали брачные союзы с Китаем. Пока Китай был раздроблен, правители разных государств конкурировали в борьбе за родство с ханом тюрков, и использовали этот фактор для ослабления друг друга в междоусобных войнах. Так около 561 г. противоречия возникли между династиями Чжоу и Ци. Чжоу были заинтересованы в союзе с тюрками, и ожидали от них военной помощи. «Еще в царствование Гун-ди Кигинь помолвил дочь свою за Чжоувинь, но государь до заключения договора преставился. Вскоре Кигинь и другую дочь помолвил выдать за государя Ву-ди [из династии Северной Чжоу, сменившей западную Вэй в Чанань]; но еще до выдачи ее Дом Ци также отправил посланника просить о браке. Кигинь, в надежде получить богатые подарки, хотел отказать первому. Ву-ди отправил Ян Цянь, губернатора области Лян-чжоу, и князя Цин для заключения договора. Цин убедил хана держаться верности и справедливости. И так Кигинь прекратил связь с домом Ци, и утвердил брак с домом Чжоу»⁷³. Результатом стал совместный поход войск Чжоу и тюрков на Ци. Около 567 г. дочь Кигиня действительно была отправлена к императору, и вышла за него замуж.

Затем в 579 г. император Северного Чжоу выдал за Тобохана «дочь князя Чжао с наименованием Цянь-гинь царевны»⁷⁴. Впрочем, этого брака Тобохан добился путем запуги-

вания и принуждения китайцев, благодаря нескольким успешным набегам и пограничным стычкам. Интересно, что в дальнейшем Цянь-гинь играла важную политическую роль во взаимоотношениях между Китаем и тюрками в период правления Шаболио-хана (Нйету). Вероятно, последнему она досталась по наследству, как бывшая жена близкого родственника, что было вполне характерно для кочевников. Эта китайская принцесса на длительное время стала настоящей хатун, участвовала во внешней политике обоих государств, и пользовалась авторитетом.

После 581 г. отношения между Китаем и тюрками изменились. В 581 г. был уничтожен северный Чжоу и первым императором династии Суй стал Вынь-ди, который пренебрегал отношениями с кочевниками. В каганате же началась междоусобная война между Шаболио и Або. Шаболио был заинтересован в союзе с Китаем, и для осуществления своих планов использовал династические аргументы. Сначала его жена «Цянь-гинь царица в представлении просила государя поступить с ханом как с сыном». Затем «Шаболио отправил ко двору посланника с грамотою, в которой писал: "... Император, отец моей жены, следовательно, отец и мне; я муж его дочери, следовательно, и сын его..."»⁷⁵.

Император в ответ осторожно признал родство, отметил расположение к себе Шаболио, но послал на разведку своего сановника Юй Кин-цзе, для того что бы тот смог увидеть «дочь» и принять «сыновью» почтительность хана. Опять же, благодаря Цянь-гинь хан выполнил необходимые унижительные для него обряды преклонения перед властью императора и согласился сделаться «рабом Сына Неба из Дома Суй». Благодаря союзу с Китаем Шаболио справился с Або на западе, и действительно укрепил свою власть.

По приказу императора, который теперь рассматривала хана тюрков как своего вассала, принцесса дома Чжоу, хатун хана – Цянь-гинь получила прозвание Ян и была внесена в царскую родословную под именем Да-и. Примерно через десять лет после смерти Шаболио около 596 г. Да-и стала жертвой интриг китайского двора и была убита преемником Шаболио Дулань-ханом. Вэнь-ди отрекся от своей «дочери». Одновременно, в противовес правящему хану тюрков Дулань-хану за

сына Шаболио – Тули-хана была выдана княжна из рода императора «с наименованием И-ань царевны. Государь, стараясь поселить раздор между северными кочевыми, нарочито усугубляя почести...»⁷⁶. После смерти царевны за хана была выдана следующая принцесса – И-чен царевна. Подобная политика приносила свои плоды, тюрки были разделены и ослаблены, и не представляли серьезной угрозы для Китая, а один из их предводителей – Тули-хан, стал послушным исполнителем воли императора. В дальнейшем И-чень царевне пришлось быть поочередно женой нескольких ханов, правивших после Тули-хана и проводивших более самостоятельную политику.

В источнике, датирующемся VIII в. – тексте Кюль-тегина, говорится о том, что Кюль-тегин и Могилян выдали свою сестру замуж за кыркызского Барс-бега⁷⁷. В период очередного усиления тюрков в начале VIII в. хан Могилян настойчиво претендует на брак с китайской принцессой, получает ряд отказов, к 731 г. добивается этой чести, но, отравленный одним из собственных соратников, умирает, не дожив до столь желанного брака⁷⁸.

Подобная практика распространялась и на западных тюрков, в состав державы которых, до ее распада в 630-е гг., входили хазары. Матерью Чуло-хана была китайская принцесса Сян-ши, происходившая из императорского рода Сунь. Тун Шеху-хан был союзником Китая в борьбе с восточными тюрками, претендовал на брак с китайской принцессой, и получил обещание императора породниться с ним, но дальнейшие обстоятельства не позволили состояться этому браку, и вскоре он был убит⁷⁹.

Таким образом, примеров заключения тюрками династических браков и их использования в политике с Китаем и другими государствами более чем достаточно. На основе рассмотренных случаев можно уверенно говорить о существовании определенной устойчивой традиции брачных союзов. Практически каждый второй тюркский хан имел китайскую жену императорского рода. Как отмечал А.Н. Бернштам, скрепление военно-политических договоров между Китаем и Тюркским каганатом, как правило, происходило путем брака тюркского хана с китайской принцессой⁸⁰. Даже если и не предполагать прямой династической связи между Западным

тюркским и Хазарским каганатами, общность традиции в использовании династических браков и брачных союзов представляется правящей верхушкой обоих кочевнических образований вполне очевидна.

Кроме Китая и тюрков на хазарскую практику внешнеполитических отношений, в том числе и на такую ее разновидность, как заключение династических брачных союзов могла повлиять и Византия. В течение длительного времени хазары были партнерами Византии в борьбе с арабами. Они заключали друг с другом союзы, вели переговоры, отправляли посольства.

Известно, что византийская традиция внешнеполитических отношений в идеале не допускала династических браков с представителями варварских народов. В то же время, как отмечал Г.Г. Литаврин⁸¹, эта идеализация была характерна не столько для дипломатической практики Византийской империи вообще, сколько для Константина Багрянородного в частности. Этот император активно выступает против династических браков в своем произведении «Об управлении империей» и обвиняет в них императоров иконоборцев⁸². В то же время известно, что сестра Константина Багрянородного Анна была замужем за Людовиком Слепым, а его сын Роман II с 944 по 949 г. был женат на Берте-Евдокии, побочной (от наложницы) дочери Гуго Арльского. Очевидно, что основной причиной подобных династических связей было желание приобрести союзников⁸³.

Таким образом, не смотря на замечания Константина Багрянородного, следует заключить, что династические браки византийского двора в X в. были нормой дипломатических отношений и правилом, а не нарушением традиции и исключением⁸⁴. Так же и С.А. Иванов отмечает, что одной из форм византийского «миссионерства», распространения христианства на близлежащих «варваров», было крещение варварских вождей. В результате, иногда, «варварские» аристократы или сам князь женились на гречанках. Все это имело целью политически привязать племенную элиту соседних народов к Византии и обеспечить ее влияние в пограничных регионах, прежде всего, в Восточной Европе и на Кавказе⁸⁵.

Отрицательное отношение к бракам с хазарами со стороны Константина Багрянородного связано, как считает Г.Г. Ли-

таврин, скорее всего, с тем, что они не крестились, а приняли иудаизм. Возможно, что осуждение Константином браков с хазарами связано и с политическими причинами. Когда хазары являлись партнерами Византии во внешней политике, подобные браки были возможны, когда же они превратились в ее врагов, старые соображения отошли на второй план, а «виновные» в подобных браках императоры стали рассматриваться как нарушители традиций.

В качестве аналогий могут быть приведены и другие примеры. Если говорить о ближайших соседях, а потом и преемниках Хазарского каганата, сменивших его на политической арене Восточной Европы ко второй половине X в., то необходимо вспомнить о Древнерусском государстве, правители которого поначалу носили хазарский титул каганов. По данным арабо-персидских авторов в докиевский, языческий период каганы (цари) русов («русского каганата») подражают хазарскому кагану в размерах гарема и интенсивности браков, которые многие исследователи считают ритуальными. Большое количество жен или наложниц племенного вождя или правителя подчеркивало его могущественные возможности, определяло сакральную силу.

Ибн Фадлан дает следующее описание обычаев и образа жизни русов этого времени: «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворит ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то оно подведет свою лошадь к

ложу таким образом, что сядет на нее верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведет свою лошадь на столько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как [сочетаться] с девушками, пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов, и замещает его у его подданных....»⁸⁶.

Вероятно, что описанные Ибн Фадланом отношения и обычаи были характерны именно для той группы русов, которая ориентировалась не на Днепровский, а на Волжский торговый путь и, в этой связи, была лучше знакома со внутренним устройством Хазарского каганата. Ее правители, вероятно, считали престижным копировать и воспроизводить хазарские брачные законы. Не зря восточные авторы говорят о «трех центрах или видах (“джинс”) руси» – Куябе, Славии и Артании⁸⁷, в качестве которых современные исследователи видят, соответственно, Киев, Новгородскую землю и Северо-восточную Русь в районе Ростова Великого. В начале X в. торговавшие на Волге русы из «Артании» еще не подчинялись напрямую Киеву, имели особых правителей и, как показывают источники, приобрели специфические этнографические признаки. Эти особенности во многом были унаследованы от хазарского государства, и являются частью хазарской традиции власти в Восточной Европе. Киевские князья, по всей видимости, в гораздо меньшей степени восприняли эту традицию, противопоставляли себя хазарам, и предпочитали иные направления культурных заимствований и династических связей.

Древнерусские князья никогда не заключали династических брачных союзов с хазарами, по крайней мере, источники ничего не знают об этом. В то же время, династические браки были вполне привычным и характерным явлением для внешнеполитической деятельности Древнерусского государства. Общеизвестно, что киевские князья часто брали в жены представительниц европейских, скандинавских или византийских правящих династий и сами отдавали своих дочерей и сестер замуж за европейцев. Следует отметить, что в подобных отношениях, как правило, присутствует равноправие и взаимное признание. Русь, таким образом, становится одним из полноценных участников европейской политики. Как правило, мож-

но говорить о единобрачии русских князей, поэтому, в большинстве случаев, их дипломатические возможности такого рода были ограниченными.

В сравнение с хазарами по количеству браков и широте охвата заинтересованных сторон может быть приведен только Владимир I. По данным В.Т. Пашуто, он, кроме многих прочих жен, был женат на болгарке, чешке, гречанке (досталась в наследство от убитого Святополка, была, по всей видимости, монахиней, угнанной из Подунавья еще Святославом); на Рогнеде – дочери норманнского князя полоцкого Рогволода; затем с 990 г. и до 1011 г. (умерла), на Анне, дочери византийского императора Романа, сестре Василия II; после, с 1012 г. и до смерти в 1015 г., на немке, дочери немецкого графа Куно фон Эннингена⁸⁸. Таким образом, порицаемая летописью похотливость Владимира явно укрепляла внешнеполитические позиции Руси.

Известно так же, что Святополк Владимирович был женат с 997 по 1019 г. (умерла) на дочери польского короля Болеслава Храброго. Дочери Владимира I были замужем: Премислава – за герцогом венгерским Ласло Саром; Добронег-Мария – за польским королем Казимиром I Пястом, еще одна дочь, имя которой неизвестно, – за маркграфом норманнским Бернгартом. Дети Ярослава Мудрого были в браках с представителями византийских, немецких, венгерских, польских, норвежских правящих династий⁸⁹.

Таким образом, можно констатировать, что использование династических браков во внешней и внутренней политике Хазарского каганата находит соответствие практике других государств того же периода. Было отмечено, что традиция заключения династических браков в Хазарии восходит к политическому опыту, накопленному кочевым населением Евразии в период существования Тюркских каганатов (первого и второго, западного и восточного). В новых исторических условиях представители правящих династий Хазарского каганата эффективно использовали свои династические союзы в интересах хазарской политики в Крыму, Причерноморье, Кавказе и Закавказье, Восточной Европе. Брачными союзами в разное время были охвачены такие соседи или союзники Хазарского каганата, как Византия, закавказские владения

Арабского Халифата, Алания, Абхазия, Волжская Булгария и тд. Особое значение Хазарии в военно-политической ситуации на рубеже и в первой половине VIII в. подчеркивается заключением нескольких династических браков с византийскими императорами.

К концу периода существования хазарского государства в результате практически трехсотлетнего развития формируется достаточно оригинальная и своеобразная тюрко-хазарская модель брачных отношений, распространенных среди представителей правящей верхушки. Династические браки, как один из признаков полновластия правителя, становятся прерогативой хакан-беков или царей Хазарии, которые женятся сами или женят своих сыновей на дочерях правителей наиболее сильных восточноевропейских народов (например, Алании или Волжской Булгарии). Хакан (каган), потерявший реальную власть и существующий лишь в качестве сакрального символа государства, сохраняет за собой, по всей видимости, право только на ритуальное многоженство, описанное Ибн Фадланом. Обилие его жен и наложниц является, вероятно, подтверждением его магической силы, обеспечивающей благополучие Хазарского каганата и его население. Потеря этой силы в конечном итоге ведет к гибели (ритуальному умерщвлению) кагана.

Своеобразная и противоречивая хазарская традиция династических браков, сложившаяся в результате действия целого ряда факторов, не нашла продолжения у других народов после гибели Хазарского каганата. Единственной ближайшей параллелью является сакральное многоженство «царя» волжских русов, описанное восточными авторами. В политической истории раннесредневекового Киевского государства, особенно после принятия христианства, возобладали другие тенденции и культурные заимствования. Тем не менее, в определенной степени Киевскую Русь эпохи Святослава – Владимира можно рассматривать как политического преемника хазарского государства. В том числе это наследие может быть прослежено и в продолжающейся практике династических союзов и династических браков, ориентированных как на Византию, так и на новые, западноевропейские средневековые государства.

Примечания

- ¹ Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. Вып. 9. С. 524.
- ² Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 266–267.
- ³ Например, Артамонов М.И. История хазар; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX – X вв. М., 1962; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Вып. 8. С. 312–333; Golden P. Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. 1, 2.; Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton–New Jersey, 1954.
- ⁴ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 160.
- ⁵ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 161.
- ⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.–Л., 1950. С. 630.
- ⁷ Цукерман К. Хазары и Византия. С. 312.
- ⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 62–63.
- ⁹ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 63.
- ¹⁰ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 3. К., 1915. С. 290–291.
- ¹¹ Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 367–379.
- ¹² Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 166.
- ¹³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 68.
- ¹⁴ Цукерман К. Хазары и Византия. С. 333.
- ¹⁵ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. С. 68.
- ¹⁶ Гадло А.В. Этническая история. С. 162–163.
- ¹⁷ Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965. С. 113.
- ¹⁸ Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'Сам Ал-Куфи. Книга завоеваний. (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Перевод и комментарии акад. З.М. Буниятова. Баку, 1981. С. 62–63.
- ¹⁹ Буниятов З.М. Азербайджан. С. 114.
- ²⁰ Ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 62.
- ²¹ Ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 62; Артамонов М.И. История хазар. С. 241–242; Буниятов З.М. Азербайджан. С. 114; Новосельцев А.П. Хазарское государство. С. 189.
- ²² Ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 63.
- ²³ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Перевод с армянского К. Патканьян. СПб., 1862. С. 92.
- ²⁴ Ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 63.
- ²⁵ Артамонов М.И. История хазар. С. 244.
- ²⁶ Ал-Куфи. Книга завоеваний. С. 62.
- ²⁷ Артамонов М.И. История хазар. С. 249–250.

- ²⁸ *Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900.
- ²⁹ *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. 1883. март. С. 49; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 184; *Цукерман К.* Хазары и Византия. С. 329.
- ³⁰ *Джанашвили М.* Известия Грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1897. Вып. 22. С. 27–28; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 191.
- ³¹ *Гадло А.В.* Этническая история. С. 199.
- ³² В.Т. Пашуто считал, что Леведия был женат на дочери кагана [*Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 92]. Впрочем, такое утверждение никак не следует из текста самого источника, и не подтверждается другими данными, речь идет именно о «благородной хазарке», которая могла происходить из какого-либо знатного, но не обязательно каганского рода.
- ³³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1991. С. 159.
- ³⁴ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 344–345.
- ³⁵ *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар. С. 529.
- ³⁶ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 159–163.
- ³⁷ *История авган Моисея Каганкатавцы, писателя X в.* / Перевод с армянского К. Патканьян. СПб., 1861. С. 199; *Гадло А.В.* Этническая история. С. 141.
- ³⁸ *История авган Моисея Каганкатавцы.* С. 153–154; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 182–183.
- ³⁹ *Семенов И.* О набеге хазарского полководца Блучана на Грузию в VIII в. // Одиннадцатая ежегодная международная конференция по иудаике. 3–5 февраля 2004 г. Тезисы докладов. Иудеи и хазары. Археология. М., 2004. С. 1.
- ⁴⁰ *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. С. 375.
- ⁴¹ *Джанашвили М.* Известия Грузинских летописей. С. 26.
- ⁴² *Джанашвили М.* Известия Грузинских летописей. С. 27.
- ⁴³ *Джанашвили М.* Известия Грузинских летописей. С. 27; *Гадло А.В.* Этническая история. С. 198; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 190.
- ⁴⁴ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 251.
- ⁴⁵ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 147.
- ⁴⁶ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений. С. 34.
- ⁴⁷ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений. С. 145.
- ⁴⁸ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 141.
- ⁴⁹ *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иерусалим, 1997.
- ⁵⁰ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 364.
- ⁵¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 53.
- ⁵² *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 81.
- ⁵³ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 98.

- ⁵⁴ Нумерация народов в списке в круглых скобках жирным шрифтом дана специально, для удобства восприятия и облегчения подсчета – А.Т.
- ⁵⁵ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 100–102.
- ⁵⁶ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 102.
- ⁵⁷ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 102.
- ⁵⁸ История халифов вардапета Гевонда. С. 71.
- ⁵⁹ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 217.
- ⁶⁰ *Артамонов М.И.* История хазар. С. 275.
- ⁶¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 171; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописание византийских царей / Перевод, статья, комментарий Я.Н. Любарского. СПб., 1992. С.56.
- ⁶² *Артамонов М.И.* История хазар. С. 275–282, 408–411; *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 66–78; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 134–144; *Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 73–78; *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар. С. 521–534.
- ⁶³ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 84–85.
- ⁶⁴ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 102.
- ⁶⁵ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. С. 110.
- ⁶⁶ *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы. С. 138.
- ⁶⁷ *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X – XI вв. М., 1963. Приложение III.
- ⁶⁸ *Гадло А.В.* Этническая история. С. 180.
- ⁶⁹ *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар. С. 524.
- ⁷⁰ *Годен П.Б.* Государство и государственность у хазар: Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 211–233.
- ⁷¹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 228.
- ⁷² *Артамонов М.И.* История хазар. С. 135.
- ⁷³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 232.
- ⁷⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 234.
- ⁷⁵ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 236–237.
- ⁷⁶ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 241.
- ⁷⁷ *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI – VIII вв. М.–Л., 1946. С. 164.
- ⁷⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 276–277.
- ⁷⁹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. С. 283–284.
- ⁸⁰ *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй. С. 187.
- ⁸¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 341–342.
- ⁸² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 57, 59–63.
- ⁸³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 344.
- ⁸⁴ *Литаврин Г.Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX – X вв. // Г.Г. Литаврин. Византия и славяне: сборник статей. СПб., 1999. С. 447–448.
- ⁸⁵ *Иванов С.А.* Миссия Восточно-христианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 18.

⁸⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 146.

⁸⁷ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 145–148.

⁸⁸ Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 419.

⁸⁹ Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 419.

Summary

Tortika A.A.

Dynastic matrimonies as the element of the foreign and internal politics of Khazar state

The problem, born for discussion, has independent value as research of one of directions of state-political activity of Khazar Kaganate. The following aspects are allocated: 1) prevalence of the named phenomenon, its chronology; 2) circle of contacts, their regularity and intensity; 3) concrete political ends of dynastic unions; 4) origin of this tradition.

It is obvious, that dynastic matrimonies were norm for the middle ages. Such relations were widely distributed. In a case with khazar's, the tradition of the conclusion of such marriages should be considered as a heritage Turks Kaganate. In new historical conditions the representatives of ruling dynasties Khazar Kaganate effectively used dynastic unions in interests of khazar's policy.

By the end of the period of existence of the khazar's state the original model of the conjugal relations distributed among the representatives of a ruling class is formed. Dynastic marriages become a prerogative of kings of Khazaria. The right on the ritual polygamy reserves Khagan lost the authority.

Original khazar's tradition of dynastic marriages has not found continuation after destruction of Khazar's Kaganate. A unique nearest parallel is sacral polygamy of Volga's Russ's king, described by east authors. In a political history of the Kiev state, is especial after acceptance of Christianity, other tendencies and cultural borrowings have prevailed.

Евгений Баккал, Олег Белый (Севастополь)

Обзор архива караимского просветителя Давида Марковича Гумуша (1899 – 1980 гг.)

Давид Маркович Гумуш – краевед, караимский просветитель и общественный деятель, житель города Севастополя. Окончил Александровское караимское духовное училище в г. Евпатории (последний выпуск 1918 г.)¹. К изучению караимской истории и культуры, сбору материалов по этой тематике обратился после выхода на пенсию, в 1960-х гг. В своей деятельности контактировал как с караимскими просветителями С.И. Кушуль, Б.Я. Кокенаем, Б.С. Ельяшевичем, так и со многими академическими учеными и научными учреждениям Крыма, Украины и СССР.

Ко второй половине XX века в среде восточноевропейских караимов вследствие целого ряда причин произошла трансформация традиционной общинной и конфессиональной структуры, на базе которых к концу 50–60 гг. образовалось общественное движение по сохранению памятников караимской старины и изучению национальной истории. Среди основных причин этого явления необходимо отметить, прежде всего жесткий прессинг со стороны государства в отношении караимской религии. Так к 1930-м годам на территории СССР были закрыты практически все караимские кенасы (Евпаторийские были открыты во время Великой Отечественной войны и закрыты в 1959 г., примерно в это же время были закрыты кенасы западных караимов, чей ареал обитания попал в состав СССР в 1939 г.)¹¹ и как следствие упразднены религиозные общины. Среди других причин можно назвать активные процессы ассимиляции и аккультурации начавшиеся в среде этой этноконфессиональной общности еще в 19 в. но ко второй половине XX в. принявших лавинообразный характер. Такое положение в свою очередь вызывало острую озабоченность в среде национальной интеллектуальной элиты, среди которых к 60-м годам еще продолжали активную творческую деятельность как представители старой национальной элиты времен Российской империи и Польской республики, так и представители поколения активистов национально-культур-

ного общественного движения 20–30 гг. На волне интереса к истории Крыма, возникшей в СССР к 1960-м годам, в рамках хрущевской оттепели, представители караимской интеллектуальной элиты инициировали попытку возрождения некоего подобия былой общинной организации, под флагом изучения истории караимов, сохранения памятников караимской старины. Среди инициаторов этого движения можно отметить последнего караимского гахама С.М. Шапшала, Б.Я. Кокеная, С.И. Кушуль, М.С. Тинфовича, Д.М. Гумуш и др. В городах, где проживали караимы организовывались общественные активы, советы, группы энтузиастов которые организовывали сбор материалов по истории и этнографии, фольклору, сбор средств на общественные нужды, вели переписку со средствами периодической печати, государственными, и научными учреждениями, общественными организациями, отдельными исследователями по тем или иным вопросам связанным с изучением и освещением караимской истории, отстаивания тех или иных положений, как в периодической печати, так и в научных и популярных изданиях и др. Работу этих советов и групп координировала инициативная группа: Б.Я. Кокеная, С.И. Кушуль. Д.М. Гумуш.

Давид Маркович Гумуш к 1960-м гг. был один из немногих представителей национальной элиты XX в. свободно владеющих письменным древнееврейским языком, вопросами религиозного культа и др. Соответственно наряду с Б.Я. Кокенаем, М.С. Тинфовичем он занимался сбором, обработкой и переводом на русский язык фольклорных материалов, переводом выдержек из работ, документов на древнееврейском языке, расчетом календарей и т.п.

В краеведческой и научной среде известны его перевод книг А.С. Фирковича «Сэфер Авне-Зиккарон» и Э. Дейнарда «Толедот Абэн Решеф» (Биография А. Фирковича), копии хранятся в РО Российской национальной библиотеки (бывшей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина СПб.)ⁱⁱⁱ, и в архивах Крымского отдела ИА АН УССР (ныне Крымский филиал ИА НАН Украины) и Национального заповедника «Херсонес Таврический». Много лет сотрудничал с Крымским отделом ИА АН УССР, по поручению руководства которого Давид Маркович сделал перевод книги А.С. Фирко-

вича «Сэфер Авне-Зиккарон», Вильно, 1872. В рамках сотрудничества с археологом Е.В. Веймарном Д.М. Гумуш проводил исследование караимских памятников Мангупа, написал несколько рукописей. Среди них наиболее известна рукописная статья «Мангуп и караимы», где он вводил в научный оборот источник из караимской меджума^{iv}, связанный с оставлением караимами этого города^v. Непростые противоречивые отношения складывались у Д.М. Гумуша с М.Я. Чорефом.

Архив был подарен семьей его сына Севастопольской ассоциации крымских караимов «Фидан» в августе 1998 года. В настоящее время семья Гумуш проживает в Израиле. Внук Давида Марковича – Михаил был одним из основателей Севастопольской ассоциации караимов «Фидан».

На момент поступления архив был разрознен и не систематизирован. После систематизации в составе архива условно можно выделить несколько групп единиц хранения.

Первая группа

Ее составляют рукописи самого Давида Марковича. В-первых, необходимо отметить комплекс материалов связанных с переводом труда А.С. Фирковича «Сэфер Авне-Зиккарон», Вильно, 1872. Сюда входят кроме машинописного варианта перевода, рукописные справочные материалы (таблицы имен, хронологические таблицы и т.д.), отзывы исследователей, решения заседания Крымского отдела института археологии АН УССР, переписка с Государственной Публичной библиотекой имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Академией наук по поводу издания перевода.

Среди других работ Д.М. Гумуша нужно отметить несколько работ, организационно вытекающих из работы над переводом «Сэфер Авне Зиккарон», как по рекомендации специалистов крымского отдела археологии ИА АН УССР и др. так и по собственной инициативе Давид Маркович написал несколько работ связанных с изучением караимской истории и эпиграфики.

Работы «О караимских памятниках», декабрь 1968 г., «Караимское кладбище Мангупа», «Мангуп и караимы» (варианты этой статьи «О некоторых недоуменных вопросах по Мангупу и Чуфут-кале»), написаны в рамках сотрудни-

чества с В.Е. Веймарном, и Крымским отделом археологии ИА АН УССР и предполагались для публикации в академических изданиях. Интересна переписка освещающая перипетии написания и попыток издания этих работ. Так по рекомендации Е.В. Веймарна Д.М. Гумуш предлагал для публикации работу «Мангуп и караимы» в Свердловском издании (видимо имеется АДСВ), и «Палестинском сборнике» (Ленинград). Статья «Вся жизнь его поиск» написана о А.С. Фирковиче, поводом для ее написания стала публикация в газете «Крымская правда» материала ТАСС о А.С. Фирковиче, караимские интеллектуалы посчитали, что общий тон материала и излагаемые факты противоречат реальным фактам результатом чего стало написание Д.М. Гумушем альтернативной работы, в которой излагалась версия приемлемая для караимской общественности. Статья в архиве исследователя сопутствует переписка с редакциями газеты «Крымская правда», а впоследствии по рекомендации последней с редакцией журнала «Советская археология».

Давид Маркович владел древнееврейским языком и как по собственной инициативе, так и по просьбе исследователей и краеведов делал переводы различных материалов с древнееврейского и караимского языков на русский. Часто эти материалы организационно связаны со статьями Давида Моисеевича. Некоторые переводы делал Б.Я. Кокенай. Обычно авторство и дата перевода указывается в начале либо конце документа. Так в архиве представлены переводы работы Эфраима Дейнарда «Толедот Абэн Решеф. Биография А.С. Фирковича», изданной в Варшаве, в 1875 г. Перевод рукописных, ему предпослан комментарий переводчика, и замечания Б.С. Ельяшевича оставленные на полях печатного экземпляра книги, которым пользовался Д.М. Гумуш. Впоследствии перепечатанный экземпляр этого перевода, как и перевод «Авнэ Зиккарон» были преподнесены Д.М. Гумушем в дар ОР РНБ и ныне хранятся в фонде А.С. Фирковича.

Имеются переводы и списки отдельных надписей, в том числе и на надгробных памятниках, фрагментов из меджума, фрагментов книг, документов среди которых имеются: перевод с древнееврейского языка биографии рабби Исаака Бен Шоломо караимского просветителя, религиозного и об-

ществленного деятеля жившего на Чуфут-Кале в 18–19 вв. Биография написана вторым караимским гахамом Бабакаем (Нахму) Бобовичем в 1872 г. Переводы выдержек из работ рабби Исаака «Ор Галлевана», П. Смоленскина «Бене Решеф».

Интересны переводы исторических документов, среди которых имеются письма И.И. Казаса своему отцу из Одессы (май 1850 г.), здесь освещается малоизвестный период жизни Илии Ильича, в документе освещается взаимоотношения И.И. Казаса с родными, обосновывается выбор в качестве жизненного пути интеллектуальной деятельности, на благо родного народа. Перевод письма Т.С. Леви-Бабовича, которому предпослано предисловие переводчика, освещает малоизвестный период жизни просветителя связанный с переездом последнего из Севастополя в Каир (1934 г.) и др. Два вышеуказанных документа объединены в одной тетради. Интересен машинописный перевод (переводчик Б.Я. Кокеная) письма Я.М. Кокеная – гахаму Пампулову по поводу раскопок на Чуфут-Кале совместно с профессором Хвольсоном. Документ освещает некоторые аспекты изучения истории крымских караимов в XIX в. Необходимо отметить что этот документ тиражировался и имел хождения в кругах исследователей и краеведов занимавшихся изучением вопросов истории Крыма в 1960-х – 1980-х гг. Так один из авторов настоящего доклада встречал различные списки этого документа в архивах Б.М. Ачкинази, Л.И. Кая, В.И. Филоненко.

Интересен рукописный список (древнееврейской графикой), сделанный рукой Д.М. Гумуша, Речи, произнесенной А.С. Фирковичем перед евпаторийской общиной в 1848 г. на караимском языке. В документе излагаются мысли последнего о необходимости проведения археологических раскопок и изысканий по караимской истории. Копия сделана из архива Б.Я. Кокеная.

Вторая группа

Эта группа связана со сбором фольклорных материалов. Среди документов его архива имеется две меджума. Одна – евпаторийского караима Авраама Семеновича Сарафа, датируется 20.11.1891 г., на 73 л., вторая не датирована, без указания владельца, на 44 л. Кроме того, представлены отдельные распечатки фольклорных произведений. Иници-

ативной группой была начата работа по переложению фольклорных произведений из меджума русской графиков, с последующим переводом их и комментариями. Эту работу проводили в продолжения фольклорных изысканий С.М. Шапшала Б.Я. Кокеная и Д.М. Гумуш, первоначально по всей видимости в сотрудничестве с последним, а после его смерти уже самостоятельно. В архиве содержатся тетради (свыше 30), в которых содержатся выписки Д.М. Гумуша или Б.Я. Кокеная из меджума, как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык, отдельные подборки по жанру (загадки, поговорки и т.д.). Необходимо отметить, что отдельные тетради и подборки из этой серии имеются также в архивах других краеведов (в частности в фонде Л.И. Кая в ГААРК).

Третья группа

Третью группу представляют работы других авторов, как копии опубликованных, так и рукописные материалы. (Ю.Д. Кокизов, протоирей Симеон Стариков, В.В. Лебедев, С.И. Кушуль, Б.Я. Коненая и др.).

Здесь в отдельную подгруппу можно выделить материалы по литовским караимам – вырезки из газет, копии статей, брошюры – это материалы Тракайской инициативной группы во главе с М.Тинфовичем (подборка Ромуальда Фирковича «Караимика в Литве» и др.).

Четвертая группа

В эту группу материалов входят биографические данные о караимах – участниках исторических событий: русско-турецкой войны (Исаак Самуилович Ходжаш), гражданской войны, революции 1917 г. первых лет советской власти, (Давид Бабакаевич Паша, Илья Давидович Эль, Соломон Самойлович Крым), Отечественной войны 1941–1945 г. (Муса Яковлевич Джигит, Илья Михайлович Юткевич, Сергей Исаакович Баккал, Евгений Борисович Ефет) и др.

Пятая группа

Это книги из библиотеки Д.М. Гумуша, а также выписки, конспекты, копии редких статей, работ, освещающих вопросы истории и этнографии караимов. Среди книг особый интерес представляют такие книги как: Т.С. Леви, «Очерк возникно-

вения караимизма», Севастополь, 1913; С. Прикъ, «Беседы о караимстве», Одесса, 1902; Синани, «Краткая история литературной деятельности караимских писателей»; Исаак О. Синани, «История возникновения и развития караимизма на основании монографических очерков Анана-бен-Давида, Саади Аль-Пиеоми, Соломона-бенъ-Ерухамъ и Мордехая Куматяно», Симферополь, 1888. В собрании имеются и другие более древние книги XVII–XVIII веков, в том числе и из числа печатавшихся в типографии на Чуфут-Кале.

Шестая группа

Относительно небольшая группа материалов представлена фотодокументами, в том числе оригиналы и фотокопии, присланные краеведами Б.Я. Кокенаем, Л.И. Кая, С.И. Кушуль, Б.С. Ельяшевичем. Здесь особо выделяется фото группы караимов Евпатории во главе со ст. газзаном Б.С. Ельяшевичем, датированная 9 сентября 1953 г.

Седьмая группа

Архив содержит личную переписку Д.М. Гумуша с различными организациями, музеями, архивами Советского Союза, а также с караимами из разных городов. Среди них переписка с Публичной библиотекой им.М.Е. Салтыкова-Щедрина (СПб), Крымским отделом ИА АН УССР редакциями газет «Слава Севастополя» (Севастополь), «Слава Труд» (Бахчисарай), ЦСУ СССР, министром культуры СССР Е.А. Фурцевой, учеными и краеведами Е.В. Веймарном, М.Я. Чорефом, С.И. Кушуль, А.И. Полкановым, М.С. Тинфовичем, О.Я. Прик, А. Никаноркин, Н.И. Кефели, представителями инициативных групп из различных городов СССР где проживали караимы. Кроме того, имеются копии писем других авторов в различные организации – это письма И.М.Фуки и др.

В заключение отметим, что данная публикация – лишь первый опыт обзора материалов караимского просветителя Д.М. Гумуша, не утративших своего научного значения до сих пор. В дальнейшем мы надеемся продолжить начатую работу.

Приложения

№ 1

Рукопись статьи Д.М. Гумуша «Мангуп и караимы»
Севастополь
1970-е г.

«МАНГУП И КАРАИМЫ»

В последние годы значительный интерес археологов и историков Крыма привлекли исследования, начатые Институтом археологии АН УССР, Уральским университетом и Крымским педагогическим институтом на средневековом городище Мангупе^{vi} – бывшей столице княжества Феодоро^{vii}. Городище это находится у села Залесное, Бахчисарайского района, Крымской области.

В связи с этими исследованиями, как мы полагаем, небезынтересна будет публикация текста одной песни о Мангупе, обнаруженной любителем караимского фольклера В.Я. Кокеный^{viii} в старинном караимском рукописном сборнике «Меджума» и рассказывающей о трагических событиях, произошедших на Мангупе в 1793 году.¹ Изучение этой песни показывает, что она является ценным историческим документом этого городища. Автор данной статьи переписал песню в русской транскрипции и перевел ее.

Ниже предлагаем перевод песни:

1.

Учитель, учитель! От снежной горной родины
Отторгнутый – будет плакать.
Мне внутрь огонь проник,
Легкие горят – я плачу.

2.

Друг с другом прощаются,
В голове не осталось ума.
В пять тысяч пятьсот пятьдесят третьем²
Разорен – я горько плачу.

3.

Быстро я пересек долину его,
Пошел и в руки чужие попал.
Расстался со всем, что имел,
Ухожу – я горько плачу.

4.

Говорят бутон, но не розы,
Мысли никак не оторвутся от тебя.
Бог даст быстро восстановят.
Но я вновь горько плачу.

5.

Пути-дороги его непролазны из-за камней
Слезы глаз моих стали выше головы моей.
От друзей, с кем никогда бы не расставался,
Расстался – я горько плачу.

6.

Вода его и плоды на высоких горах.
Слышавшие так говорят
Дома, в которых я молился
Разрушены – я горько плачу.

7.

Я вспоминаю высокие горы
Лицо мое смеется, а сердце плачет.
Разрушенным остался Мангуп, говорят.
Это родина моя – я горько плачу.

8.

Я вспоминаю высокие горы.
Лицо смеется, а сердце плачет.
Обиженный судьбой будет плакать.
Разрушен – я горько плачу

9.

Просьба моя каждый день к тебе (богу)
По заслугам пусть получают враги мои.
Одержимый Симха обо мне говорят,
Но до смерти я горько буду плакать.

Автор этой песни Дертли³ Симха – коренной житель Мангупа. Она посвящена окончательному оставлению караимами Мангупа в 5553 году, т.е. в 1793 году н.э. в связи с пожарищем, разрушениями, произведенными какими-то врагами.

Ни один из известных нам источников не говорит о том, когда именно и почему караимы окончательно покинули Мангуп. Только эта песня дает ответ на эти вопросы и указывает точно год и причину этого ухода.

Прямого подтверждения даты этой песни и событий, описываемых в ней, другими источниками нет. Но она никем не отвергается, даже она косвенно подтверждается. Так П. Кеппен⁴ указывает, что в 1791 году караимы Мангуа расселились по разным местам, но об окончательном уходе их не говорит. Академик И.П. Паллас⁵, говоря о Мангупе, пишет: «Еще перед самым присоединением Крыма к России, там (в Мангупе ДГ), как говорят жили татары и евреи (караимы ДГ).

Ныне (1800) и евреи (караимы)⁶ оставили эти места, которые теперь совершенно опустели».

Таким образом, оба автора, не отвергая событий, описываемых в этой песне, косвенно их подтверждают. Такое подтверждение мы находим у Т.С. Леви, который, ссылаясь на надпись в свитке Торы в Перекопской караимской Кенасе, сообщает, что караимы покидали Мангуп в 1792 году⁷. Однако, эти сведения, нельзя понимать как окончательное оставление караимами Мангуа.

Надо полагать, что расселение караимов из Мангуа, начавшееся по сообщению Кеппена в 1791 году, продолжалось в 1792 году и завершилось, как гласит песня в 1793 году. На кладбище Иосафатовой долины около Чуфут-Кале имеются надгробия жителей Мангуа.

Памятник на могиле Иосифа сына Соломона (Мангуби) т.е. Мангупский, бывшего преподавателя и газзана (священника) Мангуа, датируется 1798 г.⁸ Он несомненно был похоронен в Иосафатовой долине, виду ухода караимов из Мангуа. В противном случае он должен был быть похоронен на Мангупском кладбище, где как гласит надгробная надпись похоронены его дети и внуки.

Относительно того, кто в песне именовался «врагами», не настаивая на абсолютности своего взгляда, хочется высказать по этому поводу некоторые свои соображения. Резкое уменьшение числа караимских семейств Мангуа, когда из 300 к 1783 году осталось всего 70 семейств, Кеппен⁹ объясняет «неблагоприятными обстоятельствами». Затем, сообщая о расселении караимов в 1791 г. из Мангуа, он пишет: «Округа же им принадлежавшая впоследствии времени сделалась собственностью бывшего хазнадара¹⁰ и от него перешла к его сыну Адыльбею Балатукову. При сопоставлении этого со-

общения с «неблагоприятными обстоятельствами» возникает мысль о возможной причастности бывшего Хазнадара к пожарищам или разрушениям, имевшим место в 1793 году и вынудившим караимов окончательно уйти с насиженных мест. Возможно личного участия в этом деле Хазнадар не принимал. Достаточно было подготовить на это дело какую-нибудь из многочисленных шаек разбойников, орудовавших в те времена. И, если наше предположение о причастности Хазнадара к нападению на Мангуп правильно, то оно было совершено в 1793 году, с целью ускорить окончательный уход с Мангупа оставшихся там караимов.

Очень высокие патриотические чувства и сильные переживания автора песни будут понятны, если учесть, что прожив длительное время в Мангупе, порядка тысячи лет, караимы, по сути дела стали аборигенами его. Ведь они, как свидетельствуют надгробные надписи, обнаруженные на караимском кладбище в «Табана-дере» (овраг выделки кож) – караимы появились на Мангупе, если не в VIII, то в IX в. н.э.

В специальной литературе имеется мнение, что хазары, с которыми могли придти в Крым и на Мангуп караимы, появляются в VI в. Как отмечает А.А. Васильев¹¹, в VI в. хазары проникли в Юго-Западный Крым, а в 581 году уже стояли лагерем у стен Херсонеса.

М.И. Артамонов¹² относит появление хазар к середине VII в., а вот П. Кеппен¹³ жалеет, что писатель Тунман не подтвердил ранее сделанного им сообщения, что вскоре после 754 года Мангуп был взят «Козарами». Повидимому, вместе с хазарами, или несколько позже на Мангупе появились и караимы. Так в надгробной надписи 855 г.¹⁴, написанной на тюркском языке, выполненной древнееврейским шрифтом, говорится, что «Эта могила (пещера) сына Пукиса Бузур - акбай паши. Скончался тридцати одного года в 4626 году» (т.е. 866 г. н.э.). Текст этой надписи подтверждает мнение, что с VIII–IX в.в. в Юго-Западном Крыму начинают оседать представители племен хазарского каганата, в том числе и караимы.

Кстати надо сказать, что наиболее поздним из опубликованных памятников на Мангупе относится к 1777 году¹⁵, а караимы ушли из Мангупа в 1793 году, как свидетельствует песня.

Очень хорошие природные условия местности позволяли поселившимся на Мангупе караимам, помимо различных других ремесел, заниматься также садоводством, пчеловодством, виноградарством и виноделием, огородничеством, разведением мелкого и крупного рогатого скота, чему служит доказательством обилие костей этих животных.¹⁶

Виноделие, надо полагать, было сильно развито, что подтверждено большим количеством давлений, обнаруженных почти на всей территории Мангупа.¹⁷ Особенно благоприятные условия были для развития кожевенного дела. Чему способствовало прорастание на территории Мангупа большого количества дубильных растений, а также обилие очень хорошей воды, способствовавшей качественной обработке кож. Каждое лето жители Мангупа, а также приходившие ним жители Чуфут-Кале занимались обработкой кож.¹⁸

Все это создавало твердую базу для развития торговли как на месте, в Мангупе и в пределах Крыма, так и вне, за его пределами, с Константинополем и др., сообщаясь через Балаклаву, об этом говорят памятники в Иосафатовой долине при Чуфут-Кале.

Памятник № 172 от 130 г. житель Мангупа Моисей поехал за море и не вернулся (об этом факте сообщается в надписи на могиле его жены (Д.Г.).

Памятник № 316 за 1607 г. житель Мангупа Мордехай сын Ильи, находясь в Евпатории, был тяжело ранен врагами, нападшими на этот город. Приехав на излечение в Чуфут-Кале, он умер и был похоронен в Иосафатовой долине. Перечисленное здесь аналогично и для других городов, где жили караимы. Особенно относится это к Чуфут-Кале, который имел очень широкие торгово-экономические и другие связи.

МАНГУП ТУРКУСИ.

Дертли Симха

I.

Ходжа, Ходжа! Къарлы дагълар витанын дан
 Айрылан - эгълар
 Дерхунума бир от душ ди
 Джигерчигим йанар агъларым.

II.

Бири бирилен савушта
Акъял да къалмады башда
Беш бинь беш йуз элли учдэ
Бузул ды-йанар агъларым.

III.

Ашкъын дересини ашдым
Вардым йат эллере душ дим
Мал дан. мелал дан ваз геч дим
Гидерим-вавар агъларым

IV.

Къонджа дерлер, дигиль гуль ден
Гонлюм эъеч айрылмаз сен ден
Гонълюм эъеч айрылмаз сен ден
Иншалахъ йапулыр тез ден
До^{ix}нерим - йанар агъларым

V.

Йоллары гечильмез даш тан
Гозим йаши гечер баш дан
Айырлмаз дост дан эш ден
Айырылмаз домт дан эш ден
Айырыл дым - йанар агъларым

VI.

Сувы ве мевахъсы оксек даглар
Эшитылер бевле севлер:
Ибадет игдигим эвлер,
Виран дир-йанар агъларым.

VII.

Сагъиндыгъым оксек дагълар
Йузум кулер къельбим агълар
Виран къалды Мангуп дер пер
Витан дыр йанар агъларым.

VIII.

Салгъиндыгъым оксек дагълар
Йузум кулер къельбим агълар
Хакъ хазарын олан агълар
Виран дыр-йанар агъларым.

IX.

Дилегим вар хьер сун санья
 Душманларым хак дан була
 Ванья дер лер Дертли Симха
 Олунче йанар агъларым.

Примечания¹:

¹ Текст этой песни в русской транскрипции вместе с переводом на русский находится в архиве Государственного Херсонесского музея инв. № 1515.

² Дата по счету от сотворения мира по караимскому летоисчислению 5553 год. соответствует 1793 году н.э.

³ Дертли – буквально душевнобольной человек со странностями.

⁴ Кеппен П. «Крымский сборник» СПб, 1837, с. 290.

⁵ И.С. Паллас^{x1}. З.О.О.ИД, вып. 1861, с. 135.

⁶ И.С. Паллас. З.О.О.ИД, с. 135. Сообщая сведения о караимах по Чуфут-Кале и называя их евреями, затем пишет: «Все они караимы или караиты, как они сами себя называют».

⁷ Т.С. Леви «Очерк возникновения караимизма». Севастополь, 1913 г.

⁸ «Авнэ-Зиккарон» (памятные камни), см. памятник № 528 за 1798 г. «Авнэ-Зиккарон» (памятные камни) – это сборник надгробная надпись с караимских кладбищ в Крыму, открытых самобытным археологом А.С. Фирковичем в 1-ю половину XIX в., изданных им в Вильно в 1872 г. Сборник переведен автором данной статьи на русский язык. Машинописный перевод находится в Крымском отделении института археологии А.Н. УССР: машинописная копия перевода находится в ГПБ им. С.-Щедрина в Ленинграде за № 1975. 17.

⁹ П. Кеппен. Крымский сборник. С. 290.

¹⁰ Хазнадар – от слова «хазна» – казна, значит казначей, ведающий финансами точно как «байрактар» от слова «байрак» – знамя, значит знаменосец, «эмехдар» – от слова «эмек» – труд значит трудящийся.

¹¹ А.А. Васильев «Готы в Крыму» – ИГАИК^{xii}, т. 5, Л. С. 183–184.

¹² М.И. Артамонов «История хазар». Л. 1962. С. 252.

¹³ П. Кеппен «Крымский сборник». СПб, ст. 261.

¹⁴ А.С. Фиркович «Авнэ-Зиккарон». Вильно, 1872.

¹⁵ А.С. Фиркович «Авнэ-Зиккарон». Вильно, 1872. Пам. № 71 за 1772 г.

¹⁶ Е.В. Веймарн, П.И. Лобода^{xiii}, И.С. Пиоро, М.Я. Чореф «Археологические исследования столицы княжества Феодоро». Сб. Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 125–139.

¹⁷ Е.В. Веймарн, П.И. Лобода, И.С. Пиоро, М.Я. Чореф «Археологические исследования столицы княжества Феодоро». Сб. Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 125–139.

¹⁸ Яковсон А.Л. «Средневековый Крым». Л., 1964.

¹⁹ А.Л. Барты-Делагару^{xiv} «Исследования некоторых недоуменных вопросов в Тавриде». Симферополь, 1920 г.

²⁰ И.С. Паллас З.О.О.И.Д., вып. 1861 г., с. 135.

²¹ Авнэ-Зиккарон. См. пам-ки 98, 256, 262, 267, 269, 272.

²² Авнэ-Зиккарон, см. п-к №№ 73, 225, 233, 279.

²³ И.С. Паллас З.О.О.И.Д., вып. 1861 г. С. 81.

²⁴ Д.А. Хвольсон Сборник еврейских надписей, содержащих надписей из Крыма. СПб, 1884 г.

Подписи:

Л. 9. – Неразборчиво.

Л. 3 Примечания – подпись и расшифровка в скобках (Д. Гумуш).

Архив Севастопольской ассоциации Крымских караимов «Фидан», фонд Д.М. Гумуша, 12 л., машинописная копия, подпись Д. Гумуша – автограф, имеется два других расширенных варианта статьи (20 и 23 л.), также машинописные копии с рукописной правкой и рукописными вставками; в названии одного из вариантов, заглавие «Мангуп и караимы» исправлено с «О некоторых недоуменных вопросах по Мангупу и Чуфут-Кале» этот же вариант статьи хранится в фонде Е.В. Веймарна^{xi} в архиве БГИКЗ, в материалах по Мангупу.

№ 2

Копия письма Д.М. Гумуша М.Я.Чорефу о высылке в его адрес переработанной и дополненной статьи «Мангуп и караимы» с пояснениями по тексту

**Севастополь
28 августа 1975 г.**

копия

Севастополь. 28/VIII 75 г.

Глубокоуважаемый Михаил Яковлевич!

26/VIII я выслал в Ваш адрес свою переработанную и дополненную статью «Мангуп и караимы» с расчетом, что к началу сентября Вы получите ее. Казалось бы хорошо, я свое обещание, данное Вам выполнил и Вы получите статью вовремя.

Однако меня все время мучает совесть, что я послал Вам некачественную работу. Собственно, статья сама по себе тут ни при чем, дело в ошибках, допущенных машинисткой. Прежде всего, вынося, согласно данному ей списку, сноски за текст, она не напечатала в статье ни одного цифрового указателя ссылок. Все это мне самому пришлось написать чернилами от руки. Кроме того было^{xviii}

Кроме того было допущено небольшое количество ошибок в тексте, которые я также исправил.

Теперь стал вопрос о целесообразности высылки Вам статьи с исправлениями.

Руководствуясь тем, что статья сама по себе в результате этих ошибок не изменилась и что если я немедленно же вышлю статью, она не придет к назначенному сроку, так как перепечатка оттянет высылку статьи еще на два дня, я решил. Что ее надо высылать немедленно, ввиду незначительности ошибок.

Я так и сделал, а позднее всякие сомнения стали одолевать меня. И вот я решил просить Вас, если статья в таком виде не может быть принята, принять ее условно, а мне сообщить об этом. Тогда я немедленно Перепечатаю ее и без всякой задержки вышлю Вам.

Очень прошу Вас извинить меня за излишнее беспокойство.

С искренним приветом Подпись (Д. Гумуш)

Архив Севастопольской ассоциации Крымских караимов «Фидан», фонд Д.М. Гумуша, авторизованная рукописная копия, подпись – автограф, 2 л.

№ 3.

Письмо Е.В. Веймарна – Д.М. Гумушу по поводу издания их статей в свердловском сборнике

Бахчисарай

2 ноября 1975 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Давид Маркович!

Большое Вам спасибо за внимание, за поздравление нас с Марией Степановной с праздником Великого Октября. В свою очередь поздравляем и Вас и от души желаем Вам и всем Вашим близким здоровья, счастья и больших успехов в делах.

Недавно получил письмо из Свердловска, где пишут. Что тот сборник, в котором должны пойти наши статьи, будет обслуживаться в декабре месяце. В печать он пойдет только тогда, когда предыдущий будет распродан.

Таким образом, надо спокойно и терпеливо ждать. А к этому мы с Вами привычны!

Пока работайте над статьей-информацией^{xviii}.

Еще раз желаю здоровья.

Ваш Веймарн (подпись)

Мария Степановна шлет Вам привет, поздравления с праздником и наилучшие пожелания.

Архив Севастопольской ассоциации Крымских караимов «Фидан», фонд Д.М. Гумуша, оригинал, автограф, 2 л.

Список используемых сокращений

БГИКЗ – Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник.

ИГАИМК – Известия государственной академии истории материальной культуры.

РО РНБ – Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (СПб).

Примечания

ⁱ Караимская народная энциклопедия. Т. 6. М., 2000. Ч. 1. Караимский дом. С. 12.

ⁱⁱ *Тирияки Виктор*. Сохранение религиозных традиций караимов Галича на рубеже XX–XXI вв. // Караимы Галича: история и культура. Материалы международной конференции: Львів – Галич, 2002. С. 76–83; *Белый О.Б.* К вопросу о взаимоотношениях Советского государства и караимской конфессии в 1920–1930 гг. (по документам ГААРК) // Этнография Крыма. Симферополь, 2002. С. 272–278.

ⁱⁱⁱ РО РНБ, ф. 946, оп. 1, д. 71: «Дейнард Эфраим. Толедот Абэн Решеф. Биография А.С. Фирковича. Варшава, 1875. Перевод с древнееврейского Д.М. Гумуша (Севастополь). Машинопись с автографом дарственной надписью – переводчика, 1968»; РО РНБ, ф. 946, оп. 1, д. 86: «Фиркович А.(С.) Сэфер Авне-Зиккарон. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом А. Фирковичем. Перевод, комментарии и индексы Д.М. Гумуш».

^{iv} Меджума – семейная летопись. От арабского «меджмуа» – тетрадь. Тетрадь, блокнот, куда обычно записывались, семейные предания, фольклорные произведения и т.д.

^v В настоящее время повторно введен в оборот израильским исследователем Д. Шапиро, см. Приложение.

^{vi} Зачеркнуто в тексте.

^{vii} Так в тексте.

^{viii} Так в тексте, видимо имеется в виду Б.Я. Кокенай. Борис Яковлевич Кокенай 20.11.1892–24.7.67 гг. Родился он в семье караимского меламеда (учителя) Я.М.Кокенай в г. Феодосии. До 12 лет обучался в мидраше (частной школе, где давалось преимущественно религиозное образование) Т.С.Леви-Бабовича, а затем закончил шесть классов местной гимназии, которую оставил по болезни, после чего работал несколько лет учителем в татарских школах в деревнях: Беш-Коджа, и Кокташ, Феодосийского и Карасубазарского уездов. В советское

время Б.Я. Кокеная учился в Феодосийском учительском институте, который не закончил вследствие голода 1921/22 г., заставившего его бросить учебу и переехать в 1922 г. в Ростов-на-Дону. Здесь он жил, до конца жизни работая телеграфистом.

Долгое время Б.Я. Кокеная был сподвижником последнего караимского гахама С.М. Шапшала, под чьим влиянием во многом и сформировал свои взгляды на караимскую историю и этнографию. После смерти последнего, за Кокенаем, в среде своего народа, укрепились репутация наиболее компетентного специалиста по этим вопросам. Его перу принадлежит ряд печатных (опубликованы в национальной периодике) и рукописных работ, много переводов на русский язык и переложений на кириллицу с древнееврейского и караимского языков, среди них фольклорные произведения из «меджума» (рукописных сборников хранившихся во многих караимских домах), выдержки из работ XIX в., изданных на древнееврейском языке. Наряду с С.И. Кушуль и Д.М. Гумушем – Б.Я. Кокеная был одним из основных членов инициативной группы по изучению, сбору и сохранению исторического и культурного наследия караимов. Также см. *Ельяшевич Б.С. Кокеная Борис Яковлевич // Караимский биографический словарь* (от конца VIII в. до 1960 г.). Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» Вып. XIV. М., 1993. Кн. 2. С. 106–108; *Кушуль С.И. Наследие Б.Я. Кокеная (1893–1967 г.) // Легенды и предания краев (крымских караимов-тюрков)*. Симферополь, 1995.

¹⁹ В тексте буква «е» исправлена на «о».

²⁰ В тексте документа нумерация листов оканчивается текстом песни. В Примечаниях самостоятельная нумерация с 1–3 л. в тексте статьи 1–9. Подписаниям соответственно конечные – 9 л. статьи, и 3 – Примечаний.

²¹ Так в тексте, видимо имеется в виду П.С. Паллас.

²² Так в тексте, видимо имеется в виду ИГАИМК.

²³ Так в тексте, видимо имеется в виду И.И. Лобода.

²⁴ Так в тексте, видимо имеется в виду А.Л. Бертъе-Делагард.

²⁵ О архиве Е.В. Веймарна в БГИКЗ см.: *Могаричев Ю.М.* Научный архив Е.В. Веймарна в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике // *История и археология Юго-западного Крыма*. Симферополь, 1993. С. 234–239, там же даются и ссылки на биографические данные этого исследователя.

²⁶ Необходимо отметить, что расширенные варианты статьи значительно отличается от публикуемого нами. Так они идентичны до листа 7. Далее в расширенном варианте помещены исторические рассуждения автора о Чуфут-кале и караимах, дате их появления на Чуфут-Кале, времени постройки Чуфут-кальских кенас. В частности построение малой кенасы он рассматривает в связи с рассматриваемой Песней о Мангупе и оспаривает сложившееся в литературе мнение о возведении ее в конце XVIII в. в связи с переездом на Чуфут-Кале мангупских караимов, а считает, что на этом месте кенаса существовала до XIV в., а в XVIII в. она была восстановлена и перестроена, кенасса же XIV в. по его мнению, является более поздней, ее постройка связывается со строительством в XIV в. Восточной оборонительной стены, дата эта дается согласно двум надгробиям приводимым А.С. Фирковичем. В связи с приводимой аргументацией, Д.М. Гумуш вступает в полемику с А.Л. Бертъе-Делагар-

дом и другими авторами ранее опровергавшим эту датировку (см. Бертъе-Делагард А.П. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. № 57. Симферополь, 1920. С. 112–114). Предполагаемое же первоначальное время строительства Малой кенасы автор относит к X или VIII в.в. В пользу этой датировки приводятся свидетельства надгробных памятников найденных и опубликованных А.С. Фирковичем, и переведенные на русский язык Д.М. Гумушем. Приводимая впервые в указанной статье аргументация впоследствии активно используется в работах современных караимских просветителей. Приводится здесь и малоизвестные широкому кругу исследователей свидетельства караимских авторов XIX – нач. XX вв. о переселении караимской общины Мангупа.

Текст песни и его перевод во всех вариантах статьи идентичны, и несколько отличаются от опубликованного Даном Шапира происходящего из архива Л.И. Кая текста этого источника со ссылкой на Д.М. Гумуша (см. Дан Шапира. «Песнь о Мангупе» 1793 года: неизвестный источник по истории караимов Крыма // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. № 7 (25). 2002. С. 383–295; также об этом источнике: Кизилов М. К истории караимской общины Мангупа // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. № 7 (25). 2002. С. 113–122). Однако биографические данные участников этой истории зачастую малоизвестны широкому кругу исследователей, а и обстоятельства их участия в ней достаточно запутанны и туманны. Поскольку со своей стороны мы располагаем некоторой информацией по этому поводу, считаем возможным осветить некоторые аспекты этой истории, и ее участников.

Лев Исаакович Кая (1912–1988 гг.) – краевед, сын известного крымчакского просветителя, краеведа и этнографа И.С.Кая, значительную часть жизни посвятил поиску и сбору материалов по истории и этнографии народов Крыма, преимущественно караимов. Родился в Симферополе, получил техническое образование в Ленинграде. Вскоре после смерти отца (1956 г.) Лев Исаакович начинает интересоваться его занятиями и архивом. Первоначально этот интерес был направлен преимущественно на крымчаков, но впоследствии стал затрагивать многие вопросы крымоведения, включая и связанные с восточноевропейскими караимами. Л.И. Кая написал несколько работ по этой тематике, оставшихся преимущественно в рукописях. Им собрана интересная коллекция документальных материалов, посвященных восточноевропейским караимам, с 1997 г. хранящаяся в ГААРК. Один из авторов настоящей статьи О.Белый, в последние годы жизни Л.И. Кая общался с краеведом и, а после его смерти принимал участие в определении достаточно непростой и драматичной судьбы его научного архива. М. Эзер (в прошлом Макушкин) не фигурировал в качестве наследника указанного покойным, хотя с Л.И. Кая его связывала долгое научное общение, (в нашем распоряжении не имеется свидетельств, где бы Л.И. Кая указывал его в качестве такового, ни устных, ни письменных, по крайней мере, в последние годы его жизни 1987–1988 гг., хотя нужно отметить, что Л.И. Кая несколько раз менял предполагаемых наследников своего архива). В последние месяцы жизни Л.И. Кая жалел о той части его архива, которая после смерти его жены была передана в Москву с А. Разгоном, собирался сам ехать туда, как-то определится

с судьбой собрания. В настоящее время эта часть научного наследия Л.И. Кая хранится в Москве (у Е. Сатановского). Среди наследников собрания в разное Львом Исааковичем Кая время указывались В. Чернин, Е. Сатановский, О. Белый, а после смерти исследователя, судьбу собрания определяла его племянница. Оставшаяся в Крыму часть архива после смерти исследователя по ее решению была передана на хранение на кафедру истории древнего мира и средних веков Симферопольского государственного университета, затем некоторое время хранилась у крымчакского исследователя М. Гурджи, после его отъезда в Израиль, определена на хранение в архив БГИКЗ, но в 1997 г. в связи с опасениями за сохранность материалов, передана на постоянное хранение в Государственный Архив при Совете министров Автономной Республики Крым (Украина) где сейчас и находится. (Описание крымской части архива исследователя см.: *Белый О.Б. Научный архив Л.И. Кая в Бахчисарайском историко-культурном заповеднике // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 239–246; Крайцова Л.П. Народы Крыма: этнографические исследования в XX в. Обзор архивных фондов Л.И. Кая, А.И. Полканова, В.И. Филоненко // Этнография Крыма. Симферополь, 2002. С. 328–332*). Ни при разборе и описании архива, ни в разговорах с Львом Исааковичем не упоминалось наличие у него статьи Д.М. Гумуша (возможно эти материалы были преданы М. Эзеру ранее, т.к. к моменту знакомства О. Белого с Л.И. Кая, Эзер уже жил в Израиле). Однако необходимо отметить, что вариант перевода и частично переложения на кириллицу текста песни в доступных нам версиях статьи несколько отличаются от опубликованного Д. Шапира, что позволяет предположить, что в распоряжении Л.И. Кая имелся, возможно, другой вариант этого литературного произведения, вероятно происходящий от самого Б.Я. Кокеная или из другого источника. Тем более в имеющихся вариантах статьи нет указанных Даном Шапира орфографических примечаний и диакритических знаков (обычно такие пояснения делал Б.Я. Кокеная). На это также косвенно указывает и тот факт, что Дану Шапира указали место жительства Д.М. Гумуша как Ростов-на-Дону, где на самом деле жил Б.Я. Кокеная. Хотя возможно, что в распоряжении Д. Шапира оказался просто другой не сохранившийся в архиве Д.М. Гумуша вариант этого произведения, и по какой-то причине, не вошедший в рассматриваемые варианты статьи. Д.М. Гумуш работал над ней длительное время в течение нескольких лет, чем можно судить по переписке с Е.В. Веймарном и М.Я. Чорефом, постоянно советуясь с ними по содержанию и форме изложения материала. Возможно, что сыграл свою роль и тот факт, что статья предполагалась для публикации в историческом, или археологическом сборнике, а впоследствии, по совету Е.В. Веймарна Д.М. Гумуш пытался предложить ее для публикации в Палестинском сборнике, и тогда могли появиться орфографические замечания и диакритические знаки и другой перевод. Хотя еще раз обратим внимание, что приводимые нами и Даном Шапира варианты произведения в деталях различаются, этим фактом и вызвана предпринятая нами дополнительная (после обстоятельной статьи Д. Шапира) публикация этого источника.

Михаил Яковлевич Чореф родился 21 октября 1932 г. в г. Симферополе в семье агронома. Вскоре после его рождения, семья переехала на Кубань, а в

годы войны была эвакуирована в Дагестан. Уже тогда у Михаила Яковлевича появился интерес к истории, так как он смог познакомиться с бытом народов Северного Кавказа.

В 1944 г. семья вернулась в Крым и поселилась в Бахчисарае. В 1948 г. Михаил Яковлевич впервые поднялся на Чуфут-Кале. Увиденное определило его дальнейшую судьбу. Он решил стать исследователем Пещерных городов.

Михаил Яковлевич был весьма многоплановой личностью. У него было очень много интересов. Одно из них – точные и естественные науки. В 1951 г., после окончания школы, Михаил Яковлевич поступил в Крымский государственный педагогический институт на физико-математический факультет. После его окончания он работал в школе, сначала преподавателем физики и математики, позже завучем.

Но история его интересовала все же сильнее. В 1965/66 гг. он принимал участие в охранных работах на территории прохождения Северо-Крымского канала, а в 1966г. Михаил Яковлевич поступил на исторический факультет. Чтобы сосредоточиться только на истории, он уходит в 1969г. из школы в Бахчисарайский музей.

Диапазон его интересов был огромен. Он, исследуя окрестности Бахчисарая, обнаружил несколько античных поселений и некрополей. Михаил Яковлевич увлекался и средневековьем Крыма. Он работал с такими известнейшими исследователями истории Крыма, как А.Л. Якобсон и Е.В. Веймарн. Но основное внимание уделял Михаил Яковлевич истории своей родной народности – караимов. К сожалению, он не смог подняться выше уровня толкователя весьма недостоверных работ А.С. Фирковича и С.М. Шапшала. В результате, он не смог, верно, обработать накопленную им огромную этнографическую информацию о крымских караимах, которую он собирал всю жизнь. Но, таково было время. Он, как и большинство тогдашних историков, считал возможным заниматься историей Средневекового Крыма без знания языков: иврита, арабского, даже греческого и татарского. Теперь мы понимаем, что его труды по караимской истории требуют критического осмысления.

Большинство его работ не были изданы в серьезных исторических изданиях. Автор считал нужным просвещать массы, и публиковал свои статьи в газетах, соответственно упрощая их.

Время часто определяет судьбу человека... В 1979 г. под нажимом тогдашнего директора музея Чурилова Михаил Яковлевич был вынужден уволиться из музея и вернуться в школу. Его перестали печатать научные издания. Выходили теперь только газетные статьи. С 1990 г. он стал печататься в караимских изданиях, редакторы которых весьма произвольно редактировали его работы. 13 мая 1999 г. Михаил Яковлевич Чореф ушел из жизни (по материалам М.М. Чорефа – сына исследователя).

^{xvii} Зачеркнуто в тексте.

^{xviii} Имеется в виду информационная статья о переводе работы А.С. Фирковича «Сэфер Авне Зиккарон», которую В.Е. Веймарн просил сделать Д.М. Гумуша в преддверии своей поездки в Ленинград, в более ранних письмах, за этот же год.

*Дан Шапира (Иерусалим)***Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам
на библейских рукописях из первого собрания
А.С. Фирковича**

Как известно, определенная группа материалов, находящихся в Первом Собрании еврейских рукописей, собранном между серединой 20-х и началом 60-х годов 19 века известным еврейским общественным деятелем А.С. Фирковичем, почти с самого начала вызывала подозрения и слухи; это касается также и эпиграфических находок Фирковича, тесно связанных с Первым Собранием по содержанию и времени обнаружения. Однако Второе Собрание, происходящее большей частью из Каира и других мест Ближнего Востока, никогда не вызывало подобных подозрений.

Наиболее проблематичны в Первом Собрании те приписки и колофоны (густота которых в одном собрании абсолютно беспрецедентна), которые заключают в себе сенсационную историческую и географическую информацию, касающуюся караимов (членов того направления в иудаизме, к которому принадлежал А.С. Фиркович, и к изучению истории коего он был назначен российскими властями в середине 1839 г.), а также хазар и прочих близких сюжетов.

Существует лишь одно исследование¹, посвященное этим припискам, сделанное более ста лет тому назад, вскоре после смерти собирателя; в этом исследовании практически весь материал был объявлен подделанным самим Фирковичем с целью прославления караимской общины и повышения стоимости собрания. Результаты этого исследования неоднократно оспаривались, как правило по религиозным и романтическим соображениям, различными авторами, так что среди интересующейся хазарско-караимскими сюжетами публики зародилось ощущение – каковое долгое время разделял и автор этих строк – что критика материалов,

проведенная Гаркави и Штраком, носила слишком глобализующий характер. Поскольку с тех пор ни разу не производилась систематическая проверка материала приписок,² то осенью 2002 года я взял на себя труд проверить весь корпус приписок и колофонов библейских рукописей Первого Собрания, хранящегося в Санкт-Петербурге. В этой работе я пользовался неоценимой и дружеской помощью хранителя Бориса Зайковского и других сотрудников Отдела Рукописей РНБ. Я предложил Борису Зайковскому участвовать в написании совместного исследования, передал ему все свои записи, сделанные в Петербурге, но по каким-то причинам он пока не смог принять участие в этой работе. Поскольку по техническим, не зависящим от меня, причинам, я не смог просмотреть **ВСЬ** материал, который я желал увидеть, а лишь большую часть его, то мое небольшое исследование носит предварительный характер, и я надеюсь, что Б. Зайковский сможет принять участие в этой работе позднее. Как бы то ни было, я до крайности благодарен ему за его помощь, советы и мнения, высказанные в процессе моей работы в РНБ. Я чрезвычайно благодарен А. Федорчуку и Д. Васютинской, без помощи которых эта статья не была бы годна для печати.

Первое Собрание:

Евр I Библ 2 (Гаркави&Штрак, стр. 3–7): это кожаный свиток Закона Божьего, красивый и древний. Заметим сразу, что Фиркович, на заре своей собирательской деятельности, считал кожаные свитки Закона особенно древними, и ряд сенсационных по древности и содержанию приписок находятся именно на кожаных свитках. Эта приписка, якобы от 805 г. Хр. эры, рассказывает о спасении крымских евреев, предков караимов, при помощи иудаизированных хазар во главе с их князем Мивсамом, из рук готов, и о завоевании еврейскими хазарами Мангупа. Сведения, содержащиеся в этой приписке, неоднократно анализировались и однозначно признаны абсолютно неаутентичными. Не будем еще раз

входить в эти известные проблемы, ибо нас здесь занимает исключительно нынешнее состояние текстов; однако, я не могу удержаться от того, чтобы отметить, что текст написан аллитерирующей рифмованной прозой, и ряд рифм возникают лишь тогда, когда текст читается в произношении восточно-европейских караимов. Приписка появляется в самом начале кожного свитка, чуть слева посередине от текста, на полях. Вид приписки, написанной крупными «древними» буквами, характерными для «древнейших» надгробных надписей Фирковича, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** древний, и она, на первый взгляд, не вызывает сомнений в своей подлинности.

Ключевые слова, которые требовалось проверить: אָלף אָחינו בני קדר המתידיים (строка 18), ומבשם (строки 30-31); דורי (строка 36); дата в строке 40. Текст читается ясно, кроме очень тусклых верхних строк, и есть пятно справа посередине, несколько затрудняющее чтение слов ובראשם, מבשם, קדר, расположенных в концах строк. В тексте Торы некоторые буквы, рядом с припиской, зачернены для прояснения чтения, и на обратной стороне следы химической реакции. Есть следы химической реакции и на обратной стороне приписки.

Евр I Библи 3 (Гаркави&Штрак, стр. 8-11): это также кожаный свиток Закона, без начала и конца; крупные грубые буквы. В самом конце свитка две приписки, верхняя из них крупным «древним» читабельным почерком. Первая краткая приписка сделана якобы в 843 г. Хр. эры в «Новом Мангупе» (ср. предыдущий свиток) и доказывает посещение Крыма ананитским миссионером Даниэлем сыном Элканы, а также то, что евреи в Крыму в то время, подобно ананитам, пользовались как високосным месяцем «вторым шеватом», а не «вторым адаром».³ На листе следы брызг блестящего состава, видимо, клея. Обратная сторона свитка за приписками покрыта в наши дни тканью и не могла быть осмотрена.

Ниже этой приписки, данной в основном тексте Гаркави, имеется еще одна, мелким наклонным почерком, почти не

читается от затертости. Текст не мог быть прочитан уже Гаркави, хотя отдельные слова, например היכל הקדש, бросаются в глаза при правильном освещении – и Гаркави дал в приложении, стр. 291 № 113, (также стихотворный) текст ее согласно копии Фирковича. С помощью этой копии можно прочесть часть текста, но, например, строка פה כפה לפנים ארקא не читается из-за синего пятна; в дате כת"ר שנת (ясно) לי (неясно).

Евр I Библ 6 (Гаркави&Штрак, стр. 12–14): пергаментный, не кожаный, свиток Закона, без начала, но до конца. Две приписки в конце; первая почерком писца основного текста, благословение по случаю завершения работы, не содержит никакой информации, как-то дат, имен или событий. Вторая приписка сбоку и правее, якобы от 489 г. Хр. эры, якобы писаная в Таматарке, каковая, якобы, прежде звалась Матирка; смысл приписки – наличие непрерывного еврейского поселения в Крыму и окрестностях со времен израильского пленения и до постэллинистических времен. Даты, особенно ל קפא, практически не читаемы. Выглядит древней и даже – парадоксальным образом – древнее текста, хотя такое мнение, конечно, субъективно. На приписке сероватое пятно.

Евр I Библ 7 (Гаркави&Штрак, стр. 14–16): пергаментный, не кожаный, свиток Закона, без начала, но до конца. Приписка якобы от 939 г. Хр. эры, из Сулхата (которого еще не существовало), дата дана библейским стихом, у которого надобно исчислять сумму букв (в таких случаях возможно множество вариантов подсчета). Кроме исторически невозможной даты, текст не содержит ничего подозрительного или сенсационного. Что до даты, данной стихом, то она почти не видна. На правой части приписки, расположенной в самом конце свитка, – пятно. Приписка выглядит древней, нижняя и правая часть почти не видны; от слова סולכת* виден SaMeKh, за ним явный YoD, а не WaW, нижняя, видимо, обмазанная химическим составом, часть LaMeDa, содержит следы TaWa;

КаР_h не виден совершенно. Вывод: это может быть подлинная и достаточно древняя приписка, скажем 13–14 века, которой Фиркович приписал боле раннюю дату (я не имею в виду, что дата была им ФИЗИЧЕСКИ приписана – он мог УТВЕРЖДАТЬ, что там была такая дата).

Евр I Библ 8 (Гаркави&Штрак, стр. 16–19): пергаментный, не кожаный, свиток Закона, без начала и конца, и тем более странно, что приписка расположена на последней НЫНЕШНЕЙ полосе. Приписка замазана желтым, буквы темно-рыжие, крупные, читается с помощью печатного текста. Смысл приписки, якобы от 639 г. Хр. эры, в том, что некто продал этот свиток в Села-ха-Йеһудим (так Фиркович именовал Чуфут-Кале в Крыму), в год, данный по эре «от нашего изгнания», – эре, которая появляется ТОЛЬКО в подозрительном материале, происходящем от Фирковича.

Что до самого свитка, то это бедная, подправленная Тора, часть слов вырезана, очевидно, для починки другого свитка Закона. Она произведена в бедной и невежественной общине и ни в коем случае не может быть столь древней – скорее, она примерно на 1000 лет моложе. В конце есть тагин⁴. В приписке: סלע היהודים видно; לגלותנו почти не видно; дата читается с трудом.

Евр I Библ 9 (Гаркави&Штрак, стр. 19–26): пергаментный, не кожаный, свиток Закона, без начала но с концом, состоящий, собственно, из отдельных фрагментов. Во времена Гаркави этот свиток был объединен с Пиннер А 15 (см. Гаркави&Штрак, стр. 19–20, 25–26); ныне они снова разделены. Свиток ценен своими многочисленными вариантами. Содержание приписки – в 764 г. Хр. эры, данном согласно «эре от нашего изгнания», некто посвятил этот свиток в Чуфут-Кале. В конце, где лист наполовину оборван и где на нем пятно, – текст в плохом состоянии. Согласно Гаркави, текст «резко обрезан и видны следы второй приписки». סלע – читается ясно, ... היהוד – не видно, дата – видна.

На фрагменте Пиннер А 15, ныне отделенном, и которого я не видел, была приписка, упоминающая общину караимов в ...למל (по мнению Фирковича, в Тамани, по мнению Пиннера – в Тамат, то есть в Симферополе).

Евр I Библ 10 (Гаркави&Штрак, стр. 26–31): пергаментный, не кожаный, свиток Закона, целый, небрежно писанный, включает многочисленные варианты. В самом конце находится приписка, – она превратилась в почти нечитабельное коричневое, к кому же скукожившееся, пятно; верхняя часть приписки, очевидно, под воздействием химической реакции, выпала кусками. Уже Гаркави не смог прочесть текст.

Правее находился эпитафия в 35 строк (Гаркави&Штрак, стр. 28 и далее), от которого осталось одно слово (אָלמ) и несколько конечных букв. Лишь благодаря тексту, напечатанному у Гаркави, мы с Б. Зайковским смогли понять, что за приписка была там, где ныне не хватает верхней части целой полосы. Это приписка, якобы от 940 г. Хр. эры, о посвящении этого свитка дву-мя известными караимами 16-ого века с романиотскими фамилиями,⁵ караимам Матархи; в тексте упоминаются также хазары. Во времена Гаркави в том месте, где слова «хазары» и дата, пергамент был порван и часть текста отсутствовала, а строки 1–6 (вводная часть, неважная для содержания) были написаны желтыми чернилами.

Евр I Библ 13 (Гаркави&Штрак, стр. 32–35): полный пергаментный свиток. Две последние полосы иные, нежели предыдущие. На последней, короткой (см. описание у Гаркави) полосе внизу – замазанный коричневой краской, но очень хорошо, в основном, читаемый текст. Он якобы от 781 г. Хр. эры, и речь идет о том, что хазарка Оту пожертвовала «Верхней Общине Матархи в общине Тохт» этот свиток, и что это произошло в городе Сефарад, с датой, данной стихом, намекающим на хазар, по «древней крымской эре от сотворения». Левые части последних двух строк (где дата)

читаются с трудом. Сло-ва כזר מבני как раз практически не видны, ספורר (*sic!*) – видно, хотя и плохо. Отметим, что полоса, содержащая интересующий нас текст, приштаита позднее и иным способом.

Евр I Библи 14 (Гаркави&Штрак, стр. 35–39): пергаментный свиток, без начала, но до конца. Текст имеет особенности, чем и ценен. Согласно приписке, якобы от 789 г. Хр. эры, «наши братья хазары» пожертвовали этот свиток общине гор. Крым,⁶ она же «Верхняя Община», в г. 1485 «от нашего изгнания», или же в 4700 г. от сотво-рения мира (по «древнему крымскому счислению»), и написана приписка Давидом, сыном небезызвестного «Йицхака Сангари».⁷ Приписка сделана – и это не отме-чено у Гаркави – на отдельном листе, похожем, но не идентичном материалу свитка, ПРИКЛЕЕННОМ ПОВЕРХ последней колонки внизу от конца книги Деварим. Иначе говоря, приписка не являлась первоначально частью текста. Ныне эта приклеенная полоса оторвана и прикрепилась внешней, исписанной стороной, к палке *ets ha-hayim*. Письмо было ясное, буквы небольшие. כזר אחינו читается ясно; קהל כרים קהל מעלה ясно; שנת אלף ясно; כזר אחינו почти не видно; ת"ש ליצירה ясно; פ"ק пятно; ומלכם // пятно; בראשם // пятно; לעולם/באמונתו/ пятно; בר יצחק סנגרי пятно.

Важно отметить, что посреди приписки дыра, которая была и в момент написания, так как писец обошел ее –

לקהילה דыра זו אשר

הקדישו דыра אותו ויקיי

Евр I Библи 15 (Гаркави&Штрак, стр. 39-45): семь последних полос последней книги Деварим, последняя полоса, с припиской, имеет лишь одну колонку и весьма нова. В конце две приписки. Та, что Гаркави обозначил как II, стоит первой, сразу после текста, на коричневом пятне, часть букв черна. Она написана, якобы, в 848 г. Хр. эры, в Каффе, человеком, чей отец носил арабское имя.

סלחדין – не отчетливо, возможно иное чтение; כפה – совершенно не очевидно, м.б. и что-то другое; на годе стоит пятно. По мнению Гаркави, дата носит следы обработки и особо сильно намазана химическим составом.

Эпиграф I (по Гаркави) следует за эпиграфом II: он сделан на особой, подшитой позднее, полосе из иного материала (что отмечено у Гаркави лишь между прочим, стр. 42), шов исполнен иначе, чем в собственно свитке, текст бледными буквами, соответствует опубликованному Гаркави. Гаркави отметил, что чернила те же, что и в свитках 10 и 14. Кстати, это эффективный способ проверки эпиграфов в будущем.

Речь идет о том, что в 798 г. Хр. эры писец Элия продал свиток хазарину Бюйнок'у, *накиду* города, сыну Йалдугана хазарина, здесь, в Каффе, в г. 1494 «от нашего изгнания», или в 709 г. от сотворения мира (по «древнему крымскому счислению»). Здесь же упомянут, снова, сын «Йицхака Сангари».

Евр I Библи 19 (Гаркави&Штрак, стр. 46–49): пергаментный свиток, целая Тора, по-моему, не פסוללה; по мнению Гаркави – видимо, крымская. Есть интересные варианты. Внизу конца Деварим намазано коричневым; текст приписки внизу скукожился, с трещинами, кусок даже подшит (не влияет на текст). Верх приписки в хорошем состоянии, низ в плохом. Согласно приписке, в 920 г. по Хр. эре, некая дама пожертвовала этот свиток – с позволения своего супруга, естественно – общине Керчи; в тексте упомянуты различные люди, некоторые с татарскими фамилиями.

אלהים написано с лигатурой; קהל ясно; כרץ стерто, но возможно; אברהם חגי, огласовано, как у Гаркави; Avraham Khosa, видно, как и у Гаркави; שנת תתלא ליצירה почти не видно.

Евр I Библи 25 (Гаркави&Штрак, стр. 52–55): пергаментный свиток, без начала, но до конца. Есть основания полагать, что свиток из Карасубазара.⁸ Согласно приписке,

якобы от 908 г. Хр. эры, некто Йааков б. Моше продал этот свиток в «Новом Мангупе», после того, как написал его в деревне עבק или צבק (Чабак);⁹ сам писец был *коэн* из Тамираки, и пришел вместе с прочими *коэнами* в Ман-гуп, где и поселились они среди хазар.

Посреди текста внизу карандашом, рукой АСФ: ה' יריעות י"ג וירשוק

На последнем листе/полосе – столбец читаемых четких старых букв. Производит аутентичное впечатление. Возможные варианты: פה מ... פ"ק (<פדק?)? עבק <*עזק? (т.е., г. Азов); למירקא קהל כזר – ясно.

Евр I Библи 31 (Гаркави&Штрак, стр. 57–60): пергаментный свиток, без начала, но до конца. Согласно приписке, в 992 г. Хр. эры, Авраам б. Симха а-Сефаради, в «Верхней Общине Каффе что на берегу моря», пожертвовал эту Тору за свое благополучное возвращение из странствий (о коих мы знаем из других текстов, найденных Фирковичем). В тексте упомянут свидетель, сын человека, упомянутого в предыдущем свитке (Евр I Библи 25). Текст находится в самом конце, очень фрагментарный, залитый коричневым пятном, подшитый с обратной стороны на шелк. Жирное коричневое пятно выявляет деление на строки.

Евр I Библи 37 (Гаркави&Штрак, стр. 62–64): пергаментный свиток, без начала, но до конца. По мнению Гаркави, этот свиток крымского происхождения. Рукопись примерно 14–15 веков, может быть, и моложе. Согласно НЕДАТИРОВАННОМУ тексту, этот свиток пожертвовали сыновья женщины по имени זהובית זורטי (эти имена синонимичны) טינופיטי. Фиркович в своих работах датировал его 1109 г. Хр. эры, на основании Евр I В 87, где краткая приписка недревнего вида появляется на полях книги Левит (что странно само по себе). Что до нашей приписки, то она, по нашему убеждению, подлинна. Надпись сыновей Zehuvit HURSI (под Reš стоит Šewa, не отмеченное в печатном тексте)

находится в конце, не замазанная – и не датированная. Надпись, предположительно, 14–15 века, из романиотского мира. Тот факт, что надпись и правда достаточно древняя, и притом недатированная и не содержащая никакой релевантной для Фирковича исторической информации, может объяснять и то, что она не замазана. Иначе говоря, не замазывал ли Фиркович то, что сам же и писал, дабы скрыть следы новой работы?

Евр I Библи 45 (Гаркави&Штрак, стр. 65-69): пергаментный свиток, с начала и до конца, но не целый, с выпусками фрагментов. Надпись, 1354 г. Хр. эры, описывает бегство общины Судака (Согдаи) в горы, из-за страха перед мучителями-татарами (согласно Фирковичу, татары систематически преследовали караимов); автор приписки обнаружил этот свиток дефектным в генизе (!), дополнил его и пожертвовал общине Каффы. Из текста следует не только лишь то, что караимы страдали от татар, но и то, что практики поисков в генизах была распространена уже в Средневековье. Что до физического состояния приписки, то прямо в конце, наискось относительно текста Торы, имеются три длинных, обмазанных коричневым составом строки текста с пятнами, делающими части приписки нечитаемыми. В общем текст может быть прочитан при помощи копии или печатного воспроизведения, но в центре текста есть пятно, скрывающее по слову в каждой строке – и именно те слова, которые мы желали проверить, и не читаются.

סוגדייך

לקהל כפה

בשנת הקת"ו (*הקפ"ו?)

Наверху карандашом рукой Фирковича: בני התורה.

Таким образом, я смог проверить все свитки Первого Собрания, имеющие приписки. Переходим к кодексам.

Кодексы:

Евр I Библи 48: кодекс, очень похож на Евр I В 10, но меньше. Согласно приписке от 966 г. Хр. эры, Шомалак

хазарин купил этот, действительно древний, кодекс в Каффе; приписка была на первом листе. По мнению Гаркави, приписка подозрительна. Что до имени Шомалак, то оно известно среди караимов Крыма в 18-м веке.

В 80-х годах 20 в. тогдашний хранитель собрания В.В. Лебедев¹⁰ проверял ряд рукописей с помощью специальных приборов, с целью определения подлинности приписок и, тем самым, возраста рукописей. В данном случае речь идет, повторяю, о действительно древней рукописи. Лебедев (стр. 57) подчеркнул, что «вопрос о подделках может быть решен лишь в результате детального изучения ВСЕХ памятников, датировка которых является спорной». Он проверил Евр I Библию 51, 72, 78, 89 с помощью инфракрасных и ультрафиолетовых лучей в Лаборатории консервации и реставрации документов при АН СССР (ЛАКОРЕД). Он также исследовал Евр I Библию 77 при помощи прибора ОЛД-41 в самой библиотеке (РНБ). В трех случаях (NN 51, 72, 77) было установлено, что дата изменена, а в двух случаях (NN 78 и 89) даже советская техника оказалась бессильна перед значительным повреждением текста именно в тех местах, которые и изучались. Наконец, поскольку здесь речь идет о Евр I Библии 48, где на первом листе находилась во времена Гаркави и Штрака запись хазарина Шомалака из города Каффы от 966 Хр. эры, уточним, что в то время, когда Лебедев проводил свои проверки, этот лист отсутствовал. Не нашел его и я (не имевший под рукой статьи Лебедева), и хранитель Б. Зайковский, к которому я обратился за разъяснениями, не мог мне их дать. Лебедев, стр. 61, меланхолично замечает: «перед нами еще одна из загадок собрания Фирковича».

Евр I Библия 51 (Гаркави&Штрак, стр. 72–79): прекрасный кодекс Пророков, очень древний, с большой и малой массой приписок, и с 5-ю приписками.

Первая приписка, в конце Изекиила л. 59б, якобы от 885 г. Хр. эры, гласит, что кодекс пожертвован женщиной с «позазарски» звучащим именем Отраши общине небезызвестного

хазарского города Саркела (Шаркел), только что, кстати, построенного; есть одно раббанитское выражение (מכלל הדין). Приписка замазана черным, так это было и во времена Гаркави, но видны кое-где слова и буквы, похожие на полукурсив «древних» надгробий из Чуфут-Кале. Внизу на полях подписи свидетелей, данные у Гаркави, все они выполнены одним почерком (кроме последней?), все читаемы. По Гаркави, подписи и дата написаны другими чернилами, сейчас это незаметно из-за общего плохого состояния текста. Дата – לרמ"ו, но MeM не ясен. По мнению Гаркави, вторая буква была TaW, а не ReŠ. שרקל – видно.

В кодексе 51 все колофоны, согласно Лебедеву, с которым мы согласны, замазаны «дегтем или какой-то стойкой темно-коричневой краской», и они нечитабельны. «Правда, – пишет Лебедев, – нижняя часть одного из колофонов, (л. 596, в конце книги Иезекииля), содержащая дату, не замазана, но вторая и третья буквы даты явно переправлены». А. Нейбауер и Д.А. Хвольсон читали эту дату как "לרמ" = 885 Хр. эры. Лебедев продолжает: «При чтении с помощью прибора OLD-41 подтвердилось предположение А.Я. Гаркави, что вторая буква даты не "ReŠ", а "TaW"; третья буква, скорее всего, "NuN", четвертая – "GiMeL" или "WaW", таким образом, вместо לרמ следует читать לתנн или לתנו, т.е. 1093 или 1096»; Лебедев отмечает, что слово «Саркел» не читается и при помощи техники, но мы с Б. Зайковским его видели. Возможно, Лебедев ошибся и имел в виду то место, в этом же кодексе, где это слово встречается повторно.

На листе 736, после Аввакума, приписка якобы от 1396 г. Хр. эры: герои-караимы из города / рода Кырklar, прибывшие из Саркеля (не Шаркеля, как в предыдущей приписке в том же кодексе!), поселились «здесь в Кыркурд'е» (קירקורד; очевидно, в Чуфут-Кале) и посвятили эту книгу. Приписка замазана светло-коричневым, строка 1 и слово מקרא в строке 2 читаемы, הגבורים הבחורים нечитаемо, קירקלр читаемо, סרקל – не читаемо (видимо, это место и имел ввиду Лебедев, цитированный

выше), ונתישבו – возможно. Дата не читаема, слово ברוכים – последнее читаемое во времена Гаркави, который дал текст далее по копии Фирковича – видно.

Лист 82а, конец Малахи, надпись тем же почерком, что и предыдущая, на «неизвестном» языке, который Хвольсон посчитал «finnisch, vielleicht chasarisch». В некоторых мелких деталях мое чтение отличается от данного у Хвольсона и Гаркави:

שנתי שת אן האס אן (?אוי) אשדי

... אדראן קירים ...

... ני ארג' אץ' יו/קדאש ...

נכי מי פעוואדי

אציшדאש ///

Но замазанный – не отмеченный у Гаркави – текст есть и выше, в нем видно имя Эзра, выше, там же, дважды имя Йицхак, упомянутое в *пиййуте* на обороте (последней странице).

На обороте листа 82б – приписка 4, выполненная, возможно, рукой писца самого кодекса, в любом случае, старой рукой; текст в две колонки, ибо это стих с рифмой на שי. Приписка крупно измазана именно там, где встречается имя Йицхак.

Наконец, последний эпиграф, на листе 82б: эпиграф 18=4 Гаркави, стр. 76-77; эпиграф 19=5 Гаркави стр. 78: текст получитаем, темен, дата внизу в последней строке – שנת אתקמד – ЯВНО иной рукой.

Я не имел возможности ознакомиться с Евр I Библи 52: этот текст, якобы 1001 г. Хр. эры, принадлежит перу Тивериадского масорета, и был продан в Крым, первому крымскому паломнику Моше б. Йаакову Крымскому, в Хевроне.¹¹ По словам Гаркави (Гаркави&Штрак, стр. 81), чернила и почерк «как в прочих ненастоящих эпиграфах».

Евр I Библи 55а (Гаркави&Штрак, стр. 82-88): это маленькие полусгнившие листки. На предпоследней странице,

посередине, ясными крохотными караимскими буквами лучшей сохранности, текст: ש'אלף ומאתים לשטרות פה מתא'נשלם ש' 'ב'ל'א'רבתא אנפא י' как у Гаркави (см. разночтения с Нейбауером). На предыдущем листе у корня – следы приписки; согласно ф. 946 оп. I N 128, рукопись найдена в Каффе (в генизе?) в 1844 г.

Я видел также Евр I Библ 556, не содержащий приписок.

Лебедев, стр. 60, проверил также Евр I Библ 55а, – три поврежденных библейских фрагмента, якобы переписанных в Анапе в 888 г. Хр. Эры. Однако уже Гаркави предположил, что слова ש'ין и ש'טרות стоят вместо первоначальных, позднее переправленных, например, вместо числа стихов в книге Чисел, которая кончается как раз перед записью. Лебедеву предположение Гаркави кажется притягательным, и частично, насколько позволяет нынешняя сохранность текста, убедительным. Что до слова «Анапа», то и оно кажется Лебедеву сомнительным.

У Гаркави и Нейбауера даны еще приписки с этого же манускрипта, но я не смог их обнаружить.

Я не смог проверить Евр I Библ 67 (Гаркави&Штрак, стр. 91–92): один лист из Малахи, с припиской якобы от 1252 г. Хр. эры, в которой упоминается продажа Пророков Натаном Кеффели Авинадаву Кирими (оба прозвища невозможны в 1252 г.); по словам Гаркави, почерк обычный крымско-караимский.

Я не смог проверить Евр I Библ 72 (Гаркави&Штрак, стр. 94–96): кодекс Писания со многими вариантами, испанской рукой и, по словам Гаркави, не очень древний; в конце псалмов (Евр I В 72, л. 3а) есть запись о покупке Ошаной сыном Михаэля из ג'רא у Ханукки сына Шемарьи, в г. Матарха; рукопись посвящена общине Сулхата в 929 г. Хр. эры, или א'רמא по эре контрактов и ת'רפ'ט ([4]689) от сотворения мира, в год прихода посвятителя и его близких со своей родины, Гагры (в год ל'ש'ט א'רמא ל'בריא'ה). Гаркави отметил изменения букв в дате. Лебедев посвятил этому кодексу особое место в своем

уже цитированном исследовании. Как отметил Лебедев (стр. 59), «все буквы даты по зре контрактов и две средние буквы даты от сотворения; обведены черными чернилами, в то время как вся запись сделана светло-коричневыми». Проведенное им исследование позволило предположить, что первоначальная дата была $\aleph\aleph\aleph$ и $\aleph\aleph\aleph$, т.е. 1129 Хр. эры.

Я не смог проверить также Евр I Библи 77 (Гаркави&Штрак, стр. 99): кусок из книги Левит. Это, очевидно, действительно старый фрагмент, якобы от 923 г. Хр. эры. В начале второй полосы приписка. Лебедев, проверивший ее с помощью приборов, отмечает, что исправление \aleph на \aleph наблюдается также в здесь; в дате $\aleph\aleph\aleph$ לשטרות (923 г. Хр. эры) как невооруженным глазом, так и при помощи приборов, видно, что \aleph переделана из \aleph путем подчистки, следовательно, дата рукописи 1453. Рукопись переписана для караимов Иерусалима переписчиком Саадином Арджани.

Я не смог проверить также Евр I Библи 78 (Гаркави&Штрак, стр. 100–102): 7 листов из 5 различных рукописей, которые были, якобы, подарены уже известным нам Авраамом б. Симхой своему зятю, хазарскому вельможе Ноаху б. Букуку в 969 г. Хр. эры, после того, как первый приобрел свиток Закона у Эфраима, иерусалимского *шалиаха* (согласно Фирковичу, миссионера раббанитов, посланного в Крым в 957 г.).

Я не смог проверить также Евр I Библи 80–81, 85–93.

Переходим теперь к так называемому «Одесскому Собранию», то есть к наиболее ранним частям Первой Коллекции Фирковича.

Одесское Собрание:

Евр I В 4 (Гаркави&Штрак, стр. 235–237): кодекс Закона и Мегиллот, найден в 1840 г. в Карасубарзаре. На кодексе две приписки, одна из них, от 1140 г. Хр. эры, не содержит исторической информации или имен; в конце Горы, л. 1586,

эпиграф; кое-где намазано желтым: סכום פסוקים מספרא, в картуше, слегка намазан (не отмечен у Гаркави); внизу другой картуш, побольше, начинается בשלם זה הספר, текст по Гаркави, п. 236; ниже картуша две строки с датой, которые ВЫХОДЯТ ЗА РАМКИ КАРТУША, они намазаны сильнее, желто-коричневым, и плохо читаются, во второй (=11) строке читается – как у Гаркави – лишь מאן משל. ВИДИМО, ЭТИ ДВЕ СТРОКИ ДОБАВЛЕНЫ.

Ниже эпиграф II, очень сильно замазанный, 6 строк, как и у Гаркави, стр. 237, который не смог их прочесть. Часть букв резко выступают, как будто вырезаны, и те буквы, что видны, НИКАК не соответствуют тексту у Гаркави, данному по Фирковичевской копии (ибо и для него текст был уже не ясен). Кроме того, кажется, что поверх этого текста, не соответствующего тексту Фирковича, написан иной текст, с иным расположением строк. Согласно тексту, как его читал Фиркович, эту Тору подарили в общину выходцев из Гагры, живущих в Сулхате, без даты. О Гагре, ср. выше.

На последней странице, вверху, по-русски: «N 4 по описи, составленной 10 мая 1840 г.», т.е. кодекс действительно найден в Карасубазаре. В конце – остаток верхней части обложки (не описан), на внутренней части пробы пера и имени – Šemariyah ben Yehuda ben rabbi Yaaqov, через «WaW» (sic!) z"i' Elhadi? בעה... hakohen (ל רבי יעקוב ז"ל) (אלהדי בן ... הכהן).

Согласно современной описи эта рукопись была украдена 01.12.1994; 15.12.1994 найдена и хранилась в ФСК; 21.02.1995 возвращена ГУВД в библиотеку.

Я не смог проверить Евр I В 5 (Гаркави&Штрак, стр. 238–239).

Евр I В 6 (Гаркави&Штрак, стр. 239–244): кодекс Торы, найденный в Каффе; он содержит длинную надпись на первом листе, якобы 1376 года. Я смотрел этот кодекс, держа в руках

ксерокс с микрофильма, сделанный в Иерусалиме. Разница огромна.

Первый лист замазан желтым, часть букв черны, но читаются; на другой стороне – начало книги Берешит. Нет причин видеть подделку, скорее, инспирация для оной. Судя по содержанию, этот кодекс раббанитского происхождения, из Сулхата.

Евр I В 7 (Гаркави&Штрак, стр. 244–247): неполный кодекс Закона, найден в Карасубазаре (по Avne Zikaron), или в Каффе (по Пиннеру), но в конце сбоку, по-русски: «что касается сего кодекса иудейской Крымской синагоге храня... сему древностей ... Карасубазар ... городской полиции ... пристав Фомин».¹² Эпиграф якобы от 1327 г., не содержит сенсационной исторической информации, и очевидно, все подлинно. Большой желтый сильно подпорченный кодекс, посредине есть места, намазанные желтым. В конце – полторы колонки намазанные черно-коричневым. Практически не читается, дата дана словами.

Евр I В 8 (Гаркави&Штрак, стр. 247–249): конец кодекса Закона, конец книги Деварим (были и 5 мегиллот), похож на Б 11, на последнем листе замазанная коричневым и в пятнах приписка, от 1419 года, как и в Евр I В 11. טעקע Фиркович читал טמקט= 1389 г.; на год пятно, ק не виден, но У ясен, хотя и похож на נ.

Евр I В 10 (Гаркави&Штрак, стр. 249–254): начало кодекса, Берешит. Две недатированные приписки, по Фирковичу – конца 10-го века.

2 листа из Торы, якобы 10 века, из огромного огласованного кодекса, с масорой, начинается (1б) началом Берешит, на 1а старым ясным почерком эпиграф 1, выглядящий аутентично (כופו לוגרין), огласованно, слегка затерто; две последние строки – см. Гаркави – замазаны); в первом эпиграфе קהל טמן תרקא... בשפת הים... ясно; эпиграф 2 выполнен похожим почерком и, вероятно, добавлен

позднее, но в худшей сохранности. На имени общины (לפני הקדשתי ... העדה) – пятно.

Евр I B 11 (Гаркави&Штрак, стр. 234). Похож на B 8, приписка почерком переписчика (ישראל שרביט הזהב כתב ספר), внизу в конце Деवारим, с датой הקעט=1419. Приписка, несомненно, аутентична. Видимо, такие приписки на кодексах и навели Фирковича на мысль о создании таких же на свитках.

Евр I A 1 (т.н. Дербентский документ): огромная кожаная Тора, тяжелая; явное персидское письмо послемонгольской эпохи. В конце – красная печать и приписка N 1. Текст приписки, справа от конца Деवारим, выглядит ясно и производит аутентичное впечатление, хотя рука не персидская (и не должна, по тексту). Читается не без труда, особенно в конце, где текст затерт; без печатного текста рукописный вряд ли мог бы быть прочитан. Первая строка огласована по-вавилонски (не отмечено Гаркави). Со строки 35 читается очень плохо, географические названия почти не видны.

Евр I A 2: конец Деवारим, найдено, якобы, в Чуфут-Кале в 1840; приписка по-русски об отсылке в Одессу, красная печать; вид приписки о пожертвовании יורה (котла) и תורה – древний; слова סולכאא וסוריים ясны; на месте слов קהל и משא – дыра. Упоминание в тексте חופות есть явный анахронизм, и не было ли здесь специального интереса Фирковича? חל – лигатурой; подписи свидетелей – одним почерком; те же имена в кодексе 89 и в A 10. Вид приписки, опять же, древний.

Евр I A 3: конец Деवारим, найдена в 1840 г. в Чуфут-Кале. Дешевая бедная Тора, плохой сохранности, с печатью, 1289 г. (?). Мне показалось, что перед нами хорошая подделка. В содержании приписки ничего сенсационного нет; по мнению Гаркави, она подлинная.

Евр I A 4. Этого текста в С-Петербурге нет, и не было уже во времена Гаркави. Фиркович указывал, как место нахождения

текста, то Чуфут-Кале, то Карасубазар. По его утверждению, эта Тора была украдена из Одесского музея, приписки же якобы содержали сенсационную информацию.

Евр I A 5: конец Деварим. Дешевая и старая Тора, найдена в 1840 г. в Чуфут-Кале. Эпиграф II – как у Гаркави. Эп. II, хоть и со слова ושלם – иным, ясным почерком, на желтом пятне. Обе (843) даты совсем не ясны, גניטי или בניטי – не ясно. א/צ ציכורצ – что в конце, не ясно. Эп. III старый караимской почерк, читается ясно, лишь полузамазан. Цель подделки – ананизм и שבט שני в Крыму.

Евр I A 6: конец Деварим, найдена в 1840 г. в Чуфут-Кале. На месте, где была приписка (тою же рукою, что и текст) – дыра. Видны начала трех строк, см. Гаркави. Согласно Гаркави, 1360 г. und ächt. א ligатурой. Состояние как при Гаркави; есть копия приписки рукой АСФ, отмечена у Гаркави. בעיר סולכט בשולי אגרימיש. Возможно, именно такие тексты и вдохновили Фирковича на изготовление подделок.

Евр I A 8: найдена в 1840 г. в Карасубазаре. יהודה מקוסדינה קיא (1351). Две последние יריעות – старые, но в лучшем состоянии, чем собственно Тора. Приписка крупная, старая, «романиотская» (=караимская?), все ясно и аутентично. Свидетельство пристава Фомина читается ясно.

(ארור גונבו וארור מוכרו וארור מוציאתו מקדושתו).

Евр I A 9: конец Деварим, найдена в 1840 г. в Карасубазаре, с автографом пристава Фомина. Приписка якобы от 965 г., בעיר ארור גונבו ומזייפו. סולכט בקהלת הקראים לעדת כזריים אל¹³ лигатурой, караимский почерк, дыра внизу; работа исполнена прекрасно.

Евр I A 10: конец Деварим (найдена Б. Штерном в Карасубазаре?). Приписка на последней יריעה; эта последняя отличается, но не слишком, от собственно Торы, письмо которой старше и иное. Приписка слева вверху, кусочек

сверху срезан, письмо «старое», ясное, все читается, даты нет. Все, что там есть хазарского – слова קהל סולכת (но они вписаны несколько иными чернилами как-бы между строк) и имя גלדל, которое находим также в Евр I А 2. Датировка 10-ым веком основывается лишь на А 2, Ф 89 и А 11; по Гаркави – начало 14 века. Вид приписки аутентичен, и так и должно быть, ведь на столь раннюю дату как 10 век указывают только внешние свидетельства.

Евр I А 11: как у Пиннер, стр. 12. Найдена в 1840 г. в Карасубазаре. В конце Деварим одна יריע, не старая; приписка на подшитом справа сверху обрыве לעיע примерно в 20 см шириной, сбоку подпись приставы Фомина. Приписка читается ясно, производит впечатление старой, низ оборван, לx лигатурой. Вид приписки абсолютно аутентичен, но ведь не было же Сулхата в 929 н.э.! Вполне возможно, что Фиркович изготовил ее заранее, до визита в Карасубазар.

Евр I А 12: конец Деварим; найдена в 1840 г. в Карасубазаре. Справа сверху – приписка, низ оторван, намазан коричневым, буквы намазаны черным. Есть бежевый фон, впечатление отвалившейся древней штукатурки, все четко. Даты нет, שרג читается ясно. Ничего сенсационного, кроме места, кое удревнено через идентификацию с другими персонажами.

Евр I А 13: конец Деварим, из Кафы. Приписка сбоку справа, наискось, интересна тем, что содержит историческую запись от 1817 (!) года, за 20 с небольшим лет до того, как Фиркович начал свою археологическую деятельность. Возможно, что эта запись дала Фирковичу идею составлять подобные записи на полях и в конце свитков и кодексов (практика, осуждаемая иудаизмом). В тексте говорится о спасении этой Торы на корабле во время войны и о затоплении Перекопа, во время которого пострадала и караимская синагога. Такие бесхитростные «истории», хоть бы и 1817 года, интересовали Фирковича в 1839, когда на него был возложен

сбор сведений по истории Крыма и караимов в Крыму. Замечу, что эта недревняя Тора выглядит отнюдь не ново.

Евр I А 14: конец Деварим, согласно Фирковичу, из Карасубазара; то же и согласно подписи пристава Фомина. По Ereiographensammlung, рукописной копии АСФ, из Чуфут-Кале. Сначала идет срезанный и замазанный колофон, см. Гаркави, потом нынешний (согласно Фирковичу, от 933 г. н.э., но даты нет!). Все читается ясно, типичный караимский почерк. בקהל סולכאט בכנסת כוריים

Можно предположить, что Фиркович, пользовавшийся «древними» чернилами (в его личном архиве хранится их рецепт¹⁴) и бывший прекрасным каллиграфом, умел совершать изящные подражания древним надписям.

С другой стороны, на ранней стадии своей собирательской деятельности он подчеркивал значение и древность рукописей именно на коже, а не на пергамене (קלף), поэтому можно, в качестве рабочей гипотезы, предположить, что именно кожа была выбрана им для проведения ранних экспериментов с имитациями древним надписям.

К тому же, он неоднократно подчеркивал, что изобрел специальный химический раствор, который называл מייץ עפוצי מים, содержащий растительный элемент, использовавшийся дубильщиками, и с помощью этого состава был способен, по его словам, проявлять старые, плохо читаемые тексты рукописей. По-видимому, этот состав действовал на кожу, ранний объект усилий Фирковича, иначе, нежели на пергамент. Поэтому надписи на коже выглядят действительно древними, в то время как надписи на пергамене, в результате воздействия מייץ עפוצי מים, разрушались.

Отметим, что тексты Торы, на коих сделаны приписки – очевидно, практически всегда ПОСЛЕ написания текста Торы, вполне читаемому, и полустертые выцветшие места не обнаруживаются при поверхностном осмотре. Это особенно

бросается в глаза при сопоставлении состояния библейского текста, расположенного там же, с состоянием приписок.

Можно также предположит, что, когда Фиркович понял, что פִּרְקוֹת מִיּוֹד разрушает текст, написанный на пергамене, он решил воспользоваться этим его свойством для поточного создания приписок: их намазанный вид не оставлял возможности судить о первоначальном состоянии текста, и оставалось довериться мнению и чтению самого Фирковича или, в ряде случаев, когда текст безнадежно пострадал, даже лишь сделанным им копиям.

Итак, мы можем суммировать. Были проверены все свитки Первого Собрания, имеющие приписки:

Евр I Библия 2: сенсационен, на коже, выглядит аутентично; содержание невероятно.

Евр I Библия 3: на коже, выглядит аутентично; содержание отражает заинтересованность Фирковича в традициях до-собственно-караимских сектантов (ананиты, Второй *шеват*) и его начитанность в современной ему научной литературе (Арка-Ада: название, происходящее из опечатки Мурзакевича). Эти два кожаных свитка особо удались Фирковичу.

Евр I Библия 6: пергамен, конец Торы, проблематичная приписка, содержащая данные о непрерывном пребывании евреев в Крыму на протяжении почти тысячи лет, вплоть до пост-эллинистических времен, выглядит даже древнее основного текста. Даты не читаемы, на исследуемой приписке – пятна. Я предполагаю, что Фиркович, начав свои подделки с кожаных свитков, обнаружил, что на пергамене результат выглядит иначе, и ему пришлось в голову покрывать такие, менее удачные, приписки, пятнами, затрудняющими чтение. В качестве материала для производства приписок Фиркович начинает использовать концы свитков Закона Божьего, которые находит в генизах в немалых количествах.

Евр I Библия 7: пергамен, конец Торы, приписка вполне приемлемого содержания из Сулхата, но с невозможно ранней

датой, данной библейским стихом. Датирование библейским стихом – это один из излюбленных способов Фирковича удревять даты (а иногда, позднее, и создавать новые), ибо вычисление даты зависит от того, КАКИЕ буквы учитываются при подсчете. Расставление точек над дополнительными буквами меняет сумму букв и, соответственно, дату. Приписка выглядит древней, но замазана; она может быть достаточно древней, с переправленной датой, либо созданной Фирковичем и намазанной им же, для создания критической массы замазанных приписок.

Евр. I Библ 8: пергамен, середина Торы, на **НЫНЕШНЕЙ** последней полосе – приписка; это невозможная ситуация, сама по себе вызывающая глубочайшее подозрение. Текст, подозрительный также по содержанию, опять-таки, намазан. Для материала для создания приписки использован *опасуленный* (ритуально не годный) свиток, которому всего несколько сотен лет.

Евр I Библ 9: пергамен, конец Торы, точнее, фрагменты. В тексте – эра «от изгнания» и прочие невозможности. Опять пятно, обрез текста. Для материала использован старый и ценный вариантами свиток.

Евр I Библ 10: цельный свиток на пергамене (второй цельный свиток), небрежный и с вариантами. Приписка практически уничтожена химической реакцией. Часть текста оторвана. Очевидно, как следует из содержания и разных чернил, была использована и переработана подлинная приписка 16-го века.

Евр I Библ 13: третий цельный свиток, пергамен, второй случай использования для приписок в конце свитка полос, взятых из **ДРУГИХ** свитков. На доклеенной полосе – хорошо читаемый, но намазанный текст. Свидетельство ли это систематического намазывания текстов, написанных с нуля самим Фирковичем, для скрытия подделок в датах и других деталях на просто **ПЕРЕПРАВЛЕННЫХ** им приписках?

Четвертый случай пятна, второй случай использования иных полос, подшивание иным способом. Содержание этой поддельной приписки – хазары и «древняя крымская эра».

Евр I Библи 14: пергамен, конец Торы, ценные варианты; содержание – хазары, синхронизация эр «от изгнания» и «древней крымской эры», доказательство существования Й. Сангари. Приписка НЕ ЯВЛЯЕТСЯ органической частью текста и НАКЛЕЕНА поверх полосы. Посреди приписки дыра, обойденная писцом, т.е., дыра была и в момент создания приписки.

Евр I Библи 15: пергамен, конец Торы; последняя полоса, содержащая приписку, из другого текста. Содержание – как и в предыдущем номере, т.е., хазары, синхронизация эр «от изгнания» и «древней крымской эры», доказательство существования Й. Сангари. Опять пятна, следы сильной химической обработки. Чернила (в приписке якобы от 848 г. Хр. эры) те же, как и в предыдущем номере (в приписке якобы от 789 г. Хр. эры) и в другой приписке, якобы от 940 г. Хр. эры. Вывод: обе приписки написаны одним лицом, в одно и то же время, одна за другой, о чем свидетельствуют и номера.

Евр I Библи 19: четвертый цельный свиток, на пергамене, седьмой случай пятна, сильная химическая реакция; дата не читается. Использована и обработана подлинная приписка Средних веков.

Евр I Библи 25: пергамен, конец Торы, содержит упоминание о хазарах и информацию, связанную с другими приписками. Текст производит аутентичное впечатление, возможно использование подлинной приписки позднейшего времени и ее переработка. Если это подделка – а судя по содержанию и косвенным признакам, это подделка – то уровень изготовления высок, как на кожаных свитках.

Евр I Библия 27: пергамен, конец Торы, единственная аутентичная приписка, 14-15 веков, без даты и без сенсаций, крымско-романиотского происхождения.

Евр I Библия 31: пергамен, конец Торы; по содержанию связан с предыдущим; фрагментарный залитый текст. Очевидно, подделка, но возможно, что использован более древний колофон.

Евр I Библия 45: пергамен. Приписка, хотя и середины 14-ого века, тем не менее явно подделана самим Фирковичем, поскольку выдает его интересы (поиски в генизах в Средние века) и идеи (страдания караимов от рук татар). На датах и названиях местностей – пятна, именно на проблематичных местах, стоящих проверки. У меня нет сомнения, по косвенным свидетельствам, что перед нами работа Фирковича, сделанная с нуля; замазывание именно тех мест, которые будут в первую очередь проверены, в этом, относительно невинном, тексте, призвано, по моему мнению, приучить исследователей к пятнам всюду, где есть даты и названия местностей.

ИТАК:

Использована и обработана подлинная приписка Средних веков: Евр I Библия 19.

Единственная аутентичная приписка: Евр I Библия 27, 14–15 веков, крымско-романиотского происхождения.

Кодексы Первого Собрания, имеющие приписки:

Евр I Библия 48: древний кодекс на пергамене; краткая приписка, упоминающая хазарина-еврея, утеряна между 70-ми годами 19-го века и 70/80-ми годами 20-го века.

Евр I Библия 51.

Одесское Собрание, сложившееся в 1839–1840 гг.:

Евр I В 4: дата (1140 г.) добавлена позднее, выходит из картуша, слегка намазана; две нижние строки (включая строку

с датой) добавлены. Вторая приписка, без даты, но сенсационного содержания, написана по другому, раннему, тексту, и очень сильно замазана.

Евр I В 6: длинная надпись от 1376 г. из Сулхата, видимо, аутентична, найдена в Каффе, и именно такие вещи дали Фирковичу инспирацию для подделок. Текст намазан, но читается. Намазывание произошло на ранней стадии опытов Фирковича, когда целью этой операции действительно было выявление плохо читаемых фрагментов, а не уничтожение следов подделок.

Евр I Б 7: аутентичные, но сильно намазанные приписки 1327 г. и 1427 г., без сенсационной информации.

Евр I В 8 и В 11: 1419 г., вполне аутентичные приписки; именно такие и дали Фирковичу вдохновение. На Б 8 дата подправлена, удревнена всего на 30 лет. В 11 найден в Каффе, очевидно, и В 8 там же.

Евр I В 10: аутентичная древняя недатированная приписка, по Фирковичу – 10 века. Я склонен принимать содержащуюся в этой приписке информацию о существовании еврейской общины в Тамани.

Евр I А 1: «Дербентский документ», на коже, сшито из нескольких кусков и писано разными руками, подделанный Фирковичем текст выглядит аутентично. Фиркович работал над ним около месяца; отличная, высококачественная подделка.

Евр I А 2: без даты, найдено, якобы, в Чуфут-Кале, но отдельно от прочих имевших там место находок, и лишь на этом свитке было упоминание хазар. Косвенные свидетельства, приведенные выше, заставляют меня полагать, что перед нами ранняя и высококачественная, при этом осторожная, подделка.

Евр I А 3: 1289 г., без места написания или дарения, аутентично; найдено, якобы, в Чуфут-Кале.

Евр I A 5: иным почерком, приписано позднее, даты (якобы, 9-ого века) совсем не ясны, желтые пятна. По косвенным свидетельствам, подделано Фирковичем; найдено, якобы, в Чуфут-Кале.

Евр I A 6: подлинно, 1360 г. из Сулхата, найдено, якобы, в Чуфут-Кале.

Евр I A 8: подлинно, 1351 г., найдено в Карасубазаре.

Евр I A 9: якобы, от хазарских караимов Сулхата, года падения хазарского каганата (965), найдено в Карасубазаре. Текст, содержащий а Freudian slip, построен на Евр I A 8. Хорошая высококачественная подделка.

Евр I A 10: без даты, но древняя, найдена Б. Штерном в Карасубазаре; слова с «хазарскими коннотациями» вписаны меж строк позднее.

Евр I A 11: конец Торы, приписка подшита поверх, текст найден в Карасубазаре; вид аутентичен, но содержание и тот факт, что приписка подшита, заставляют нас признать ее высококачественной подделкой, относящейся к ранней стадии деятельности Фирковича.

Евр I A 12: конец Торы, без даты, очень плохой сохранности, видимо, аутентична; найдена в Карасубазаре.

Евр I A 14: конец Торы; найдена в Карасубазаре, хотя Фиркович и утверждал, что в Чуфут-Кале; даты нет, сильно замазано, поздний караимский почерк, явная подделка.

Аутентичны: Евр I B 6, 1376 г.; Евр I B 7, 1327 г. и 1427 г.; Евр I B 8 и B 11, 1419 г.; Евр I B 10 (10/11-й века?); Евр I A 3, 1289 г.; Евр I A 6, 1360 г.; Евр I A 8, 1351 г.; Евр I A 12 (?);

Писано здесь, в Иерусалиме, 14 – 19 шевата (единственного) 5763 г. по Сотворении Мира (согласно Seder Olat), в 55 год восстановления Независимости Израиля, напротив Кнесета и Музея Израиля. Автор благодарит своего

друга Ариэля Когана за техническую поддержку и бескорыстную и искренне заинтересованную помощь.

Примечания

¹ *A. Harkavy & H.L. Strack*, Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kais. öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg, Sankt-Peterburg 1875. О биографии Фирковича, см. *D. Shapira*, Avraham Firkowicz in Istanbul, (1830-1832): Paving the Way for Turkic Nationalism, KaraM, Ankara 2003; более ранняя русская работа также пока не до конца потеряла свою актуальность: *В.Л. Вихнович*, Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи, История, Путешествия, Санкт-Петербург 1997.

² К анализу эпиграфического материала, см. *Studies on a Qaraite Community: Studies on a Qaraite Community. Report of the Expedition of the Ben-Zvi Institute to the Jewish-Qaraite Cemetery of Chufut-Qaleh, the Crimea*; edited by Dan Shapira, Ben-Zvi Institute, Jerusalem, 2004 [Hebrew; in print].

³ Проблема сложна, но ср. *M. Gil*, «The Origins of the Karaites», *Karaite Judaism. A Guide to its History and Literary Sources*, ed. M. Polliack, Leiden Brill 2003, pp. 73–118 (p. 78).

⁴ OR RNL f. 946 op. 1 N 335. На обложке – цитаты из Н.П. Мурзакевич, История генуэзских поселений в Крыму, Одесса 1837, стр. 37, и С. Богуш-Сестренцевич, История царства Херсонеса Таврического, I-II, Санкт-Петербург 1806: «Каффа прежде звалась Аргауда (огласовано: Д.Ш.) т.е. 'после комнаты'» (тюркск. Arqa = после; oda = комната; Д.Ш.); ср. *A.F. von Haxthausen*, Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die Ländlichen Einrichtungen Russlands, Vol. II, Leipzig & Hannover 1847, p. 386: *Argdauda* = Kaffa.

⁵ Заметим, что в высшей степени нереально, чтобы караимы в середине 10 века успели освоиться в византийских владениях, см. *Z. Ankori*, The Karaites of Byzantium, New York–Jerusalem 1959.

⁶ Написание через букву КаPh невозможно в принципе, не говоря уже о том, что такого города и названия не существовало до конца 13-го века

⁷ О котором см. *D. Shapira*, New Data on the Karaites' Origins in the Crimea: Myth and Reality; With An Appendix on Bezalel Stern and 'Yitshaq Sangari'. Memory and Remembrance, Ben-Zvi Institute, Jerusalem 2004 (Hebrew; in press); см. также *D. Shapira*, Yitshaq Sangari, Sangarit, Bezalel Stern, and Avraham Firkowicz: Notes on Two Forged Inscriptions. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 14 (2002–2003, pp. 223–360); *Д. Шапира*, «Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович», Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды (Симферополь 2003); «Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: История о Двух Подделанных Надписях», Параллели 1997, 2–3 (Москва 2003); стр. 363–388.

⁸ *О.В. Васильева*, «'Одесское Собрание' Авраама Фирковича», Восточный Сборник 6 (Санкт-Петербург 2003), стр. 12–35; *О.В. Vasilyeva*, «The

Firkovich Odessa Collection, the History of its Acquisition and Research, Present Condition and Historical Value», *Studia Orientalia* 95 (2003), pp. 45–53.

⁹ Семейное прозвище отца Симхи Бабовича, покровителя А. Фирковича.

¹⁰ См. В.В. Лебедев, «К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича», *Палестинский Сборник* 29(92), Ленинград 1987, стр. 57–63.

¹¹ О личности покупателя, см. Шапира, глава «Семья Йерушалми», в *Studies on a Qaraite Community: Studies on a Qaraite Community*.

¹² Ср. О.В. Васильева, «‘Одесское Собрание’ Авраама Фирковича», *Восточный Сборник* 6 (Санкт-Петербург 2003), стр. 12–35; О.В. Vasilyeva, «The Firkovich Odessa Collection, the History of its Acquisition and Research, Present Condition and Historical Value», *Studia Orientalia* 95 (2003), pp. 45–53.

¹³ Как можно LEZAYYEF (*подделка*) Тору?!? A Freudian slip?

¹⁴ ОР РНБ ф. 946 оп.1 N 998.

*Юргита Шаучюнайте-Вербицкене (Вильнюс)***Ограничения еврейского ремесла и торговли в городах Великого Княжества Литовского**

Интенсивное и многостороннее предпринимательство евреев в городах Великого Княжества Литовского всеобщее признано в историографии, хорошо известна и проблема непрерывной еврейско-христианской конкуренции. С конца 16 века в государственных и частновладельческих городах Литвы, наряду со сдерживанием еврейского распространения в черте города и урегулированием податочных отношений между еврейской общиной и мещанами, она стала одним из главных эпицентров конфликтной коэзистенции мещан и евреев. Наличие еврейского квартала в городе является важным обстоятельством в регламентировании экономической деятельности евреев, особенно их ремесла. Еще Сергей Бершадский в контексте истории виленской еврейской общины, заметил связь между выделением нескольких улиц для евреев и возможностью ограничения их численности в городе, ибо ограниченное пространство стабилизирует число потенциальных конкурентов¹.

Поселяться в государственных городах евреям разрешалось привилегией великого князя, в частновладельческих – привилегией владельца. Этими по своему характеру декларативными привилегиями, которые мало чего общего имели с действительностью, как правило, разрешалось иметь синагогу и кладбище, а также свободно заниматься любым промыслом. Во всеобщих или, так называемых, генеральных привилегиях евреям 17 века² также декларировалось в практике неосуществимое неограниченное предпринимательство. В Великом Княжестве Литовском общегосударственный механизм регулирования экономических отношений между мещанством и евреями так и не был найден. Такое регулирование происходило спонтанно, чаще всего по инициативе горожан с внедрением сразу всего комплекса ограничений еврейского предпринима-

тельства. Но лишь к концу 18 века по конституциям сеймов при составлении договоров, так называемых Пакта (*Pakta*), между мещанами и евреями стало обязательным согласование интересов обеих сторон³. Для евреев такое подписание Пакта стало возможностью заняться предпринимательством и ремеслом, в противном случае их экономическая деятельность в городе должна была прекратиться (Источников, показывающих такой исход событий, обнаружить не удалось).

Несмотря на официальную общегосударственную политику конфессиональной терпимости, города Великого Княжества Литовского с конца 16 века являлись местами наиболее конфликтного совместного проживания мещан-христиан и евреев. Здесь нужно указать на два важных обстоятельства. Первое, корпоративная структура городского общества – существование закрытых конфессионально единых христианских цехов ремесленников и купцов. С точки зрения которых любой не ставший членом цеха, занимался своим ремеслом являясь нелегалом, в источниках «чужой» – «бракодел» (полск. – «*partacz*», «*pokątny*», нем. – «*fuszer*»)⁴. Как раз в таком понимании горожане – ремесленники и купцы определяли экономическую деятельность евреев. Второе, с конца 16 века ремесло становится главным источником существования большей части евреев в городах Великого Княжества Литовского. Имеющиеся статистические данные иллюстрируют лишь обстановку конца 17 – начала 18 века. Они передают не только масштаб еврейского ремесленничества, но и показывают неэффективность тех средств, которыми мещане-христиане старались одержать экономическую деятельность евреев. Например, в Жемайтии – западной части этнографической Литвы 44 процента всех ремесленников были евреи. В Вильнюсе во второй половине 18 века ремесло являлось основным занятием 79 процентов евреев города и пригородов. Наиболее популярными были ремесла портного, меховщика и мясника⁵. Занятие примерно половины членов общины (как правило, мужчин) ремеслом характерно во многих городах. Еврейское ремесло и торговля вне цеховой структуры являлось главным

объектом конкуренции сторон. Мещане, с конца 16 века постоянно изобретали разные формы ограничений еврейского предпринимательства. Выбор этих форм зависел от потребностей конкретного города, от наиболее популярных в то время и прибыльных товаров на местном и зарубежном рынке и прочих обстоятельств.

В 1629 году впервые в общегосударственной привилегии евреям был затронут вопрос их ремесленнической деятельности. Евреи, получили право, заниматься ремеслом, не будучи членами цехов и не платя взносов в их кассу⁶. Источники того же времени уже фиксируют разные варианты реальных отношений между цехами христианских ремесленников и евреями ремесленниками. Например, требование от евреев-ремесленников **денежных взносов в кассу цеха. В некоторых частновладельческих городах применялся иной более радикальный вариант - включение евреев в цеховые корпорации. Вступление являлось главным условием дальнейшего занятия ремеслом или торговлей. Такая принадлежность (через взносы в кассу цеха) еврейских ремесленников к цеховой организации, так же по существу являлась косвенной формой ограничения и регулирования еврейского предпринимательства. Но это лишь один, наиболее рациональный способ ограничения еврейского предпринимательства со стороны корпоративных структур городов. Договоренность между кагалом Вильнюса и мещанами Ординация 1633 года показывает целый спектр внедряемых в городах форм для ограничения еврейского предпринимательства. Это – лимитация круга клиентов, определение мест продажи еврейских товаров, ограничение форм продажи, выделение запрещенных товаров, а также перечисление запретных для евреев ремесел⁷.**

Аналогичные соглашения в других городах и в особенности статуты цехов выявляют еще один вид ограничений – это запрещение совместного предпринимательства еврея и христианина⁸. С одной стороны, на это очень сильно влияли предрассудки общества, верившего, что евреи снижают пробу

драгоценных металлов⁹, режут больной скот или сдирают шкуру с павшего животного. Даже в судах евреи золотники вынуждены были оправдываться, что они не портят металла, а их изделия дешевле лишь поэтому, что они меньше ценят свой собственный труд, который вкладывают *«только для своего пропитания и блага христиан»*¹⁰. С другой стороны, боязнь, что совместная деятельность или помощь еврею, в конце концов повлияют на улучшение материального состояния последнего. Затруднительными для евреев были требования прекратить работу во время воскресного богослужения христиан и во время целого ряда церковных праздников. Например, евреям-мясникам запрещалось продавать мясо во время христианских постов, то есть в каждую пятницу и еще несколько недель в год (предрождественский и предпасхальный посты)¹¹.

Упомянутая Ординация 1633 году составленная в Вильнюсе показывает главный принцип ограничения еврейского ремесла – кроме перечисленных выше всевозможных ограничений в ремеслах, евреям предписывалось обслуживать лишь клиентов-евреев, заниматься они могли лишь теми ремеслами цехов которых нет в городе. Кстати, сами цеховые корпорации не отгораживались от евреев как возможных клиентов. Свободно евреи ремесленники могли работать только в квартале, обслуживая членов своей общины, не продавая продукции за ее пределами¹². Несоблюдение такого порядка влекло за собой соответствующие санкции против нарушителей. Например, когда было обнаружено, что изготовители ремней в Вильнюсе часть своей продукции продавали христианам, им было запрещено изготовление ремней даже для евреев¹³. Запрещение работать для клиента-христианина одно из наиболее ярких ограничений еврейского ремесла.

К концу 16 века начатая практика взносов (они особо частыми становятся в конце 17 века) евреев ремесленников в казну соответствующих цехов означала не что иное, как разрешение им обслуживать как евреев, так и христиан. Так в одном из таких требований, *«чтобы евреи портные не рабо-*

тали на христиан», указывается и альтернатива: евреи могут обслуживать христиан «делая денежные взносы цехам»¹⁴, как это делает стекольщики и жестянщики. Часто лимитировалось и число еврейских мастеров, которым предоставлялась возможность платить цеховые взносы, ибо при этом следовали иные экономические взаимоотношения. Мастеру – еврею, платящему взносы в пользу цеха, разрешалось иметь христиан подмастерьев или учеников, которые принадлежали данному цеху и лично платили все его взносы¹⁵; реализацией своей продукции на городском рынке мог заниматься только сам мастер или его наследник еврей.

Взносы евреев ремесленников в кассу христианских цехов и дополнительные двусторонние соглашения были переходным этапом в создании общих христианско-еврейских цехов. Хотя во многих городах сохранился этот переходный вариант. Общие или смешанные цеха чаще создавались в частновладельческих городах по инициативе их владельца. Здесь евреи подчинялись общему цеховому порядку и юрисдикции корпорации, исключение составляли религиозные обряды христиан, от которых евреи освобождались.

Ремесленники евреи сталкивались еще с двумя проблемами – это реализация своих изделий и приобретение сырья. Обе эти сферы тесно связаны с ограничениями еврейского купечества. Часто более специфическое сырье, как, например, драгоценные металлы, евреи были вынуждены покупать лишь у цеха мастеров золотых изделий. Того же во многих городах удалось достичь и мясникам, они имели исключительное право продажи скота на убой. Стремление мещан монополизировать торговлю сырьем повлекло за собой выделение товаров, которыми евреям не позволялось торговать. Конкретнее, для евреев вводятся запреты на импортирование большой спрос имеющих товаров, как соль, селедка, лен, рожь, конопля и прочие¹⁶. Эти же товары, ввезенные мещанами, евреи купившие у них, могли свободно продавать в розницу. Между тем, экспорт изделий местного производства и сырья евреям не был запрещен. Последствия такой политики

городов показаны Тадеушом Чацким (Czaski), членом Скарбовой комиссии Польско-Литовского государства. В конце 18 века еврейские купцы из Польши – Литвы вывозили три четверти всего товара, а импортировали лишь десятую часть¹⁷. Включение евреев в реализацию местной продукции, внедрено и в частновладельческих городах. Здесь евреи должны были реализовать даже те товары, которых для продажи на местном рынке ввез двор. Например, в Мордах, принадлежащих Якубу Цецерскому, евреи *«обязаны брать на продажу из двора селедку, соль и другие товары, которые им продадут за хорошую и справедливую цену»*¹⁸.

Очевидно, что политика горожан была направлена на включение евреев в реализацию на местном рынке городской продукции или купцами-христианами импортированных товаров. Эти обстоятельства действовали как эффективная форма ограничения еврейского предпринимательства.

Продажа в розницу крепких напитков как правило давала не малый доход, здесь часто применялся запрет на разливание спиртного. Эти обстоятельства противоречит тенденции поощрения розничной торговли среди евреев. В Вильнюсе евреям было запрещено разливать и продавать спиртное христианом, хотя делать это в рамках квартала и для своих *«еврейских»* потребностей разрешалось. Здесь также отражается указанная выше тенденция деления клиентуры.

К регламентации розничной торговли можем отнести часто в городах внедряемые ограничение мест продажи товаров. Например, евреи мясники, как правило, могли торговать лишь во дворе синагоги и то, при ограниченном количестве мясных лавок. Эффективность мерцами найденных средств, для сдерживания активности евреев на городском рынке, хорошо показывает регламентация деятельности вильнюсских мясников. В городе был установлен названный выше переходный вариант: евреи мясники платили цеховые взносы, подчинялись некоторым его правилам. Одно из них ограниченное до шести число мясников и их лавок во дворе синагоги. Действуя этому соглашению, неожиданно

проверившие евреев мясников мастера цеха насчитали: *«кроме шести лавок во дворе синагоги нашли еще шестнадцать, в которых тоже продавали мясо, ...а самих евреев мясников тут насчитали тридцать два без евреек. А около этих лавок видели еще одиннадцать колод для рубки мяса.»*¹⁹

Особенно часто мещане старались, ограничить торговлю евреев вне квартала, то есть евреем запрещалось иметь лавки в черте магдебургского города. Исключением здесь является городской рынок – как место торговли для всех живших в том городе, так и приезжих. В обстановке обостренной конкуренции иногда лимитировалось число еврейских лавок даже в пределах квартала, о чем свидетельствует приведенный выше пример о ограничении деятельности мясников в Вильнюсе. Кстати, здесь же находим и иной, довольно специфический вариант: за особую плату евреи получили возможность торговли спиртными напитками в двадцати им принадлежащих домах вне квартала, но *«оберегаясь, чтобы христиане в их (еврейских) домах не пили, только в своих, а евреи только разливали и всем желающим спиртное на улицу продавали»*²⁰. Наряду с этим, только в двенадцати лавках еврейского квартала, на Еврейской улице, евреи могли торговать в розницу *«мещанскими»* товарами, то есть ввезенными местными мещанами или теми которыми обычно они торгуют.

Как следствие регламентации количества мест розничной торговли и включения евреев в реализацию христианских товаров, среди евреев Литвы распространяется торговля в разнос. К концу 16 века при распределении платежей, евреи классифицируются по сферам их занятия, здесь уже выделены *«те которые свой товар в кромах на спине носят»*²¹. Реакцию мещан на это новшество источники фиксируют лишь спустя некоторое время. Их позиция разнообразна, она зависела от масштабов и развития еврейской разносной торговли. Например, в Минске мещане, ограничившие число еврейских лавок до десяти, как бы было бы странно, разрешили в городе торговлю в разнос. В Вильнюсе наоборот, уже 1644 году евреям было запрещено разносить и продавать *«по рынку, на улицах, в*

пригородах, монастырях, домах и дворах»²² одежду, меха, материалы и прочие товары. Позднее, требование, «*чтобы евреи и еврейки товары по домам не носили*» и жалобы на распространение еврейского ремесленничества, вписанные в инструкции послам города на сейм. В литовской художественной литературе второй половины 19 и начала 20 веков еврей – продающий в разнос, чаще всего селедку, стал наиболее ярким образом еврея.

Обычные правила корпоративного предпринимательства для христианской части общества Великого Княжества Литовского постепенно были введены и для евреев – это создание общих христианско-еврейских цехов или переходный вариант – взносы евреев в кассу цеха ремесленников. Как ограничение еврейской торговли вводится платеж в город прибывающим еврейским купцам в пользу купеческого цеха. Взносы такого типа делали возможной оптовую реализацию привезенного товара на местном рынке. В статутах цехов вписанные запрещения евреям вешать вывески или другие знаки, указывающие еврея-ремесленника, также являются формой ограничения их предпринимательства.

Статуты мещанских цехов санкционировали применение силы против нарушающих принятые ими постановления²³. Такие санкции нередко являлись мотивом антиеврейских выпадов в синагогах или на кладбищах, часты в городах Великого Княжества Литовского. Например, в городе Кедайнйй, принадлежащим Радзивилам, мещанам была разрешена расправа с евреями, не соблюдающими общего порядка, в их лавках и мастерских, но строго запрещалось нашествие на еврейские дома или квартал²⁴.

С другой стороны, из-за вышперечисленных различного рода ограничений хозяйственной деятельности еврейское предпринимательство становится более гибким. Признаками этого является торговля в разнос, обслуживание клиента на дому, создание братств еврейских ремесленников и даже согласие платить взносы в цеховую кассу, что позволяло расширить круг клиентуры.

Примечания

¹ Бершадский С.А. История виленской еврейской общины. // Восход, 7/8 (1887), С. 109

² В 17 в. евреи великокняжеские привилегии получили в 1629, 1633, 1646 годах. Последняя из них завершила свод генеральных (всеобщих) привилегий, в дальнейшем их подтверждали без существенных изменений. Свод привилегий см.: Акты издаваемые виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов (далее – АВАК), Т. 5. Вильна, 1871, № 13

³ Постановление конституции 1768 г. «Warunek miast y miasteczek Krolewskich w Koronie i W.X.Lit.» действовали лишь в государственных городах. – Volumina legum, Peterburg, 1860, Т. 7, S. 352.

⁴ Подробнее смотри на пример: Morzy J. Geneza i rozwój cechów Wileńskich do konca XVIII w. // Zeszyty naukowe uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Historia, Т. 4, Poznan, 1959.

⁵ Данные полученные исследуя источники первой всеобщей переписи евреев Польско-Литовского государства в 1764–1765 г.г. Petrašiūnaitė L. Žydų Vilnius 16–18 a. (рукопись, работа бакалавра Вильнюсский университет, Кафедра истории культуры и теории истории, 2001 г.), с. 31. Среди них преобладали меховщики и портные. Двадцать лет спустя (1784) даже 81,6 % из тех евреев Вильнюса, которых сфера деятельности была указана во время переписи, были заняты разными ремеслами. Из них 75,8 % изготавливали одежду, обувь, галантерею. (Tamulynas A. Vilniaus žydų bendruomenės demografinė, socialinė ir profesinė struktūra (pagal 1784 m. surašymą) – Vilniaus Gaonos ir žydų kultūros keliai. Tarptautinės mokslins konferencijos medžiaga. Vilnius, 1997, rugsėjo 10–12, Vilnius, 1999. P. 332).

⁶ М. Хорн эту привилегию считает первым актом регламентирующим правовое положение еврея ремесленника (Horn M. Żydowskie bractwa rzemieśnicze na ziemiach polskich, litewskich, białoruskich i ukraińskich w latach 1613–1850. Warszawa, 1998. S. 18). На самом деле изменившиеся обстоятельства на городском рынке требовали конкретизации отношений между ремесленниками евреями и цехами. Во время издания привилегии уже были случаи подчинения евреев цехам мещан.

⁷ Dubiński P. Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu W.X.L. Wilnowi nadanych. Wilna, 1788. S. 196–200.

⁸ Łowmiański H. Akty cechów Wileńskich. Wilno 1939, akt 95.

⁹ Там же: № 437.

¹⁰ 1714 г. – АВАК, Вильна, 1893. Т. 20, № 519

¹¹ АВАК, Вильна, 1901. Т. 28, № 330

¹² Dubiński P. Zbiór praw i przywilejów. S. 196–200.

¹³ Łowmiański H. Akty cechów Wileńskich. akt 258..

¹⁴ АВАК, Вильна, 1870, Т. 4, № 4, С. 278–283.

- ¹⁵ Łowmiański H. Akty cechów Wileńskich. akt 272.
- ¹⁶ Там же: № 187, АВАК, Вильна, 1902. Т. 29, № 31.
- ¹⁷ Czacki T. Rozprawa o Żydach i Karaitach, Kraków, 1860. S. 219
- ¹⁸ Goldberg J. Jewish privileges I the Polish Commonwealth, Jerusalem, 1985, № 33
- ¹⁹ АВАК, Вильна, 1893. Т. 20, № 544.
- ²⁰ АВАК, Вильна, 1902. Т. 29, № 223.
- ²¹ Акты, относящиеся к истории западной России, Т. 3. Санкт-Петербург, 1848. № 68.
- ²² Dubiński P. Zbiór praw i przywilejów. S.285–289
- ²³ Łowmiański H. Akty cechów Wileńskich. akty: 280, 281, 258, 412; АВАК, Вильна, 1902. Т. 29, № 23.
- ²⁴ Археографический сборник документов относящихся к истории северо-западной Руси, издаваемый при управлении виленского учебного округа. Вильна, 1870. Т. 8. № 74. Примечания

Виталий Андреев (Херсон)

«Православная бездна» XVII в. в историческом сознании еврейского народа: историографический аспект

В эпоху средневековья и даже в новое время религия была господствующей формой общественного сознания, ее установками были пропитаны все сферы жизни, а церковь освещала важнейшие этапы человеческой судьбы и деятельности. В те времена политическая борьба, социальные столкновения, сословные конфликты, национально-освободительные движения часто принимали религиозный характер и форму. Принятие Русью христианства византийского образца в X ст. имело далекоидущие последствия для геополитической и культурной истории русских земель, для Украины.

В украинской исторической науке XIX–XX ст. утвердилась мысль про Национально-освободительную войну украинского народа XVII ст. как про целиком справедливый, героический этап украинской истории. Однако далеко не все современники тех событий именно так воспринимали происходящее – с точки зрения современной исследовательницы Н. Яковенко, существовали еще и так называемые «параллельные миры»¹. Одним из таких параллельных миров и был еврейский мир. Именно в то жестокое XVII ст. начинает складываться еврейская народная и историографическая традиция исключительно негативно оценивающая события Хмельничины как исторического явления. Здесь ярким примером являются еврейские хроники XVII ст. – «Пучина бездонная» Натана Ганновера, хроника Мейра из Щебржешина «Бедствия времен», «Послание» Саббата Гакогена, «Врата Покаяния» Габриеля Иегошуа и др. Написанные свидетелями событий эти произведения были изданы еще в XVII ст., а со временем переведены на европейские языки и в значительной степени повлияли на европейскую историческую традицию. В то же время украинского перевода хроник нет и до настоящего времени, а на русском языке хроники Натана Ганновера, Мейра из Щебржешина и Саббата Гакогена были изданы в 1997 г. (перевод и комментарии С. Борового). Так же можно вспомнить, что не совсем удачный русский перевод Саббата Когена (Саббата Гакогена) был сделан Д. Якобсоном

в 1920-е гг. (рукопись сохраняется в Коллекции Еврейской историко-археографической комиссии ВУАН, ЦГИА Украины в г. Киев).

Наиболее популярной еврейской хроникой XVII ст. является «Пучина бездонная» («Yeven Metzula») Натана Ноты Ганновера – заставского еврея, очевидца кровавых событий Хмельнитчины. Ключевое слово ее заглавия на иврите («Yeven») означает не только «пучина, тина», но и «Греция», «грек», что должно было напоминать читателю про греческие, византийские корни веры украинцев – инициаторов этой войны, которая в своих проявлениях часто носила религиозный характер. В еврейской литературе XVI–XVII ст. «yeven» использовалась и как синоним слова «православный», а иногда – «казак» или «гайдамак».

Кроме того, будучи каббалистом и мистиком, Н. Ганновер видел в буквах и словах тайный смысл. В предисловии автор открывает особую, скрытую суть названия хроники. Древне-еврейская письменность, как и греческая, церковнославянская и др., не имеет специальных знаков для цифр: вместо них используются буквы, каждая из которых имеет свое числовое значение. Н. Ганновер выбрал для своей хроники название «Yeven Metzula» – «гематрия» (этот термин означает арифметическую сумму числовых значений всех букв одного или нескольких слов), которая равняется «гематрии» слов «Хмель и татары соединились с православными». Таким образом, название, так сказать, обыгрывается хронистом дважды – как игра слов и «гематрия». Продолжая свои каббалистические упражнения и пророчества, автор хроники высчитывает, что слово «Хмель» составится из начальных букв фразы «муки, которые возвещают приход Мессии, наступят на земле, а после них придет глашатай доброй вести». Далее он продолжает: «Я назвал эту книгу “Пучина бездонная”, так как в этом названии заключен намек на ужасное бедствие, и на народ татарский, и на православных – это враждебное племя. А имя злодея Хмеля да будет проклято навеки и да пошлет господь на него погибель»².

Трагедии XVII ст. еврейские мыслители практически сразу стали придавать духовный смысл – покарание, которое послано евреям за нерадивость в вере и в то же время как призыв к очищению и возвращению к истинному, неукоснительному исповеданию. Именно так описанные хронистами события зафиксиро-

вала коллективная память еврейского народа. Неслучайно оригинал хроник на иврите и сегодня остается одним из наиболее популярных среди благочестивых евреев во всем мире. Именно это, на наш взгляд, рельефно передает восприятие еврейским народом событий украинской Национально-освободительной войны под предводительством Б. Хмельницкого. Таким образом, с XVII ст. берет начало еврейская историографическая традиция XIX–XX ст., которая небезосновательно рассматривает события этой войны как национальную катастрофу. В последнее время в политологии и историографии «формационные» и «общество-цивилизационные» подходы все чаще дополняются, или вытесняются, парадигмой «столкновения цивилизаций» которая объясняет мировые конфликты в первую очередь культурно-религиозными причинами. Создается впечатление, что еврейские хронисты XVII ст. придерживались похожей точки зрения.

На примере Хмельниччины мы имеем яркое несоответствие даже в основных фактических моментах и трактовках между национальными историографиями всех сторон, задействованных в политическом, социальном, религиозном, национальном конфликте середины XVII ст., который являет собой Национально-освободительная война (в основном оформилась во второй половине XIX – начале XX ст. как основа для идеологий обслуживающих формирование наций в новое время). По этому отношению к гуманитарному измерению войны у каждой из этих моделей разное: для украинской на фоне величественной освободительной борьбы (как среди чужих так и среди своих) вопрос второстепенный, еврейская модель подчеркивала жертвенное мученичество своего народа и в связи с этим почти астрономические цифры жертв из еврейских хроник были просто перенесены в научные труды).

Построенная на иррациональной идейной основе (от Гегеля до Маркса), украинская история по настоящее время остается лишь национальной историей для «собственного употребления», более того даже в своих основных моментах она противоречит национальным историям, вписанным во всемирно-исторический контекст (польской, российской и др.), или другим национальным историям (турецкой, еврейской и др.). Поэтому, сколько бы нас не призывали интегрировать украинскую историю во всемирную, это невозможно без преодо-

ления комплекса методологических проблем украинской исторической науки. То есть, исследование отдельных сюжетов национальной истории в ее связи с всемирной, хотя и важно, но это уже дело техники – достаточно лишь дождаться, пока на смену историку, что не знает истории Европы и Ближнего Востока, придет историк, который, в конце концов, ее выучил³.

Относительно методологических проблем на пути согласования всемирной и национальной истории, то кроме перехода на рационалистические позиции от отечественных историков надо ожидать и обновления категориального аппарата и методологических основ в целом согласно достижений западных историографий, а также пересмотра самих дефиниций истории Украины и всемирной истории как научных дисциплин, освещения соотношения между разными перспективами в контексте отображения своей истории и историй в прошлом доминирующих наций, отношений между доминирующими, покоренными и близкими нациями (византийская, польская, еврейская, турецкая, российская и др. перспективы украинской истории)⁴.

С точки зрения украинского ученого В.А. Потульниченко, становление независимой украинской науки, соответствующей передовым современным историографиям, заключается в двуединой задаче: написание научно-исследовательской версии истории Украины в соответствии с всемирной историей и всемирной истории с учетом особенностей Украины, которые должны быть вписаны в контекст друг друга⁵. Это предусматривает интеграцию предмета исследования истории Украины и всемирной истории, а также отказ украинской историографии от многих национальных мифов и взаимное согласование польскими, российскими, еврейскими, турецкими историками взглядов на взаимные исторические претензии народов.

Однако, что касается согласования украинского и еврейского вектора общей (совместной) истории Украины раннего нового времени будет не лишним обратиться к научному наследию еврейского историка Саула Яковлевича Борового (1903–1989), который в своих работах, на мой взгляд, наметил отход от традиционной точки зрения. Обращаю внимание на данный аспект творчества ученого не только из-за его нетрадиционного освещения событий Хмельничины, а и потому, что совсем недавно исполнилось 100 лет со дня рождения историка.

Кроме того, кажется будет не лишним, в дни 350-летнего юбилея Переяславского соглашения, напомнить и о научном наследии незаслуженно забытого талантливой историка, актуализировать его взгляды на историю Хмельничины, казачества и украинского еврейства, так как новое весьма часто бывает хорошо забытым старым.

С.Я. Боровой – автор ряда талантливо написанных работ во многих областях исторической науки. Многие из них не утратили научной ценности и актуальности и сегодня. Длительный период в центре научных интересов С. Борового была история евреев в Украине XVI–XIX ст. К этому его подтолкнул ряд факторов. Один из наиболее важных – недостаточная разработанность в современной исторической науке темы евреев и их роли в истории Украины, проблем межэтнических отношений. В рамках этой широкой темы историком был проведен ряд исследований по украинско-еврейской тематике – «Евреи в Запорожской Сечи: по материалам сечевого архива» («Исторический сборник», – Л., 1934)⁶, «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины» (Исторические записки. – 1940. – № 9)⁷, «Классовая борьба на Украине XVII в. в свете современных еврейских хроник» (М., Иерусалим: Гешарим, 1997)⁸, «Евреи в Левобережной Украине в XVII–XVIII вв.» (работа не была опубликована) и др.

Наиболее плодотворными, в разработке истории евреев в Украине, для С. Борового были 1930-е гг.⁹ В это время исследованиями в области еврейской истории занимались Ю. Гессен, С. Гинзбург, С. Цинберг, И. Галант, И. Кудрявцев, В. Рыбинский, Т. Гейликман и др. Многих из них он знал лично¹⁰. К изучению истории евреев в Украине его подталкивал и известный украинский историк М. Слабченко, часто напоминая, что ждет от него исследований в этой области¹¹.

Кроме того, С. Боровой знал несколько языков (еврейский, русский, украинский, польский, немецкий, английский языки), что позволило ему обратиться к источникам по истории Украины, которые были фактически недоступными ни для украинских историков (из-за того, что они не владели еврейским), ни для еврейских историков, которые мало использовали неопубликованные и мало доступные российские и

украинские архивные материалы¹². Так, С. Боровой перевел еврейские хроники эпохи Б. Хмельницкого, однако, планам ученого было не суждено сбыться (издательство «Академия» где планировалось издание хроник, попросту ликвидировали).

В 1936 г. С. Боровой попробовал опубликовать переведенные им хроники под названием «Классовая борьба на Украине XVII в. Еврейские хроники. Исследование, перевод и комментарии С.Я. Борового», но в 1937 г. несколько изменилась ситуация. Весь тираж был уничтожен. С. Боровой до конца жизни считал, что эта работа никогда не увидит свет. Книга была напечатана уже после смерти автора. В историографии Хмельниччины это было первое специальное исследование, посвященное изучению еврейских источников, первой попыткой научного издания их текстов. Эти студии ученого были положены в основу большой статьи «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины»¹³.

В начале 1930-х гг. история евреев в России и Украине как предмет исследования становится табуированной. Однако С. Боровой продолжал свои исследования. Логическим завершением еврейско-украинских студий ученого стала защита докторской диссертации на тему «Исследование по истории евреев на Украине XVI–XVII вв.» (подробнее см. «Воспоминания» С. Борового).

В рамках темы доклада наибольший интерес представляет второй раздел диссертации, который был посвящен еврейскому населению Украины во время Освободительной войны украинского народа. Евреи и Хмельничина – тема неоднозначная, воспринималась (и воспринимается) по-разному в еврейской, российской и украинской историографии. По мнению исследователя, в то время историческая наука не дала правдивой оценки истории евреев в Украине¹⁴.

Украинская историография Хмельниччины, с точки зрения С. Борового преувеличивала роль евреев-арендаторов в эксплуатации украинских народных масс и не замечала плебейских масс еврейского населения Украины, украинские историки, исследуя эту проблему, стыдливо обходили «острые углы», не одобряя «эксцессов». В целом украинская историография продолжала традицию, заложенную еще казацкими

хронистами, и в ее рамках работали П. Кулиш, Н. Костомаров, М. Драгоманов, А. Скальковский, Д. Яворницкий, Д. Дорошенко, М. Грушевский и др. Еврейская же историография была переполнена сочувствия к жертвам и считала, что евреи во время Национально-освободительной войны оказались «между молотом и наковальней» (польскими панамы с одной стороны и, украинскими крестьянами и казаками с другой) – в роли жертвы.

Подобные взгляды С. Боровой считал ошибочными, примитивными и даже унижительными для национальных чувств евреев. Рассмотрев организацию еврейства и социальную структуру еврейского общества в Речи Посполитой накануне событий Хмельничины, проанализировав обширный круг источников, он пришел к выводу, что «еврейская автономия» закрепляла монолитность, солидарность еврейства, усиливая власть верхушки, и это, не взирая на глубокую внутреннюю социальную дифференциацию еврейского общества. Результатом этого было то, что низы еврейского общества, плебс были объектом катастрофического разгрома со стороны восставшего украинского населения¹⁵.

Однако, по мнению исследователя, евреи были не только жертвами, которые попали волей исторического случая под ножи убийц. Они были воюющей стороной, правда, в большинстве случаев оказываясь в рядах побежденных. Расстановка сил приводила основную массу еврейского населения Украины на сторону польской шляхты, однако те часто предавали их, откупались от врагов, выдавая «на растерзание» своих союзников. С. Боровому удалось найти в источниках не только свидетельства про вооруженную борьбу евреев на польской стороне, но и случаи их перехода в лагерь Б. Хмельницкого. Историк последовательно доказывал, что переход евреев в лагерь повстанцев не являлся случайностью, а имел определенное социальное значение¹⁶.

Выводы историка про активное участие евреев в вооруженной борьбе – как на стороне повстанцев, так и против них – находились в резком противоречии с представлением про еврея того времени. Выясняется, писал С. Боровой, что владение оружием не было необычным для украинского еврейства (особенно арендаторов и купцов) XVI–XVII ст., к этому побуждали специфические условия жизни в Украине того време-

ни – постоянная опасность татарских набегов, казацких и крестьянских восстаний – все это придавало особый военизированный оттенок быту того времени¹⁷.

Думаю, что исследования Саула Яковлевича со временем получат «второе рождение», когда современные украинские исследователи все-таки возьмутся за согласование собственной истории с историей всемирной и сбалансирования различных перспектив украинского исторического процесса (украинская, российская, польская, турецкая и др. перспективы) и в частности – украинской и еврейской версий общей истории.

Среди немногих в украинской историографии (кто использует в своих исследованиях творческое наследие историка и обращается к еврейским хроникам как к историческим источникам) имеем работы Ю. Назаренко¹⁸, Н. Яковенко¹⁹, Я. Пеленский, Ф. Сысын и др. К сожалению, и по настоящее время еврейская проблематика в связи с историей Хмельничины, украинского, запорожского казачества остается недостаточно раскрытой (имею ввиду недавно изданную Малую энциклопедию украинского казачества, которая претендует на комплексное освещение феномена казачества²⁰ и «Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження) – К.: “Смолоскип”, 2003»²¹, или даже «передергиваются» украинско-еврейские отношения (см. «Українська етнографія: курс лекцій / Під ред. А.Пономарьова. – К.: Либідь, 1994» – здесь имею ввиду, перевираание, вольное или невольное, еврейских хроник – авторы хроник признавая прегрешения евреев перед Богом воспринимают катастрофу XVII ст. как кару, а в указанном курсе лекций это же толкуется как признание прегрешений перед украинским народом, которые выражались в его нещадной эксплуатации).

В настоящее время украинские исследователи в основном игнорируют еврейские источники или по идеологическим соображениям (считая их тенденциозными и недостойными внимания), либо в отсутствие надлежащей профессиональной подготовки (методологической и языковой), современная же польская и российская историографии (не ставят данный предмет целью своих исследований) иногда, без надлежащего анализа умалчивают или повторяют рассказы про количество жертв среди еврейского населения (от 100 до 260 тыс.), которые исходят из еврейских хроник.

С моей точки зрения есть две методики в дальнейшей работе с еврейскими хрониками XVII ст. как источниками по истории Освободительной войны. Первая очень проста – обработка комплекса документальных материалов, которые касаются потерь и вреда, нанесенных повстанцами еврейскому населению Украины, а также демографических и миграционных процессов. Так, потери гугенотов во время Варфоломеевской ночи длительное время оценивались на основании гугенотских памфлетов и сообщений иностранных дипломатов (преимущественно из стран протестантского лагеря) в количестве около 30 тысяч. Проведенный же в последнее время анализ документации всех муниципалитетов дал цифру только в 5 тысяч погибших, то есть в 6 раз меньше²². Однако, это не мешает в некоторых изданиях, в школьных учебниках повторять старые количественные данные.

К сожалению, состояние источниковой базы раннего нового времени истории Украины не позволяет документально проверить данную в еврейских источниках информацию, так как дела по убийствам евреев в актовых книгах городских и земских судов в Правобережной Украине и Польше фрагментарны²³.

В связи этим более перспективным представляется другая методика, которая предусматривает изучение истории через диалог с прошлым, для чего необходимо понимать «язык», которым говорит источник, то есть знать те содержания понятий, что были в умах людей прошлого – через исследование мировосприятия. Этот «культурный подход» рассматривает ментальность не как движущую силу истории, а как устоявшийся в обществе комплекс представлений, символов, идей, с помощью которых формируются индивидуальные стратегии поведения членов общества. Таким образом, история рассматривается как процесс адаптации человека к социальным структурам, а не как зависимость человеческой деятельности от них. Это предусматривает отход понимания религиозного как порождения социального, растворения специфически религиозного в социальном, что имело место в исторических взглядах К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма. В крайней форме роль историка религии как интерпретацию или толкование с перспективы верующего воплощено в разработках так называемой интерпретативной школы исследований религии М. Элиаде.

Безусловно, Освободительная война имеет все признаки религиозного конфликта, и выделение проблематики религиозного, анализ религии как явления культуры (то есть социально значимого) дает новые возможности для интерпретации произведений еврейской религиозной книжности. Так, Н. Яковенко показала, что в названных хрониках в описаниях жестоких расправ казаков над евреями доминирует библейский топос, то есть евреи воспринимали события как «меч Божий» и осмысливают их по аналогии и в образах собственной истории, закрепленной религиозной традицией²⁴. Она убедительно доказывает насколько информативно недостоверными являются нарративные источники раннего нового времени, за которыми стоит текстовый канон, который обязывает любую частность укладывать в рамки авторитетно описанного прецедента.

Новейшие интерпретации еврейских источников могут в определенной мере корректировать количественные показатели жертв, но это не может отменить факт национальной трагедии евреев в годы событий середины XVII ст., а тем более подорвать основы национального мифа про антисемитизм украинцев и религиозную нетерпимость православных к иудеям. Считаю, что здесь необходимо конкретно ставить вопрос, а именно – почему социально-экономические претензии украинцев к евреям принимали формы безжалостного уничтожения, невзирая на их социальную неоднородность. Поиски ответов требуют исследования глубоких социокультурных слоев мировоззрения православного украинского населения, во многом определенного традицией византийских книжников – например, антиеврейские проповеди Иоанна Златоуста появились на несколько столетий раньше, нежели евреи на Руси.

Продолжение этой традиции видим в поддержке совершенного Б. Хмельницким «очищения благословенной страны» от евреев, продемонстрированное православным миром в особе архидиакона Павла Алеппского, который с почтой антиохийского патриарха Макария проезжал в 1654 г. через Украину, направляясь в Москву: «... Что касается породы жидов и армян, то их вконец истребили. ...Хмель (да будет долга его жизнь!), завладев этими многочисленными городами, истребил в них целиком все чужие народы, и теперь эта страна занята чисто-православными казаками. [...] О, какой это благословенный

народ! И какая это благословенная страна! Великое достоинство ее в том, что нет в ней ни одного чужого иной веры, а только чисто-православные, верные и набожные»²⁵. Понятно, что Павел Алеппский не объективнее еврейских хронистов и пояснения этому аналогичные (просто рай в Украине после нескольких лет гражданской войны!).

Про значимость византийских влияний на формирование украинского национального характера, при чем не всегда позитивных, обращал и И. Лысяк-Рудницкий несколько десятилетий назад. Он показывал преимущество в религиозной культурной традиции именно византийского влияния, которое действовало изнутри, формируя саму духовность общества²⁶.

Однако разобраться в сложном вопросе избранных аномальных моделей поведения в условиях войны – агрессивной у украинцев и защитной у евреев – чрезвычайно тяжело, ибо отечественной школы византистов уже нет²⁷, а украинская иудаика сегодня находится только на стадии возрождения и становления²⁸. Как-то в беседе с Виталием Коротичем о причинах, истоках и последствиях антисемитизма Ян Табачник сказал: «Ключи для спасения живых в кармане у мёртвых», и думаю, что такое видение обязывает ученых к постановке и решению многих проблем украинско-еврейских отношений в контексте как отечественной так и всемирной истории.

Примечания

¹ Яковенко Н. Скільки облич у війни: Хмельниччина очима сучасників // Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002.

² «Пучина бездонная». Хроника Натана Ганновера // Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины»). Исследование, перевод и комментарии С.Я. Борового. – М., Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 83–85, 138.

³ Яковенко Н.М. Про методологію досліджень середньовічної і ранньомодерної історії України // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. – Вип. XI. – Запоріжжя, 2000. С. 72.

⁴ Потульницький В.А. Українська та світова історична наука: Рефлексії на межі століть // УІЖ. – 2000. № 1; Его же – Україна і всесвітня історія. Історіософія світової та української історії XVII–XX ст. К.: «Либідь», 2002.

⁵ Потульницький В.А. Україна і всесвітня історія. С. 17.

⁶ Боровой С.Я. Евреи в Запорожской Сечи // Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины»). Исследование, перевод и комментарии С.Я. Борового. – М., Иерусалим: Гешарим, 1997.

- ⁷ *Боровой С.Я.* Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины // Исторические записки. 1940. № 9.
- ⁸ *Боровой С.Я.* Введение. Классовая борьба на Украине XVII в. в свете современных еврейских хроник // Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины»). Исследование, перевод и комментарии С.Я. Борового. М., Иерусалим: Гешарим, 1997.
- ⁹ *Боровой С.* Воспоминания. М., Иерусалим: Гешарим, 1993. С. 204.
- ¹⁰ *Ганелин Р.Ш., Лебедев С.К., Лурье Я.С., Тартаковский А.Г. С.Я.Боровой (1903–1989)* // Отечественная история. 1994. № 3. С. 163.
- ¹¹ *Боровой С.* Воспоминания. С. 182–188.
- ¹² *Ганелин Р.Ш., Лебедев С.К., Лурье Я.С., Тартаковский А.Г. С.Я.Боровой (1903–1989).* С.163.
- ¹³ *Боровой С.Я.* Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины.
- ¹⁴ Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины. С. 81–82.
- ¹⁵ *Боровой С.Я.* Введение. Классовая борьба на Украине XVII в. в свете современных еврейских хроник. С. 30.
- ¹⁶ *Боровой С.* Воспоминания. С. 202.
- ¹⁷ *Боровой С.Я.* Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейское население Украины. С. 117–120.
- ¹⁸ *Назаренко Ю.В.* Освободительная война и воссоединение Украины с Россией в трудах советских историков накануне Великой Отечественной войны // Вопросы отечественной историографии и источниковедения. Вып. 2. Днепропетровск, 1975.
- ¹⁹ *Яковенко Н.* Скільки облич у війни: Хмельниччина очима сучасників. С. 209–212.
- ²⁰ Українське козацтво: Мала енциклопедія. Київ: «Генеза»; Запоріжжя: «Прем'єр», 2002.
- ²¹ Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження). К.: «Смолоскип», 2003.
- ²² Варфоломеевская ночь: события и споры / Под ред. П.Ю. Уварова, Н.И. Басовской, Л.П. Репиной. М.: РГГУ, 2001.
- ²³ *Хитерер В.* Документы по еврейской истории XVI–XX веков в Киевских архивах. К., 2001. С. 60.
- ²⁴ *Яковенко Н.* Скільки облич у війни: Хмельниччина очима сучасників. С. 209–210.
- ²⁵ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Украину в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. К., 1997. С. 33, 40.
- ²⁶ *Лисяк-Рудницький І.* Україна між Сходом і Заходом // Историчні есе. В 2-х тт. Т. 1. К.: Основи, 1994. С. 6–7.
- ²⁷ *Таран Л.В.* Провідні тенденції світової історіографії в XX ст. та проблеми кризи сучасної історичної науки // УІЖ. № 1. 1999. С. 89.
- ²⁸ *Подольський А.* Єврейські студії в Україні: розвиток, тенденції, перспективи // www.holocaust.kiev.ua.

Инна Соркина (Гродно)

**Парадоксы борьбы российского правительства с
«питейным промыслом» евреев в конце XVIII –
первой половине XIX в. (по материалам Беларуси)**

При исследовании социально-экономических аспектов развития местечек Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. постоянно встречается самый разнообразный материал, касающийся занятий евреев производством и продажей спиртных напитков. Попытаемся систематизировать и обобщить часть собранного материала, представив его в контексте проблемы борьбы государственных властей России с «питейным промыслом» евреев. При этом мы не претендуем на роль специалиста по истории данной отрасли экономики. На основе документов законодательства Российской империи, архивных материалов, мемуаров и исторической литературы рассмотрим формы и масштабы питейного промысла евреев в Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в.; проанализируем принятые законодательные меры правительства и инициативы местных властей по устранению евреев от питейного промысла, а также их реализацию; сформулируем причины безуспешности проводимой ограничительной политики в данной области. Для иллюстрации наших наблюдений и аргументации выводов мы широко используем фактологический материал.

В рассматриваемый период в Беларуси за обладание правом производить и продавать спиртные напитки (так называемую пропинацию) отчаянно боролись жители как городских, так и сельских поселений, главным образом дворяне и городские сословия. Евреи, будучи активными участниками виноторговли и в городе, и в сельской местности, оказались в самой гуще этой борьбы, в «жерновах» пропинации¹.

На рубеже XVIII – XIX в. винокурением и виноторговлей занимались самые различные сословия общества: дворяне, духовенство, мещане, крестьяне (в отдельных, очень редких случаях помещики разрешали выделывать водку своим крестьянам). Следовательно, производство и продажа алкоголя являлись «всеобщими» занятиями, хотя решающая роль, безусловно, принадлежала помещикам. Помещичье виноку-

рение в белорусском крае существовало столетиями. Но наивысшего расцвета оно достигло именно в первой половине XIX в., особенно после изобретения парового способа производства. Винокуренные заводы занимали первое место среди промышленных предприятий края, оставив далеко позади все остальные вместе взятые как по числу, так и по сумме производства. В Гродненской губернии, например, в 1845 г. насчитывалось 626 винокуренных заводов, было выкурено 1 219 945 ведер водки². Винокурение составляло основную статью денежных доходов помещиков. Главным потребителем водки было крестьянство, представлявшее собой самый многочисленный слой населения, тем более, что никому водка не навязывалась с такой настойчивостью, как крепостным. Для продвижения спиртного к потребителю была создана гигантская сеть питейных заведений, преимущественно корчем. В Гродненской губернии, например, в 1814 г. их было 7080³. Водку крестьянину предлагали на каждом шагу, при том не только за наличные деньги, но и в кредит, в обмен на зерно, птицу, скот и т.д. Есть сведения о том, что многие помещики определяли обязательное количество водки, которое крестьянин должен был выпить за год, иначе с него взыскивалась стоимость этой нормы деньгами⁴. Все экстраординарные работы у помещика оплачивались водкой или квитками в корчму (в том случае, если помещик находил нужным расплатиться за них). Спаивание народа помещиками в рассматриваемый период приобретает характер социальной эпидемии. При такой системе водка стала одним из важнейших элементов эксплуатации крестьян помещиками. Однако волей исторических судеб именно евреи стали в руках господствующего сословия орудием этой эксплуатации. Еврей заслонил собою фактического хозяина деревни, в том числе и винокурни, и корчмы, – помещика. Концентрация евреев в мелком арендаторстве, особенно в торговле спиртным, слишком бросалась в глаза. Поэтому помещикам, на которых они работали, легко было делать из них «козлов отпущения». Именно на евреев списывали катастрофическое состояние с продовольствием и платежеспособностью деревни. Евреев обвиняли в «эксплуатации сельского населения» и в «расстройстве крестьянского благосостояния». Излюбленным объектом этих обвинений были евреи – держатели шинков.

Понятно, что еврейское арендаторство и шинкарство возникло в результате комплекса исторических факторов, главным из которых был существовавший в Речи Посполитой и Российской империи социально-экономический уклад. Однако российское правительство, игнорируя суть проблемы, упорно пыталось устранить евреев от торговли спиртными напитками. Нельзя не согласиться с оценкой Ю. Гессена, который писал: «Во имя престижа существующего порядка евреи выставляются единственными виновниками всех бед; с целью оставить неприкосновенным этот порядок делается попытка коренным образом преобразовать поспешными, крутыми мерами еврейскую жизнь – только её одну – при сохранении других окружающих ее условий»⁵. Как точно отметил Х. Коробков, «еврейское шинкарство – продукт бесправия – сделалось агитационным средством для сохранения этого бесправия»⁶.

Питейный промысел евреев не давал властям покоя. Именно борьба с этим занятием вызвала бесконечную эпопею с переселением евреев в города и местечки. Запрещение евреям жительства и питейного промысла в селах и деревнях белорусского края практиковалось на протяжении почти всего рассматриваемого периода. Приведем краткий обзор основных законодательных мер властей по устранению евреев от производства и продажи алкоголя.

3 мая 1783 г. вступила в силу инструкция о винокурении, которая разрешала винокурение в сельской местности только помещикам. Белорусский генерал-губернатор П. Пассек понял этот закон таким образом, что представители сословий, не получивших прав на винокурение, не могли заниматься им даже в качестве арендаторов, и принял соответствующие меры против арендаторов-евреев⁷.

Указ Сената от 7 мая 1786 г. отменил «стеснительные для евреев распоряжения генерал-губернатора и наместнических правлений относительно воспрещения евреям брать, а помещикам им отдавать в своих деревнях, в арендное содержание, винокурень и корчем».

Роковая 34-я статья «Положения о евреях» 1804 г. гласила: «Никто из евреев, начиная с 1 января 1807 г. в губерниях: Астраханской и Кавказской, Малороссийских и Новороссийских, а в прочих начиная с 1 января 1808 г., ни в какой деревне и

селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоянных дворов ни под своим, ни под чужим именем, ни продавать в них вина и даже жить в них, под каким бы то ни было, разве проездом. Запрещение сие распространяется также на все шинки, постоянные дворы, или другие заведения, на большой дороге состоящие, кому бы они не принадлежали, обществам, или частным людям»⁸. Однако по понятным причинам эвакуация сел от евреев срывалась.

Указом от 29 декабря 1808 г. на имя литовского военного губернатора повелено было: «действие 34 ст. ... остановить, евреев до дальнейшего впредь повеления, оставить на их жительствах по прежнему». Мотивирован этот указ «дошедшими от губернских начальств представлениями о новых препятствиях, в исполнении сего распоряжения встретившихся».

Однако 11 апреля 1823 г. последовал указ, которым велено было привести в действие ст. 34 «Положения о евреях» 1804 г. Кроме того, экономическая «диета» становилась для евреев ещё более строгой: им было запрещено содержать в белорусских губерниях почты и разъезжать в селениях для продажи товаров.

В 1827 г. опять возобновлялось переселение евреев из сёл и деревень. Вследствие представления цесаревича Константина указом от 2 декабря велено было переселение произвести сперва по одной Гродненской губернии, учредив для этого в г. Гродно комитет.

«Положение о евреях» 1835 г. сопровождалось указом от 13 апреля того же года о приостановлении вывода евреев из сел и деревень (из этого следовало, что оно раньше или позже будет возобновлено). Положение не запрещало евреям брать в оброчное содержание, сверх земель и разного рода угодий, и хозяйственные заведения, мельницы, постоянные дворы, корчмы, шинки и проч. Но им безусловно запрещалось продавать крестьянам вино и другие крепкие напитки в долг под опасением уничтожения этого долга.

Идя навстречу требованиям помещиков, правительство указом от 4 июня 1842 г. воспретило евреям «курить вино на собственный счет, кроме однако приготовления водок из купленного вина, что им дозволяется в не находящихся в откупном содержании городах и селениях, в последних с согласия поме-

щиков; винокурами у других лиц евреи быть могут, кроме тех мест, где им вообще воспрещено жительство в деревнях»⁹.

15 августа 1845 г. были изданы общие правила о выделке и продаже евреями горячих напитков в тех местах, где им дозволено постоянное жительство. Убедившись, наконец, в невозможности повсеместного выселения евреев из сел и деревень, правительство просто запретило им питейный промысел вне городских поселений. «Правила 1845 г., – заключает М. Мыш, – как будто были изданы для того, чтобы их постоянно нарушало само правительство под видом временной меры»¹⁰. Таким образом, и это запрещение евреям заниматься питейным промыслом в сельской местности срывалось отчасти самим правительством для сохранения казенного интереса, отчасти евреями, которые фактически продолжали иметь влияние на торговлю спиртными напитками, действуя в качестве подставных лиц по доверенностям помещиков.

Реформаторское направление царствования Александра II не могло долго удерживать предшествующую запретительную политику. 18 марта 1863 г. последовало высочайше утвержденное мнение государственного совета о предоставлении евреям права питейной торговли и аренды винокурных заводов в местах постоянной их оседлости «повсеместно на общем основании». Позднее в питейный промысел евреев опять были внесены ограничения, однако их рассмотрение не входит в нашу задачу.

Представляют особый интерес те инициативы по борьбе с винокурением и виноторговлей евреев, которые исходили от местных властей. В отличие от правительственных распоряжений, которые достаточно хорошо освещены в литературе, «провинциальные» сюжеты этой проблемы мало известны. В связи с этим мы широко используем цитаты из архивных документов, которые иллюстрируют наши наблюдения.

Так, Гродненское губернское начальство предлагало и даже пыталось реализовать более «грандиозную» программу удаления евреев от питейных промыслов: с распространением запретительных мер и на местечки края. 17 мая 1829 г. комитет о переселении евреев в г. Гродно, созданный для исполнения упомянутого выше указа от 2 декабря 1827 г., сделал распоряжение «воспрещающее евреям производить винокурение под

каким бы ни было предлогом как по деревням, корчмам, шляхетским околицам, так равно и по местечкам как помещичьим, так равно казенным и духовным... что служит к разорению хлебопашцев и к подрыву доходов помещичьих, коим одним только позволено право винокурения». И тут же предписывалось, чтобы владельцы помещичьих, казенных, духовных и прочих имений «не осмеливались допускать евреев заниматься сим промыслом»¹¹. Основанием для такого распоряжения послужило то, что не имеется «закона, дозволяющего евреям производить в местечках винокурение». Таким образом, в данном случае сработал принцип: все, что в законе еврею не дозволено – запрещено. Сохранились жалобы-прошения евреев 19-ти местечек Гродненской губернии, в которых они подробно излагают, какая польза от винокурения евреев и какие негативные последствия от его воспрещения.

Из прошения евреев местечек Пружанского уезда (Шерешово, Береза-Картузская, Селец, Малеч): «От свободного винокурения евреями по местечкам происходили следующие выгоды: 1) земледелец всегда мог продать столько хлеба, сколько имел в избытке на употребление винокурения...; 2) из бедного состояния могли найти случай зарабатывать около того на пропитание; 3) содержатель винокурни пропитывал свое семейство; 4) он мог вскормить скот, как для домашних потребностей, так и для народного продовольствия; 5) он доставлял заработок содержателям мельниц, которые мололи хлеб, обращаемый на винокурение. Если воспретить в местечках винокурение, то: 1) наступит упадок владельческих доходов, из коих за винокурение платится особая подать; 2) простые работники лишатся дневного пропитания и явятся несостоятельными платить подати; 3) земледелец не найдет возможности продать ни хлеба, ни дров... потерпит хлебопашество; 4) содержатели винокурень подвергнутся совершенному разорению, а они ныне платят подати не только за себя, но и за многих бедных». Из прошения евреев м. Каменец: «Винокуренные заводы от непамятного времени устроенные и никогда за отцов и праотцов не запрещенные, в коих заключается весь капитал. Изученные выкуривать вино евреи и тем всегда занимавшиеся, пропитывались, ныне по незнанию другого ремесла остались без способов к дневному пропитанию... А крестьяне в покупке вина весьма малое участие имели, ибо владельческое вино всегда покупают, и винокурение производилось для прокормления скота... Скот привык быть на браге, и ныне претерпеваем не малый убыток в оном падеже».

В данных прошениях есть прямые указания на то, что комитет о переселении евреев в г. Гродно, запрещая еврейское винокурение в местечках, действует противозаконно и, вообще, занимается не своим делом.

«Сообразив сие распоряжение комитета с правилами, к исполнению ему предписанными, обнаруживается, что оно не подкреплено ни одним из существующих до сего времени о евреях постановлением и только стесняя промысел самый надежнейший к пропитанию семейств, готовит им неизбежный упадок. Комитет должен ограничиться распоряжениями только о переселяемых и не распространять забот своих о местечках, которые не ожидают новых преобразований»¹².

Гродненский губернатор в рапорте цесаревичу Константину высказывал предложение распространить запрет еврейского винокурения и на города: «...я считал бы справедливым распространить таковое для евреев запрещение и по всем уездным городам». После обширной переписки чиновников по этому делу 15 февраля 1830 г. последовало предписание цесаревича Константина, изучившего данные обстоятельства, о том, что распоряжение о воспрещении евреям винокурения в местечках необходимо «остановить исполнением, впредь до особого распоряжения»¹³.

Сведения, представленные цесаревичу Константину: «... в 11-ти казённых местечках Гродненской губернии находится еврейских винокурен, собственно им принадлежащих, 96; в 67-ми помещичьих местечках винокурен, евреям принадлежащих, 219 и нанимаемых у других лиц – 14. А всего в местечках 329 винокурен. На них ежегодно выкуривается вина 93797 вёдер, которые распродают на месте посредством раздробительной продажи или развозки по ближайшим деревням»¹⁴.

С собственными инициативами по борьбе с питейными промыслами евреев выступили и люстрационные комиссии, которые работали во всех имениях, конфискованных у помещиков за участие в восстании 1830–1831 г. Из рапортов люстрационных комиссий им. Зельва Волковысского уезда, им. Новая Мышь Новогрудского уезда и им. Здзенциол (Дятлово) Слонимского уезда: «Никакие меры правительства, предпринимаемые к проведению в лучшее состояние быта крестьян не возымеют успеха, покамест евреи не будут устранены от жительства по деревням и покамест не будет им воспрещено

повсеместное производство шинководства». Предлагалось устранить евреев от содержания корчем в казенных имениях и «предоставить продажу горячих напитков экономии посредством шинкарей из христиан и не иначе, как за наличные деньги». Люстраторы писали о необходимости ликвидировать питейную продажу при каплицах («ибо вопреки закону Божьему по случаю скопления крестьян на молитвы имеют случай убивать время за вином по встрече знакомств, дружбы и родства»), при мельницах («случаются припадки как то приехавший в мельницу напившись вина подвергается через неосторожность лишением жизни, поломанием рук и проч.»), при фабриках и других хозяйственных заведениях. Далее высказывались соображения о необходимости запретить евреям продажу питей в разнос по крестьянским домам, уничтожить обычай устраивать выставки-продажи горячего вина на местах сельских работ, при дорогах, где крестьяне приходят к церквям, при освящении крестов и других изображений в честь святых. Шла также речь о воспрещении выставок-продаж горячего вина на ярмарках (так как они «делают стеснение базара и угождение на всяком шагу склонным к горячим напиткам, каковые по продаже чего-нибудь на кирмаше тут же при повозке пропивают и пьяно возвращаясь домой подвергаются разным припадкам»). Материалы этих рапортов интересны ещё и тем, что они показывают, насколько хорошо был развит сервис питейных услуг. Далее люстраторы предлагали «установить единообразные постоянные цены вину и определение одинаковой доброты оному... устройство сего полезно ибо чрез то покупателям не было б делано обмана в подмешивании до напитков воды в то время, когда поселянин уже мало имеет в оных вкусу». И, наконец, ещё одна любопытная инициатива: корчмари должны были следить за тем, чтобы посетители чрезмерно не напивались.

«...арендаторы корчем должны примечать дабы приходящие крестьяне не употребляли вина выше возможности до лишения сил, в таковых случаях хотя бы и требовано было крестьянином от арендатора вина, не должен давать, а в случае заведения из сего ссоры обязан давать о сем знать начальству... если окажется, что крестьянин от излишнего употребления вина умрет, то арендатор подвергается законной ответственности, а если только утерпит на здоровье, то за всякий раз подвергается в казну штрафу 60 руб. серебром»¹⁵.

Провинциальные инициативы, как видим, существенно дополняли распоряжения центра. Бывали также случаи, когда

действия местных властей противоречили правительственным постановлениям. 18 марта 1863 г. последовало высочайше утвержденное мнение Государственного совета о новой редакции ст. 242 «Положения о питейном сборе» от 5 июля 1861 г. Теперь она гласила, что «евреям в местах постоянной их оседлости дозволена питейная торговля повсеместно на общем основании» (а ранее только в городах и местечках). Однако в Брестском уезде Гродненской губернии исправник Шахов, продолжая борьбу с питейным промыслом евреев, 13 апреля 1864 г. (спустя более года после указанного постановления) сделал распоряжение о том, чтобы все евреи, жительствующие вне местечек немедленно были высланы. Гродненское губернское правление, узнав о выселении евреев из деревень в упомянутом уезде, предписало его немедленно остановить, а с исправника потребовать объяснений¹⁶.

Таким образом, евреи в рассматриваемый период стали главной мишенью реформы в области производства и продажи спиртных напитков¹⁷. Законодательные меры правительства по борьбе с питейным промыслом евреев дополнялись разнообразными инициативами на местах. И центральные, и местные власти проявляли крайнюю в этом «заботливость», в результате которой евреи оказывались в тяжелом положении. Планы переселений вызывали полный экономический хаос и людские страдания. По существу, все они потерпели крах. Правительству так и не удалось полностью «эвакуировать» деревни и села от евреев, тем более устранить их от занятий питейным промыслом. Это хорошо иллюстрирует статистика. В середине 80-х годов XIX в. (после результатов введения закона от 14 мая 1874 г., по которому евреи могли заниматься питейной торговлей не иначе, как в собственных домах, и «Временных правил» от 3 мая 1882 г., воспретивших евреям селиться и приобретать недвижимость в сельской местности) пункты выделки и продажи питей, которые содержались евреями, составляли: в Гродненской губернии – 94,7 %, в Могилевской – 93,3%, Минской – 91,3%, Виленской – 89,9%, Витебской – 70,3%¹⁸. Здесь учтены винокуренные и пивоваренные заводы, оптовые склады спирта, трактиры, харчевни, корчмы, шинки и питейные дома, винные погреба, штофные лавки. Ограничительные законы, как видим, достигли лишь обратной цели.

Комплекс причин безуспешности всех мер по устранению евреев от производства и продажи алкоголя заключается, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, следует отметить непоследовательность и противоречивость самой политики правительства в этой области (самый лучший пример – это правительственные отступления в нарушение правил о выделке и продаже евреями горячих напитков от 15 августа 1845 г., что подробно описал М. Мыш¹⁹).

Во-вторых, мерам правительства и местных властей противодействовали помещики, которые находили немалый интерес в питейном промысле евреев. Парадокс проблемы заключается в том, что те же помещики выступали и в роли инициаторов ограничительных и запретительных мер, сами же хлопотали об этом. Вспомним доклад маршалов, т.е. предводителей дворянства, Минской губернии, направленный Павлу I 13 июля 1797 г.²⁰ Рассмотренное выше распоряжение комитета о переселении евреев в г. Гродно от 17 мая 1829 г. о запрете евреям заниматься винокурением в местечках было сделано после соответствующего представления гродненского губернского маршала, который выступал от имени всего дворянства Гродненской губернии. Кроме того, сохранилось постановление гродненского дворянского собрания от 14 января 1840 г. о «выведении евреев из деревень и корчем и воспрещении им винокурения»²¹. В то же время, в архивных фондах встречается много прошений помещиков об обратном. Например, в 1830 г. помещица Волковысского уезда Неселовская подала прошение на имя цесаревича Константина, в котором жаловалась на комитет по переселению евреев в г. Гродно, который запретил евреям производить в помещичьих местечках винокурение, и просила об отмене этого распоряжения²². В переписке губернских чиновников первой половины XIX в. часто можно встретить замечания, что евреи продолжают заниматься питейным промыслом «по послаблению местных властей и особому содействию помещиков»²³. «В здешнем крае евреи издавна оставлены владельцами имений на произволе, и в их руках продажа вина обратилась в обширную торговлю при совершенном равнодушии и даже содействии владельцев...»²⁴. Помещики действительно боролись за сохране-

ние евреев у себя в имениях. Сколь ни удобно было землевладельцам использовать евреев для отвода глаз правительству от действительной причины бедствия крестьян, евреи были им еще нужнее как составная часть экономики края. После отступления «грозы» помещики продолжали «удерживать в своих имениях евреев, допуская их до питейного промысла». Это освобождало владельцев от необходимости личного контроля за организацией выделки и продажи алкоголя (а кто лучше евреев смог бы это дело организовать?!), избавляло их от коммерческого риска, излишков зерна и картофеля и обеспечивало постоянный доход в наличных деньгах. В анонимной секретной «Записке о евреях, живущих в России», поданной в «III отделение канцелярии Его Императорского Величества» в 1842 г. говорилось о выгоде для помещиков сдавать в аренду корчмы, а также винокуренные и пивоваренные заводы, мельницы, пруды и др. именно евреям: «Помещик получал доход за содержание корчмы и проч. гораздо значительнейший, нежели всякий другой мог дать ему, ибо еврей оборотливее прочих и образ его жизни не требует больших расходов»²⁵. Сохранилось много свидетельств из XIX века о широком использовании помещиками посреднических услуг евреев.

С. Лашкарев: «...большая часть помещиков не только сделать что-нибудь, но, кажется, и подумать не может без еврея. Еврей у помещика в доме и в делах равный с ним, если не больший его хозяин. Помещик никогда почти дела не решит без своего еврея – поверенного; напротив, поверенный – еврей всегда покончит с вами без своего доверителя.»²⁶

А. Киркор вспоминал: «Я знал одного очень умного помещика, любившего поднимать новые вопросы. Однажды в довольно большом обществе распространился он о деревенских евреях – факторах и арендаторах, доказывал, что этот обычай рисует помещиков в самом непривлекательном свете, ибо изобличает их лень, отсутствие решимости и полезной деятельности. Много говорил о вреде сваливать все свои дела на еврея и самому ничего не делать.» На следующий день А. Киркор навестил этого помещика и обнаружил у него еврея. «– Что у вас делает этот еврей? А вчера-то говорили? – Э, батюшка, то была теория, а в практике совсем другое, и я вам скажу откровенно, без этого Мошки я ничего не умею, да и не могу сделать»²⁷.

Таким образом, позиция помещиков в вопросе «сотрудничества» с евреями не была однозначной. То, получит ли какой-нибудь еврей аренду, зависело «от времени, обстоятельств и места», как сформулировал в 1769 г. один из землевладельцев²⁸. Однако большинство помещиков охотно пользовались посредническими услугами евреев, в том числе и в деле производства и продажи алкоголя. Ситуация не изменилась и после вхождения земель бывшей Речи Посполитой в состав Российской империи, так как при других политических условиях оставались прежними социально-экономические.

В качестве третьей причины безуспешности борьбы властей с питейным промыслом евреев укажем на хорошо известные и широко распространенные факты взяточничества чиновников. Применение ограничительных постановлений возлагалось на низшие чины местного государственного аппарата – исправников и приставов. Низшие полицейские чиновники находились на весьма низких жалованьях, но с лихвой это компенсировали за счет поборов с населения, особенно с евреев. Витебский губернатор Жиркевич с удивлением констатировал: «... с каких источников, не имея собственных доходов могли они (полицейские служащие – И.С.) содержать семьи?... Откровенно признаюсь, что боялся даже их спросить, какими средствами успевали они быть хоть немного действительными в их управлении, ибо без побочных натяжек за счет обывателей не было это возможным»²⁹. «Тут мы имеем дело, – писал И. Бикерман, – с системой, точно придуманной для того, чтобы плодить подкуп и вымогательство... Одной из сил, поддерживающих еврейское бесправие, были те многочисленные агенты власти, которым такое положение доставляло исключительные выгоды»³⁰. В рапорте советника гродненского губернского правления Лазовского, направленного в 1851 г. гродненскому губернатору Ховену, говорилось, что «винная продажа никогда не выходила из рук евреев по деревням как Гродненской губернии, так и прочих губерний черты оседлости, и это неизбежно, в особенности если со стороны местных полицейских властей допущена бездеятельность или еще хуже потворство»³¹.

Из воспоминаний Ехезкеля Котика (где описывается м. Каменец-Литовский середины XIX в.): «Ассессор, кроме своего жалованья,

имел хороший доход с евреев. Лавок было больше ста, а разрешение на торговлю было, может, у четверых, Ассессор получал в год с каждого продавца по три рубля – и порядок. Так же было и с шинками: платили ассессору по десять рублей – и готово... Сам мой дед держал шинок, и брат его держал шинок, и оба не имели патентов... Торговали свободно и открыто. За эту свободу и за помощь, в случае надобности, дед платил ассессору пять рублей в месяц»³².

И ещё два характерных примера, подтверждающих действие указанной причины. В 1848 – 1849 г. в Сокольском уезде Гродненской губернии проходило следствие по факту корчемства евреев м. Кринки. Обвинялись 3 еврея, свидетелями по делу проходили более 60 крестьян. Дело затягивалось из-за «происков» евреев, которые подкупили следователей (в течение 2-х лет сменилось 4 следователя по причине «ослабления» евреям) и «склонили на свою сторону» крестьян.

«...следственная комиссия обратилась к очной ставке, но евреи, видя близкое открытие их преступлений, успели напоить крестьян до пьяна и склонить на свою сторону до той степени, что крестьяне, явившись к допросам пьяными до крайности, от прежних своих показаний стали отказываться... Комиссия не находя возможности производить дальнейшее исследование в м. Кринках отсрочила производство настоящего дела...»³³.

В документах «III отделения канцелярии Его Императорского Величества» хранится донос еврея Маркуса Курляндского на белостокского купца Иовеля Бараша «о производимой им воспрещенной евреям продаже горячих напитков в 55 шинках, из коих 20 принадлежат капитану корпуса жандармов Хитрово» (1848 г.)³⁴.

В-четвертых, следует обратить особое внимание на высокое качество организации питейных дел евреями, на их мастерство и профессионализм, богатые традиции в этой области. Эту веками сложившуюся систему не просто было разрушить. Выше уже говорилось о разнообразии питейных заведений и пунктов. Не менее разнообразными были и напитки. Их традиционный набор в рассматриваемый период: пенное вино (крепость от 16 до 20 градусов), вино трехпробное (крепость не менее 25 градусов), различные наливки, конечно же, мед и пиво. Когда в апреле 1825 г. в питейной канторе г. Гродно проводилась экспертиза спиртных напитков, то было представлено 5 подслащенных сортов водок и 9 сортов хлебного

вина³⁵. Есть сведения и о выделке евреями редких и даже эксклюзивных напитков.

Из воспоминаний А. Паперны, которые описывают м. Копыль: «...Р. Лейбке забот не имел. Он владел домом на базарной площади, притом жена его была замечательно дельная женщина, просто сокровище: она открыла способ производства “нектара”, живительного напитка, неизвестного и олимпийским богам. Это была какая-то муть трудно определимого цвета и вкуса – не то пива, не то кваса, - которую копыльцы окрестили именем “Unter – Bier” (подпиво). Копыльцам этот напиток очень нравился, тем более, что он был весьма дешев...»³⁶.

Белостокскому купцу 3-й гильдии Михею Заблудовскому принадлежал завод по выделке арака (очень крепкая водка, содержащая 50 градусов алкоголя). В 1844 г. было произведено 340 ведер на сумму 3 060 рублей серебром, ведро ценою 9 руб. сер.³⁷ Мещанин м. Великая Берестовица Абрам Рабинович в 1846 г. подал прошение гродненскому губернатору о дозволении ему открыть завод по производству рома, в котором писал, что он «имеет около местечка собственной земли 45 моргов, а в самом местечке жилой дом и при оном фруктовый и овощной сад на 2-х моргах, землю обрабатывает в одну смену 30 сохами, из сего имеет пропитание с семейством, а с фруктов и разных мускательных растений даже ананасов сделав пробу рома из 5-летней старой водки, перегоняя оную 3 раза в кубке, от чего выходит хороший и душистый ром», просил исходатайствовать для него у Департамента мануфактур билета на завод рома А.Е.Рабиновича³⁸.

Кроме напитков местного производства евреи продавали и привозные: «...разные иностранные водки, виноградные вина, ром, арак, портер, английское пиво, а также ром, виноградные и фруктовые вина, сделанные в России на манер французских»³⁹.

Следует вспомнить и пресловутую коммерческую смекалку евреев. Питейный промысел давал для нее необычайно широкий простор. В чиновничьих документах рассматриваемого периода предпринимательские способности и смекалку евреев окрестили терминами «пронырливость», «изворотливость», «плутовская хитрость», «хитросплетенные козни», «ловкость на всякие проделки» и т.д. В 1839 г. люстрационная комиссия им. Свислочь констатировала: «...предпринимаемые меры при неутомимом и ловком пронырстве евреев, коего никакая бдительность полиции и единоличных управлений

пресечь не в состоянии, напрасны...»⁴⁰. В делах питейных существовало множество ухищрений и уловок.

Из воспоминаний Ехезкеля Котика: «...привозили из Польши спирт и продавали вместе с водкой, за которую платили налог. У польского спирта был лучше запах, что было даже недостатком, выдававшим его присутствие. Чтобы себя обезопасить, распространяли слух, что в спирт добавляют такие душистые капли, от чего его ещё больше хотели пить...»; «... дед велел позвать к себе всех шинкарей и сказал им, что продажу спиртного следует организовать по-другому: “Выручать вы должны по три копейки за рюмку. Я вам привёз из Бриска рюмки, которые кажутся большими, но в каждую вмещается совсем мало. Вы должны держать только эти рюмки, и никаких других, и будет вам прибыль”»⁴¹.

Именно в этой сфере проворачивались и самые сложные аферы и махинации, над которыми ломали головы местные власти. Так, в 1855 – 1856 г. гродненское губернское начальство пыталось разобраться в «тайной стачке» между держателями акцизного и чарочного откупа. И хотя механизм этих злоупотреблений в ходе разбирательства стал ясен, однако старший чиновник особых поручений был вынужден заключить, что «...при хорошо обдуманной и устроенной стачке нет возможности уличить виновных формальным следствием».

«Акцизные откупщики, хотя не имеют права заниматься ни покупкою, ни продажей вина в чертах своего откупа, но под другим именем привозят вино с других губерний и учреждают свои подвалы, и взяв таким же образом в содержание все казенные корчмы и шинки, учреждают посредством евреев раздробительную продажу на свой счет под чужим именем... Сим способом имеют в руках своих оптовую и раздробительную продажу вина, да притом посредством своей администрации имеют разное влияние на владельческие шинки и подвалы, довели таковые до того, что в них продажа совершенно подорвана...». В казенных питейных заведениях вино продавалось меньшей крепости (вместо 25–30° только 18°) и дешевле (на полкопейки, что составляло разницу с ведра в 50 копеек). «А выгода с большой распродажи вина и с оборота капитала. Правительство не может иметь никакого контроля дохода с акцизного сбора, ибо вино подобного рода продается без ярлыков»⁴².

И, наконец, пятая, самая главная причина безуспешности рассматриваемых мероприятий заключалась в невозможности для евреев, снискивающих пропитание питейным промыслом

в селах и деревнях, найти средства для существования в городах и местечках. Эту проблему М. Мыш называл «желудочным» вопросом и считал, что «желудочный» вопрос сам по себе способен парализовать действие всякого ограничительного закона⁴³. Так боролись жизнь и закон. Жизнь превращала закон, противоречивший её потребностям в фикцию.

В заключении приведем высказывание М. Мыша, который закончил цитируемое здесь исследование следующими словами: «Тем не менее, мы от всего сердца желаем, чтобы евреи, по собственному побуждению и по мере возможности, отстали от промысла, рассчитанного на людскую слабость, приносившего им очень много горя и страданий. Мы желаем этого в видах облагорожения самих евреев, но нисколько не думаем, чтобы даже совершенное прекращение ими этого промысла изменило отношение к евреям со стороны наших домогренных юдофобов»⁴⁴.

Примечания

¹ См.: *Анищенко Е.К.* Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II). Мн., 1998. С. 45–59.

² *Улащик Н.Н.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965. С. 267.

³ *Lachnicki J.* Statystyka gubernii Litewsko-Grodzienskiey. Wilno, 1817. S. 61.

⁴ *Цярохін С.Ф.* У фокусе канкрэтнага факта: праўда і мана пра ап'яняльныя напіткі. Мінск, 1988. С.110.

⁵ *Гессен Ю.* Евреи в России. СПб., 1906. С. 5.

⁶ *Коробков Х.* Экономическая роль евреев в Польше в конце XVIII в. // Еврейская старина. 1910. № 3. С. 355.

⁷ *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. Москва-Иерусалим, 2000. С. 122.

⁸ *Леванда В.О.* Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874. С. 57–58.

⁹ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее НИАБ в Гродно), ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 5.

¹⁰ *Мыш М.* Борьба правительства с питейным промыслом евреев в селах и деревнях // Восход. 1881. Кн. IX. С. 7.

¹¹ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 3, д. 536, лл. 16, 130.

¹² Там же, л. 114, 128 об.

¹³ Там же, л. 147, 154.

¹⁴ Там же, л. 137.

¹⁵ Там же, оп. 4, д. 930, л. 9, 14, 15.

¹⁶ Там же, ф. 2, оп. 38, д. 617, л. 1114–1118.

¹⁷ За рамками нашего рассмотрения остались многочисленные преобразования отрасли, которые хорошо отражены в литературе: *Калинин В. Д.* Из истории питейного дела в России (XV – начало XX вв.). М., 1993.; *Герский Н. С.* Питейные сборы и акцизная система в России: исторический очерк и настоящее положение. СПб., 1890.; Сведения о питейных сборах в России. Ч. 2. СПб., 1860.; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков. СПб., 1913. и др.

¹⁸ *Аленицин В.* Еврейская питейная торговля в России. СПб., 1886. С. V.

¹⁹ *Мыш М.* Борьба правительства с питейным промыслом евреев в селах и деревнях // *Восход*. 1881. Кн. IX. С. 4–14.

²⁰ *Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев. С. 151–153.

²¹ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 20, д. 1497, л. 5.

²² Там же, оп. 3, д. 536, л. 188.

²³ Там же, оп. 13, д. 443, л. 1, 1 об.

²⁴ Там же, оп. 4, д. 930, л. 32 об.

²⁵ В этой «Записке...» есть также интересные наблюдения о том, что замена в некоторых местах евреев-корчмарей на других, несет ряд «неудобств»: в корчмах «кроме водки уже ничего нельзя достать, и сам корчмарь всегда пьян, готов к драке, к шуму». Кроме того, «мера эта отняла всякую возможность у земских властей близко надзирать за многими помещиками западных губерний. Еврей-корчмарь был зорким бдителем, ему известно было все, что происходило в помещичьем доме... о брожении умов помещиков и посессоров, о свиданиях и съездах...».

Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 109, 1 экспедиция, оп. 16, д. 304, л. 24 об.

²⁶ *С. Л...* Акцизный откуп и еврей-посредники в Минской губернии // *Труды Имп. Вольного экономического общества*. 1860, ноябрь. С. 279–289.

²⁷ *Киркор А. К.* Народности Литовского полесья и их жизнь // *Живописная Россия: Литовское и Белорусское Полесье: Репринт. воспроизвед. изд.* 1882 г. Минск, 1994. С. 18.

²⁸ *Hensel J. Żydowski arendarz i jego karczma* // *Kultura Żydów polskich XIX–XX w.* Kielce, 1992. S. 85.

²⁹ Цит. по: *Тоць С. М.* Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30 – 60-я гады XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус) // *Дыс...канд. гіст. навук*. Мінск, 1997. С. 29.

³⁰ *Бикерман И.* Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 125.

³¹ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 13, д. 443, л. 31.

³² *Котик Е.* Воспоминания // [www/yandex.ru/Улановская/Котик](http://www.yandex.ru/Улановская/Котик).

³³ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 21, д. 1024, л. 2, 2 об.

³⁴ ГАРФ, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 23, д. 21.

³⁵ НИАБ в Гродно, ф. 2, оп. 38, д. 164, л. 757–764.

³⁶ *Паперна А. И.* Из Николаевской эпохи. Воспоминания // *Пережитое*. Т. 2. СПб., 1910. С. 11.

³⁷ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 20, д. 1152, л. 107–108.

³⁸ Там же, ф. 2, оп. 11, д. 577, л. 1.

³⁹ Там же, д. 111, л. 4, 12 об. (сведения относятся к г. Гродно 1820 г.)

⁴⁰ Там же, ф. 1, оп. 4, д. 930, л. 930.

⁴¹ Котик Е. Воспоминания // [www/yandex.ru/Улановская/](http://www.yandex.ru/Улановская/) Котик.

⁴² НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 13, д. 775, лл. 24, 40, 71, 77–78.

⁴³ Мыш М. Борьба правительства с питейным промыслом евреев в селах и деревнях // Восход. 1881. Кн. VIII. С. 18.

⁴⁴ Мыш М. Борьба правительства с питейным промыслом евреев в селах и деревнях // Восход. 1881. Кн. IX. С. 20–21.

Summary

Paradoxes of the Russian government struggle against “public house business” of the Jews in the end of 18th – 1st half of 19th centuries (on the materials of the Republic of Belarus)

On the basis of the Russian Empire legislation, archive materials, memoirs and historical literature there are reviewed the forms and scale of alcohol beverages production and sale; there are analyzed legal measures taken by the government and the initiatives of the local authorities on removing the Jews from «public house business», and the realization of these measures and initiatives; there are defined the reasons of the unsuccessful limiting policy conducted in the mentioned sphere.

Борис Гельман (Севастополь)

**«Лейба Ашурович Фронштейн – сева­сто­поль­ский
городской глава (1810 г.)»**

**Русские издания XIX века как источник сведений о
еврейских личностях**

В истории евреев России сложился набор имен, извлеченных в основном из еврейских источников. Они давно вошли в научный и публицистический оборот в Украине, России и дальнем зарубежье.

Меньше внимания исследователи обращают на русскую провинциальную печать, журнальные и газетные издания XIX века, которые, как принято считать, не благоволили к евреям, а некоторые, как «Новое время» А. Суворина, придерживались антисемитского направления.

Однако тщательное штудирование официальной российской прессы и частных изданий открывает доселе неизвестные имена, которые заслуживают достойного места на скрижалях истории евреев Российской империи XIX – начала XX веков.

Бамбуковый костыль

... Лейба Ашурович Фронштейн. Это имя не найти ни в одном исследовании, посвященном российским евреям. В первом десятилетии XIX века его дважды избирали градским главой Севастополя. В журнале «Морской сборник» (1862) пишет о нем Никифор Павлович Закревский – главный городской медик Севастополя и автор очерков о жизни города и Черноморского флота.

И вот каким стилем повествуется о евреях и Лейбе Ашуровиче Фронштейне.

«... Значительную часть оседлого сева­сто­поль­ского населения составляли евреи, и потому начну с них: оседлые евреи были частью купцы, а большею частью цеховые ремесленники: портные, сапожники, шапочники, шмухлера, серебряники и прочие – самый полезнейший для общего населения и в особенности для воен­но­служ­а­ще­го чиновничества – класс людей; водворившиеся здесь при тех же правах и условиях, как и в прочих городах новороссийского края, евреи уже обжились,

хорошо устроились, имели собственные дома и по их численности – опрятную, даже богатую синагогу.

... Между православными и иностранными выходцами... евреи резко отличались тихостью нравов и примерной честностью... Но, как говорится, “в семье не без урода”, проявлялись случаи, которые отражались темным пятном на еврейском обществе; эти пятна составляли только тень, а не грязь и не чернила – пятна эти нисколько не марали, а только оскорбляли севастопольских евреев, потому что проявлялись от евреев же, хотя иногородних, но все-таки от евреев, подобно тому, как поимка фургонов с адмиралтейскими вещами. Будь такие случаи чаще, или общество евреев держи себя не так, а как-нибудь иначе (по-кишиневски или бердичевски, например), то и не возможно было б обойтись без полицейского чиновника из евреев. Впрочем, на случай разбирательства казусных дел между евреями, был отличный помощник – Лейба Ашурович Фронштейн, 80-летний старик, купец, пользовавшийся общим почетом от составного севастопольского гражданства. Лейба Ашурович, призванный в присутствие полиции или думы по какому-нибудь разбирательству между евреями, выказывал при этом свой тонкий, проницательный ум и особенную способность вызывать виновного к сознанию; но Боже сохрани – при встрече в обвиняемом уклончивости и явного сопротивления к сознанию старик выходил из себя; тут при ком бы то ни было бамбуковый его костыль полновесными и быстрыми ударами по голове, по спине, по чем ни попало довершал бесплодные убеждения. Такая выходка старика нисколько не считалась предосудительной перед его соплеменниками и позволительна была только ему одному, по его летам и в особенности по выказывавшемуся в его физиономии патриархальному величию.

Лейба Ашурович Фронштейн принадлежал к расе, рассеянной по лицу земли, расе, угнетаемой и презираемой массаами всех других рас, но старичок Лейба Ашурович, как человек, по личным достоинствам заслуживает того, чтобы почтить память его добрым словом: он один влиял на целое общество севастопольских евреев, и потому общество это отличалось тихостью нравов и примерной честностью; он за несколько лет перед этим был два трехлетия градским главой, значит, удостоен

был к этому общим голосом всех граждан, хотя и составных, но все-таки граждан; а это достоинство не без значения.»

При содействии соплеменников

Но оставим эту его сторону, а зайдем с другой и расскажем что-нибудь поинтересней из его жизни.

В 1810 году был тревожный для севастопольцев день 11 июля, когда турецкий флот в числе 13 кораблей и фрегатов подходил к вехам, обозначавшим фарватер севастопольского рейда. В этот день не только мирные жители, но и начальствующие лица пришли в большое смятение, потому более, что такое смелое появление неприятеля случилось при отсутствии нашего флота... Были слухи: будто бы турецкий флот намеревается высадить десант на крымский берег, и татары готовятся присоединиться к нему и поднять поголовное против России восстание. Лейба Ашурович при содействии своих соплеменников – евреев, рассыпанных по всем уголкам Крыма, имевших промышленные сделки, а через них и близкие связи с татарами, – едва ли не первый проник в тайну замыслов татар; деятельно следил за ними и обо всем открывал маркизу де Траверсе (бывшему главным командиром Черноморского флота).

Сведения, сообщенные маркизу де Траверсе, не лишены интереса; я передаю их так, как слышал от Лейбы Ашуровича и как помнят о том крымские старожилы, очевидцы событий.

Как свидетельствует Никифор Закревский, Лейба Ашурович Фронштейн явился позднее к новому главному командиру Черноморского флота вице-адмиралу Языкову... «с секретным извещением: “Между татарами заметно необыкновенное, доселе не замечавшееся еще движение – они ожидают скорого прибытия турецкого флота, намеревающегося сделать нападение на Севастополь”. Языков заблагорассудил назвать известие это “вздором” и прогнал Лейбу Ашуровича.

11 июля, часу во втором пополудни, из-за мыса Херсонеса выдвинулся корабль, за ним другой, третий и т.д. Это был турецкий флот.

В общем смятении севастопольцев, когда никто ничего не знал, за что взяться, что делать, куда бежать, где искать спасения, Лейба Ашурович случайно узнает, что самые важные батареи, защищавшие фарватер рейда с южной его сторо-

ны, по какому-то обстоятельству остаются при далеко недостающем числе артиллерийской прислуги; на две батареи в наличности состоял один офицер с несколькими канонирами и фейерверкерами. Лейба Ашурович повлек за собой толпу собранных им евреев; ободренные его примером, последовали за ним русские и греки и с избытком укомплектовали артиллеристов. Артиллерийский офицер, оживленный таким подкреплением, расставил людей по орудиям и, изготовясь к бою, с минуты на минуту ожидал сближения неприятеля и открытия канонады. Но обошлось без канонады. Не без страха глядели севастопольцы на турецкий флот. Проманеврировал он перед Севастополем до вечера. На другой день (12 июля)... наконец, скрылся от берегов. Тревожное состояние севастопольцев тем и кончилось». (Морской сборник. 1862. № 3–4, с. 53–59).

Вот каков 80-летний еврей Лейба Ашурович Фронштейн на страницах российского «Морского сборника»! Блюститель городского порядка, добровольный разведчик российского флота, вдохновитель береговых артиллеристов.

Примечание. В начале 19 века население Севастополя достигало 20 000 человек. В соответствии с Городовым положением и Грамотой, подписанной Екатериной II в 1785 году, права Севастополя находились под защитой городского магистрата. Для управления Севастополем выбиралась Общая городская дума – законодательная структура городского самоуправления. Она созывалась один раз в три года. Исполнительным органом городского самоуправления являлась Шестигласная дума, которая отчитывалась перед губернатором и Казенной палатой. Она собиралась один раз в неделю и ведала текущими делами городского хозяйства. Общая городская дума была также подотчетна губернатору и представляла ему смету доходов и расходов городского бюджета.

Среди первых евреев-жителей Севастополя (1780 г.) называли Соломона Фронштейна – подрядчика, Исер-Герша Фронштейна – маклера, приехавших из Галиции. (Д. Полонский. Исторический очерк Севастопольской еврейской общины. 1909, с. 7.).

Десятки еврейских имен встречаем на страницах «Морского сборника» в период Крымской кампании 1854–1856 го-

дов. Читаем: «Матрос Лейба Гранштейн, Люблинской губернии, Седлецкого уезда, дер. Жемблой, из евреев, в службе с 1852 года, ранен 29 марта (1855) на Корниловском бастионе, 7 апреля возвратился». Мастеровой Мотель Леванович, 12 рабочего экипажа, на Корниловском бастионе 29 мая (1855) ранен в правый висок, 7 августа ранен в грудь». Это только двое из списков раненых (т. XX, 1856, с. 243). И ведь сражались отважно! Примечательно, что на страницах «Морского сборника» слово «жид» не появлялось.

Не получил военного ордена

Участие воинов-евреев в Крымской войне не заметили самые известные авторы, писавшие об этой памятной для России военной кампании. «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Осажденный Севастополь» М. Филиппова – и ни одного еврейского имени.

Тем важнее документальные свидетельства. В фонде редких книг Севастопольской морской библиотеки хранится четырехтомный «Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» (1872).

В 1-м томе опубликованы воспоминания полкового адъютанта Владимирского пехотного полка поручика Наума Александровича Горбунова. В солдатских рядах Владимирского полка, который прибыл форсированным маршем из Молдавии в Крым 17 августа 1854 года, сражались и воины-евреи. Об одном из них упоминает Н. Горбунов, описывая обстановку на бастионах.

... С 28 марта (1855 года) началось усиленное одиннадцатидневное (легко сказать!) бомбардирование. Чуть свет неприятель начал канонаду. Ужасную бурю с градом можно разве сравнить с тем неистовым учащенным артиллерийским огнем, которым неприятель буквально мел ядрами бастионы.

...Всю ночь усиленно производились работы к возобновлению с основания брустверов, на постановку и починку орудий, и наутро 3-й бастион явился пред неприятелем как ни в чем небывалый.

То же было и на прочих бастионах.

Защитники Севастополя отличались между собой в соревновании своих тяжелых обязанностей и, надо отдать справедливость, отличались на славу.

Вообще Севастополь в тяжкие и славные свои дни был как бы очистительной жертвой.

... Во 2-й мушкетерской роте был рядовой Белинский (Иудейского закона), о котором нельзя не вспомнить. Белинский постоянно находился на банкетах (он был хороший портной и отличный стрелок), ходил в ложементы, храбро дрался на вылазках и во время нападений. Не желая перейти в Православие, он уклонялся от всех предлагаемых ему снисхождений, не желал производства поэтому в унтер-офицеры и не получил знака отличия военного ордена, который вполне и неоднократно заслужил.

Словом, личность этого еврея-солдата заслуживает вдвойне похвалы, – как храброго защитника, так и твердого в убеждениях человека. Сверх того, замечательно то, что Белинский, как еврей, составлял такое редкое исключение своею храбростью, так как племя, к которому он принадлежал, отличается именно робостью...

Воспоминания полкового адъютанта позволяют современному читателю в какой-то мере узреть картину далеких сражений на бастионах Севастополя.

Рядовой Белинский предстает здесь настоящим героем, подобно легендарному матросу Петру Кошке. Ведь в вылазках участвовали самые умелые, неустрашимые, отчаянные воины. Обычно ночью группами в 20-40 солдат, часто и в одиночку, они нападали на неприятельские укрепления и посты, уносили с собой оружие и пленных. Но в историю евреев России имя Белинского еще не попало. Кто из университетских ученых мужей слышал об этом храбреце Иудейского закона?

В газете «Одесский вестник» (№ 12 30 января 1862 г., с. 52) заметка сообщает:

«... Мысль г. Шмерлинга о сооружении памятника еврейским солдатам, погибшим при защите Севастополя заслуживает полного сочувствия. Когда 10 месяцев тому назад г. Шмерлинг впервые публично говорил в пользу этого дела, столь важного для чести всего еврейского народа в России, много христиан спешило пожертвовать для осуществления

этой мысли, ими одобренной. Еврейские солдаты, положившие свои кости в стенах Севастополя с честью для своего народа в России уже шесть лет ждут исполнения последнего долга со стороны своих единоверцев».

Почти через четыре десятилетия эта тема прозвучала в письме читателя «Военное еврейское кладбище» в газете «Крымский вестник» (№ 101, 20.04.1900 г.).

«...Смело можно сказать, что почти всей России известно о стотысячном наследстве, оставленном соединенными силами Европы Севастополю – знаменитом Братском кладбище. Но зато не только всей России, но даже немногим севастопольцам известно о существовании там же по соседству еврейского кладбища, совершенно забытого и заброшенного... Кладбище, именующееся еврейским военным, почти никем не посещается, и постоянно заперто, и ключ от калитки находится у живущего по соседству с ним отставного Николаевского солдата еврея Шперлинга. Это сторож, безвозмездно принявший на себя этот титул со дня устройства ограды».

Автор обращается к военному командованию, командирам тех частей, в которых сражались евреи и погибли на бастионах Севастополя. Это их обязанность найти средства, привести в порядок еврейское военное кладбище.

По чарке для всех войск

В годы Крымской кампании (1853–1856) евреи не только воевали и хоронили. В Перекопе в январе 1854 года содержатель питейного откупа Гинзбург проявил радушие при встрече войск и отпустил бесплатно вина на 16 тысяч человек. Это отмечено в книге «Таврическая губерния во время Крымской войны» (Симферополь. Тип Таврич. Губернского земства. 1905. С. 10). Автор – основатель Таврической архивной комиссии Арсений Маркевич. Далее «Почетный гражданин Гинзбург, желая ознаменовать прибытие императора в Крым, пожертвовал в конце октября 1855 по чарке водки на человека для всех войск в Крыму» (с. 100). Это тысяч на 50–60 храбрых ребятушек. Была и закуска: «одесский купец Рафалович поставил в октябре 1855 г. для войск подрядом 15500 ведер квашеной капусты» (с. 191).

Под госпитали предоставили свои дома купцы Иезекииль, Черкес, Ицик Берг, Фейгин (с. 45–46). Перевозка продовольствия для армии производилась на подводах, заподряженных у купца Цукермана (с.81). Пожертвования в пользу войск, больных, раненых: симферопольские евреи – купцы Спиро, Карасик, Гранов – 36 пудов галет, бочку 50 ведер виноградного вина (с. 98), бахчисарайский купец Исаак Штулькерц – 50 рубак (с. 99).

Встретилась и знакомая фамилия. «Бердянский 1 гильдии купец Фронштейн, в качестве комиссионера военного ведомства, принял на себя распродажу своим собственным распоряжением всех оставшихся излишними в районе интендантства 2 армии провиантских запасов по возможно выгоднейшим для казны ценам и никак не ниже нормальных цен». (с. 229). Возможно, родственник севастопольскому.

Подобные статистические данные могут послужить не только иллюстрацией, но оказаться полезными и для аналитической работы.

Обстоятельное изучение провинциальной российской прессы XIX – XX века позволит более широко и более объективно представить развитие взаимоотношений российского общества и еврейского населения.

Литература

- «Морской сборник», 1862. № 3–4, «Морской сборник», 1856. Т. XX.
«Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» (1872).
«Одесский вестник». 1862.
«Крымский вестник». 1900.
Чикин А.М. Летопись времен. 1773–2003. Севастополь. 2003.
Полонский Д. Исторический очерк Севастопольской еврейской общины. 1909.
Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам). Симферополь. 1905.

*Майя Виттенберг (Санкт-Петербург)***Евреи и Власть****Записки еврейских экспертов в материалах губернских комиссий по еврейскому вопросу 1881 года**

Основным источником для данной работы послужили материалы губернских комиссий по еврейскому вопросу, опубликованные в 1884 году для служебного пользования Высшей комиссией для пересмотра законодательства о евреях¹. Кроме того, в работе использовались материалы комиссий, хранящиеся в РГИА в фонде 821, Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Первые месяцы царствования Александра III ознаменовались волной вспыхнувших еврейских погромов. Начавшись в Елисаветграде, погромная эпидемия в короткий срок охватила множество губерний юга России, составлявших черту еврейской оседлости. Беспорядки сопровождались полным разгромом еврейских квартир, уничтожением и грабежом имущества. С целью прекращения беспорядков и выявления их причин 25 августа 1881 года министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым был издан указ об учреждении во всех губерниях черты оседлости особых комиссий по еврейскому вопросу². Идея создания таких комиссий принадлежала харьковскому губернатору П.Д. Святополк-Мирскому. В своем письме к Н.П. Игнатьеву он предлагал обратить особое внимание правительства на положение земледельческого населения в южных губерниях, поскольку «почти все еврейское племя живет и питается за счет христианского, менее развитого населения³». Для этого предлагалось без промедления образовать в этих губерниях под председательством губернаторов особые комиссии с предоставлением им права приглашать на свои заседания экспертов. Труды этих комиссий должны были быть впоследствии рассмотрены в общей комиссии образованной в Петербурге. Министр внутренних дел принял эти предложения и комиссии были образованы. Вопросы, на которые учрежденные комиссии должны были представить свои соображения ясно показывали точку зрения правительства на

причины еврейских погромов и тем самым задавали направление, в котором должны были работать члены комиссий. Вопросы были следующие:

1. Какие вообще стороны экономической деятельности евреев особенно вредно влияют на быт коренного населения данных местностей
2. Какие изменения в существующих узаконениях признавались бы необходимыми для устранения обхода евреями законов и какие вообще меры следовало бы принять, дабы парализовать вредное влияние евреев.
3. Какие затруднения встречаются на практике при применении существующих законов о евреях⁴.

Назначение членов комиссий было поручено губернаторам. В состав комиссий помимо местных чиновников, вошли представители торгово-промышленного класса. Кроме того, что бы придать работе комиссий демократический характер, в них были приглашены по два представителя еврейского населения, которые должны были по ходу заседаний вносить свои разъяснения при решении того или иного вопроса⁵. Все это должно было создать иллюзию, что не правительство, а само общество решает еврейский вопрос.

В материалах сохранились записки еврейских экспертов, поданные председателям комиссий и, кроме того, их высказывания по различным вопросам можно найти в журналах заседаний. Чаще всего на роль представителей избирались евреи, которые по роду своей деятельности контактировали с местной властью: присяжные поверенные, купцы, врачи. Поскольку материалы комиссий, вероятно ввиду недостатка времени (комиссии просуществовали всего три месяца) отличаются неоднородностью и незавершенностью, то не удастся ответить на вопросы относительно участия еврейских экспертов в деятельности некоторых комиссий. Так, как видно из источника, в состав Таврической и Виленской комиссий еврейские представители входили, но их участие не отражено ни в журналах заседаний, ни в записках. Были случаи, когда еврейские эксперты не допускались к участию в комиссиях. Так, минский губернатор А. Петров указывал в письме Н.П. Игнатьеву на то, что «члены-христиане заявили о полной невозможности в присутствии еврейских депутатов от-

кровенно излагать свои мнения по многим вопросам»⁶. Мотивировали они это тем обстоятельством, что «еврейское общество, столь сильное своей солидарностью раньше или позже найдет средство отомстить каждому, высказавшемуся с откровенностью против евреев вообще»⁷. Поэтому губернатор высказывал необходимость обсуждения большинства вопросов при отсутствии евреев. Министр внутренних дел оставил этот вопрос на рассмотрение губернатора. Таким образом, степень участия евреев в работе той или иной комиссии, зависела от политики ее председателя.

Участие еврейских экспертов имело большое значение при обсуждении многих вопросов, которые были решены комиссиями в духе, «благоприятном для евреев». Это нередко вызывало неудовольствие негативно настроенных членов комиссий. Так, член харьковской комиссии П.Е. Никифораки предлагал отмечать фамилии всех членов, которые голосовали за то или иное решение, либо указывать, что еврейские представители были «за» или «против» определенного постановления. Обосновывал он это тем, что «бывают случаи, когда голоса “за” и “против” разделяются поровну и голов председателя дает перевес тому или иному мнению и, тем самым, очевидно, что без двух голосов еврейских представителей вопрос был бы решен иначе»⁸.

Еврейские эксперты сочли необходимым дать свои разъяснения по поводу вопросов, поставленных перед комиссиями министром внутренних дел. Вопрос о вреде, причиняемом евреями местному населению явился наиболее часто освещаемым в их записках и выступлениях. Особенно подробно он рассмотрен в записке, поданной в Могилевскую комиссию от еврейских экспертов купцов Г.М. Ратнера и К.Г. Цукермана.⁹ Одна из ее частей носит название «Вред и его источники»¹⁰. Авторы разделили вред от евреев, «действительный и предполагаемый» на две категории: гражданско-бытовую и теоретически религиозную последовательно рассмотрев каждую из них.¹¹ Главной составляющей первой категории стало обсуждение вопроса о содержании евреями питейных заведений, поскольку одно из частых обвинений евреев – спаивание русского крестьянства. Г.М. Ратнер и К.Г. Цукерман, не отрицая вреда, причиняемого самим существованием

кабаков русскому крестьянству, тем не менее, заключают, что «кабаки будут существовать независимо оттого кто их содержит русский, татарин или еврей. То, что в черте оседлости кабацкий промысел сосредоточен в руках евреев не может служить показателем степени национальной склонности к вреду, а единственно вытекает из их безысходного положения при насильственной скученности»¹². Это мнение поддерживает в своей записке и член Екатеринославской комиссии Г.Е. Коган: «кто бы ни был кабатчик, он одинаково вреден»¹³, – пишет он. Однако, в отличие от представителей Могилевской комиссии, которые воздерживаются от обсуждения вопроса о запрете евреям содержать питейные заведения, Коган ратует за введение этого воспрещения. По его мнению, это необходимо, что бы снять с евреев обвинение в распространении пьянства в народе и, кроме того, «еврей, лишенный права шинковать в силу необходимости должен будет избрать какую-либо другую более честную и полезную деятельность»¹⁴. Вместе с тем, полагает Коган, необходимо поднять нравственный уровень крестьянства вследствие чего «кабак начнет пустеть»¹⁵.

Вопрос о содержании евреями шинок поднимается и в записке другого еврейского представителя Екатеринославской комиссии Б.И. Горовица.¹⁶ Он подтверждает мнение своих единоверцев, что «кабак везде и всюду вреден, что все, что продельывает еврей-кабатчик специфически принадлежит и русскому кабатчику»¹⁷. Кроме того, он ссылается на то, что в великороссийских губерниях, где нет евреев-кабатчиков, положение крестьян значительно хуже; что еврей-кулаки по отношению к крестьянам практикуют те же способы обмана, как и русские кулаки. Для того, что бы этого избежать он так же пишет о необходимости «поднятия нравственного уровня крестьянства и сокращения между ними пьянства»¹⁸.

Наряду с вопросом о содержании евреями питейных заведений в своих записках еврейские депутаты обращаются и к такому явлению как ростовщичество, которое всегда сопряжено с кабатчеством. Как и в отношении предыдущего вопроса, вред от этого явления признается ими неизбежным. И вновь проводятся параллели с положением крестьянства вне черты оседлости, где оно, по их мнению, страдает от ростовщи-

чества несравненно больше. В подтверждение этому эксперты ссылаются на статью Ленского в журнале «Дело» за 1881 год, где автор утверждает, что условия еврейского ростовщичества не так пагубны для крестьянства как неимоверно тяжкие условия русского кулака¹⁹. Уже упоминавшиеся Г.М. Ратнер и К.Г. Цукерман объясняют это тем, что у каждого из евреев ростовщиков имеются долги на крестьянах в течение нескольких лет, по которым не выплачено и половины прибыли. Однако, «еврей должен продолжать поддерживать крестьянина новыми ссудами, потому что в случае прекращения ссуды для него исчезает всякая надежда на взыскание когда-либо с крестьянина старых долгов»²⁰.

Для того что бы крестьянин мог обойтись без кабатчика-ростовщика, авторы предлагают учредить в селах и деревнях мелкие общественные кредитные учреждения, поскольку при существующем положении вещей крестьянин в одинаковой степени будет страдать от последствий своих займов кто бы из частных лиц не был его кредитором. Об этом же говорит на заседаниях Витебской комиссии купец Х.Л. Лурьи: «для устранения этого зла (ростовщичества) необходимо увеличить число банковских учреждений и открыть евреям доступ к другим занятиям»²¹.

На заседаниях комиссии Бессарабской губернии купец М.Я. Гринберг ставит вопрос: «отчего поселяне охотнее идут к еврею брать денег взаймы, чем на работу к земледельцам, у которых они также могли получить те самые деньги?»

П.Н. Котруца, председатель губернской земской управы ему поясняет: «более зажиточный поселянин, не нуждающийся в заработках, имея случайную нужду, обращается к еврею, народ же победнее идет в работники».

Таким образом, М.Я. Гинберг также полагает, что «весь вопрос в том, что у поселян нет денег; значит, открыв кредит поселянам, можно обойтись и без сильных мер против евреев»²².

Тем самым, еврейские представители комиссий, где затрагивался вопрос о ростовщичестве, пришли к единому мнению о необходимости, помимо прочих мер, образования кредитных учреждений в селах и деревнях.

Кроме ростовщичества и шинкарства, на заседаниях большинства комиссий звучало обвинение евреев в занятии исключительно предпринимательством. Еврейская торговля обвинялась в эксплуатации, в непонимании высоких общепользовательских целей и, кроме того, в кастовом характере, в сплоченности ее представителей. Мнение еврейских экспертов различных губерний на этот счет было единым. Во-первых, всеми, безусловно, опровергалось обвинение в кастовости, поскольку евреи, скученные в черте оседлости, ведут такую энергичную взаимную конкуренцию, что «неизбежно должны поедать друг друга»²³. Отмечалось так же, что весь многочисленный класс еврейских торговцев, обладая самыми незначительными денежными средствами и неимоверным духом соперничества, скорее относится враждебно друг к другу и между ними в высшей степени развита конкуренция. «В сфере торговых отношений, – писал в своей записке Г.Е. Коган, – между евреями никакой солидарности и общности интересов не существует, что доказывается отсутствием крупных торговых домов, устроенных на началах ассоциаций»²⁴.

Что касается жалоб со стороны русских торговцев на еврейскую конкуренцию, то причины этого, по свидетельству многих еврейских экспертов, а так же и некоторых других членов комиссий, заключаются в самой системе еврейской торговли. А именно в том, что евреи довольствуются незначительной прибылью, лишь бы продать как можно большее количество товаров, тогда как коренное торговое сословие придерживается пока противоположной системы: оно довольствуется продажей значительно меньшего количества товара по высокой цене.

Поэтому, по их мнению, систему, которой придерживаются евреи нельзя признать ни «эксплуатацией», ни «захватом», поскольку при этой системе евреи никого не эксплуатируют «кроме своей собственной усиленной деятельности». Ограничение же торговых прав принадлежностью к какой-либо национальности скорее принесет вред, чем пользу, так как от этого выиграет не общество, а только торговцы, не подвергнувшиеся ограничениям»²⁵.

Возвращаясь к записке Ратнера и Цукермана перейду ко второй категории обвинений ими обозначенной – теоретически

религиозной. Здесь имеется ввиду обвинение евреев в обособленности. Эта тема активно обсуждалась и в записках экспертов и на заседаниях комиссий. Главной задачей еврейских представителей было развеять миф о существовании «еврейского кагала», который усилиями печально известного Я. Брафмана получил широкое распространение.

Во многих записках подробно разъяснялось происхождение такого явления, которое русское правительство именовало «замкнутостью и отчужденностью». «Народ, отовсюду гонимый и везде презираемый, необходимо должен был сосредоточить все свои нравственные силы для того, чтобы не впасть в совершенное отчаяние; народ, которому в течение долгих веков не представлялось дышать свежим воздухом на свободном просторе наравне с другими народами, необходимо должен был уйти в себя, создать для себя нравственный уголок, в котором могло бы сохраняться, хоть отчасти, сознание человеческого достоинства»²⁶, – писал известный общественный деятель, член Одесской комиссии М.Г. Моргулис.

Что же касается обвинений выдвинутых Я. Брафманом, то еврейские члены комиссий единогласно сошлись на том, что им в данном случае остается только «решительное, безусловное, но, тем не менее, беспомощное отрицание». Подробное опровержение положений Брафмана приводит в своей записке М.Г. Моргулис, где он среди прочего утверждает, что «выводы автора существенно противоречат тем актам, которые служат основанием его выводов»²⁷.

Суммируя отдельные выводы и предложения еврейских экспертов по изменению существующего положения еврейского населения можно сказать, что все они сводились к одному – к необходимости расширения черты оседлости и уравнении евреев в правах с коренным населением. Признавая существование довольно серьезных «неурядиц», которые «несомненно существуют в еврейском быту», не надо забывать, – говорилось в одной из записок, – что главная питательная сила для них (неурядиц) – это та значительная совокупность правовых ограничений, которые прикрепляют большинство русских евреев к одной черте, заставляя это большинство прибегать к одним определенным занятиям, приучают его смотреть на вещи и явления с одной точки зрения.»²⁸

Можно сказать, что все представители еврейского населения, участвовавшие в комиссиях были одержимы идеей, во что бы то ни стало убедить местные власти в необходимости постепенного уничтожения всех ограничений для евреев. Они наивно полагали, что их голос будет услышан в Петербурге. Однако, даже в том случае, когда местная администрация соглашалась с их выводами и, в силу различных причин, тот или иной вопрос был решен в духе, благоприятном для евреев, все это не имело никакого продолжения. Материалы деятельности губернских властей остались практически неостребованными ни Н.П. Игнатьевым, ни последующими еврейскими комитетами и комиссиями.

Примечания

¹ Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. СПб. 1884.

² РГИА. Ф. 821. О. 9. Д. 133. Об учреждении губернских комиссий.

³ Письмо Временного Харьковского губернатора Святополк-Мирского Н.П. Игнатьеву от 5.08.1881 // Материалы для истории антиеврейских погромов. М., Пг. 1923.

⁴ РГИА. Ф. 821. О. 9. Д.133.

⁵ Там же.

⁶ Письмо Минского губернатора // Материалы для истории...

⁷ Там же.

⁸ Журнал заседаний Харьковской комиссии // Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. С. 76.

⁹ Записка евреев Ратнера и Цукермана по еврейскому вопросу // Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. С. 110.

¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 124.

¹³ Мнение представителя от евреев города Ростова Г.Е. Когана // Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. С. 367.

¹⁴ Там же. С. 381.

¹⁵ Там же. С. 382.

¹⁶ Записка члена Екатеринославской комиссии по еврейскому вопросу, представителя евреев города Екатеринослава Б.И. Горовица // Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. С. 408.

¹⁷ Там же. С. 409.

¹⁸ Там же. С. 415.

¹⁹ Б. Ленский. Еврей и кулак // Дело. 1881. № 9.

²⁰ Записка евреев Ратнера и Цукермана... // Труды губернских комиссий. С. 121.

²¹ Журнал заседаний Витебской комиссии // Труды губернских комиссий. С. 20.

²² Журнал заседаний Бессарабской комиссии // Труды губернских комиссий. С. 857.

²³ Записка евреев Ратнера и Цукермана... // Труды губернских комиссий. С. 134.

²⁴ Мнение представителя от евреев города Ростова Г.Е. Когана // Труды губернских комиссий. С. 362.

²⁵ Журнал заседаний Харьковской комиссии. Речь раввина Н.Э. Сегалья // Труды губернских комиссий. С. 18.

²⁶ Доклад члена Высочайше учрежденной комиссии по еврейскому вопросу присяжного поверенного М.Г. Моргулиса // Труды губернских комиссий. С. 1015.

²⁷ Там же. С. 1024.

²⁸ Речь раввина Н.Э. Сегалья. Журнал заседаний Харьковской комиссии // Труды губернских комиссий. С. 20.

*Владимир Щукин (Николаев)***О правовом положении евреев – земледельцев
(колонистов) в Новороссийском крае (XIX – нач. XX в.)**

Впервые законное обоснование права евреев на проживание в сельской местности и занятие сельскохозяйственным трудом было зафиксировано в «Положении о евреях» 1804 г. Данный документ предоставил право евреям, желающим заниматься земледелием, покупать незаселенные земли в западных губерниях или переходить на казенные земли, где переселенцам должны быть отведены определенные участки. На первые годы переселенцы освобождались от казенных податей (именно еврей-земледельцы оказывались первыми из евреев, кто был освобожден от двойного налогообложения, действовавшего в это время). Это означало, что евреи пожелавшие стать сельскими жителями, приравнивались к «вольным хлебопашцам», т.е. свободным крестьянам, которым разрешалось становиться землевладельцами, согласно соответствующему указу 1802 г. (до этого исключительным правом владения землей в Российской империи обладали только дворяне). Ст. 12 «Положения о евреях» подчеркивала, что еврей-земледельцы будут свободными людьми, т.е. не могут оказываться в крепостной зависимости, в других статьях подтверждалось, что евреи не подлежат юрисдикции помещиков. Из всего указанного логично вытекало, что евреи даже поселившись в сельской местности, сохраняли право свободного передвижения, т.е. не были прикреплены к земле. Земли, которые будут куплены евреями, переходят в их полную собственность, они имеют право нанимать работников и арендовать землю у помещиков (два последних условия вскоре будут отменены). Т.е. положение евреев-земледельцев оказывалось лучшим, чем положение крепостных крестьян. Дабы стимулировать процесс переселения евреев, правительство заявило о том, что в губерниях «черты оседлости» будет выделено около 30 тыс. десятин свободной земли (в реальности достаточное количество земли было выделено только в пределах Херсонской губернии). Указом Сената 1812 г. права евреев на владение незаселенными землями приравнивались к лицам христи-

анских исповеданий. Данное правило распространялось на все губернии, включенные в «черту оседлости». Понятно, что в данном акте подразумевались, в основном Новороссийские земли, т.к. именно здесь было наибольшее количество незаселенных земель. По мнению Дж.Д. Клиера: «Эти меры достойны особого внимания, так как давали право евреям владеть землей и при желании стать крестьянами. Тем самым прекращалась традиционная еврейская безземельность, в целом сохранявшаяся по всей Центральной и Восточной Европе.»¹

В 1807 г. с разрешения правительства на казенных землях были созданы первые еврейские земледельческие колонии в Новороссии: Нагартав, Новополтавка, Бобровый Кут, Сейдеминуха, Добрая, Израилевка. Впрочем, специальным Положением Комитета Министров от 6 апреля 1810 г. переселение евреев было приостановлено под предлогом недостатка средств у правительства, при этом половина выделенных средств были использованы не по назначению.² К этому времени число колонистов дошло до 3600³, в последующие годы их численность неуклонно росла, так в 1825 г. – 4358 человек; а через 10 лет – 6745.⁴ Впрочем, и эти данные достаточно условны, т.к. достаточно большое число евреев пользовались разрешением зарабатывать на жизнь за пределами колоний – в городах и местечках Новороссии, при этом они могли отлучаться из колоний несколько раз в году, что делало почти невозможным точный учет населения колоний. К примеру, в 1827 г. среди колонистов значились отсутствующими 904 человек.⁵ Едва ли такую динамику можно объяснить естественным приростом населения. Очевидно, местные власти просто закрывали глаза на факты незаконной миграции евреев. Вероятно, данный факт можно объяснить и следующим обстоятельством: в соответствии императорским указом «О дополнительных правилах для поселения евреев на казенных землях» 1847 г. должно быть соблюдено одно важное условие – каждая еврейская семья должна была включать не менее 6 ревизских душ (т.е. лиц мужского пола). Только в этом случае она получала право на надел от 20 до 40 десятин⁶ (для сравнения: указом от 31.12 1804 г. государственным крестьянам, желавшим селиться на казенных землях между реками Днестром и Южным Бугом, выделялось по 30 десятин земли на ревизскую

душу). Такая семья не должна была делиться. Как правило, если семья была малочисленной, то в ее состав официально включали ближайших родственников или даже посторонних лиц. Эти люди обычно только числились в составе данной семьи, а фактически нередко отправлялись на заработки в ближайшие города и почти не возвращались назад. По данным официальной статистики средняя численность еврейских семей в 20–80-х гг. колебалась от 6 до 9 ревизских душ.⁷ В начале XX в. этот показатель резко возрастает и к 1913 г. доходит до 11–13 человек. Возможно, что это просто фокус российской статистики (начинают учитываться все члены семьи, а не только ревизские души), а может быть и непосредственный результат активной деятельности Еврейского Колонизационного Общества, оказывавшего в это время значительную помощь еврейским колониям, как финансами, так и в создании инфраструктуры, в подготовке кадров и т.д. Во всяком случае, на 1.01.1847 г по 15 колониям Херсонской губернии 1749 семей пользовались 82863 десятинами земли, что составляло 47, 4 десятины на семью.⁸ Следует отметить, что высочайшее распоряжение 1827 г. и очередное «Положение о евреях» 1835 г., в которых содержались требование о выселении евреев из сельской местности и запрет на их постоянное проживание в селениях, содержали оговорки о том, что их действие не распространяется на новороссийские губернии. В силу этого правовое положение колонистов в данном регионе не ухудшилось. Упомянутые акты подтверждали право приобретения евреями любой недвижимости кроме поместий. В «Положении о евреях» 1835 г. подчеркнуто, что «никто из евреев не может быть насильно принужден к избиранию земледельческого состояния и к переселению», также гарантируются следующие льготы переселенцам: освобождение от подушной подати на 25 лет, от рекрутской повинности (от 25 до 50 лет) и на 10 лет от местных «земских повинностей» (§ 40)⁹

26 декабря 1844 г. было утверждено «Положение о евреях-земледельцах», согласно которому евреям – добровольным поселенцам правительство предоставляло (практически в собственность) даровые участки земли, пособия на обустройство и содержание (большая часть этих средств так и остались лишь обещаниями), а также различные временные льготы в

виде освобождения от податей, рекрутства и др. Именно освобождение от рекрутства оказалось мощным стимулом, подталкивавшим многих евреев записываться в колонисты. В частности, согласно «Правилам о рекрутской повинности евреев-земледельцев» 1829 г. колонисты освобождались от рекрутской повинности на 50 лет, при этом все евреи, которые находились за пределами колоний, обязывались в течение года возвратиться к месту постоянного жительства, иначе они утрачивали данную льготу.¹⁰ Отлучаться из колонии теперь можно было только по разрешению надзирателей или «Контролей иностранных поселенцев». Когда же в 1856 г. евреи были приравнены к другим жителям империи в отбывании рекрутской повинности, от колонистов начали поступать заявления об увольнении их из земледельческого состояния.¹¹ «Положение» 1844 г. содержало и ряд ограничений: в частности, поселенцам запрещалось продавать и отдавать в аренду свою землю посторонним лицам (не евреям), переход поселенцев в городские сословия был возможен только по прошествии 25 лет со дня водворения. Желавшие перейти в другие сословия должны были внести все подати в казну за льготное время, отбыть рекрутскую повинность. Упомянутое «Положение» разрешало евреям приобретать земли для поселения в частную и общественную собственность для поселения своих единоверцев. Впрочем, местные власти смотрели «сквозь пальцы» на то, что часть евреев-колонистов практически постоянно проживали в близлежащих городах. Именно активная торгово-посредническая деятельность евреев стала одним из главных стимулов расцвета хлебной торговли на Юге Украины, превратившей этот регион в основного экспортера хлеба на европейские рынки.

С 1868 г. колонистам было разрешено приписываться к городским общинам. Как полагал С. Боровой,¹² это было сделано для того, чтобы мотивировать отказ в предоставлении льготных денежных займов колонистам, которые не занимались сельскохозяйственным трудом. К примеру, по материалам Всероссийской переписи населения в г. Николаеве в числе еврейского населения зафиксированы 591 крестьян, правда, они отнесены к лицам, временно проживающим в городе.¹³ Начало второго потока еврейской колонизации было

во многом связано с учреждением в 1847 г. попечительного комитета об иностранных поселенцах Юга России, в ведение которого были переданы еврейские колонии. Кроме того, правительство предоставляло каждой еврейской семье, переселявшейся в Новороссийский край, от 50 до 100 руб. на строительство дома и по 70 руб. на приобретение скота, продовольствия, семян и проч. Эти деньги следовало начать возвращать через 4 года в течение 10 лет. В 1847 г. было предоставлено, а в 1853 г. подтверждено право на приобретение евреями земли только при условии перехода их в земледельческое состояние (т.е. эту землю оно обязаны обрабатывать сами), исключение делалось лишь для купцов, которым разрешалось покупать земли для поселения своих единоверцев, устройства хозяйственных и промышленных заведений, а также скотоводства. Для упомянутых случаев были введены особые ограничительные правила. В актах на приобретение земли евреями-купцами необходимо было четко указать, для чего покупается земля, и покупатель был обязан в течение трех лет после вступления во владение организовать заселение земли или создать промышленное заведение. При неисполнении данных условий земля могла быть отобрана опекуном советом и продана с торгов. При этом оговаривалось, что земля, приобретаемая евреями, а также выделяемая им казенная земля может находиться рядом с населенными пунктами, где проживает христианское население (указ 1847 г., ст. 5). Установлены также следующие регламентирующие нормы: каждая семья на следующий год после переселения обязана иметь огород и 2 десятины обработанной земли, а через 6 лет – огород, не менее 3 десятин обработанной пашни, достаточное количество скота, инвентаря и годовой запас продовольствия для себя и скота (такого часто не было и в хозяйствах крестьян средней полосы России, которые не нужно было осваивать, как целинные новороссийские земли – В.Щ.). При неисполнении этих условий евреи «исключаются из сельского состояния, все члены семейства, способные к военной службе, отдаются в рекруты», имущество продается для погашения долгов (указ 1847 г., ст.21–23).

К 60-м годам в Херсонской и Екатеринославской губерниях было 25 колоний с населением 26 тыс. душ на 205 тыс.

десятин земли, из них 20 поселений располагались в Херсонской губернии. Фактически занимались земледелием 60% всех жителей колоний, т.к. здесь проживало и неземледельческое население – ремесленники, торговцы, меламеды и др. При этом количество трудоспособного населения среди колонистов (18–60 лет) не превышало 62%.¹⁴

Правительство пыталось наладить контроль за реальным положением в колониях. Так с 1866 г. Министерство госимущества начало регулярные проверки состояния еврейского населения колоний с целью исключить из числа колонистов бродяг и недобросовестных хозяев, за период с 1869 г. по 1880 г. земледельческого статуса были лишены 10 тыс. душ,¹⁵ что не мешало многим из них продолжать проживать в колониях. Наибольшее количество таких лиц было зарегистрировано в Бессарабии, а наименьшее – Херсонской губернии, где из 16700 душ после ревизии оставалось 12199.¹⁶ Начиная с 1865 г. постановлением Государственного Совета сворачивается переселенческая политика, прекращается, как государственное финансирование, так и отчисление из коробочных сборов для этой деятельности, что не лучшим образом отразилось на экономическом положении колоний.

После освобождения крестьян (Положением от 26 апреля 1862 г.) евреям было дозволено покупать землю в тех помещичьих имениях, в которых обязательства крестьян к владельцам окончательно прекращены. Позднее в западных губерниях правительство запретило продавать имения евреям, но это запрещение не касалось Новороссийского края. Благодаря этому постановлению среди евреев, проживающих в сельской местности, появляются не только земледельцы, но и землевладельцы, которые сами не занимались земледелием. В 80-х гг. началось введение новых ограничений. «Временными правилами от 3 мая 1882 г.» евреям вновь было запрещено селиться вне городов и местечек, а также приобретать недвижимость в сельских местностях. Но в этом положении была сделана оговорка о том, что его действие не распространяется на существующие еврейские земледельческие колонии. Не могло это положение затронуть и крупных землевладельцев-евреев, т.к. они могли защищать свои владения ссылкой на десятилетнюю земскую давность.¹⁷ Эта оговорка способствовала тому, что

«Временные правила» практически не действовали в южно-украинском регионе, за исключением случаев аренды земли.

Важно отметить, что в отношении евреев-колонистов Новороссии российское законодательство, в основном, не содержало дискриминационных ограничений, за исключением того, что им запрещалось постоянно проживать в селах, где большинство населения составляли христиане. Впрочем, местная администрация не слишком строго следила за исполнением этой нормы. Нарушалась на практике и другая норма: еврейские колонии должны были располагаться отдельно от сел с христианским населением. В ряде колоний наряду с евреями, проживали и неевреи, хотя они составляли при этом меньшинство населения в данном населенном пункте, о чем свидетельствовали данные всеобщей переписи населения 1897 г. К примеру, в колониях Бобровый Кут проживали 1248 евреев и 221 неевреев, Ефингар – 2038 и 188, Ново-Полтавка – 1959 и 229; некоторые колонии располагались в непосредственной близости от сел с христианским населением и постепенно сливались с ними. Это запрещалось российскими законами, но местные власти, зачастую смотрели на такие факты «сквозь пальцы». Подобного рода нарушений было достаточно много, и они допускались как во вред евреям, так и в их пользу.

Таким образом, правовое положение евреев-колонистов в Новороссии было относительно благоприятным. Что было связано с необходимостью заселения и освоения края. В силу этого дискриминационные меры по отношению к евреям, характерные для российского законодательства, в данном регионе были минимизированы, или не действовали вообще. Специфической чертой, характерной для региона, являлось достаточно толерантное отношение местной администрации к еврейскому сельскому населению, что облегчало его положение. Все это, однако, не могло полностью ликвидировать неравенство между еврейским и нееврейским населением, закрепленное законодательством Российской империи.

Примечания

¹ Кlier Дж.Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.-Иерусалим, 2000. С. 232.

² Гессен Ю. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 165 (прим).

³ Central Archives for the History of the Jewish People. File № RV 407. P. 10.

- ⁴ Мельникова Н. Динаміка населення єврейських землеробських колоній Півдня України (XIX – поч. XX ст.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Випуск XIV. Запоріжжя., 2001. С. 229.
- ⁵ Боровой С.Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928. С. 99, 109, 110.
- ⁶ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 248. Д. 3334
- ⁷ Мельникова Н. Динаміка населення єврейських землеробських колоній... С. 331.
- ⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8.
- ⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 248. Д. 3334. Л. 49.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 9. Д. 114. Л. 4.
- ¹¹ Central Archives for the History of the Jewish People. File № RV 407. P. 10.
- ¹² Боровой С.Я. Еврейская земледельческая колонизация... С. 60.
- ¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Т. XLVII. Херсонская Губерния. СПб., 1904. С. 1, 290–291.
- ¹⁴ Мельникова Н. Динаміка населення єврейських землеробських колоній... С. 334.
- ¹⁵ Мельникова Н. Динаміка населення єврейських землеробських колоній... С. 332.
- ¹⁶ Central Archives for the History of the Jewish People. File № RV 407. P. 10–11.
- ¹⁷ См. Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Репринтное издание. Иерусалим – М., 2002. С. 153.

*Вячеслав Зарубин (Симферополь)***М.М. Винавер и Крым**

Максим Моисеевич Винавер родился в 1863 г. в Варшаве. Окончил Варшавский университет (1886), где подготовил работу «Исследование памятников польского обычного права XIII века» (Варшава, 1888). Переехал в Петербург. С 1904 г. присяжный поверенный. Юрист-государствовед, авторитетнейший знаток гражданского права, адвокат. Вместе с В.Д. Набоковым редактировал журнал Петербургского юридического общества «Вестник права». Автор ряда статей в нем, в изданиях: «Журнал Министерства юстиции», «Вестник Европы», «Право». Участник международных конгрессов: Брюссельского (1897) по сравнительному правоведению, Парижского (1900) по истории. Один из основателей кадетской партии, председатель ее учредительного съезда (Москва, 1905), член ЦК. Был избран депутатом I Государственной Думы от Санкт-Петербурга. Товарищ председателя кадетской фракции. Подписал Выборгское воззвание (протест против роспуска Думы и призыв к гражданскому неповиновению), за что отбывал 3-месячное заключение в тюрьме (1908). Он также играл ведущую роль в «Обществе для распространения просвещения среди евреев в России», возглавлял «Историко-этнографическую комиссию», которая собирала материалы о евреях России. Выступал в процессах, связанных с Кишиневским и Гомельским погромами, председательствовал на съезде «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», был инициатором создания «Еврейской народной группы» (1907), «Еврейского историко-этнографического общества», являясь его председателем, принимал участие в его органе «Еврейская старина», входил в редакцию журнала «Восход». Им написан ряд работ по юриспруденции, на политические темы, в том числе «Кадеты и еврейский вопрос» (СПб, 1907).

После Февральской революции назначен Временным правительством сенатором. С марта 1917 г. вместе с А.А. Корниловым руководил агитационно-издательской (позднее литературно-издательской) комиссией партии. Под его председательством в Петрограде состоялось собрание учредите-

лей нового литературного общества – Союза писателей. Входил в Особое совещание по выработке закона о выборах в Учредительное собрание, в состав Предпарламента (Временного Совета Российской Республики), в котором стал товарищем председателя кадетской фракции и товарищем председателя комиссии по борьбе с анархией. Избран членом Учредительного собрания (от Петрограда). В 1917 г. Винавер публикует книгу «Недавнее. Воспоминания и характеристики» (второе издание вышло в Париже в 1926 г.).

Арестовывался Военно-революционным комитетом, но отпущен после допроса. Покинул Петроград. В Москве выступил с докладом о внешней политике на конспиративном съезде кадетской партии (27–29 мая 1918 г.), отстаивая союз со странами Антанты. Потом через Киев, перебрался в Крым, где при германской оккупации жил с семьей в Алуште.

О своей деятельности в этот период Винавер впоследствии готовил книгу «Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.)», которую не успел закончить. Она была издана его сыном Евгением в 1928 г. в Париже.

Осенью 1918 г. в период кризиса Крымского краевого правительства М.А. Сулькевича¹, опиравшегося на поддержку германских войск, на даче у М.М. Винавера состоялось партийное совещание крымских кадетов, на котором было поддержана кандидатура известного общественного деятеля, помещика, кадета С.С. Крыма (караим) на пост нового главы правительства. По мнению крымских кадетов (Д.С. Пасманик, В.А. Оболенский, М.М. Винавер, В.Д. Набоков, С.С. Крым, В.В. Келлер, Н.Н. Богданов) Крым не должен являться самостоятельным государством, оставаясь временно оккупированной частью России, где может быть создана лишь временная власть без права формирования собственных вооруженных сил и осуществления дипломатических сношений с другими странами².

15 октября 1918 г. Винавер участвовал в совещании кадетских лидеров совместно с представителями промышленников П.П. Рябушинским и Д.В. Сироткиным в Гаспре (имение графини С.В. Паниной), на котором обсуждались вопросы о борьбе против авторитарного и «сепаратистского» правительства Сулькевича, ориентации на Добровольческую ар-

мию, формировании новой власти, пользующейся доверием населения. На следующий день в Ялте на квартире Н.Н. Богданова кадетское руководство, предварительно заручившись согласием начальника штаба германских войск фон Энгелина, окончательно решило требовать отказа от власти Сулькевича; поддержать кандидатуру С.С. Крыма на пост председателя нового правительства, куда должны также войти кадеты Н.Н. Богданов (бывший губернский комиссар, участник Кубанского «Ледяного похода» Добровольческой армии), В.Д. Набоков и М.М. Винавер. Почетным председателем ЦК кадетской партии И.И. Петрункевич предложил Винаверу руководить внешней политикой. Тот вначале сомневался, поскольку понимал, что придется иметь дела с Добровольческой армией: «А я этих людей не знаю, не имел никогда связей с военной средой; не знаю даже, не помещает ли сношениям с ними мое еврейство»³. Однако Петрункевич сумел Винавера убедить.

С кандидатурой С.С. Крыма согласилось и собрание городских и земских гласных крымских уездов, открывшееся 18 октября. Набоков и Винавер приезжают в Симферополь, участвуя в подготовке резолюции собрания, первый пункт которой гласил: «Правительство должно всеми мерами содействовать объединению распавшейся России и с этой целью искать сближения со всеми возникшими на русской земле государственными организациями, поставившими себе основной задачей воссоздание единой России, с тем, чтобы вопрос об устройстве и форме правления объединенной России был окончательно решен Всероссийским учредительным Собранием»⁴. Затем 24 октября в Алуште Винавер совместно с С.С. Крымом набрасывают основной текст декларации нового правительства, которую потом редактировали, дополняли В.Д. Набоков и И.И. Петрункевич.

Учитывая, что на 28 октября в Екатеринодаре (Краснодаре) была намечена конференция (съезд) кадетской партии, Винавер вместе с бывшим московским городским головой Н.И. Астровым, графиней С.В. Паниной и своим братом выехал туда из Крыма. Одновременно он должен был установить контакт с командованием Добровольческой армии и пригласить

сидеть ее в Крым. Ехать пришлось через территорию гетманской Украины и Всевеликого Войска Донского.

В Екатеринодаре на конференции Винавер выступил с докладом о внешней политике, отстаивая признание государственного суверенитета России над всеми областями, входившими в ее состав до Октябрьского переворота, прекращение действия Брестского договора, необходимость вывода германских войск, замены их Добровольческой армией и частями стран Антанты, помощи Антанты в борьбе с большевиками, организации временного представительства России с участием представителей всех правительств, организовавшихся на ее территории, ставящих себе задачей восстановление единой России, а также Добровольческой армии, при этом большевистская власть не может представлять Россию.

Он был включен в состав Совета по международным делам, который должен был выступать от имени России на будущей международной конференции, рассматривающей вопросы послевоенного устройства мира, однако, этот орган явился мертворожденным. Вместо делегации в Париж поехал С.Д. Сазонов, бывший министр иностранных дел России (1910–1916).

В Екатеринодаре Винавер встретился с А.И. Деникиным, вел переговоры с генералом А.М. Драгомировым, председателем Особого совещания при Главнокомандующем Добровольческой армии (орган гражданского управления), и генерал-лейтенантом А.С. Лукомским, помощником А.И. Деникина и начальником Военного управления, вводя их в курс крымских событий и настаивая на скорейшем вводе в Крым частей Добровольческой армии (об этом же ранее от имени Таврической земской управы просил Деникина приехавший в Екатеринодаре Н.Н. Богданов).

Тем временем, после поражения в первой Мировой войне Германии стало ясно, что судьба Крымского краевого правительства М.А. Сулькевича решена. С согласия германского командования 15 ноября 1918 г. он передал полномочия С.С. Крыму. Как и намечалось, во второе Крымское краевое правительство помимо председателя Совета Министров С.С. Крыма, ставшего также министром земледелия и краевых имуществ, вошли еще три кадета: Н.Н. Богданов, министр внутренних дел и первоначально военный и морской министр

(затем морским министром стал командующий Черноморским флотом контр-адмирал В.А. Канин, управляющим военным министерством генерал-майор М.М. Бутчик), М.М. Винавер, министр внешних сношений, и В.Д. Набоков, министр юстиции, а также социалист-революционер С.А. Никонов, член плехановской партии «Единство» П.С. Бобровский, беспартийные⁵. Это правительство объявило временным до воссоздания единой России, которая виделась как «свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих»⁶. С.С. Крым уведомил Винавера о формировании правительства и необходимости возвращения специальной телеграммой.

Миссия в Екатеринодар завершилась успешно. Деникин подписал следующую телеграмму на имя Винавера (он получил ее по приезду в Симферополь) и чинов Добровольческой армии в Крыму: «В виду направления Крым частей Добрармии приказываю широко оповестить население: **Первое** [выделено Винавером]. Части прибывают исключительно целью охраны поддержания порядка, не вмешиваясь внутренние дела. **Второе**. Добрармия не преследует реакционных целей, имея задачей воссоединение единой неделимой России, признавая необходимость теперь же и в будущем самой широкой автономии составных частей Российского Государства, не предрешая будущей формы правления России, ни даже путей, какими русский народ объявит свою волю. **Третье**. Относится с величайшим негодованием к попыткам восстанавливать одну национальность, один класс против другого. Призываю всех горячо любящих Россию без различия партий полному единению на благо родине. № 495. Екатеринодар, 7 ноября [20 ноября нового стиля – В. З.]. Главкомандующий Генерал Деникин»⁷.

По мнению Винавера, эта телеграмма, текст которой был выработан сообща Драгомировым, Лукомским и им самим, явилась «основной хартией прав» для Крыма. Он вспоминает как Драгомиров «с учтивою готовностью» пошел на включение в текст телеграммы третьего пункта. По словам министра внешних сношений «в просторечии это значило: отношение к погромам». Дело в том, что Винавер получил из Крыма телеграмму об опасении погромов «со стороны лиц, именуя-

щих себя офицерами ДА, и о господствующей среди еврейского населения панике». Эта телеграмма была показана генералу, и тот сам предложил включить в текст указанный пункт «и редактировать его самым решительным образом». (Деникин сообщает о просьбе Винавера «ввиду сильной агитации, враждебной Добровольческой армии, обвиняемой в реакционности, антисемитизме и антидемократизме», подготовить такой документ⁸).

«Справедливость требует, – вспоминает далее Винавер, – тут же указать, что такая готовность его [Драгомирова – В.З.] находилась в соответствии с общим тогдашним настроением ДА к еврейскому вопросу. За исключением красовавшихся несколько дней в витрине книжного склада ДА еврейских карикатурных картин, изображавших Троцкого и его сателлитов, я тогда ничего агрессивного по отношению к евреям в настроении ДА не заметил; ничто не предвещало тогда позднейших позорных деяний ДА по отношению к еврейскому населению, немало содействовавших ее неудаче. Доходили до меня какие-то слухи, будто из армии устраняются офицеры-евреи. Я проверил эти слухи, и в основе их оказался ничтожный случай какого-то невысокого чина, вовремя остановленный»⁹.

Винавер явно приукрашивает существовавшее тогда отношение добровольцев к евреям. Сам А.И. Деникин признавал фактическое изгнание из армии офицеров-евреев своими сослуживцами. Что же касается солдат, то, по его словам, «евреи подвергались постоянному глумлению; с ними не хотели жить в одном помещении и есть из одного котла». Их приходилось изолировать в отдельных ротах запасных батальонов. Даже при ставших регулярными мобилизациях, армейские чины предлагали прекратить призывы в вооруженные силы евреев¹⁰.

Ему вторит один из лидеров крымских кадетов сионист Д.С. Пасманик: «Добровольческая армия систематически отказывалась принимать в свои ряды еврейских прапорщиков и юнкеров, даже тех, которые в октябре 1917 г. храбро сражались с большевиками. Это был нравственный удар, нанесенный еврейству». Он навсегда запомнил картину: «11 прапорщико-евреев, пришедших ко мне в Симферополе жаловаться, что их

выделили из строевых частей и откомандировали... кашеварами в тыл»¹¹.

Эти строки опровергают приведенные выше слова Винавера.

Опасения еврейского населения в отношении Добровольческой армии позже отчасти подтвердились. Имели место антисемитские проявления. Так, поиск оружия, проводимый офицерами из отряда капитана Н.И. Орлова без согласия Краевого правительства на окраинах Симферополя, закончился арестом и избиением совершенно невиновных лиц, в большинстве евреев, хотя никакого оружия, кроме нескольких охотничьих ружей, найдено не было, о чем пишет сам же Винавер¹².

Однако Крым с его многочисленным еврейским населением (68 159 вместе с крымчаками в 1917 г. – 8,4%) счастливо избежал погромов.

Перед отъездом Винавер свіделся с «молодым и весьма пылким» А.В. Корвин-Круковским, назначенным начальником Крымской дивизии Крымско-Азовской армии в чине генерал-майора, который «охотно принимал все советы и все обязательства», внушаемые ему «с величайшей точностью» министром внешних сношений, и «радостно и беззаботно на все соглашался», правда, вскоре забыв об этом. Он направился с отрядом в Крым через Тамань, а Винавер чрез Новороссийск морем. Их пути сошлись в Керчи, где они приняли город и крепость от немецкого коменданта. Здесь их встретили С.С. Крым и министр народного просвещения С.А. Никонов. Далее все вместе на поезде отправились в Симферополь, куда прибыли 23 ноября. На следующий день министр внешних сношений включился в общую правительственную деятельность.

Как он вспоминал впоследствии, «стремясь уничтожить даже в наименовании ведомства предположение, будто мы ведем особую местную “инострannую” политику, мы искали для моего ведомства более скромное наименование. И после долгих поисков остановились на необычном несколько, но вполне соответствующем существу дела, названии “Министерство Внешних Сношений”»¹³.

Винаверу, как и другим иногородним министрам, отвели комнату в бывшем доме Таврических губернаторов, где разместилось правительство. Теперь им пришлось совещаться не

только на ежедневных заседаниях («часто по два раза в день»), но и за обеденным столом. «Работали мы дружно», – писал впоследствии Винавер. «Никто из нас не был формально зависим от своей партийной организации, – не было случая, чтобы какое-нибудь решение кем-нибудь было принято *ad referendum* партии, – и члены одной и той же партии, четыре кадета, не принимали никаких связывающих предварительных решений сообща, часто и разногласили при обсуждении отдельных вопросов. Не ошибусь, кажется, если скажу, что гораздо чаще бывали разногласия между мною и Набоковым, чем между нами с одной стороны и с.-д. плехановцем Бобровским, или с.-р. Никоновым с другой». Разногласия имели место по поводу проекта Набокова об учреждении местной кассационной инстанции, по поводу празднования годовщины Февральской революции. В конце концов, они улаживались мирно, но, по словам министра внешних сношений «во всех этих случаях большинство группировалось либо около меня, либо около Набокова, совершенно независимо от партийной принадлежности»¹⁴.

О пикировках между двумя кадетскими лидерами вспоминает и Д.С. Пасманик, которому неоднократно приходилось наблюдать как С.С. Крым «несколько скромно сделанными замечаниями сглаживал острые споры между петербургскими «орлами» в его министерстве – Набоковым и Винавером»¹⁵.

Новому министру осталось в наследие от председателя комиссии по внешним делам (фактически исполняющего обязанности министра иностранных дел) первого Крымского краевого правительства Н.В. Чарыкова, бывшего товарища министра иностранных дел России (1907–1909), посла в Константинополе (1909–1912), ведомство, организованное «по всем правилам административного искусства». Пришлось освобождаться от лишних людей и «до чрезвычайности» упрощать само министерство. Винаверу по его же словам приходилось иметь «сношения не со столицами всего мира, как полагалось бы заправскому министру иностранных дел, а с собранными тут же, у наших ворот союзниками», и не дипломатические договоры заключать, «а говоря грубо и откровенно, ходатайствовать, ходатайствовать и еще раз ходатайствовать перед... союзниками о помощи для моей родины. Это было просто – слишком просто, но нестерпимо тягостно». К тому

же Крымскому краевому правительству «ранее чем просить, надо было еще перед собеседником легитимироваться: кто такие и откуда. Ни в каком международном трактате вы-де не прописаны. А просите помощи не только для себя, не для маленького Крыма, а для России, – объявляете Крым лишь преддверием, зовете в Москву, в Петроград. И объяснения эти давать приходилось не перед дипломатами и политиками, а перед начальниками воинских сил – морских и сухопутных – сплошь несведущими в элементарных вопросах не только политики, но и географии». Одному из таких военачальников министр «долго не мог вдолбить разницы между Крымом и Кавказом»¹⁶.

26 ноября эскадра из 22 кораблей стран Антанты появилась на Севастопольском рейде. Ее прибыли встречать правительство в полном составе, представители общественности, военные. Винавер заранее набросал приветственную речь, обсужденную днем раньше на заседании правительства. Союзное командование заставило министров довольно долго ждать приема. Командующий Средиземноморской эскадрой английский адмирал Кольторп заявил, что не знает о признании крымского правительства Великобританией. Речь министра внешних сношений его «либо просто забавляла, либо показалась по неожиданности своей интересною»¹⁷. Впоследствии правительство было признано, и ему обещана вооруженная поддержка, оказавшаяся на практике весьма незначительной.

С целью приблизить свое министерство к месту пребывания эскадры Винавер в декабре 1918 г. переехал в Севастополь. Он принимал здесь союзных командующих, делал им визиты, вел на месте письменные сношения, а два раза в неделю выезжал в Симферополь «для участия в заседаниях Совета Министров, для приема просителей и руководства старою, постепенно отмирающею канцелярией». Новая канцелярия в Севастополе разместилось в старом, холодном доме на Мичманском спуске и состояла из двух секретарей, одним из которых был сын Винавера, переводчика, «он же специалист по церемониальной части», и позже морского офицера для связи, исполнявшего также обязанности казначея.

С целью информирования иностранных войск Винавер организовал издание с 18 декабря «Бюллетеня» на английском и французском языках (с середины января 1919 г., с уходом

английского флота он выходил только на французском), поместив в первом номере свою передовицу. Всего вышло 16 номеров. С начала 1919 г. для французских союзников три раза в неделю издавались «Последние новости» (вышло 25 номеров). Шрифт для издания этих органов министерства внешних сношений сын Винавера с немалыми трудностями доставил из Константинополя.

Иностранные войска оказывали содействие местным властям в Севастополе в обеспечении порядка (уголовный розыск, охрана порта и тюрем, патрулирование), корабли охраняли побережье и направлялись в различные порты Крыма для предотвращения волнений, корабельная артиллерия использовалась при разгроме партизанского отряда «Красная каска», базировавшегося в Мамайских каменоломнях под Евпаторией (январь 1919 г.). В марте 1919 г. французские войска по просьбе Винавера участвовали в подавлении забастовки в Севастополе. Однако в целом, несмотря на неоднократные просьбы Крымского краевого правительства и лично министра внешних сношений, помощь союзников была достаточно скромной.

Кроме отношений с союзниками министерство поддерживало телеграммами связь с русскими посольствами в Париже, Лондоне, Афинах, сообщая о положении на Юге. При Краевом правительстве был аккредитован представитель Войска Донского, на Кубань представителем Крыма назначен В.Ф. Кокошкин.

В своих воспоминаниях Д.С. Пасманик, сообщая, что Винавер «не герой моего романа», тем не менее, отдает ему должное: «все русские люди должны признать за ним: его безграничный патриотизм и его горячую и талантливую защиту идеи единой России. Если уж кого нельзя винить в сепаратизме, то именно М.М. Винавера. Он выдержал всю тяжесть борьбы с П.Н. Милюковым, когда последний внезапно выступил защитником германской ориентации, что в тех условиях означало неминуемое расчленение России. И еще долгое время отношения между двумя лидерами кадетской партии оставались натянутыми. ... Идеал Винавера был – создать из Крыма образчик для возрождения единой России. Вначале он отнесся с большой любовью и полным доверием к Добровольческой армии...»¹⁸.

Правда, отношения Краевого правительства с командованием Добровольческой армии в Крыму, вскоре ухудшились. Военные предпочитали не считаться с гражданскими властями, их разнузданное поведение вызывало недовольство населения. По словам Деникина «в части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения, “как прототипа будущей Всероссийской власти”. И министр внешних сношений Винавер в переговорах с екатеринодарскими кадетами поддерживал серьезно идеи самостоятельности Крыма, *преимущественной* [курсив Деникина] важности крымского вопроса и недопустимости в этих видах “укрепления Особого совещания”». Не нравилось Деникину и то, что Винавер поднял «вопрос об единоличном представительстве Сазонова в Париже и потребовал замены его делегацией с участием крымского представителя»¹⁹. Главнокомандующий также обвинял правительство в излишнем демократизме, что, по его мнению, способствовало деятельности большевиков. «В Крыму не было ни сознания назревшей опасности, ни желания борьбы. И не было той силы, которая могла бы побороть общественное равнодушие», – писал впоследствии Деникин²⁰.

Для урегулирования спорных вопросов 22 декабря 1918 г. в Крым прибыли генерал-лейтенант А.С. Лукомский, члены Особого совещания кадеты Н.И. Астров, фактически исполнявший роль представителя Крыма при Добровольческой армии, и В.А. Степанов. С ними вели переговоры С.А. Никонов и Винавер. Последний также устраивал «отдельные кадетские беседы» с Астровым и Степановым. Было подтверждено, что Добровольческая армия не вмешивается во внутреннее управление краем, но действительность подтверждала обратное. Ситуацию не смог изменить и визит С.С. Крыма, Н.Н. Богданова и министра труда, краевого секретаря и контролера П.С. Бобровского в Екатеринодар (конец января 1919 г.).

В хранящейся в Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГААРК) «Справке о деятельности Крымского правительства и причинах его падения, составленной министром внешних сношений М.М. Винавером» он отмечал: «Д.А. не могла прислать в Крым сколько-нибудь значительных сил, а по качеству своему отряды, присланные в Крым особенно в Ялту, были таковы, что поведением своим вызывали него-

дование со стороны всего мирного населения. Отряды эти сочли себя вправе взять в свои руки расправу с теми, кого они признавали большевиками, и самовольными убийствами, арестами, разгромом типографии газеты [меньшевистской “Прибой” в Севастополе – В. З.] вызывали во всем населении Крыма крайне недружелюбное отношение. Репрессий [в отношении этих отрядов – В. З.] со стороны командования ДА, невзирая на настояния Правительства, не последовало»²¹. При этом правительство должно было скрывать свои разногласия с командованием Добровольческой армии.

Реалии военного времени и давление командования Добровольческой армии вынуждали правительство, объявившее себя демократическим и отменившее стесняющие общественную жизнь распоряжения времен Сулькевича, идти на непопулярные меры.

14 февраля 1919 г. опубликовано постановление Совета Министров «О борьбе с большевиками», согласно которому формируется местное Особое совещание, получившее право высылать за пределы полуострова или заключать под стражу лиц, «угрожающих общественной безопасности». При производстве арестов Особое совещание опиралось на стражу, милицию и контрразведку Добровольческой армии.

На краевом земско-городском съезде, открывшемся того же числа, со стороны социалистов постановление подверглось разгромной критике, Набоков по сообщению газеты «Крымский вестник» (1919, 18 февраля) «с грустью отмечает, что все члены крымского правительства много посвятили борьбе с административными репрессиями в дни царской власти, а теперь самим приходится применять их».

22 февраля Особое совещание получает право рассмотрения дел о лицах, изобличаемых в агитации против союзников, Добровольческой армии, мобилизаций. Затем восстанавливается цензура. Издания демократического толка начинают сталкиваться с серьезными проблемами, вплоть до приостановления выпуска. Отменяется свобода собраний. Краевое правительство теряет авторитет среди общественности. В марте – апреле 1919 г. меньшевики и социалисты-революционеры отказывают ему в доверии. Нет поддержки власти и со стороны крымских татар, всячески уклоняющихся от при-

зыва в армию. В условиях падения жизненного уровня населения, недовольства жесткими действиями военных в подполье активизируются коммунисты²².

После вторжения на полуостров Красной Армии Краевое правительство переезжает в Севастополь, готовясь к эвакуации. Командующий войсками Антанты французский полковник Труссон запретил выезд, потребовав от правительства вначале отдать оставшиеся денежные средства. Переговоры, в которых принимает участие и министр внешних сношений, окончились безрезультатно. Только после того, как деньги и ценные бумаги были отданы, 15 апреля 1919 г. М.М. Винавер вместе с семьей, коллегами по кабинету покидает Крым на греческом судне «Надежда», следующем в Пирей. Через две недели Севастополь оставляют французские и греческие войска.

17 апреля правительство на борту корабля проводит свое последнее заседание, на котором уполномочивает М.М. Винавера, С.С. Крыма и В.Д. Набокова «вместе и каждого порознь быть представителями Крыма как на мирной конференции, если бы это оказалось возможным, так и во всех вообще сношениях с деятелями и организациями союзных с Россией и нейтральных держав»²³.

Впоследствии Винавер представил министру иностранных дел Франции С. Пишону доклад о крымских событиях и был им принят. При этом министр высказал удивление поведением Труссона, обещав выразить ему «должное порицание».

За границей Винавер примкнул к левому крылу кадетской эмиграции, возглавил парижский комитет партии кадетов, присутствовал на совещании членов Учредительного собрания (Париж, 1921). Он был учредителем и членом центрального бюро революционно-демократической группы, объединившей различные политические силы от левых кадетов до правых социалистов, участвовал в издании журнала «Еврейская трибуна» (на русском и французском языках), где выступал против поголовного обвинений евреев в большевизме, газеты «Последние новости». В 1922 г. вместе с П.Н. Милюковым основал еженедельный журнал «Звено». Являлся председателем правления общества «Русское издательское дело в Париже». Скончался М.М. Винавер в Ментон-Сен-Бернаре (Франция) в 1926 г.

Примечания

- ¹ О правительстве М.А. Сулькевича см.: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Крымское краевое правительство М.А. Сулькевича и его политика // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 135–149.
- ² *Оболенский В.А.* Крым в 1917–1920-е годы // *Крымский архив*. 1994. № 1. С. 77.
- ³ *Винавер М.* Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж. 1928. С. 10.
- ⁴ Цит. по: *Оболенский В.А.* Крым в 1917–1920-е годы // *Крымский архив*. 1996. № 2. С. 21.
- ⁵ О правительстве С.С. Крыма см.: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Второе Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 – апрель 1919 г.) // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 65–76.
- ⁶ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // *Красный архив*. 1927. Т. 3(22). С. 128–129.
- ⁷ Цит. по: *Винавер М.* Наше правительство. С. 51–52.
- ⁸ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Минск. 2002. С. 531.
- ⁹ *Винавер М.* Наше правительство. С. 53–54.
- ¹⁰ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск. 2002. С. 112–113.
- ¹¹ *Пасманик Д.С.* Русская революция и еврейство. (Большевизм и иудаизм). Париж. 1923. С. 183.
- ¹² *Винавер М.* Наше правительство. С. 203.
- ¹³ Там же. С. 81–82.
- ¹⁴ Там же. С. 63–64.
- ¹⁵ *Пасманик Д.* Революционные годы в Крыму [отрывок] // *Крымский архив*. 1999. № 4. С. 83.
- ¹⁶ *Винавер М.* Наше правительство. С. 83–84.
- ¹⁷ Там же. С. 88.
- ¹⁸ *Пасманик Д.* Революционные годы в Крыму. С. 83.
- ¹⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. С. 533.
- ²⁰ Там же. С. 536.
- ²¹ ГААРК. Р-1000. Оп. 4. Д. 21. Л. 6–6об.
- ²² *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь. 1997. С. 168–188.
- ²³ *Винавер М.* Наше правительство. С. 220.

Summary

Vyacheslav Zarubin (Simferopol)

M.M. Vinaver and Crimea

One of the founders of the Constitutional Democrats Party (Cadets), a well-known lawyer and publicist, public figure of the Jewish¹ movement in Russia Maxim Moiseevich Vinaver (born in 1888 in Warsaw) arrived to Crimea in the period of German

occupation (1918); lived with his family in Alushta. Later he decided to write a book about this time – «Our Government. (Crimean Memoirs. 1918–1919)» but didn't finish it. In 1928 in Paris it was published in Russian by his son Eugeny.

Together with another Cadets including V.D. Nabokov, D.S. Pasmanik, Vinaver discussed the political future of Crimea. To their opinion Crimea cannot be an independent state; they wanted to proclaim a provisional power here. Vinaver was proposed to be a Minister of Foreign Affairs in the future Crimean government.

He took part in the conference (congress) of the Constitutional Democrats Party in Ekaterinodar (Krasnodar), met with the «white» movement leaders A.I. Denikin, A.M. Dragomirov, A.S. Lukomsky. Vinaver insisted on the fastest invasion of the Dobrovolcheskaya Army (Volunteer Army) to the peninsula, providing the non-interference of the military forces into the public administration, prevention the national discrimination, for Jews first of all. Afterwards, in spite of anti-Semitic moods among the military men, there were no pogroms in Crimea.

In November, 15, 1918 the Krymskoe Kraevoe Government (Regional Crimean Government) with the head of an authoritative Crimean Cadet, Karaim by nationality S.S. Krym, began its work. Among the members of this Provisional government besides S.S. Krym and M.M. Vinaver was also a Socialist-Revolutionary, a member of «Edinstvo» party, non-party members. It was based upon the Dobrovolcheskaya Army and Entente military forces. The ultimate aim was the reconstruction of the one and invisible Russia as a democratic state in order to guarantee the rights for developing the original culture of all nations.

For reaching the more close contact with the international military forces Vinaver went to Sevastopol. The Ministry of Foreign Affairs is also based here. He initiated the publishing of «Bulletin» (in English and French) and «Dernieres Nouvelles» (in French). Twice a week he was forced to go to Simferopol to take part in the meeting of the Krymskoe Kraevoe Government. He believed that Crimea could be an advanced post of the Russian democratic reconstruction.

The S.S. Krym government was not supported by the Crimean Tatars who resisted for military mobilization and didn't

sympathize with the Dobrovolcheskaya Army. Often the army command didn't take into consideration the public government interests. The Vinaver's attempts to soften the contradictions didn't manage. In 1919 the Krymskoe Kraevoe Government practically turned down the democratic policy because of the conditions of wartime, difficult economic situation, army command pressure. In fact by the April, 1919 the Government felt ground slipping away from under its feet.

In April, 4 the foreign troops, Dobrovolcheskaya Army military forces failed to stop the Red Army Perekop break-through. In April, 15, 1919 Vinaver with his family and colleagues went on board of the Greek ship «Nadezda» to leave Crimea for Piraeus.

He moved to France, joined the left wing of the Cadet emigration movement, and took an active part in the public life. In 1926 Vinaver died in Menton-Sant-Bernar.

Надежда Аблова (Минск)

История еврейской общины в Маньчжурии (1897–1917 гг.)

Первые евреи стали проникать в Китай, по данным китайских историков, в начале XI в. – по ведущим в страну торговым путям. Город Кайфэн (Центральный Китай) стал местом постоянного жительства большей части еврейских поселенцев¹. Однако китайская среда быстро ассимилирует инородцев, поэтому история еврейской общины в Кайфэне была недолгой, следов проживания в городе еврейских поселенцев практические не сохранилось.

Иначе обстояло дело с еврейскими общинами в Китае в первой половине XX в.: они не только не подверглись ассимиляции и сохранили приверженность национальным традициям и вере, но и сформировали «особый своеобразный культурно-психологический тип местного еврея»². Обусловлено это, на взгляд автора, следующими причинами: 1. Строительство и функционирование Китайско-Восточной железной дороги привело к возникновению в Маньчжурии своеобразного «государства в государстве», так называемой «полосы отчуждения КВЖД» (получившей в 1903–1920 гг. название «счастливой Хорватии» – по имени управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата). Здесь была создана редкая обстановка национальной и религиозной терпимости. Поэтому еврейское население Харбина и линии чувствовало себя в Маньчжурии вполне комфортно. 2. После событий обеих революций 1917 г. и гражданской войны еврейские общины в Китае были составной частью многочисленной колонии бывших подданных Российской империи, что во многом помогало выжить и сохранить национальную идентификацию в чуждой цивилизационной среде. Поэтому представляется логичным рассмотреть историю еврейства в Китае в контексте истории КВЖД и российской эмиграции в Китае.

Хронологические рамки исследуемой проблемы: 1896 – рубеж 50–60-х гг. XX в. Можно выделить два основных этапа изучаемого периода: 1896 – 1917 гг.; 1918 – конец 1950-х гг. – начало 1960-х. Все это время жизнь евреев в Китае и как

подданных Российской империи, и в составе дальневосточной эмиграции напрямую зависела от функционирования КВЖД и изменений ее международно-правового статуса. В эти годы дорога была объектом международных отношений и находилась в совместном управлении (российско-китайском, советско-китайском и т.д.). После окончательного перехода дороги под китайскую юрисдикцию начинается быстрый исход бывших российских подданных, в том числе и евреев, из КНР.

В 1937 г. в Харбине состоялся первый съезд Еврейских общин, собравший представителей всех еврейских общин Дальнего Востока и провозгласивший создание единого верховного органа евреев Дальнего Востока (их тогда было около 5 тысяч человек) – Национального Совета под руководством доктора Абрама Иосифовича Кауфмана. В докладе, посвященном деятельности Харбинской Еврейской Духовной Общины А.И. Кауфман выделил первый период в истории этой организации: 1903–1917 гг. Представляется, что именно в эти годы сложились все предпосылки к тому, чтобы Харбин стал самым крупным центром еврейства на Дальнем Востоке, получил названия «Иерусалим Дальнего Востока»³, «Восточный Сион»⁴, сформировался «своеобразный тип ментальности харбинского еврея»⁵. На взгляд автора этому способствовали следующие факторы:

1. *Успех еврейского предпринимательства в Маньчжурии.*

После подписания русско-китайского договора (22 мая 1896 г.) и «Контракта на строительство КВЖД» (27 августа 1896 г.) в. началась реализация этого грандиозного проекта. Результат превзошел самые смелые ожидания авторов: на пустынных маньчжурских землях выросло в лице КВЖД «государство в государстве». Полоса отчуждения – это почти государство, со своими четко обозначенными границами и территорией, своим многонациональным населением, законодательной (Правление КВЖД) и исполнительной (Управление КВЖД) властью, своим главой «государства» в лице Управляющего, своими министерствами (Земельный отдел, Служба тяги и т.п.), своими полицией и армией (Заамурский округ Пограничной стражи), судом и муниципальным управлением, собственной системой образования и здравоохранения и т.д. Столицей этого государства стал Харбин – российский город,

построенный на китайской земле⁶. Возведенный в самом центре богатой черноземной равнины, Харбин стал расти со сказочной быстротой. В. Петров считает, что размах его роста был чисто американским, и в этом Харбин может быть сравним с американскими городами «дикого Запада»⁷. Хорошие заработки и возможность быстрого обогащения привлекали на КВЖД представителей всех национальностей России, в том числе и евреев (первые из них пришли в Маньчжурию уже в 1897 г.). Предпринимательская активность евреев здесь была очень высокой: Харбин привлекал их царившей в нем атмосферой деловой активности, не стесненной рамками национальных и иных ограничений. В 1907 г. из 114 членов Харбинской биржи евреев было 27 человек⁸. Среди крупнейших предпринимателей Харбина – имена И.А. Каспе (участника русско-японской войны, получившего даже Георгиевский крест); М.Л. Скидельского, Б.Ю. Бриннера, Л.Г. Цыкмана, Р.М. Кабалкина и др. Благодаря их финансовой помощи ХЕДО развернула бурную благотворительную деятельность, такую разнообразную финансовую и материальную помощь (выдача беспроцентных ссуд, оказание поддержки приезжавшим евреям в открытии собственных предприятий, оплата жилья и учебы в школе и т.п.) не могла оказывать ни одна община в России. Таким образом, хорошие возможности достичь материального благополучия играли важную роль в привлекательности Харбина для переезжающих в Маньчжурию из России, не формировали у еврейских детей комплекс национальной неполноценности.

2. *Национальная и религиозная терпимость.* В дооктябрьский период в полосе отчуждения сформировалось уникальное общество, представлявшее конгломерат нескольких культур и конфессий. Образовавшаяся здесь колония представляла собой поучительный пример совместного проживания людей, независимо от их национальной и классовой принадлежности. По данным 1920-х годов в Особом районе Восточных провинций Китая (ОРВП) были представлены 28 национальностей бывшей империи⁹ (Г.В. Мелихов приводит другую цифру – 35 национальностей)¹⁰, большинство из которых объединялись в организации по этническому признаку. Одной из первых, в феврале 1903 г. была создана Харбинская еврейская

духовная община (ХЕДО, хотя ее первоначальное название – Еврейский молитвенный дом), бывшая в числе самых крупных и богатых в городе. К моменту возникновения община насчитывала около 500 членов¹¹. Относительно проживания евреев в полосе отчуждения КВЖД никаких четких правил не существовало. Управляющий дорогой генерал Д.Л. Хорват отличался широтой взглядов, во многом благодаря его личной позиции евреи, как и представители других национальностей, пользовались всеми правами российских подданных, не испытывая какой-либо дискриминации¹². Американский исследователь Дэвид Волфф указывает, что министерство финансов России вынудило Николая II подписать секретное распоряжение, согласно которому гарантировались равные права представителям различных конфессий, обосновавшимся в Харбине. В результате в городе возникли большие общины евреев и поляков, которые стали, в отличие от подобных общин в европейской части России, подвергавшихся дискриминации со стороны официальных властей, процветать в благоприятных условиях веротерпимости и равноправия¹³.

3. *Отсутствие погромов.* Еврейское население Маньчжурии не знало ужасов кровавых погромов, прокатившихся в начале XX в. по западным и южным губерниям России, что позволяло жить, работать и растить детей вне атмосферы страха смерти и насилия. В отличие от российских евреев их собратья в Маньчжурии не стремились бежать из обжитых мест, имели все возможности строить планы на будущее. Такой подход к жизни также приводил к формированию у евреев чувства собственного достоинства и уверенности в себе. Поэтому, как вспоминал А.И. Кауфман, известие о Февральской революции евреи Харбина встретили с огромной радостью, «не как раскрепощенные рабы, а как свободные сыны еврейского народа, всегда свободной в своей духовной жизни еврейской нации, идущей по пути национального возрождения»¹⁴.

4. *Особая атмосфера Харбина.* Одной из особенностей восточной ветви российской эмиграции является то, что преобладающему большинству людей, проведших детство и юность в Харбине и на линии, свойственна ностальгия по их «малой родине» в Маньчжурии. Очень ярко выразил это чувство харбинец А.М. Кайгородов: «Все, кому посчастливилось

учиться в Харбине или просто побывать в этом городе – все, можно сказать без преувеличения, влюблялись в него. Мы любим и тоскуем по Харбину до сих пор, и никогда не забудем его... Харбин имел свое собственное, не имеющее аналогов “магнитное поле”, свой лучезарный нимб, которые привлекали, заставляли любить этот город»¹⁵. Особую атмосферу Харбина создавали не только более высокий, чем среднерусский, уровень образования и культуры всех слоев населения города, но и обусловленная им широта взглядов и воззрений, веротерпимость, отсутствие национальных предрассудков, более широкий размах культурной, торговой, предпринимательской деятельности¹⁶. Подтверждением уникальности «ауры» города может служить и тот факт, что в 1951 г. приехавшие из Китая в Израиль евреи создали ассоциацию «Игуд Олей Син» (затем – «Игуд Иоцей Син»), задачей которой было провозглашено объединение выходцев с Дальнего Востока в целях взаимной помощи и сотрудничества. В «Бюллетене» этой ассоциации (редактор Тедди Кауфман) публикуется много документальных материалов и ценнейших воспоминаний людей, проживавших в разные годы в Китае¹⁷. М. Пархомовский, руководитель Иерусалимского научно-исследовательского центра «Русское еврейство и зарубежье» отмечает, что «землячество выходцев из Китая вызывает восхищение и удивление»: им удалось сохранить превосходный русский язык, хотя они сами или даже их родители покинули Россию много десятков лет назад¹⁸. И в этом еще одно проявление феномена Харбина, города, удивительная судьба и неповторимая атмосфера которого помогли представителям разных национальностей Российской империи сохранить себя в долгие и трудные годы изгнанничества.

Примечания

¹ Синьхуа. № 14325. 5 октября 2000 г.

² Романова В. Российские евреи в Харбине // Диаспоры. 1999. № 1. С. 130.

³ Еврейская жизнь. 1938. 14 января и др.

⁴ Wolff D. To the Harbin Station: The liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999. P. 58.

⁵ Романова В. Российские евреи в Харбине. С. 122.

⁶ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн., 1999. С. 38.

⁷ Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон: Д.К., 1984. С. 11.

⁸ Еврейская Жизнь. 1938. № 25–26. С. 27.

⁹ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае. С. 73.

¹⁰ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 219.

¹¹ Хэйлуницзянский провинциальный архив, ф. 83. Оп. 1. Д. 487. Л. 17; *Еврейская жизнь*. 1938. № 1. 2 января.

¹² Аблова Н.Е. Дмитрий Леонидович Хорват. Из истории российской эмиграции в Китае // Вестник Белорусского государственного университета. 1992. С. 47.

¹³ Wolff D. To the Harbin Station: The liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. P. 114.

¹⁴ Цит. по: Романова В. Российские евреи в Харбине. С. 122.

¹⁵ Кайгородов А.М. Взгляд из Трехречья // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Харбина и КВЖД / РАН. Ин-т рос. Истории. М., 1998. С. 37.

¹⁶ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 291–292.

¹⁷ Мелихов Г.В. Белый Харбин. С. 24.

¹⁸ Цит. по: Романова В. Российские евреи в Харбине. С. 139.

Gertrud Pickhan (Berlin)

Changing the Context: The General Jewish Workers' Union («Bund») in Interwar Poland¹

«Yes, Jews are 'different'. So what? Must all people be the same? Is Pavel not different from Gavel? And is it not precisely this 'difference' among people that represents one of life's most marvelous beauties?» These words, written by the Bundist leader Victor Alter, appeared in the left-wing theory journal *Nowe Życie* in Warsaw in 1938.² They offer early evidence of the recognition that ethno-cultural pluralism is a basic fact of nearly all modern societies.

The multiethnic diversity of the eastern and east-central European region represents a central matrix for the history of the General Jewish Workers' Union known as the «Bund», which was founded in 1897 in Vilna. It raises the question of the role played by ethnicity and the network of relationships between the ethnic minority and the majority population into which the Bund was also integrated. At the same time, however, the Jewish workers' party was also the institutional pillar of a social movement and a distinct socio-cultural milieu. Thus any history of the Bund also needs to take account of the connections between ethnic group differences and social class differences in the Jewish working-class milieu of the interwar period. Given the waning significance of older community institutions and the emergence of new, identity-creating collectivities and movements that were also observable among the Jewish population of eastern Europe, we need to inquire into the Bund's contributions to the political culture of eastern European Jewry as well.

The analysis begins with the internal structure of the party and an attempt to understand its collective identity. It then proceeds in concentric circles to examine its relations with the wider Jewish milieu, the Second Polish Republic, and the Labor and Socialist International.

After the end of the First World War, the Bund had to undergo a difficult and lengthy process of adaptation in the transition from the multiethnic Russian Empire to the Polish nation-state. It now had to operate under wholly different conditions than in the Russian Empire, where the party had been an important

component of Russian Social Democracy until 1918. After the war and the October Revolution, the Bund had to form anew in Poland. The years 1928–1930 mark the end of the phase of consolidation with which the party repositioned itself in the altered circumstances of the interwar period. In the Jewish context, the Bund opened itself to the group of increasingly impoverished small artisans, for all intents and purposes shedding its self-definition as a purely class-based party, while still retaining the rhetoric of class struggle. In the Polish environment, the Bund intensified its contacts to the Polish Socialist Party PPS beginning in 1928. Finally, in 1930, the Bundists joined the Socialist International, signaling their ultimate rejection of the Soviet-style communist experiment. Nevertheless, the eminent biographical significance of the Russian revolutions as the central background socialization of the Bund's leadership generation – most of them born between 1879 and 1891 – remained influential in the interwar period, and resulted in continued interest in events in the Soviet Union:

The urban world into which the majority of Bundists were born differed quite markedly from the enclosed nature of the *shtetl*, despite the continued influence of some traditions. New, supra-familial communications structures developed in the cities, which were a precondition for the «offerings» that the very young Jewish workers' movement could provide to its youthful clientele. Its associations and communities of like-minded people represented a clear alternative to traditional religious institutions, which were often felt to be outmoded and undemocratic. The typically urban competition between «old and new» is also reflected in the early biographies of Bundists born in the final decades of the nineteenth century.

While the profile of the party leadership can be traced fairly clearly on the basis of existing biographical materials, most of them written in Yiddish, the picture of the party rank and file in the interwar period remains vague because of gaps in the sources. The most important material that might have provided information about the composition of the membership – the Bund party archive – burned in the Warsaw Ghetto after the crushing of the uprising, so that the social profile of the rank and file remains fuzzy. Regionally speaking, the Bund had its strongest bases in and around Warsaw, Lodz, Lublin and Bialystok, home in 1931 to nearly 50% of all Polish Jews whose mother tongue was Yiddish.

Since the beginning of the twentieth century, a commitment to the recognition and cultivation of the Yiddish language and culture had been key components of Bundist politics. Accordingly, the proportion of activists of the Yiddish educational and cultural movement in the party leadership was comparatively high.

The courses set at the end of the 1920s were essential preconditions for the Bund becoming the strongest Jewish party in Poland in the second half of the 1930s. Self-assertion in an increasingly anti-Semitic climate was, however, only possible because of a strong inner cohesion of the Bundist *meshpokhe* (family), which formed a complex everyday community of attitudes and solidarity. As in every proper «family», however, the Bund also had its share of heated «family quarrels», both vertical between the leadership and the rank and file and horizontal between the moderate majority, known as the *Eynser*, and the numerically strong left wing, the *Tsveyer*. The way in which the party dealt with internal conflicts, however, was characterized by a highly developed political culture of reflection and ideological debate probably unparalleled in the history of twentieth-century political parties.

The social and emotional ties between party members were intensified by deliberate performances of collective identity, for example in party-internal or public ceremonies. These included the funerals of outstanding party members as «the pinnacles and at the same time endpoints of symbolic politics».³ But not all such special political occasions were sad ones. In 1927, 1932 and 1937 the Bund had occasion to celebrate major anniversaries of its founding in the autumn of 1897. In special ceremonies, organized carefully and far in advance by committees expressly set up for the purpose, these jubilees offered members an occasion to express their emotional ties to the party both to fellow Bundists and society at large and, in the narrative of a great common past and the saving vision of a new socialist future, to alleviate the frustrations that necessarily arose in the daily routines of grassroots work.

The integration of the Bundist periphery as a socio-cultural milieu occurred above all in the fields of work and culture. The Bund made use of the tendencies towards a rapid pauperization and proletarianization of the Jewish population in the 1930s by skillfully putting a positive rhetorical slant on the topos of wage labor. Its success in this is demonstrated by the strong growth of

Bundist trade unions, which increased their membership from 20,000 in 1920 to around 100,000 in 1939. The enormous rise in union membership, particularly in the 1930s, is a very clear indicator of the changing consciousness of Poland's Jewish population brought about by shifts in their employment structure. For quite a few people, the largely forced transition to wage labor and the loss of an even very modest economic independence was apparently accompanied by a need for a collective representation of their interests. This reorientation, rooted in socio-economic processes, made it possible for the Jewish trade unions to advance in the course of the 1930s to become the largest-membership mass organization within Polish Jewry.

The Bund capitalized on this development by actively shaping it. «Labor» became a key term of public discourse, and the proletarianization of Polish Jewry was discussed in positive terms. At the last congress of the Jewish trade unions in Poland, held in April 1939, the Bundist theorist Viktor Alter noted with satisfaction that «The Jews in Poland are becoming more and more a people of labor!»⁴

Furthermore, after succeeding in the course of the 1920s to attract numerous leading proponents of Yiddish as activists, the Bund became the most important political mouthpiece of the secular Yiddish cultural movement. Through the cultural movement's network of schools, clubs, and institutions the party was deeply rooted in the world outside the workplace and at the same time contributed significantly to the flowering of Yiddish culture in interwar Poland, which, according to Chone Shmeruk, was even «created above all by the Bundists and their supporters.»⁵ All of this is very much in keeping with the Bundist concept of national-cultural autonomy and the associated idea of cultural pluralism, which demanded the right for ethnic minorities to develop their cultural identity freely in an everyday world without discrimination.

In contemporary perception, Yiddish was the language of Polish Jewry, so that the Bund continued to propagate its recognition according to its programmatic foundations. The party gave a good deal of scope to the dedicated proponents of Yiddish in its ranks, who found the organizational infrastructure extremely useful. This led to the emergence of a widespread network of cultural and educational institutions, which linked the party and

its milieu and, not least, also introduced young people to the party. Similarly, the Bund's commitment to Yiddish language and culture also gained it the respect of many people who worked in the secularly oriented, Yiddish-speaking cultural and educational sectors.

To be sure, various strategies of disassociation also helped to constitute the Bundist self-image. Within the Jewish community, the Bund disassociated itself from Zionists and the Aguda along class lines, which however proved somewhat permeable in everyday practice. In regard to its non-Jewish environment, the Bund succeeded, as it had in the Russian Empire, in organizing collective self-protection against increasingly threatening anti-Semitism. This was accompanied by an encouraging rhetoric of self-assertion, which contributed significantly to the Bund's successes in the municipal elections of 1936–1939. Local politics was an important vehicle for integrating the workers' party and its milieu into the regional context. Since the Bund did not manage to enter the Polish Sejm in free elections and boycotted the elections of 1935 and 1938 in agreement with the Polish Socialists, work in the city councils also assumed a compensatory surrogate function.

The Bundists found their most important allies here in the PPS. Characteristic of relations between Polish and Jewish Socialists was a broad spectrum ranging from conflict to cooperation, rejection to agreement. The PPS's reformism and national Polish orientation on the one side and the Bund's uncompromising left-wing socialism as well as the concept of national-cultural autonomy for ethnic minorities on the other led to frequent tensions and conflicts. The annual May Day demonstrations, which took place either jointly or separately, are a barometer of the state of Polish-Jewish relations on the level of the workers' parties.

Kegn Shtrom (Against the Current) was not just the title of a Bundist periodical; it might also serve as a leitmotif for the history of the Bund in the interwar period. On all three levels of activity – in the Jewish milieu, the Second Polish Republic and the workers' movement – the Jewish Socialists resisted the temptation to adapt to majority opinion.

Finally, in the international labor movement, the Bund chose a third path between social democratic reformism and Soviet Communism. The party joined the Socialist International in 1930.

The fact that the Bund was a member of this respected umbrella organization, which also harbored the great parties of European socialism, doubtless contributed to its success in the 1930s. No other Jewish political party could claim, as the Bund could, to be an equal member in a largely non-Jewish organization that operated on an international level. It was even more crucially important, however, for the Bundists themselves to be an organic component of the international labor movement. The Bundist engagement in the Austrian workers' uprising of 1934 and during the Spanish Civil War, as well as their strong identification with the combatants, underline that the sense of identity of Jewish socialists in Poland drew not just upon the Bundist *meshpokhe*, but also on their consciousness of being equal members of the «great workers' family» of the Socialist International.

Bundist group identity was characterized overall by unusual openness: proceeding from the Jewish workers or *arbetsmenshn*, it was closely tied to the country in which they lived together with the non-Jewish population, and to the world as it manifested itself in the Socialist International. This humane version of collective ethnic identity came to a terrible end in the Holocaust. It remains, however, a significant legacy in my view: it is well worth looking back at the Jewish workers' party and its milieu in the interwar Polish nation-state, particularly in the light of current debates on ethnicity and multiculturalism. The difference that Bundists lived out in the consciousness of belonging to a multicultural human community shows that they were well ahead of their time.

Notes

¹ This paper is based on my book «Gegen den Strom». Der Allgemeine Jüdische Arbeiterbund 'Bund' in Polen 1918–1939. Stuttgart/München 2001 (Schriften des Simon-Dubnow-Instituts Leipzig; 1).

² Nowe Życie, 1938, No. 4, p. 6.

³ Klaus-Michael Mallmann, *Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung*, Darmstadt 1996, p. 240.

⁴ Naye Folkstsaytung, 1939, No. 103, p. 3.

⁵ Chone Shmeruk, *Hebrew – Yiddish – Polish. A Trilingual Jewish Culture, The Jews of Poland between Two World Wars*, ed. by Yisrael Gutman, Ezra Mendelsohn, Jehuda Reinhartz and Chone Shmeruk, Hanover / London 1989, 285–311, p. 286.

Виктор Гусев (Киев)

Национальная программа Бунда: от гражданского равноправия евреев к экстерриториальной культурно-национальной автономии (1897–1917 гг.)

Почти четверть столетия, с 1897 по 1921 гг., в общественно-политической жизни Российской империи, в том числе в Украине, действовал Бунд (Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России). Он считал своей задачей защиту интересов еврейского населения страны, руководство его выступлениями против царизма, а после его свержения и победы вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 года и против большевиков. В последующие года своего существования Бунд боролся против власти Советов, но в силу объективных и субъективных обстоятельств слился с Коммунистической партией, превратившись в еврейскую секцию комитетов РКП (б) и ее составной части КП (б) У. Лишь небольшая часть бундовцев осталась на социал-демократических позициях и вынуждена была эмигрировать за границу.

Нет никаких оснований называть Бунд партией, которая смогла объединить вокруг себя только представителей мелкой буржуазии, часть национальной интеллигенции. Ведь его местным коллективом приходилось работать в условиях позорной «черты оседлости», с жестокой регламентацией проживания в ней, с унижительными запретами выбирать вид занятий, работать в различных государственных учреждениях с «процентными нормами» для детей при вступлении в учебные заведения, что несло собствено расширение сферы деятельности бундовцев среди различных слоев еврейской общности.

Бунд нельзя расценивать как партию, которая выражала узконациональные интересы во вред другим народам, которые населяли страну. В его деятельности и в начале XX ст., и в 1905–1907 годах, и во время реакции, и в первую мировую войну, и в 1917 году имеется достаточное количество убедительных примеров, свидетельствующих о том, что данная организация учитывала основные задачи и особенности общероссийского освободительного движения, понимала необходимость единства разных его отрядов и много делала в этом

направлении, несмотря на упреки справа и слева, в том числе и в еврейской среде.

С первых дней своего существования бундовцы выступили против царизма вместе с трудящими разных национальностей, используя при этом сообща про апробированные эффективные методы борьбы, как забастовки, митинги, демонстрации, вооруженные выступления и т.д. Они поддерживали лозунги демократической республики, Учредительного собрания, 8-часового рабочего дня, политических и гражданских свобод. Одной важной среди них было требование равноправия евреев с другими национальностями страны.

Чтобы быть последовательным в изложении вопроса, обозначенного в названии материала, необходимо напомнить, что Бунд со времени образования, заявив о себе как оппозиционная самодержавию организация в еврейской среде в масштабах Российской империи, а также за ее пределами, определенно обозначал программу, действий на перспективу. Восприняв в целом учение К. Маркса и его последователей, постулаты социал-демократии, используя их с учетом местных особенностей политической, социально-экономической жизни страны, он не соглашался с рядом принципиальных положений марксистской доктрины относительно форм и методов классовой борьбы, ее движущих сил, способов и сроков достижения конечной цели.

Например, бундовские лидеры должным образом оценивали силу и сплоченность российского рабочего класса, его роли, способности повести за собой трудящихся на борьбу с существующим строем. Но считали, что он, захватив власть в свои руки, не сможет повести страну по демократическому пути, к тому же, его диктатору не поддержит большинство населения. Еврейские социал-демократы скептически характеризовали возможности «могильщика буржуазии» в строительстве социалистического общества, даже под руководством ленинской партии.

У тех, кто наследует различные аспекты революционного движения в России в конце XIX – начале XX ст., участие в нем различных слоев населения страны, сегодня эти утверждения не вызывают принципиальных разногласий. Автор напоминает о них лишь для того, чтобы подчеркнуть значение

данных фактов как общественно-политического фона, на котором теоретиками Бунда выработывалась его национальная программа, в частности понимание им многоплановой еврейской проблемы, такого важного аспекта как создание национальной государственности, чтобы доказать, насколько она была реальной, конкретно отображала жгучие потребности еврейской общности в соответствии с теми условиями, в которых евреи проживали в царской России и после свержения самодержавия в ней.

Необходимо подчеркнуть, что в первые два года существовал (в 1897 г. состоялся первый, в 1898 г. – второй съезд), его руководство не занималось разработкой четко определенной национальной программы, в том числе видением будущей еврейской государственности. Так, в партийной программе Бунда подчеркивалось, что «Союз среди политических требований выставляет требование только гражданского, но не национального равноправия»¹.

Как свидетельствует написанное ещё в 1893 г. письмо с. Гожинского «К агитаторам о задачах агитации среди ремесленной масс»², еврейские социал-демократы предполагали для еврейского пролетариата необходимость вести экономическую борьбу с другими национальностями. А в первой прокламации ЦК Бунд к 1 мая 1898 г. в месте с сообщением об образовании партии говорилось о том, что «еврейский пролетариат должен идти сообща с российскими, польскими, латвийскими и другими рабочими, которые проживали в России», предоставляли «братскую помощь друг другу в борьбе с российскими деспотизмом»³.

Но вскоре лидеры Бунда сделали вывод, что разработки национального вопроса, который бы стал составной частью программы партии, необходима. «Гони ветер в двери, – удачно заметил В. Коссовский по этому поводу, – а он выйдет в окно». Таким первым окном стал III бундовский съезд (декабрь 1899 г.). В этот период у бундовцев сложились напряженные отношения с ППС в Польше, которая в борьбе с царизмом конечной целью считала образование самостоятельного государства. С таким требованием категорически не соглашался Бунд, не только по отношению к Польше, но и к другим национальным частям Российской империи. Съезд подчеркнул, что Бунд существует «для развития классового сознания еврей-

ского пролетариата. Так как ППС пытается своими нападениями на Бунд ослабить его самостоятельность и подорвать его существование, было решено бороться против такой тактики ППС всеми имеющимися методами⁴.

Конечно, польские социалисты ответили на такую смелость бундовцев надлежащим образом. На своем IV конгрессе они приняли постановление, в котором отмечали: «Так как еврейский пролетариат может иметь задачи, общие задачам того пролетариата только того народа, среди которого он живет, так как деятельность еврейских групп, которые выступают под общим названием “Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России и Польшей”, имеет вредный для движения характер, потому что программная и организационная изоляция его часто ставит этот Союз в состояние неприятеля к нам, – поэтому, конгресс решил, что политика это неправильная и не может быть солидарна с политикой польского и литовского пролетариата в его борьбе за освобождение от российского ига». По мнению автора, именно обострение отношений между ППС и Бундом ускорило желание последнего активно заняться разработкой национального вопроса, в частности, определиться с проблемой еврейской государственности.

Обсуждение национального вопроса на III съезде Бунда, которое было главным в его повестке дня, свидетельствовало об отсутствии единства среди партийных активистов в его понимании. Так, Д. Миль, основной докладчик, заявил, что настало время «расширения», «уточнения» партийного национальной программы путем внесения в нее «специальных требований еврейского народа», которому нужно не гражданское равноправие, а прежде всего национальное. Но его оппоненты заявили о необходимости «отхода от таких требований, которые не способствуют сосредоточению внимания пролетариата на классовых интересах, а выпячивают его национальные интересы»⁵. С учетом таких острых расхождений было принято решение оставить тезис о национальном вопросе в программе партии в прежней редакции и вернуться к нему на следующем съезде. Каждый желающий имел возможность высказать свое мнение в специальной дискуссионной рубрике, открытой в газете «Арбейтен штимме», печатном органе ЦК.

Обсуждение данной проблемы среди бундовских активистов велось довольно оживленно, мысли высказывались разные и не всегда в пользу изменений старого программного изложения. Остроту придавало понятие «о праве наций на самоопределение», взятое на вооружение российскими социал-демократами. «Сейчас, когда евреи приобщаются к революционному движению власти с другими народами, среди которых они живут, Бунд не может удовлетвориться неопределенным и розянутым понятием: “право на самоопределение”, – подчеркивал В. Коссовский. – Не рискует ли он потерять с этим “правом на самоопределение” всякое чувство реальности?»⁷.

Принципиальная критика тезиса Манифеста РСДРП о праве каждой нации на самоопределение звучало и на IV съезде Бунда (апрель 1900 г.). Его делегаты констатировали, что данное положение «слишком короткое и требует более обстоятельного разъяснения»⁸. Но их не удовлетворяло и собственное положение программы по национальному вопросу, в частности его целесообразность. «Национальный вопрос за границей действительно жгучий и своевременный, – утверждали некоторые ораторы, – так теперь у нас он непонятен массе и намерения преждевременно, штучно его возбуждать, ничего кроме вреда, принести не может».⁹ Более дальновидный М. Либер предлагал «как ближайшим минимумом» удовлетвориться «гражданским и политическим равноправием», а как максимумом – «выставить еврейскую национальную автономию». «Наша задача, которая давно назрела, к сожалению, до настоящего времени оставалась в тени, – продолжал он, – готовить еврейский пролетариат к национальной автономии, развивать у него национальное самосознание».¹⁰

Съезд принял резолюцию «Национальный вопрос в программе и тактике Бунда», в который он подчеркивал социал-демократическую направленность своей программы, согласно которой не может быть допущено «никакого гнета одного класса над другим, не только правительства над гражданами, но и одной национальности над другой, господства одного языка над другим». Далее шла речь, что Россия, как страна, в которой проживает большое количество разных национальностей, «должна в будущем превратиться в федерацию национальностей с полной национальной автономией (то есть в вопросах языка и культуры)

каждой из них, независимо от территории, на которой она живет». Принципиальным было то, что понятие «национальность» съезд применял и к еврейскому народу.

Но содержание следующей части революции свидетельствовало, что срабатывал известный «бундовский нейтрализм». «Считая, что все-таки преждевременно выставлять в нынешних условиях требования национальной автономии, – съезд считает в то время достаточно бороться за отмену всех исключительных законов против евреев, протестовать против проявлений угнетений еврейской национальности, избегать возбуждения национального чувства, которое может лишь ослабить классовое сознание пролетариата и вести к шовинизму».¹¹

Как же встретили бундовские активисты резолюцию IV съезда? Так, А. Кремер в начале 1901 года в письме в Заграничный комитет Бунда указывал на несовершенство этого документа, в котором, по его мнению, не акцентировалось внимание на различные трудности, которые преодолевает еврейский народ, проживающий в четырех районах России, в связи с чем «несчастный еврейский вопрос не может быть решен окончательно в то время».¹² Автор считал, что эту проблему нужно вообще «замолчать», «оставить в тени» и отвести ей «специальное место» в программе, а обращать на нее внимание нет необходимости.¹³ Вообще, заявлял А. Кремер, «если говорить меньше об этом вопросе, то для нас будет здоровее».¹⁴

Другой известный бундовец Д. Кац из ссылки в начале 1903 года, ознакомившись с резолюцией IV съезда, в обращении к ЦК критиковал ее за «недостаточную продуманность», «поспешность», отсутствие «теоретического обоснования принципиальной части», а именно проблемы автономии, которая была «навязана участникам обсуждения».¹⁵ «Бешенная защита и усиленное подчеркивание еврейской национальной автономии предполагает (во всяком случае) защиту не точки зрения пролетарской, то есть международной демократии, а национальной буржуазной демократии»,¹⁶ – доказывает он руководству партии. «Требование равноправия (гражданского бумажного и фактического), вполне достаточно для Бунда, навряд ли удастся при этом напряжении сил добиться его полного осуществления, – убеждал Д. Кац своих товарищей. – Поскольку “Искра” стоит на такой точке зрения, она вполне права. Другое

дело, что она слишком мало, и почти совсем не проводит ее в жизнь»¹⁷. Д. Кац заявил, что «резолуция по национальному вопросу должна быть оставлена без изменений».¹⁷

Российские социал-демократы отреагировали на резолюцию IV съезда Бунда по национальному вопросу. «Искра» (№ 7, август 1901 года) обвинила бундовское руководство в непонимании самого понятия «национальная автономия», формы ее осуществления для еврейского населения, которое не занимало сплоченной территории и было рассеяно между населением России, Польши и Литвы. «Не требовать же выделения в отдельные самоуправляющиеся коммуны тех местечек, которых населены, главным образом, евреями. – иронически спрашивала газета. – Ведь во всех этих местностях “черты оседлости” евреи в целом составляют меньшинство и для образования “еврейских округов” пришлось бы именно отрезать городское население от сельского».

«Или же предполагая, что с разрушением “черты оседлости” евреи расселятся по всей России, можно требовать самоуправления для каждого квартала, населенного евреями?, – фантазировала “Искра”. – Во всяком случае, если еще присокупить мысль о признании еврейского языка, об открытии казенных еврейских университетов и предоставлении подобных прав, речь должна идти об автономии по образцу “еврейского царства”, с собственной полицией, жандармерией, с собственным чиновничеством и с собственным правительством»¹⁹.

Обвинений в адрес ЦК Бунда стало значительно больше и они, как считала «Искра», давали основание квалифицировать в целом резолюцию IV съезда как «большую политическую ошибку», как «попытку вполне штучно втиснуть еврейское рабочее движение в русло национализма». Вобщем, резолюция съезда по национальному вопросу, принятая бундовским съездом, объявлялась «незаконной», а сама проблема должна быть решена «партией в целом»²⁰, в составе которой пребывали бундовцы.

Ответ на ЦК Бунда «Искре» был опубликован в ее следующем номере, но с такими комментариями и намеками российских социал-демократов, которые фактически фальсифицировали, не давали возможности понять содержание бундовской резолюции по национальному вопросу. Поэтому

обратимся к работе В. Коссовского «Вопросы национальностей», в которой обстоятельно освещена данная дискуссия и сделаны соответствующие выводы. Прежде всего, автор вполне справедливо критикует газету за недобросовестное отношение к документам IV съезда Бунда, нежелание сопровождать их объективными объяснениями, использование только отдельных цитат, которые неправильно передают содержание партийных резолюций, и вводят в заблуждение читателей.

На обвинение газеты в несоответствии принципа национальной автономии требованию гражданского равноправия, непоследовательности и несвоевременности его провозглашения бундовцами В. Коссовский замечает, что этот вопрос настолько актуален для еврейской общности, что он не мог быть не поставлен на партийном съезде. «Если бы Бунд был организацией великороссийских рабочих и действовал бы где-то в Ярославской губернии, – резонно заметил он, – тогда национальный вопрос, вероятно, не поставили бы и на X съезде».²¹

Далее в этой работе подается разъяснение понятия «федерация национальностей», которая «может и не носить территориального характера», чего так не желают понять российские социал-демократы. В таком случае национальная автономия проектировалась не для «исторических провинций, не для территорий, заселенных главным образом одной нацией, – растолковывает бундовский теоретик, – а для национальных организмов, то есть для совокупности всех людей, которые считали себя принадлежащими к данной нации, как бы она не была рассеяна по стране»²².

По мнению автора, национальная автономия предполагает «самоуправление по вопросам языка и культуры, то есть по вопросам, которые носят специфически-национальный характер», исключая их из ведения государства и полностью передавая их национальным органам, вторые будут ими предметно заниматься. Все другие вопросы, в которых данная группа людей заинтересована не как национальность, а как граждане страны, как жители провинции, как обыватели города и т.п., принадлежат ведению всех обывателей территориальной единицы, без отличий национальностей, и «не могут быть монополией национальности как таковой».²³ Так что «страшное чудовище еврейской национальной автономии» в

виде «автономного еврейского царства» не витает над «бедной русской землей» и не угрожает «гибелью русской культуры», – позволил себе В. Коссовский поиронизировать над российскими социал-демократами.

Изложение предидущего его материала свидетельствует, что В. Косовский категорически не согласен с безапелляционным утверждением «Искры» относительно несуществования еврейской нации, отсутствия у евреев территории, языка, традиций и культуры, а также расовых особенностей. Он провозглашает, что еврейство как «коллективность» характеризуется «значительной совокупностью расовых и психологических черт», «осознанием принадлежности к одному общественному организму (еврейству)», «наличием в этом организме социальных перегородок с разделением его на общественные классы, и связанной с этим разделением общественной сеткой межклассовых отношений с их специфическими идеологическими настройками».²⁴

Высказанные выше соображения целиком совпадают с точкой зрения В. Медама, который доказывает, что «на национальный вопрос дает адекватный ответ только национальная автономия. Совокупность этого постулата с другими нашими требованиями в этой отрасли, требования гражданского равноправия евреев и полноправности еврейского народного языка, составляет нашу программу по национальному вопросу».²⁵

Национальную проблему Бунд рассматривал и на V съезде (июнь 1903 года). Его делегатами высказывались противоположные мысли относительно принципа самоопределения наций, отношения к ассимиляции евреев в России, определения нации без территории, необходимости национальной автономии и др. В связи с тем, что голоса по данным вопросам поделились поровну, резолюция не была принята.²⁶ Но на II съезде РСДРП (июнь-август 1903 года) бундовские лидеры пытались напомнить о себе, предложив дополнить пункт программы партии о праве нации на самоопределение словами «образование учреждений», которые гарантировали нациям полную «свободу культурного развития»²⁷, что было отклонено съездом. Позднее В. Медем, оценивая «печально известный § 8 программы РСДРП», утверждал, что «декретировать право таких наций на национальное образование и оставлять реали-

зацию этого права в руках господствующей буржуазии – полагается обещать и не делать ничего».²⁸

О творческом подходе бундовских теоретиков и разработке национальной программы с учетом при этом изменений в общественно-политической жизни в России в 1905 году убеждает VI съезд Бунда (октябрь 1905 года). Подтвердив свое одобрение видением этой проблемы VI съездом, в его соответствующей резолюции подчеркивалось, что «национальный гнет во всех его формах самым вредным образом отражается на интересах освободительной борьбы пролетариата данного государства, отрицательно сказывается на его классовом сознании, а на рабочий класс угнетенной нации падает всей своей тяжестью, задерживая развитие его сил во всех отраслях его жизни, извращая его классовую борьбу». Поэтому считая необходимым «бороться против всякого национального гнета, как прямого, так и опосредствованного, и учитывая то, что только социализм, уничтожив основательно все формы классового господства, принесет с собой и полное освобождение от всякого национального гнета, в рамках капиталистического строя стремится к завоеванию возможного в буржуазном обществе максимума гарантий против национальных конфликтов».²⁹

Важной была мысль, высказанная в резолюции VI съезда, о том, что положительного разрешения данного вопроса можно достичь не только благодаря «общей демократизации» современного российского государственного строя, что предусматривало обеспечения «равноправия гражданского и политического, а также в области языка», а прежде всего созданием государственных учреждений, которые «открывали каждой нации возможность свободного культурного развития».³⁰ Помня о полемике с «Искрой» в недалеком прошлом, еще раз подчеркивалось, что эти государственно-правовые учреждения, при невозможности территориального размежевания национальностей, которые населяют Россию, и перемешиваются между собой, «могут вылиться только в экстерриториальную форму культурно-национальной автономии».

Таким образом, программа Бунда по еврейскому национальному вопросу на это съезде была выработана. Она предусматривала полное гражданское и политическое равнопра-

вие евреев, обеспеченной законом возможности для еврейского населения употребления еврейского языка в обращениях в суд, государственные учреждения, органы местного и областного самоуправления. Национально-культурная автономия предусматривала извлечение из функций государства и органов областного и местного самоуправления обязанностей, связанных с вопросами культуры (народное образование и др.) и передачу их нации в лице особых учреждений: местных и центральных, которые бы избирались всеми ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. За центральной законодательной властью оставалось право контроля за соблюдением этих норм.

Съезд последовательно доказывал и своим единомышленникам, и оппонентам, что в бундовской среде, в целом среди еврейской общности, и российским социал-демократам, большевикам прежде всего, что осуществление национально-культурной автономии не предусматривало отдельной территории в империи. В условиях подъема революции в стране чрезвычайно актуальным был лозунг Всероссийского Учредительного собрания, вокруг которого должны были сплотиться «наиболее демократические и оппозиционные элементы» для решения основной, общей задачи – закрепление демократических завоеваний и борьбы с контрреволюцией. «Потому требование созыва отдельных Учредительных собраний, которые начали бы решать вопросы политической независимости той или иной части России», «отделения той или иной области от российской державы, – подчеркивал съезд в резолюции “Об отдельных Учредительных собраниях”, – не отвечало порядку дня, не содействовало консолидации сил пролетариата, тормозило развитие освободительного движения».

В этот период в европейской среде образовались Сионистско-социалистическая рабочая партия (С.С.), Еврейская социал-демократическая рабочая партия (Поалей-Уион), Еврейская социалистическая рабочая партия (сеймовцы). Кроме того, заметными в общественной жизни евреев были «Союз достижения равноправия евреев в России», «Российская организация сионистов», «Еврейская народная группа», «Еврейская народная партия». На съезде была принята резолюция «О разных сионистско-социалистических фракциях». Бунд,

считав их образование «попытками буржуазного сионизма подчинить своему влиянию с помощью бессодержательной квазисоциалистической идеологии еврейские пролетарские массы», подтвердил постановление IV, V съездов о «необходимости борьбы с сионизмом во всех его формах и оттенках».³¹

Не могло быть и речи о принятии одного из основных постулатов сионистов относительно образования еврейского государства в Палестине на собственной территории. «В еврейском народе нет ни одного класса, экономическая необходимость которого требовала бы его обязательно добиваться территории и оседать на ней».³² Ход капиталистического развития в тех государствах, в которых проживают евреи, – акцентировалось в названной резолюции VI съезда, – не создает для них таких хозяйственных условий, которые бы предусматривали необходимость сосредоточения евреев на самостоятельной территории. Вообще, «наличие в программе той или иной группы задачи добиваться самостоятельной территории и агитация на основе этой задачи накладывает на всю ее политику отпечаток утопизма и авантюризма».³³

Характеристика национальной программы Бунда была бы неполной без разъяснения его отношения к еврейской общине, в частности в период наступления реакции на гражданские права, завоеванные обществом в ходе первой русской революции. «Какими бы не были уродливыми эти учреждения, но все-таки община – орган еврейского самоуправления, – высказывал свою точку зрения В. Медем, – и путь к автономии лежит через них, потому что автономия – все-таки община, но упорядоченная, демократизированная, обогащенная некоторыми новыми функциями и избавленная от каких-то старых, но все-таки община. И от нее должен идти мост и провести его задача политического творчества последующих лет».³⁴

Довольно основательно рассматривалась данная проблема на VIII конференции Бунда (октябрь 1911 года). Было отмечено, что законодательным путем, «на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права с прогрессивным налогом на обеспеченные группы» «олигархическая» община должна превратиться в светское учреждение, защищать жизненно важные интересы широких масс, издавать соответствующие постановления, контролировать их выполне-

ние. Бундовским организациям на местах надлежало усиливать наибольшее влияние трудящихся на дела, которыми занималась община (народная школа, культурные учреждения и т.д.), для чего нужно «проникать во все руководящие органы и вести там борьбу против олигархии и раввинского клерикализма, за наши требования».³⁵

Конференция не могла обойти такого важного вопроса как равноправие еврейского языка, составной части национальной программы Бунда. Принципиальными были требования: недопущение разделения языков на «господствующие и терпимые», общение с государственными учреждениями и органами местного и областного самоуправления на местных языках, что обеспечивается специальными законодательными нормами, осуществление культурно-национальной автономии для каждой национальной группы, создание государственных школ на родном языке, отмена всех препятствий в использовании родного языка в общественной жизни, на собраниях, в печати, в обществах, частных школах³⁶.

Обращая внимание на преследование еврейского языка в Российской империи, конференция предложила с особой настойчивою защищать ее права, «особенно бесправного, чем все другие и как такого, который не признается даже тогда, когда другие негосподствующие языки получают хотя бы частичное признание».³⁷ Но борьба за еврейский язык не должна превращаться в «орудие затемнения классового самосознания пролетариата», ее нужно вести как с «ассимиляторами, так и гебраистами», чтобы во всех областях общественной жизни, и в первую очередь в школе и культурных учреждениях еврейский язык должен занять то место, которое должно ему принадлежать, как национальному языку еврейского народа³⁸.

После свержения царского самодержавия у Бунда появилась возможность высказать соображения относительно практического осуществления своей национальной программы, что было сделано на его X конференции (апрель 1917 г.). «Учитывая что в России, как в государстве национальностей, встает во всей остротой накануне Учредительного собрания вопрос о таких формах демократической республики, которые наилучшим образом гарантировали бы нормальное сожителство национальностей», все же нужно иметь в виду классовые

интересы пролетариата всей страны в целом и общие интересы революционного движения национальностей, стремление многих из них к национальной самостоятельности, – подчеркивалось в материалах конференции. Шла также речь о том, что Бунд выставляет «как действительный лозунг дня», требование немедленного осуществления национально-культурной автономии для еврейского народа.³⁹

С этой целью предлагалось создать светские публично-правовые учреждения, которые были бы компетентными в решении всех вопросов национально-культурной жизни еврейской нации, а именно: школа, литература, искусство, научные и технические знания и др. Подчеркивалось что работа данных учреждений должна финансироваться из бюджета государства, а так же частично обеспечиваться за счет принудительного обложения прогрессивным налогом имущих слоёв еврейского населения. Конечно, языком общения в рамках осуществления намеченных мероприятий должен быть еврейский. В целом, «внутреннее обустройство национально-культурной организации будет решено Еврейским Учредительным собранием в рамках компетенции, которую определит Всероссийское Учредительное собрание на основе законов государства»⁴⁰, – сделала окончательный вывод конференция.

Вопросы пропаганды и практического осуществления национально-культурной автономии были настолько актуальными для Бунда, что его лидеры решили участвовать в работе общеврейского съезда в 1917 году, обратив внимание на то, что их представители на нём намереваются решительно бороться против всяких попыток выдвинуть какие-либо общенациональные или политические задачи, особенно попытку превратить съезд в «сионистский конгресс для обсуждения вопроса о Палестине»⁴¹, с чем категорически не соглашался Бунд.

В демократическом обновлении российского общества после свержения царизма бундовцы придавали большое значение Всероссийскому Учредительному собранию, которое по их мнению, «должно стать “верховой неограниченной властью” в демократической республике», а его слово «должно быть законом, перед которым преклоняются все классы и группы, ведь слово Учредительного собрания – это слово народа, а народ – это верховная власть». Для этого нужно чтобы данный

представительский орган «отобразил все течения, представляя все классы и группы, соответственно их силе и влиянию».⁴²

Важно подчеркнуть, что предвыборную кампанию в Учредительное собрание Бунд использовал и для пропаганды своей национальной программы. Принципиальным был пункт его платформы о том, что «в интересах хозяйственного развития и единства классовой борьбы Россия должна остаться “единой и неделимой”, в которой бундовцы требовали “для каждой нации права на свободное развитие её культурных особенностей”». Именно такая постановка этого вопроса предусматривала «полное равноправие языков, автономию местностей которые отличались своими экономическими, национальными и бытовыми особенностями (Украина, Литва, Финляндия и т.д.), гарантию прав национальных меньшинств, персональную национально-культурную автономию».⁴³ Относительно евреев в соответствующем пункте отмечалось, что они должны иметь равные права во всех сферах жизни, как и их язык в суде и во всех государственных и общественных учреждениях, предусматривалось функционирование еврейской школы осуществления национальной автономии в вопросах образования и культуры.

Таким образом, разработка национальной программы Бунда его руководством была завершена после свержения самодержавия в России. Гражданское равноправие евреев, отмена всех исключительных законов против них, правильное соотношение требований национальных, классовых и общепролетарских, культурно национальная автономия и её некоторая конкретизация в условиях общественно политической жизни в стране в послефевральский период – таковы основные положения этого важного документа. Реализовать их предполагалось исключительно в рамках России, но демократической, правительство которой понимало бы насущные потребности национальных меньшин, разрабатывало бы мероприятия по обеспечению их прав, создавало бы органы местного самоуправления для их выполнения.

Что же удалось осуществить Бунду со своей национальной программе в масштабах многонациональной России или в ее отдельных регионах, в частности в Украине, – это уже тема для последующего сюжета.

Примечания

- ¹ *Невский В.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Т. 1. 2-е изд. Л.: Прибой – 1925. С. 85
- ² Российский государственный архив социально-политической партии (далее – РГАСПИ), Ф. 271. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–31.
- ³ Там же. Д. 41. Л. 5,6
- ⁴ «Жизнь». Литературный, научный и политический журнал. Женева. Август 1902 г. С. 106; РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 120. Л. 5.
- ⁵ *Невский В.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. С. 85.
- ⁶ *Невский В.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. С. 85.
- ⁷ *Коссовский В.* Вопросы национальностей. Вильна. Тип. И.М. Баскина. 1917. С. 10.
- ⁸ 4-й съезд Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. Изд-во «Бунда». Женева. 1901. С. 8.
- ⁹ 4-й съезд Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. С. 9.
- ¹⁰ 4-й съезд Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. С. 8.
- ¹¹ «Наше слово». Орган группы членов «Бунда». Харьков. № 1. Июнь 1907. С. 4.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 114. Л. 21.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 114. Л. 21.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 114. Л. 21.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 163. Л. 5.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 163. Л. 5.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 163. Л. 6.
- ¹⁹ «Искра». № 7. Август 1901; № 8. Сентябрь 1901.
- ²⁰ «Искра». № 7. Август 1901.
- ²¹ *Коссовский В.* Вопросы национальностей. С. 10.
- ²² *Коссовский В.* Вопросы национальностей. С. 12.
- ²³ *Коссовский В.* Вопросы национальностей. С. 17.
- ²⁴ *Коссовский В.* Вопросы национальностей. С. 50.
- ²⁵ *Медем В.* Социал-демократия и национальный вопрос. СПб. 1906. С. 57.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 146. С. 191.
- ²⁷ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М.: Политиздат. 1959. С. 191.
- ²⁸ *Медем В.* Социал-демократия и национальный вопрос. С. 44.
- ²⁹ Программа Бунда. Издание Южного Областного Комитета Бунда. К., 1917. С. 13.
- ³⁰ Программа Бунда. Издание Южного Областного Комитета Бунда. С. 14.
- ³¹ «Еврейский рабочий». Вильна. Тип.-лит. И. Лурье и К?. 1906. № 1.
- ³² Мелко-буржуазный сионизм на еврейской почве / Критика «теории» сионистов-социалистов / перевод статьи из № 40 «Azbeiterstimme». СПб. 1906. С. 22.
- ³³ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». М.: Московский рабочий. 1923. С. 384.

³⁴ *Святловский В.Д.* История профсоюзного движения в России. Л.: Ззд. Лен. Губ. Совет. Проф. Союзов. 1924. С. 365–366.

³⁵ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». С. 394.

³⁶ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». С. 395.

³⁷ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». С. 395.

³⁸ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». С. 395.

³⁹ «Наше слово». № 1. Июнь 1917. С. 5, 6.

⁴⁰ «Наше слово». № 1. Июнь 1917. С. 7.

⁴¹ «Наше слово». № 1. Июнь 1917. С. 3.

⁴² *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». С. 412.

⁴³ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». С. 417–718.

Summary

V. Gusev (Kiev)

The Ethnopolitical Program of the Bund: From Civil Equality of Jews to Exterritorial Cultural National Autonomy (1897–1917)

The author has analyzed archival sources and literary materials as well as press sources to review the stages of development of Bundist theoretical thought. In particular various of the program of Bund on ethnopolitical issues were analyzed. While working out the program the situation of Jews in Russian Empire and their participation in social and political life of the country were taken into account. The article includes vivid examples of opinion clashes between leaders of Bund and Russian social democrats concerning issues under discussion and their solution.

Анатолий Мощук (Брест)

Польский Бунд – между социал-демократией и большевизмом

События октября 1917 года в России в значительной степени стали определяющим моментом в развитии европейской социал-демократии в межвоенный период. Не стал исключением и будущий польский Бунд. Более того, географическое соседство с революционной Россией и программная близость с российскими социал-демократическими организациями, поставила перед его лидерами чрезвычайно острый вопрос – оставаться в лоне европейского социал-демократического движения, либо перейти на сторону большевизма.

Конфликт между европейскими социал-демократами и большевиками разразился ещё до октября 1917 года. Поводом для разрыва между российскими большевиками и европейскими социалистами послужила I мировая война. Тот факт, что огромное большинство европейских социал-демократических лидеров проголосовало за предоставление военных кредитов своим правительствам, означало, по мысли Ленина, предательство ими пролетарских интересов. После событий октября 1917 года в России данные разногласия были обострены различными подходами к пониманию перспектив мировой революции. Большевики, которые стояли на позициях распространения российского опыта в мировом масштабе, встретили непонимание со стороны ведущих социал-демократических и социалистических партий Европы, в том числе и значительной части польского Бунда. Большинство лидеров европейских социал-демократов опасалось, что социалистическая революция в условиях экономического истощения и социальной нестабильности, вызванных I мировой войной, приведёт к сползанию к политическому террору, как это произошло в Советской России.

Здесь так же следует отметить различные взгляды социал-демократов и большевиков на те формы правления, которые должны быть установлены в социалистическом государстве. Большевики делали ставку на диктатуру пролетариата, что, по верному замечанию некоторых лидеров Бунда, в условиях

Советской России превращалось в диктатуру большевистской партии. Социал-демократы, в противоположность большевикам, стояли на позициях, парламентской демократии, чем вызвали яростную критику в свой адрес со стороны Москвы.

Следует также отметить, что на территории Польши, события октября 1917 года вызвали раскол в рамках социалистического движения, несмотря на то, что в целом приход к власти большевиков был встречен социалистами положительно. В то же время, значительная часть социалистов, в том числе и большая часть Бунда, подвергла резкой критике внутреннюю политику большевиков. Октябрьская революция, по мнению лидера польского Бунда Генриха Эрлиха, была результатом успешного переворота, а не победой революции рабочих и крестьян: «Не в популярности в народных массах, не в массовом характере восстания, а в полном бездействии со стороны Керенского, в полном вакууме, который образовался вокруг него, лежат причины успеха большевиков».¹

Лидеры Бунда – Эрлих и Медем исходили из того, что российский пролетариат не был готов к революции, что давало им повод характеризовать октябрьские события как переворот, так как «Большевистский коммунизм не имеет никакого отношения к пролетарскому социализму. Более того, они сами признают, что рабочие еще не готовы к революции. Таким образом, большевики не интересуются социальной революцией в том виде, в каком её понимает Бунд, они хотят лишь одного – власти».²

По мнению Медема, тот факт, что массы еще не были достаточно политически развиты, делало социальную революцию обреченной на неудачу.³ Объяснение было просто: большинство из 240 000 членов партии большевиков присоединились к ней уже после февральской революции. Они не становились большевиками уже только потому, что согласились с тезисами Ленина, они присоединились к революционному движению потому, что хотели находиться на стороне победителя, они стали большевиками, потому что они надеялись, что большевики победят. Они, таким образом, стали тем маленьким ядром, «полным энергии и инициативы», которое могло «вести широкие массы за собой». Но это ядро могло

получить от масс поддержку, необходимую для создания социалистического общества.

Медем отклонил идею, что социализм может быть создан меньшинством. Научный социализм – под этим Медем подразумевал марксизм – определял социализм как непосредственное участие рабочих в управлении экономической жизнью. «Социализм – это истинное, а не вымышленное, – правление большинства, которое, в конце концов, возьмёт свою судьбу в свои собственные руки. Социализм, основанный на правлении меньшинства – абсурден». Большевики признали, что они были меньшинством, таким образом, социализм большевиков «является социализмом меньшинства». А, по мнению Медема, уже сам термин «социализм меньшинства» несёт в себе внутренние противоречия.⁴

Еще более серьезной ошибкой большевиков, с точки зрения Медема, было использованием силы для удержания власти в своих руках. Использование силы для удержания власти он характеризовал как «глубокую реакцию». Медем обвинял большевиков в том, что они ставили на первое место грубую политическую силу, забывая об экономических факторах и классовой борьбе. Большевики «удержались во власти только благодаря террору. Кроме того, в России сейчас нет силы, способной поднять народ на борьбу с большевиками. Они остаются у власти только вследствие полной политической апатии, установившейся в стране». Удержание власти при помощи оружия могло привести к контрреволюции и возвращению к прошлому. «Теперь реакция выступает под красным большевистским флагом. Приближается то время, когда реакция будет уже немарксистская, все условия для этого созрели».⁵

Медем говорил, что террор был поддержан штыками Красной Армии, состоящей из наёмников, которые служили только, пока им платили, а это уже было милитаризмом. Эрлих указывал, что вместо того, чтобы уничтожить милитаризм «социалистическая Россия тратила всю свою энергию на построение сильной регулярной армии». И это объяснялась тем, что диктатура меньшинства требовала сильной армии. Он обвинял большевиков, что вместе с созданием вооружённых сил они создают и огромную армию безработных.⁶

Таким образом, можно говорить о том, что уже изначально лидеры будущего польского Бунда достаточно жёстко относились к большевизму.

Однако большевистский переворот стимулировал и без того сильные прокоммунистические настроения в еврейских социалистических партиях. Формирование коммунистической партии в Польше усилило левые тенденции в рядах Бунда, территориалистов, Поалей-Циона. Бунд, с его долгой традицией приверженности радикальному социализму, был наиболее подвержен данной тенденции и постепенно склонялся к коммунистическим настроениям.

Оптимистические взгляды левой фракции Бунда на возможность скорой революции не разделяло консервативное правое крыло партии. Они сомневались, что рабочие, которые показали нежелание голосовать даже за умеренных социалистов, были готовы совершить социальную революцию и установить диктатуру пролетариата. Один из лидеров правого крыла Владимир Медем говорил, что в Польше ещё не сложились для этого необходимые условия. «В Польше же после прихода к власти эндэков говорить о возможности совершения демократической революции не приходится. Мы не можем мгновенно перейти от эндэков к советскому строю».⁷

Консерваторы, кроме того, утверждали, что демократия является неотъемлемым элементом социализма. Вопрос, который демократия поставила перед миром, сводился к тому, кто должен управлять государством: пролетарское большинство или буржуазное меньшинство. «Тогда, почему демократия вызывает опасения у большевиков? Потому что рабочие могут проголосовать за своих классовых врагов? Но если это так, то пролетариат не может построить социализм, а значит и социальная революция при любых обстоятельствах невозможна. Отвергать демократию и демократические выборы может только меньшинство, делающее ставку на вооружённый переворот. И Бунд должен отказаться от такого пути».⁸

К тому же, правое крыло Бунда заявляло, что недемократический приход к власти не приведёт к построению социализма. Результатом такого переворота стала бы диктатура одной партии. По этому вопросу Медем заявил: «Советская система базируется на концентрации власти автократией, т.е.

меньшинством. Это приводит к созданию авторитарной формы управления. Советская конституция говорит о возможности существования только одной партии – коммунистической, которая единолично решает, кто должен иметь политические права. Очевидно, что её противники лишены таких прав. Вместо демократии мы видим власть только одной партии. Правительства не избирается населением, а назначается компартией. Т.е. в управлении государством не участвуют широкие массы населения. В итоге, “вся комедия с выборами” становится никому не ненужной. Власть принадлежит коммунистической партии, а не Советам. Советская система – просто прикрытие для диктатуры однопартийной олигархии».⁹

Однако следует отметить, что в первой половине 20-х годов взаимоотношения Бунда с коммунистическими организациями в основном характеризовались попытками налаживания контактов с созданным в Москве Коминтерном. На развитие данного процесса в начале 20-х годов огромное влияние оказывал тот факт, что Бунд рассматривал Коминтерн как орган, который может сыграть ведущую роль в развитии классовой борьбы в мире, в том случае, если сможет консолидировать вокруг себя не только компартии, но так же все социалистические организации, придерживающиеся революционной тактики.

Этим объясняется тот факт, что значительная часть Бунда изначально всеми силами стремилась наладить тесные взаимоотношения с Коминтерном. Так на I-м съезде партии, состоявшемся 1 апреля 1920 года, было принято решение о присоединении Бунда к III Интернационалу. В резолюции, принятой на съезде, говорилось, что «платформа Бунда, который стоит на позициях общественного переворота посредством диктатуры пролетариата, которая представляется в виде власти Советов, отвечает программе III Интернационала».¹⁰ Однако со стороны исполкома Коминтерна не последовало какой-либо реакции на данное решение польского Бунда. Причиной такого поведения руководства Коминтерна была, очевидно, подготовка так называемых тезисов Зиновьева-Апфельбаума, представлявших собой 21 пункт условий приёма в III Интернационал. Фактически данные тезисы преследовали одну

цель: подчинение всех партий, придерживающихся революционной тактики, Коминтерну.

Данные условия были не приняты значительной частью Бунда. Кроме того, вопрос об отношении к Коминтерну и требованиям Зиновьева-Апфельбаума вызвал в партии острейшие дебаты, которые разгорелись в 1921–1922 годах. В результате теоретических споров в ходе работы II-го съезда партии в 1921 году в её рядах произошёл раскол на три фракции – правую, центристов и левую, которая получила название Комбунд. По мнению центристов, Коминтерн разжигал гражданскую войну «не против классового врага, а внутри самого пролетариата».¹¹ Таким образом, центристы говорили о том, что Коминтерну необходимо быть нацеленным на борьбу с капитализмом, а не с социалистическим движением.

Эрлих, который был главой центристов, охарактеризовал Коминтерн как врага революции. На съезде он заявил: «Коммунистический интернационал, не является интернационалом революционного пролетариата, это интернационал русских большевиков!»¹²

По его мнению, Коминтерн придерживался в своих взглядах бланкизма, который развивался в рамках левого социалистического движения. Данная тенденция объясняется ростом рабочего класса после войны. Основным источником пополнения пролетариата были крестьяне и мелкая буржуазия, которые не имели правильного представления о социалистическом движении, а значит, легко могли воспринять идеи анархизма или бланкизма.

На съезде Эрлих заявил: «Мы – социал-демократы, а не бланкисты! Поэтому, мы должны отклонить теорию “активного меньшинства” Организации пролетариата, как интернациональные, так и национальные, не должны представлять собой простые группы революционеров, осуществляющих общее руководство, они должны находиться и работать среди рабочих на местах».¹³

Данная межфракционная борьба закончилась победой умеренных фракций – центристов и правых, после чего Комбунд вышел из состава Бунда и через некоторое время вошёл в состав КПП.

Однако съезд пришёл к выводу, что расхождение во взглядах лидеров Бунда и Коминтерна сводятся лишь к вопросам тактики. Во-первых, Коминтерн всеми силами стремился к совершению социальной революции в Западной Европе. В то же время Бунд считал данное стремление в сложившихся условиях вредным. Во-вторых, Коминтерн, для осуществления идеи социальной революции, стремился к концентрации в своих руках руководства революционными партиями в Западной Европе. Бунд же, в свою очередь, считал такой шаг губительным для всего революционного движения. Отклонив любую форму компромисса с большевиками лидер правого крыла Бунда Владимир Медем вообще покинул пределы Польши. Он отказался присоединиться к своей фракции, которая встала на сторону центристов. Медем отверг предложенный ему руководящий пост в партии, и немедленно объявил о своём отъезде в Америку. Его недовольство было столь велико, что он отказался даже от прощального вечера в свою честь.

Медем пред отъездом заявил в кругу своих сторонников, что он сомневается относительно того, будет ли Бунд долго оставаться прокоммунистической организацией. После его отъезда в Америку, где он умер в 1923 году, правое крыло Бунда потеряло своего лидера, а вся партия одного из своих главных апологетов.

Окончательный разрыв между Бундом и Коминтерном произошёл на третьем съезде Бунда в 1924 году, который состоялся после V конгресса Коминтерна, на котором был взят курс на большевизацию и централизацию революционного движения, а так же принято положение об отсутствии существенной разницы между социал-демократами и фашизмом, что послужило основанием для оценки социал-демократических партий как социал-фашистских.

В ответ на это, III съездом Бунда была принята резолюция, осуждающая политику Коминтерна: «Руководство Коминтерна не желает видеть в своих рядах партии, которые имели бы собственные программные установки, отличные от программы III Интернационала. Коминтерн в своей политике по отношению к социалистическим партиям делает ставку либо на их полное подчинение политике Коминтерна, либо на уничтожение».¹⁴

Ещё более радикальную позицию занимает VI Конгресс Коминтерна, который исходя из перспективы только пролетарской революции, выдвинул положение, что наиболее опасными для революции являются левые социал-демократы. Трактовка социал-демократических партий, какой являлся Бунд, как социал-фашистских, окончательно сделала невозможным какое-либо сотрудничество между Бундом и коммунистическими организациями на территории II Речи Посполитой. Здесь так же следует отметить, что в основе разногласий между данными партиями лежит не только политика руководства Коминтерна, но и местная специфика.

Во-первых, это отношение к так называемому еврейскому вопросу. Бунд, являясь классовой партией, тем не менее, одной из самых важных своих задач считал достижение национально-культурной автономии для евреев. Коммунисты расценивали Бунд как сепаратистов и националистов, а так же как партнёров сионистов, несмотря на то, что позиция Бунда была резко отрицательна утверждению о том, что Палестина является единственной Родиной для евреев.

Выход в решении еврейского вопроса, как и всех других нацменьшинств, лидеры КПП и КПЗБ видели только в социалистической революции. Роза Люксембург, одобрявшая программу, принятую при основании Коммунистической партии Польши, настаивала именно на таком решении еврейского вопроса. Программа КПП по национальной проблеме сводилась к следующему: «В наступившей эпохе международной социальной революции, в то время как рушатся основы капиталистического уклада, пролетариат отклоняет все установки на автономию, политическую независимость или требования на самоопределение для национальных меньшинств, которые выдвигались при формировании политической системы капитализма. Для международной социалистической революции не существует национальных границ, так как она руководствуется лишь интересами рабочего класса. Пролетариат не приемлет всякого рода притеснения на национальной почве и отклоняет любой предлог для национального конфликта: будь-то изменение существующих границ или положение национальных меньшинств внутри государства».¹⁵

Таким образом, в своей политике в отношении евреев КПП исходила из взглядов Ленина и Розы Люксембург, которые утверждали, что евреи не являются отдельной нацией, а были лишь людьми, говорящими на своеобразном языке, который должен использоваться коммунистами для своей пропаганды среди евреев. КПП утверждала, что ассимиляция евреев польскими рабочими — в рамках одной партии, одного профсоюза и одной культурной организации — была единственным средством предотвращения антисемитизма.

Во-вторых, ожесточённая борьба между Бундом и коммунистами развернулась за контроль над профсоюзным движением. Орган ЦК КПЗБ, газета «Красное знамя» так характеризовала данную борьбу: «В Вильно, Белостоке, Гродно и других городах Западной Белоруссии разворачивается ожесточенная борьба за классовое единство профессионального движения против ппсовских, бундовских и поалейсионистских социал-фашистов». ¹⁶ В соответствии с программными установками коммунисты развернули не только политическую агитацию, направленную против Бунда, но и начали проводить акты террора в отношении членов партии. Так, наиболее одиозным случаем данных акций является вооружённое нападение коммунистов на детский туберкулёзный санаторий имени Медема, который находился под покровительством Бунда.

Попытки более тесного сотрудничества между данными партиями намечаются во второй половине 30-х годов, когда коммунисты провозглашают лозунг о построении антифашистского народного фронта. Примеры единогофронтных действий были и раньше, когда КПП, КПЗБ, ППС и Бунд совместно выступали в поддержку Эрнста Тельмана, требовали закрытия концлагерей.

Причины, толкнувшие обе партии на поиск партнёра, были различны. Со стороны КПП это, возможно, объясняется тем, что в борьбе, развернувшейся между партиями в конце 20-х — начале 30-х годов, победа в конечной степени оставалась за Бундом. Кроме того, разгоревшаяся борьба внутри самой КПП, ослабляла партию, а репрессии коммунистов в отношении их противников вызывали недовольство среди еврейских рабочих. В результате, многие из них переходили под влияние Бунда, который в то время представлял собой партию

относительно единую и способную защищать классовые интересы своих членов. Об этом свидетельствуют данные Центрального еврейского бюро при ЦК КПП. Так, в 1930 году еврейский элемент составлял в партии около 35% от общего количества ее членов. А уже в 1932 году участие евреев в рядах КПП едва достигало 24%.¹⁷

С другой стороны, руководство Бунда было недовольно итогами участия партии в работе II Интернационала. Бунд обвинял его руководство в том, что в его составе доминируют реформисты и что II Интернационал не способен вести революционную классовую борьбу. Поэтому левая фракция Бунда настойчиво выдвигала требования о необходимости союза с коммунистами.

Таким образом, можно говорить о том, что тактическая необходимость привела лидеров Бунда к некоторому сближению с большевизмом. Приход советских войск на территорию Западной Беларуси в 1939 году был положительно встречен лидерами партии.

Во-вторых, на наш взгляд, основной причиной того, что между Бундом и коммунистами, несмотря на схожесть их взглядов по общественно-политическим вопросам, так и не удалось установить должного контакта является непродуманная политика Коминтерна. Руководство III Интернационала главной целью ставило жёсткое подчинение всех революционных партий Москве. Однако в условиях Западной Европы это было бы губительным. Коминтерн, выдвигая перед Бундом тезисы Зиновьева-Апфельбаума, не ориентировался в обстановке, сложившейся в Польше, где их выполнение привело бы к расколу Бунда, что, в свою очередь, ослабило бы позиции еврейского пролетариата в Польше.

Примечания

¹ Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. The General Jewish Workers Bund of Poland, 1917–1943. Ithaca, New York, 1967, p. 62.

² Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 64.

³ Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 64.

⁴ Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 65.

⁵ Korsch R. Zydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce. Warszawa.: Drukarnia P.K.O. 1925. S. 45.

⁶ Korsch R. Zydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce. S. 47.

⁷ Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 89.

⁸ *Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 89.*

⁹ *Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 90.*

¹⁰ Государственный архив Брестской области (далее ГАБО), ф. 1, оп. 9, д. 2549, л. 3.

¹¹ Там же, л. 5.

¹² *Korsch R. Zydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce. S. 65.*

¹³ *Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 94.*

¹⁴ ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 354, л. 117.

¹⁵ *Bernard K. Jonpoll. The politics of futility. P. 78.*

¹⁶ ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 2552, л. 9.

¹⁷ ГАБО, ф. 93, д. 765, л. 12.

Мария Лобанова-Гулак (Харьков)

Истоки тактических и организационных разногласий теоретиков Бунда и В.И. Ленина накануне II съезда РСДРП (на примере конфликта по поводу созыва О.К.)

Воссоздавая целостную картину национальной идеологии российских социалистов, необходимо учитывать многоплановость и неоднозначность их трактовок национальной политики Второго Интернационала, специфику внутривнутрипартийных разногласий, определенный рост правых и леворадикальных тенденций в РСДРП в начале XX ст. В этой связи уточнение политической платформы «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» (Бунда), как составной части РСДРП, и его национально-культурных приоритетов, выразившихся в 1903 г. в полемике по поводу организационной структуры партии, представляет особый интерес.

Изучение идеологической платформы и реальной политической деятельности членов еврейского рабочего союза имело в советской историографии достаточно сложный характер. Поскольку, с одной стороны, Бунд однозначно оценивался как «мелкобуржуазная националистическая организация», а с другой, анализ концепций и тактики Союза был необходим в качестве оппортунистического фона для радикальной и «идеологически выверенной» позиции большевистской фракции РСДРП.

Так, написанная на раннем этапе изучения «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» книга М. Рафеса «Очерки по истории "Бунда"» (опубликована издательством «Московский рабочий» в 1923 г.) еще была в достаточной степени критичной. Она опиралась на значительный источниковедческий материал, предлагая специалистам, целый блок программных и дискуссионных материалов, связанных с историей этой организации¹. Однако, более поздние авторы уже не утруждали себя подробным изучением источников. Четко отработанное клише, классифицирующее националистическую и оппортунистическую сущность Бунда, плавно перетекало из одной работы в другую, не затрагивая и никак не анализируя подлинные взгляды и цели Союза. В

качестве примера можно привести монографию Шестак Ю.И. «Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда», уже в самом названии которой декларируются негативная оценка и, соответственно, отказ от всестороннего анализа деятельности Союза.² Однако большинство исследователей предпочитало обращаться к истории Бунда, в первую очередь, в связи с изучением генезиса большевистской фракции РСДРП. Таковы работы Э.М. Бондаревской и М.И. Горбунова³, Б.Г. Баглинова⁴, Т.Ю. Бурмистровой⁵ и др.

Только в последнее десятилетие, благодаря ряду политических преобразований в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, наблюдается некоторое усиление научного интереса к общедемократической деятельности социалистических партий и политике еврейского союза в частности. Впервые публикуются тематические сборники документов и научные исследования, непосредственно затрагивающие всю палитру идеологических воззрений и тактики Бунда. Среди современных исследований можно назвать работы В. Гусева⁶, статьи М. Лобановой⁷. Кроме того, активно публикуется целый ряд исследований (работы М. Дербаремдикера⁸, С. Кальяна⁹, В. Орлянского¹⁰ и др.), связанных с социально-экономическим и политическим развитием еврейства в Российской империи в конце XIX – начале XX ст. Наконец, большой интерес представляют: хронологическо-тематический указатель «Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода», вышедший в 2000 г.¹¹ и сборник документальных материалов по истории левых еврейских движений конца XIX – начала XX ст. «Соблазн социализма», опубликованный в 1995 г.¹²

Учитывая, отмеченную выше тенденциозность исследований в СССР, и исходя из явно недостаточного уровня современного состояния изученности проблемы, данная работа построена с опорой не на историографию, а на документальные источники. Источниковедческой базой работы стали: резолюции IV и V съездов Бунда¹³; материалы сборника документов по истории РСДРП «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов»¹⁴; историко-политические взгляды Ю. Мартова, декларируемые на страницах книги «История российской социал-демократии» (опубликованная в 1923 г.)¹⁵; статьи

В.И. Ленина, непосредственно связанные с конфликтом бундовцев и ленинской группы накануне II съезда РСДРП¹⁶ и др.

Как самостоятельная организация Бунд был создан в Вильно в 1897 г., однако уже в следующем 1898 г. он стал частью единой Российской социал-демократической рабочей партии. Впрочем, в решениях минского съезда изначально отмечалось, что «“Общевейровский рабочий союз в России и Польше” входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».¹⁷ Сформулированная первым съездом РСДРП идея автономии Бунда стала краеугольным камнем партийного конфликта 1902–1903 гг.

На особом значении политической инициативы Бунда, на ранних этапах его формирования, настаивает В. Цоглин, который, размышляя о созыве I съезда РСДРП, писал: «...Бунд принимал деятельное участие в созыве съезда, был настолько влиятельным, что мог за полгода с лишком до съезда твердым голосом говорить: “мы войдем в партию, как автономная организация”...»¹⁸. Эту же мысль подтверждает и Евгения Гуревич, которая подчеркивает особую роль Кремера в процессе подготовки первого съезда партии. В то же время, вполне логично предположить, что, ставя в качестве основной задачей, объединение российского пролетариата в независимую организацию, инициаторы съезда не сосредоточились на расшифровке тезиса автономии Бунда. Более того, декларируя факт существования партии как таковой, депутаты первого съезда могли даже не вполне отдавать себе отчет в степени самостоятельности ее национальной фракции. Очевидно, предполагалось, что в дальнейшем вновь сформированный ЦК сумеет разработать более детальное определение целей, задач и партийной структуры РСДРП. Итак, теоретики Бунда, создавая фундамент российского социал-демократического движения, слабо представляли себе границы возможной партийной автономии.

Очевидно, организационная недосказанность минского съезда стала иллюстрацией более сложного идейно-политического процесса, который условно можно обозначить как начальный этап формирования еврейского социал-демократического движения конца XIX – нач. XX века. Именно в этот период классовый и партийный интернационализм эволюци-

онирует и постепенно приходит к осознанию национальной специфики и необходимости учета национальных интересов. С. Бриман в своей статье «Еврейский вопрос в I Государственной думе» подчеркивает слияние общедемократических идей российский либералов с национальными идеями левых еврейских организаций, доводя слияние вплоть до культурно-национальной автономии Бунда. Эту же мысль подхватывает и развивает В. Орлянский, отмечая, что подобное слияние в идеологии русских либералов начинается от частного, в данном случае, национального начала и приводит к формированию общедемократических принципов, таких как гражданские свободы и равенство всех национальностей¹⁹. В рамках генезиса «левых» еврейских социалистических организаций наблюдается прямо противоположный процесс – произрастания национального из вненациональных социально-демократических требований. Так, в частности, М. Мишкинский в статье «Еврейское рабочее движение и европейский социализм» удачно отмечал, что в этот ранний период существования еврейского социал-демократического движения «...еврейское происхождение рабочих, объединенных в организации, является объективным фактом, который ни в коей мере не определяет их целей и задач»²⁰. Однако с течением времени представители Бунда становятся все более восприимчивыми к национальной фразеологии.

Можно указать, по крайней мере, несколько причин такого колебания политической позиции. С одной стороны, широкие общественные массы – социальная основа любого политического движения, нуждаются в некоем привлекающем факторе, которым в условиях конфликта и внутренней неоднородности проектов разрешения еврейского вопроса, должен стать символ национальной общности. Именно поэтому, говоря уже о втором этапе развития еврейского социал-демократического движения, тот же М. Мишкинский отмечает, что «евреи-социалисты» начинают рассматривать себя несколько обособленно, как движение, которому присущи индивидуальные черты, подчеркивающее «...особую специфику в еврейском характере движения...». Именно в этой связи, еврейская социалистическая организация начинает ставить перед собой «...не только социальные, политические и экономические задачи, но

и задачи национального характера».²¹ С другой стороны, тактически и, соответственно, организационно, национальный аспект деятельности Бунда должен был обеспечить некоторую независимость функционирования еврейской организации как части РСДРП. Таким образом, уже в первые годы XX столетия минский тезис автономии был поставлен под сомнение, его размытого и незавершенного содержания оказалось недостаточно для адекватной интерпретации понятия национального, созревающего в недрах еврейской социалистической фракции. В организационном плане, присущий тактике Бунда национальный индивидуализм так же оказался под угрозой, теперь уже в силу растущих централистских притязаний В.И. Ленина и его единомышленников.

М. Рафес, анализируя феномен «искровской группы», подчеркивал, что завершение ее формирования ускорило процесс воссоздания РСДРП. При этом он как бы вскользь делает очень интересное замечание: «Заграничный комитет “Бунда” пошел не рука об руку с этой группой, а, наоборот, вместе с “рабочедельцами”, выступил с резким отмежеванием от группы “Искра”, – и далее, – Революционная группа “Искра”, борющаяся против всякого кустарничества и выдвигавшая идею создания централизованной всероссийской организации, ходом вещей должна была столкнуться с “Бундом”, вся логика которого толкала его на путь принципиального кустарничества, на путь защиты сепаратных позиций своей исторически сложившейся национальной рабочей организации...»²². Из приведенного замечания можно сделать два вывода. Во-первых, в 1901–1902 гг. у политических лидеров Бунда уже есть какая-то оформившаяся, то есть публично декларируемая, точка зрения относительно положения Союза в общероссийском революционном движении. Во-вторых, очевидно, что взгляды руководства Бунда на организационную структуру партии далеки от централистской позиции ленинской группы. Таким образом, накануне реорганизационного съезда партии постепенно определяются политические оппоненты, разногласия между которыми опосредованно соотносятся с общесоциалистическим конфликтом ортодоксов и реформистов во Втором Интернационале.

Национальная платформа Бунда окончательно выходит за рамки аморфного определения минского съезда в 1901 г. в Белостоке. Еще III съезд Союза в 1900 г. выдвигал требования «гражданского, а не национального равноправия», однако резолюция IV съезда уже недвусмысленно направлена на признание роли Бунда как единственного выразителя интересов еврейского рабочего движения. Естественно, что подобная позиция вынуждала и сторонников Бунда и его противников более четко сформулировать необходимое, с их точки зрения, отношение партии к вопросу об удовлетворении специальных требований еврейского пролетариата. Съезд в Белостоке принимает решение об удовлетворении национального фактора в еврейской социалистической фракции посредством федеративной реорганизации партии. «Съезд признает, – говорится в резолюции, – что государство, подобно России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждого из них, независимо от обитаемой ею территории».²³ Отсюда вполне логичный вывод – предверием государственной федеративной организации должна стать трансформация партийной структуры: «Представляя себе РСДРП, как федеративное соединение социал-демократических партий всех наций, населяющих российское государство, съезд постановил, чтобы “Бунд”, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть, и поручает ЦК Бунда провести это решение в жизнь»²⁴.

Подобная резолюция вызвала широкий резонанс, который прекрасно иллюстрирует М. Рафес. Он, анализируя тактику Бунда два десятилетия спустя, то есть уже с большевистских позиций, специально подчеркивает недопустимую для ортодоксов широту национальной и, соответственно, социальной платформы еврейского союза. По его мнению, Бунд «...фатально развивается в сторону затирания классовых противоречий, стремясь выпятить на первый план национальную идеологию...»²⁵. Таким образом, благодаря разнице национально-культурных и политических приоритетов большинства руководства Бунда и ленинской группы искровцев, вполне прагматическая проблема партийного строительства неожиданно углубляется и перерастает в один из национальных вариантов

общетактических разногласий Второго Интернационала.

Подобная, более широкая трактовка разногласий, позволяет понять непримиримость ленинской группы. Искровцы крайне резко отклоняют любые намеки на возможную тактику реформизма, вследствие чего напряжение многократно возрастает, угрожая вылиться в открытый внутрипартийный конфликт. Бунд свои опасения так же выражает достаточно ясно: «...в решительный момент, – говорить в резолюции все того же IV съезда Союза, – партия не сумеет с такой энергией и силой защитить специальные интересы еврейской рабочей массы, с какими она будет отстаивать интересы пролетариата России, защита которых, ведь, является ее главной задачей»²⁶.

И все же, ни Бунд, ни сторонники В.И. Ленина не стремились к непосредственной конфронтации, обе стороны не хотели выглядеть в глазах русской и зарубежной социал-демократии нарушителями внутрипартийного единства. Тем более, что Международное социалистическое бюро Второго Интернационала, существовавшее с 1900 г., выступало последовательным сторонником единства социал-демократического движения. Для идеологов Бунда это было особенно принципиально, поскольку его представители высказались в поддержку знаменитой «каучуковой» резолюции К. Каутского на V конгрессе Второго Интернационала в Париже в 1900г. Ю. Мартов напишет об этом следующее: «...На происшедшем в августе 1900 г. Парижском международном социалистическом конгрессе русская социал-демократическая делегация уже выступила двумя группами: большинство, руководимое “Рабочим Делом”²⁷ и Бундом, голосовало в вопросе о политике социалистического министерализма за примирительную резолюцию Каутского...»²⁸. Соответственно, в начале XX столетия Бунд принимает сторону «экономистов» в споре реформистов и ортодоксов. В то же время, теоретики Бунда широко используют марксистскую ортодоксальную фразеологию, тем самым, продвигаясь по пути обособляющегося центристского направления в европейском социал-демократическом движении. Поскольку, последние даже на ранних этапах своего существования, были склонны удерживать представителей социалистических фракций от публичных разногласий, бундовцы в полном соответствии с тактикой центризма, были

готовы к компромиссному разрешению конфликта. Об этом, в частности, свидетельствует резолюция V съезда Бунда (состоялся накануне II съезда партии), изменившая тезис об обязательном общепартийном федерализме и сохранившая фракционную обособленность исключительно для еврейской секции РСДРП²⁹. Однако, очевидно, что путь компромиссов может быть реализован только вне резких перепадов политического ландшафта. Приближение такого нестандартного события, как II съезд РСДРП, подорвало «мирное» течение конфликта между сторонниками организационной гибкости и централистами, которых олицетворял В.И. Ленин.

Катализатором, который окончательно проявил внутрипартийные разногласия, стал спор по поводу созыва О.К. («Организационного комитета») для подготовки II съезда партии. М. Рафес очень кратко, всего одним предложением упоминает о «некоторых трениях», которые возникли в связи с созданием О.К. На самом деле, речь идет об очень показательной и уже отнюдь не теоретической, а практической ситуации. Идея формирования О.К., по словам В.И. Ленина возникла еще в 1901г. Так, в частности В.И. Ленин в «Извещении об образовании “Организационного комитета”» пишет о конференции, на которой обговаривался вопрос о необходимости образования О.К. «... вопрос этот обсуждался в прошлом году...»³⁰. Поскольку данный документ датируется декабрем 1902 г. можно предположить, что речь идет об одной из заграничных конференций в Женеве или Цюрихе проходивших в июне, сентябре 1901г. И в том и в другом случае представители Бунда участвуют в обсуждении и, следовательно, в курсе возможного формирования О.К.³¹ Затем уже в марте 1902 г. в Белостоке, так же при участии Бунда состоялась конференция, одним из решений которой стало формирование О.К. в составе трех человек. Однако довольно скоро после окончания конференции два из трех членов О.К. были арестованы. В результате, уже в ноябре 1902 г. в Пскове на совещании социал-демократических комитетов, созванном по инициативе В.И. Ленина окончательно было заявлено об организации О.К. Об этом совещании в Извещении указывается следующее: «... Во исполнение этого постановления (*решение о создании О.К. в Белостоке – Л.М.В.*) представители: петер-

бургского “Союза борьбы”, “организации “Искра” и группы “Южного рабочего” образовали Организационный комитет, который ставит своей первой и главной задачей *подготовку условий для созыва партийного съезда*» (курсив, в данном случае – В.И. Ленина). Естественно возникает вопрос, почему среди участников установочного совещания О.К. не названы представители Бунда до этого участвовавшие во всех конференциях, по созданию данного комитета. Понимая очевидность такого вопроса, В.И. Ленин делает небольшое уточнение. Выясняется, что «Бунду также было предложено прислать своего представителя в Организационный комитет, но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на это приглашение. Надеемся, – пишет Ленин, – что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя.»³² Итак причины «чисто случайные», представители Бунда в курсе всех дел, а если В.И. Ленин в комментарии к «Извещению» в «Искре» от 15 января 1903 г. и упоминает о необходимости отказаться от «каких-либо “прав”» и от «обособленности», то к Бунду это уж никак не имеет не малейшего отношения.

Впрочем, реакция Бунда на примечание в «Извещении» оказалась куда как более бурной, чем можно было предположить исходя из текста Ленина. 1 февраля 1903 г. в «Искре» появляется статья В.И. Ленина под названием «По поводу заявления Бунда» из которой следует, что в России вышло специальное заявление Центрального Комитета Союза, связанное с отсутствием представителей Бунда на конференции по образованию О.К. Далее следует изящный, полный «наивного» негодования Ленинский монолог «... Спрашивается, что может быть естественнее и невиннее.... Умолчать о Бунде было бы не правдой. А если не умолчать, то надо сказать, что мы приглашали...» и т.д. ЦК Бунда решительно гнет свою линию «... Не имея возможности выразить свои взгляды на задачи предстоящего съезда ни путем личного участия в совещании, ни путем участия в редактировании “Извещения”, мы вынуждены хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел в настоящем заявлении». В.И. Ленин ставит под сомнение «невозможность» связи представителей Бунда с О.К. При любом стечении обстоятельств столь значительная организация как Бунд нашла бы средства связи в письменном или

представительском виде. «Нечего играть в прятки, господа!, – пишет В.И. Ленин, – ...Вы выступили отдельно потому, что вы захотели (*курсив – В.И. Ленина*) выступить отдельно»³³. Собственно такая трактовка позиции Бунда и была зафиксирована в исторической литературе. В данном случае очень показательна книга Т.Ю. Бурмистровой, где специально подчеркивается «...Приглашался и Бунд (*на конференцию по организации О.К. – Л.М.В.*), но его представитель не явился...»³⁴

Зачем нужна Ленину эта неожиданная прямота обвинения после столь многочисленных оправданий и уверений в активном желании видеть Бунд на совещании в конце 1902 г. Ситуация становится более ясной, если снова посмотреть на нее через призму объединительной концепции европейской социал-демократии. Никто не хочет публично, первым начинать партийную борьбу, в противном случае, на сделавшего первый шаг ляжет вина за возможный раскол рабочего движения. Однако созыв совещания по О.К. оказывается удобным поводом для оправданного негодования с обеих сторон.

В сущности, теперь Бунд получает легальную возможность высказать свои взгляды публично, что особенно удачно на фоне подготовки съезда. Для теоретиков Союза очевидно, что ленинское направление в партии, становится все опасней и агрессивней. Соответственно, можно предположить, что централизм будет активно навязываться этой группой и в условиях работы съезда. Так не лучше ли приобрести союзников уже сейчас, имея право голоса, как сторона публично ущемленная. Этот момент превентивного маневра бундовцев прекрасно понял Ленин, перед которым, в сущности, стояла та же задача. Если предположить, что представителям Бунда выгодно было не присутствовать на совещании, то, соответственно необходимо допустить предположение, что и Ленину, также было выгодно их отсутствие. Формируя О.К. как передовой отряд по подготовке съезда, он параллельно формулировал определенные цели и задачи, от изложения которых он и его единомышленники итак «...воздерживались очень уж долго...»³⁵. Присутствие представителей Бунда, с их более вольной трактовкой партийной организации, могло только еще больше затормозить, итак излишне медленный, по мнению Ленина, процесс подготовки съезда.

Таким образом, совещание по организации О.К. стало лакмусовой бумажкой противостояния сторонников Ленина и руководства Бунда. Официально открестившись от обвинений в расколе партии, и та и другая сторона уже могли не сдерживаться и публично выражать свои разногласия накануне съезда. Больше не было необходимости намекать на чьи то таинственные «права» и «обособленность». Напротив, теперь на страницах «Искры» четко и ясно заявлялось: «...вожди Бунда делают серьезную политическую ошибку». А вот и конкретно сформулированная причина раскола: «...провести свое (*Бунд – Л.М.В.*) решение поставить на новую почву отношения к русским товарищам: не *входить* в Российскую социал-демократическую партию на основании устава 1898 г., а быть в *федеративном* (*курсив В.И. Ленина*) союзе с нею»³⁶.

Итак, на первый план выходит проблема федеративного устройства РСДРП, или, по крайней мере, достаточно свободного функционирования Бунда в качестве партийной национальной фракции. Однако предположить, что истоком столь крупного конфликта является исключительно вопрос об организационной структуре партии, значит отказать многим течениям российского социал-демократического движения в принадлежности к европейскому марксизму, его проблемам и стандартам. Сопричастность идейно-политической концепции Бунда с принципами мировой социалистической доктрины несомненна. Будучи участниками социалистических конгрессов, оппонентами во многих политических дискуссиях и тактических прениях, идеологи Бунда впитывали в себя все достоинства и недостатки мировой социалистической практики, трансформируя их через призму еврейского национального самосознания. Очевидно, что с ростом национальных притязаний Бунд все более и более был расположен к реформистской тактике, способной удовлетворить демократические интересы более широких слоев еврейского населения Российской Империи. В таком контексте вопрос о федерации в партии становился уже не организационным, а идеологическим и мог рассматриваться как часть национальной программы Бунда, которая так и не была четко сформулирована до начала II съезда РСДРП.

Соотнесение идеологии Бунда с общесоциалистическими концепциями, балансировка идеологов союза между реформизмом, центризмом и даже элементами тактики ортодоксального марксизма, позволяют определить в качестве основы внутривнутрипартийного конфликта не локальный спор по поводу гибкой – федералистской или жесткой – централистской организации партии, а типичное для европейских социалистических организаций противостояние радикального и альтернативного бернштейнианского варианта развития марксизма.

Примечания

¹ М. Рафес один из активных участников еврейской социалистической организации, воспринявший после самороспуска Бунда взгляды большевиков. В своей книге он попытался максимально объективно, но исходя из приоритетов и целей большевистской фракции РСДРП, оценить деятельность Союза.

² *Шестак Ю.И.* Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. М., 1980.

³ *Бондаревская Э.М., Горбунова М.И.* II съезд РСДРП. Возникновение партии большевиков. Развертывание борьбы против меньшевиков, за укрепление партии. Киев, 1960.

⁴ *Баглинов Б.Г.* Второй съезд РСДРП. М., 1972.

⁵ *Бурмистрова Т.Ю.* Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1894 – 1903 гг.) Л., 1962.

⁶ *Гусев В.* До питання про національну програму Бунду (1897–1917 рр.): Від громадянської рівноправності євреїв до культурно-національної автономії // Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ ст. Київ, 2002. С. 19–29; *Гусев В.* Бунд в Україні: наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. // Єврейська історія та культура кінця ХІХ – початку ХХ ст. Київ, 2003. С. 33–41.

⁷ *Лобанова М.* Європейська соціал-демократія і єврейство: К. Каутський о феномені антисемітизму // Єврейська історія та культура кінця ХІХ – початку ХХ ст. Київ, 2002. С. 173–180.

⁸ *Дербаремдикер М.* Єврейська культурна і громадсько-політична життя кінця 19 – початку 20 ст. // Єврейська історія та культура кінця ХІХ – початку ХХ ст. Київ, 2002. С. 42–53.

⁹ *Кальян С.* Антиєврейська політика царського уряду (1880–1907) // Єврейська історія та культура кінця ХІХ – початку ХХ ст. Київ, 2002. С. 58–66.

¹⁰ «Єврейський вiпрoс» в Росiї на рубежi ХХ вiка // Єврейська думка крізь вiкa. Збiрник наукових трудов по юдаїцi та культурi. Випуск № 3. Дніпропетровськ–Київ, 1999. С. 150–154.

¹¹ *Рутберг Н.И., Пидевич И.Н.* Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода. М., 2000.

¹² *Соблазн социализма. Революция в России и евреи / составитель А. Серебренников.* Париж–Москва, 1995.

¹³ *Рафес М.* Очерки по истории Бунда. М., 1923. С. 90–96; Резолюция IV съезда Бунда // *Соблазн социализма. Революция в России и евреи / составитель А. Серебренников.* Париж–Москва, 1995.

- ¹⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954.
- ¹⁵ *Мартов Л.* История российской социал-демократии. Петроград–Москва, 1923. С. 48.
- ¹⁶ *Ленин В.И.* Извещение об образовании «Организационного комитета» // Сочинения. Т. 6. М., 1951. С. 275–278; *Ленин В.И.* По поводу заявления Бунда // Сочинения. Т. 6. М., 1951. С. 285–290.
- ¹⁷ *Первый съезд РСДРП* // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954. С. 14
- ¹⁸ *Цоглин В.* О созыве I-го съезда РСДРП // Соблазн социализма. Революция в России и евреи. Париж–Москва, 1995. С. 270–271.
- ¹⁹ *Орлянский В.* «Еврейский вопрос» в России на рубеже XX века // Еврейская мысль сквозь века. Сборник научных трудов по иудаике и культуре. Выпуск № 3. Днепропетровск–Киев, 1999. С. 151.
- ²⁰ *Мишкинский М.* Еврейское рабочее движение и европейский социализм // Соблазн социализма. Революция в России и евреи. Париж–Москва, 1995. С. 281.
- ²¹ *Мишкинский М.* Еврейское рабочее движение. С. 282.
- ²² *Рафес М.* Националистический «уклон» Бунда // Соблазн социализма. Революция в России и евреи / составитель А. Серебренников. Париж–Москва, 1995. С. 274.
- ²³ *Рафес М.* Очерки. С. 91.
- ²⁴ *Рафес М.* Очерки. С. 91.
- ²⁵ *Рафес М.* Националистический «уклон». С. 277.
- ²⁶ Резолюция IV съезда Бунда. С. 286; *Рафес М.* Очерки. С. 90–96.
- ²⁷ «Рабочее дело» – неперидический журнал «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил с апреля 1899 по февраль 1902. Представлял направление «экономизма» в российском социал-демократическом движении.
- ²⁸ *Мартов Л.* История российской социал-демократии. С. 48.
- ²⁹ *Рафес М.* Очерки. С. 96–98.
- ³⁰ *Ленин В.И.* Извещение об образовании. С. 276.
- ³¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях. С. 23–27.
- ³² *Ленин В.И.* Извещение об образовании. С. 276.
- ³³ *Ленин В.И.* По поводу заявления. С. 286.
- ³⁴ *Бурмистрова Т.Ю.* Ленинская политика. С. 275.
- ³⁵ *Ленин В.И.* По поводу заявления. С. 287.
- ³⁶ *Ленин В.И.* По поводу заявления. С. 287.

Summary

Maria Lobanova-Gulak

**Sources of tactical and organizational disagreements of the
Bund's theorists and V.I. Lenin on the eve of II RSDRP
congress**

(on an example of the conflict concerning convocation O.K.)

In this paper, through the analysis of concrete tactical disagreements in the Russian social-democratic movement on the eve of II RSDRP congress, an attempt of correlation of Bund's ideology with world socialists' concepts was undertaken. In this case we deal about balancing the ideologists of union between reformism, centrism and even by elements of orthodox Marxism tactics.

On a background of consecutive transformation of a political platform «All Europe working union in Russia and Poland» the working conflict between Bund's CK and V.I. Lenin concerning convocation «Organizational committee» looks more serious. The analysis, carried out in the given work, of historical sources (such as V.I. Lenin and J. Martov works, documents on a history of RSDRP, the resolution of IV and V Bund's congresses) allows to put forward as a basis of the inner-party conflict not local dispute concerning floppy – federalist or rigid – centrist organization of the party, and opposition, typical of the European socialist organizations, radical and alternative bernshteinists' versions of Marxism development.

Татьяна Шор (Тарту)

**Культурная хроника евреев Эстонской Республики
на страницах газеты «Последние известия» в период
подготовки к введению культурного самоуправления
(1925–1926)**

В феврале 1925 г. в Эстонской Республике (ЭР) был провозглашен закон о культурном самоуправлении национальных меньшинств¹. Он основывался на законе о самоуправлении ЭР от 22 июня 1917 г., применительно к учреждению культурной автономии национальных меньшинств и закреплял их права, провозглашенные в Манифесте ко всем народам Эстонии 1918 г. Новый закон ориентировался не на территориальную, а на индивидуальную духовно-экономическую национальную общность, главным образом, в области образования. Параграфом восьмым закона гарантировалось право на культурное самоуправление русскому, немецкому и шведскому меньшинствам, а также оно распространялось на всех проживающих в пределах ЭР народностей, общее число граждан которых было не менее 3000 человек.

У немцев с 1918 г. до их выселения из Эстонии в 1938–1939 гг. были периодические издания на родном языке, которые сыграли немалую роль в деле подготовки немецкого населения к введению культурной автономии. Их совет культурного самоуправления стал полномочным уже 1 ноября 1925 г.² Следующим и последним национальным меньшинством Эстонии, получившим легальные основания для своего культурного развития, были евреи. Как же случилось, что маленькая, даже крошечная, по сравнению с русской общиной, еврейская диаспора добилась такого успеха в столь короткий срок? Для этого уже были определенные предпосылки. Во-первых, высокая концентрация евреев в городах и наличие двух основных центров, которые, несмотря на определенные разногласия, в данном случае выступили единым фронтом. Так, таллиннская еврейская община по переписи 1922 г. насчитывала 1929 человек, тартуская – около 1500, а в целом по Эстонии в этот период проживало 4566 евреев³. Причем, из них граждан, т.е.

именно тех, кто имел право включить себя в национальный список для официальной регистрации – 3055.

Во-вторых, следует отметить высокую гражданскую активность еврейского населения и непримиримость к любым, даже на бытовом уровне, проявлениям антисемитизма уже на самом раннем этапе развития ЭР. Например, по приговору мирового судьи IX городского участка Таллинна некий Иван Мухин был оштрафован на 3000 марок, который мог быть заменен 15-ти дневным арестом, за оскорбление Лейба Асновича, обозвав последнего «жидовской мордой»⁴.

Третьим фактором, сыгравшим не последнюю роль в успешных действиях в деле завоевания культурной автономии, была высокая общественная культура евреев Эстонии. К 1925 г. существовало более двадцати культурно-просветительных, сионистских, экономических, профессиональных, молодежных, и спортивных организаций, в недрах которых происходило единение евреев на почве самых разнообразных интересов⁵. Высокая степень организованности евреев в этот период доказывается участием в выборах в местные самоуправления. Например, выдвигая своих кандидатов, в Тартуское городское самоуправление в 1921 и 1923 гг.⁶

Одним из важных инструментов формирования национальной идентификации евреев в этот период была умелая агитация с привлечением, как внутренних ресурсов, так и помощи из-за рубежа. И это при тех условиях, что местным евреям вплоть до 1931 г. не удавалось наладить более-менее регулярного популярного издания на родном языке. Напомним, что с 1919 по 1940 г. вышло в свет 15 названий газет и журналов на русском и еврейском языках. Из них только тартуская газета «Undzer vort = Meie Sõna» (: Organ fun estnið indtum / Red.-aroigeber dr. Noson Genss un dr. Josef Markowitsch. Tartu, 1931–1933, 1937 (R. Selmanovitsch) выходила в течение нескольких лет, но уже в 1930-е гг.⁷ В 1925 г. удалось издать один номер *Di nacional-kulturele avtonomie: Einmolike oisgabe gevidmet der nacional-kultureler avtonomie in Estland*. Dorpat, 1926 15 apr. 12 z. (R. Selmanovitsch), а уже после получения автономии в 1927 г. было получено разрешение на издания Вестника Еврейской культурной автономии⁸.

Большую роль в период подготовки к введению культурного самоуправления евреев сыграла русская пресса, на страницах которой отмечались практически все культурные события, происходившие в еврейских общинах Эстонии. Крупнейшая ежедневная русская газета тех лет «Последние известия» (=ПИ) стала трибуной для популяризации закона о культурной автономии для двух национальных меньшинств – русских и евреев, которые в первую очередь претендовали на его применение. Выходившие с августа 1920 по май 1927 г. беспартийные ПИ под редакцией Ростислава Степановича Ляхницкого с 1924 по 1926 гг. печатались в известной типографии В. Бейлинсона⁹. Газета давала многообразную рекламу еврейских предпринимателей, обществ, помещала заметки обо всех сколько-нибудь заметных событиях в еврейских общинах Таллинна и Тарту, реже – Нарвы. На местах работали специальные корреспонденты ПИ, ежедневно передававшие материалы о лекциях, концертах, любительских спектаклях, гастролях еврейских театров и других культурных событиях. В сумме эти публикации давали довольно объективную хронологическую картину культурно-экономического лица эстонских евреев того времени¹⁰. Постоянными корреспондентами хроники еврейской жизни в Таллинне были Александр Таммери (псевд. *Т. А. Т.*, *А. Т-ри* и др.), а также выездной корреспондент ПИ Александр Бакструб. С обширной статьей об организации общинной жизни евреев Таллинна выступил на страницах ПИ русский журналист-эмигрант Г. Тарасов. В Нарве о делах еврейской общины писал Стефан Рацевич, в Тарту – Симон Соркин (*С.*, *С. С-н*), в меньшей степени студент Тартуского университета Копп Иоктон (*К. И-н*), а также и другие корреспонденты, скрывавшиеся под различными криптонимами – *Т. К.*, *Ш.* и т. д. Следует отметить, что с октября 1926 г. стала набирать силу другая русскоязычная ежедневная газета «Вести дня» (=ВД), питаемая рижской газетой европейского уровня «Сегодня» (Рига) под редакцией М.С. Мильруда. Она более чем успешно конкурировала с ПИ, и вскоре после своего появления совершенно вытеснила их с эстонского рынка. Впоследствии уже ВД освещали различные стороны жизни эстонских национальных меньшинств, в основном, русских и евреев вплоть до 1940 г. Но в течение 1925 – до октября 1926 года

ПИ являлись одним из главных источников информации культурных запросов евреев Эстонии во время легитимного превращения ее в равноправное национальное меньшинство ЭР.

Таллинн. Как уже говорилось выше, культурная жизнь эстонских евреев в этот решающий для них период была весьма интенсивной и протекала, преимущественно, в двух основных центрах – Таллинне и Тарту. В Таллинне главными культурными очагами были еврейская гимназия, еврейский клуб и синагога. Здесь проходили лекции, спектакли, давались концерты духовной музыки. По отзывам современников в духовных концертах в синагоге участвовали лучшие музыкальные силы Ревеля во главе с обладателем замечательного голоса оберкантором Иосселем Гуревичем. Кроме Гуревича, выделялись постоянные участники тонкий исполнитель псалмов тенор д-р А. Лурье в сопровождении преподавательницы таллиннской консерватории арфистки Зинаиды Ниловны Валк-Богдановской¹¹. В декабре в гимназии и в большой синагоге традиционно давались благотворительные Ханука-концерты, на которых выступали хор синагоги под руководством оберкантора, звучали музыкальные номера в исполнении А. Лурье, З.Н. Богдановской, Р. Бек (виолончель), П. Пресников (фисгармония)¹².

Как известно, первый литературно-театральный клуб в Таллинне был образован в 1907 г.¹³ С этого времени таллиннцы могли знакомиться с драматическими постановками на еврейском языке. В начале 1920-х гг. в Таллинн наезжали еврейские музыкальные труппы. Так, популярнейшая оперетта Б. Томашевского «Дос пинтеле ид», в которой звучали народные еврейские мотивы и песни, была впервые представлена таллиннской публике в начале 1921 г. в постановке С.С. Бергерского. Перед отъездом в Америку он показал в Таллинне в Немецком театре спектакль «Жидовка» (*Die jüdische tochter*)¹⁴. Еврейские спектакли изредка появлялись и на сценах других крупнейших эстонских городов. Но настоящее увлечение еврейским театром совпало с периодом национального подъема во время подготовки и проведения культурного самоуправления. Еще до опубликования закона 17 января 1925 г. на сцене зала еврейской гимназии после долгого перерыва возобновились любительские спектакли на еврейском языке. Студия-секция еврейского сионистского молодежного

кружка «Hatchio» («Hatchija») под руководством профессионального актера и режиссера Анатолия Давидовича Трахтенберга поставила пьесы «Отец и сын» С. Ан-ского и «Болтун» О. Дымова. Отметим, что наряду с еврейским репертуаром, на любительских подмостках разыгрывались инсценировки из новейшей русской литературы, переведенные на идиш, например, «Незнакомка» А. Блока и «Четверо» А. Аверченко¹⁵. 28 марта в день шестилетия со дня основания молодежной секции-студии была разыграна пьеса А.И. Куприна «Клоун», а в дивертисменте с декламацией из произведений Бялика выступил Ф. Ключик. Ученица известной в Таллинне балетной студии Е.В. Литвиновой юная М. Раге прочла «Соблазненную» Розенфельда и исполнила несколько характерных танцев. В антрактах и во время танцев молодежь слушала радио-концерты из Берлина, Лондона, Парижа и других городов¹⁶.

Большим успехом пользовались в Таллинне вечера, устраиваемые еврейским литературно-драматическим обществом им. Х.Н. Бялика (= ферейн им. Х.Н. Бялика, общество Бялика). Оно было создано в 1918 г. группой еврейских активистов, которые сумели привлечь демократическое интеллигентное еврейство и сформировать общественное собрание. Общество Бялика несколько раз приостанавливало свою деятельность во время краткого правления большевиков и затем в немецкую оккупацию. Между прочим, во время немецкой оккупации Эстонии (март–ноябрь 1918 г.) в Таллинне работала только сионистская организация. Однако, начиная с 1920 г., общество Бялика стало общепризнанным культурным очагом и просуществовало вплоть до 1940 года¹⁷. В течение 1925 г. кружковцами был поставлен живой юмористический журнал, в котором были проиллюстрированы все этапы составления журнала, начиная с набора, прочтения материала и реакции на него читателей¹⁸. Из еврейского репертуара литературно-драматического кружка отметим постановку пьесы Шолома Аша «Мотке Ганев» («Мотке вор», 1917), сыгранного на сцене еврейской гимназии в режиссерской постановке Я. Гальбрайха. Александр Бакструб в своей рецензии весьма похвально отозвался о спектакле любителей, отметив П. Иофан в роли Мотке-сорванца, Ш. Ципукова в роли старика Тераха, Э. Рогов-

ского в роли алчного владельца цирка Канарика, Б. Гальбрайх в трогательном образе матери и др.¹⁹

Важным просветительным центром и штабом подготовки к введению культурной автономии стала Ревельская еврейская гимназия. Она получила статус гимназии в 1924 г. и была основана на базе Таллиннской начальной еврейской школы, работавшей с 1913 г.²⁰ При гимназии существовала еврейская скаутская организация, под руководством преподавателя Е.И. Гильдебранта действовал литературный кружок. В него входили ученики Л. Левитан, Д. Рыбак, Э. Лурье, Б. Шур, И. Лопавок. На школьных вечерах исполнялись произведения Х.Н. Бялика, силами кружковцев были поставлены сцены из «Романтиков» Э. Ростана, режиссировал П.В. Павлов²¹.

Важно отметить, что в стенах гимназии шла интенсивная работа не только с детьми и молодежью. В течение 1925 года в ней прошла серия лекций сионистского содержания. Представитель лондонского отделения Керен-Гаэсод М. де Шалит с большим успехом распространявший в Литве и Латвии акции, предназначенных для Палестины, в начале марта прибыл в Эстонию. В докладе «Настоящее положение Палестины», состоявшемся в зале таллиннской еврейской гимназии, он рассказал о работе, способствующей возрождению Палестины. В пересказе А. Таммери известно, что де Шалит живо описал строительство города Тель-Авива, поведал о деятельности частных и кооперативных сельскохозяйственных поселений евреев. На экране были продемонстрированы виды Иерусалима, в том числе уже готовое к открытию здание университета. При виде священных стен Иерусалима переполненный зал разразился овациями и при общем подъеме был спет гимн «Гатикво». В заметке, посвященной этому событию говорилось: «Местное еврейство, несомненно, горячо откликнется на призыв М. Шалита, чем упрочит работу Керен-Гаэсода в Эстонии и возрождение Палестины»²².

В мае Ревельской сионистской организацией «Гитадут» была организована лекция депутата латвийского сейма профессора М. Лазерсона. Он продолжил сионистскую миссию в Эстонии лекцией на тему «Трудовая Палестина» («Das arbeitende Palestina»), также прозвучавшей в стенах еврейской гимназии. Проф. Лазерсон обрисовал главную проблему пере-

селяющихся в Палестину евреев так: «евреи приезжают из самых разных уголков и часто не в состоянии друг друга понять, так как не владеют общим им всем языком. Объединить их в одну национальную семью может лишь всем понятный язык, которым, без сомнения, должен стать древнееврейский... – Спасение – лишь в единении национальной и социалистической мысли»²³.

В октябре было организовано юбилейное заседание в честь декларации Бальфура 1917 г. о создании еврейского убежища в Палестине. На нем председатель таллиннского еврейского общинного совета Г. Айзенштадт прочел лекцию «К юбилею декларации Бальфура». Представитель Эстонии на XIV конгрессе сионистов в Вене в августе 1925 г. Г. Померанц доложил собравшейся аудитории об итогах венского конгресса. Он рассказал, что на нем присутствовало 350 делегатов и сообщил, что за последние четыре года еврейская эмиграция в Палестину увеличилась на 60%²⁴.

Важным моментом в деле поднятия национального духа был устроенный в начале апреля 1925 г. зале гимназии акт, посвященный открытию Иерусалимского университета. Собрание началось торжественной речью первого директора гимназии Р.И. Выдрина, затем выступил преподаватель и общественный раввин С. Тамаркин, который заключил свою приветственную речь на еврейском языке следующими словами: «Сегодня еврейский народ открывает свое первое высшее учебное заведение, которое во имя науки будет служить мостом для братского единения всех народов»²⁵. Вечером торжество продолжилось. В синагоге оберкантором Гуревичем было совершено торжественное богослужение, а в гимназии собравшиеся члены еврейской общины заслушали доклады председателя общины Г. Айзенштадта и П. Абезгауз.

Но, пожалуй, самым большим событием этого года для всей еврейской общины стал съезд представителей всех общин Эстонии для обсуждения вопроса о культурной автономии, проходивший в зале еврейской гимназии 1–2 июня. На съезд прибыло 36 делегатов. На торжественном открытии съезда выступил депутат Латвийского сейма М. Лазерсон. В своей речи он сделал небольшой исторический экскурс, сказав аудитории следующее: «Уже в древнее время и в средние века ев-

рейский народ пользовался национальной автономией в тех странах, в которых они составляли меньшинство. Великая французская революция, уничтожившая все классовые и сословные привилегии и установившая принцип равенства перед законом всех граждан без различия, в то же самое время уничтожила автономию еврейского народа. В середине XIX века идея национальной автономии была вновь выдвинута еврейскими политическими и общественными деятелями в качестве средства для сохранения своего народа как нации. И только в результате великой Мировой войны и пронесшихся после нее по Европе революций идея национальной автономии получила общее признание. <...> В этом отношении пальма первенства принадлежит **Эстонии**, закрепившей идею национальной автономии в законодательном акте»²⁶. После подробного юридического анализа нового закона, представленном присяжным поверенным С.Е. Кальмановичем, а также продолжительных прений, съезд *единогласно* постановил довести до правительства о решении еврейской общины ходатайствовать о еврейском культурном самоуправлении.

Кроме актового зала еврейской гимназии, таллинские евреи собирались для времяпрепровождения и общения в помещениях различных клубов и обществ. Поскольку зал Таллиннского еврейского клуба был не велик, там чаще всего устраивали советы общин, просветительные лекции, семейные и благотворительные вечера. Многие мероприятия устраивались силами любителей, но иногда приглашались лекторы из-за рубежа. Например, в помещении литературного кружка Бялика состоялась лекция и чтение собственных произведений еврейского писателя М. Бен-Циона²⁷. Достоинно упоминания выступление в кружке режиссера Рижского нового (меньшинственного) еврейского театра А. Моревского «Театр и евреи»²⁸. Он родился в Вильне в 1886 г., окончил петербургскую театральную школу Суворина, а с 1918 г. решил посвятить себя еврейскому искусству. В частности, Моревский перевел на еврейский язык и издал в Варшаве популярную пьесу «Уриэль Акоста», бывшую в репертуаре большинства театральных трупп²⁹. В середине 1920-х гг. Моревский стал во главе еврейского театра в Риге, где поставил «Магнат» Казницкого, «Земляк» и «Дочь Ивтуха» Ш. Аша, «Дитя света»

П. Гиршбейна, «Янкель-Кузнец» Д. Пинского и др. Его кредо в этот период «Наше развитие идет по пути “театра по-еврейски”. Наш лозунг – универсальность, преломленная через призму индивидуально-еврейского и тем самым национального творчества»³⁰. Из других крупных культурных событий эстонской столицы 1925 г. следует упомянуть выступление именитого еврейского писателя-социалиста, издателя журнала «Ин Шпан» («В упряжке»), Д.Р. Бергельсона, посетившего Таллинн в ноябре, еще до своего возвращения в советскую Россию. В зале еврейской гимназии он прочел лекцию о новейшей еврейской литературе и познакомил публику со своими новыми произведениями³¹. По-видимому, прозвучали рассказы из сборника «Бурные дни», уже подготовленного Бергельсоном к печати.

Тарту. Не менее интенсивная жизнь еврейской общины наблюдалась и в университетской столице Эстонии – Тарту. В мае 1925 года здесь открылся еврейский клуб им. И.Л. Переца. Он занимал первый этаж красивого здания на Карловой (теперь Калеви) улице. Благодаря заботам председателя общины, директора местного еврейского кооперативного банка И.Л. Кропмана, в клубе был театральный зал и библиотека. Ее основал д-р Эйгес, подарив общине свою библиотеку в 3000 томов. Здесь же находились помещения для студенческих еврейских обществ и спортивного общества «Маккаби». Наконец-то, тартуская еврейская община, расколотая революционными событиями на «Еврейский демократический клуб» и «Еврейское общественное собрание», слилась в единый клуб им. Переца. Из общего числа 1500 евреев в Тарту, 250 человек стали членами клуба³². Прежде всего, обращала на себя внимание драматическая секция Юрьевского еврейского Демократического клуба, образованного в 1917 г. Заслуга создания постоянной любительской труппы в Тарту принадлежала председателю клуба Я.И. Паенсону. Теперь еврейский драматический кружок любителей мог давать спектакли «у себя дома». Обычно в течение сезона ставились 2–3 спектакля. Душа театральной студии Паенсон занимался переводом на идиш пьес «На дне» Горького и «Земной рай» Горста. Кроме того, он читал студийцам краткий курс по истории еврейского театра. В роли режиссера выступал учитель

Д. Шумаков, среди любителей–артистов наиболее активно выступали М. Кацова, Б. Кропман, Б. Морейн, И. Паенсон, В. Ратенберг, М. Хасин, И. Якобсон и др. К 1925 г. в репертуаре студии были пьесы «Интеллигент», «Двойник», «Юнеке музыкант», «Идиот», «Сатана», «Вечная песня», «Недоразумение». Летом секция развернула активную работу и к осени была подготовлена премьера пьесы Ш. Аша «С течением». Любительский ансамбль, состоящий из студентов, школьников и членов общины, с успехом выступал перед своими многочисленными поклонниками в Тарту. Кроме упомянутых пьес, в течение 1925–26 гг. были поставлены «Дер Дорфс-Юаг» и «Главный выигрыш» Шелома Алейхема, «Певец своей печали» Осипа Дымова. Рецензент спектаклей клуба Копл Иоктон хвалил игру м-ль Ценципер, М. Хасина, В. Ратенберга, Б. Мирвица и др.³³

1926 год. Поскольку осенью 1925 г. по формальным причинам закон о культурной автономии для еврейского меньшинства Эстонии провести не удалось, то организационно-просветительная работа еврейской общины продолжалась достаточно активно и в следующем 1926 г. Начало года ознаменовалось очередным общим собранием общины, на котором выступил Г. Айзенштадт с четким планом-календарем введения культурной автономии. Председателем главного выборного комитета был утвержден д-р Б. Кломпус, представителями правительства в комитете от министерства внутренних дел – А. Маддисон, от министерства юстиции – А. Мокс. Избирательные списки еврейских граждан были составлены к 15 января, а выборы а культурный совет намечены на апрель³⁴.

Во время выборной кампании большой резонанс вызвал приезд в Эстонию еврейского поэта Леона Яффе. 28 февраля 1926 в зале еврейской гимназии в Таллинне состоялся его доклад «Как строится Палестина», вызвавший живейший интерес среди молодежи³⁵. На лекции он прочел свое новое стихотворение «У Западной Стены». Стихотворение Л. Яффе, представленное автором редакции «ПИ», нигде ранее не печаталось и очень ярко рисовало сионистские настроения поэта³⁶. Затем он посетил Тарту, где также был восторженно встречен на вокзале местным студенчеством и представителями общины. Торжественный акт, проходивший в новом еврейском клу-

бе им. Переца, открылся исполнением гимна «Гатикво». С речью на древнееврейском языке выступил А. Мостовский. От сионистской организации гостя приветствовал Б. Кропман, от студенческой «Лимувии» – П. Ценципер, от еврейского академического общества – Б. Бакшип, от корпорации «Хасмоня» – К. Ядловерк (на иврите), от женской студенческой организации «Гацфино» – О. Гейтельбаум, от еврейской начальной школы – Л. Ливитин, от еврейских скаутов – Л. Тартаркер, от группы филистров академического общества – д-р Паенсон. Были оглашены письма к Яффе проф. А. Эйнштейна из Берлина, вождя французской социалистической партии Леона Блюма и бывшего премьер-министра Англии Р. Макдональда. В этот вечер Яффе прочел доклад «Строительство Палестины», а на второй день – доклад «Школьный вопрос и еврейская молодежь»³⁷. В мае незадолго до выборов в национальный совет Яффе вновь посетил Эстонию. В Таллиннской еврейской гимназии состоялся большой палестинский митинг с его участием, на котором все участники единым фронтом поддержали идею культурной автономии в Эстонии, которая расценивалась как шаг к овладению опытом государственности, так необходимого евреям в Палестине³⁸.

Провозглашение еврейской культурной автономии и начало работы культурного совета в июне 1926 г. вывело духовную жизнь евреев Эстонии на новый уровень в общественной организации³⁹. Самоуправление поставило новые задачи перед евреями Эстонии, как в материальной, так и в духовной сферах. Все это требовало определенной разъяснительной работы и напряжения духовных ресурсов. Из Риги прибыл известный журналист и общественный деятель И. Шехтман, выступивший в еврейском общественном собрании Таллинна с докладом «Кризис еврейства Восточной Европы». Затем в зале общества Х.Н. Бялика он прочел лекцию «Апология ассимиляции»⁴⁰. Не угасал интерес эстонских евреев к жизни в Палестине. В ноябре 1926 г. в Таллинн приезжал директор эмиграционных дел д-р Левинский. В его задачу входила популяризация земледелия и ремесленного труда среди евреев⁴¹.

Не затихала концертно-театральная деятельность. Важнейшими событиями в этом плане были, несомненно, гастроли Рижского еврейского народного театра в июле в Таллинне, а

также открытие в сентябре очередного сезона любительской студии клуба Переца в Тарту⁴².

Подводя итоги двух лет, можно сказать, что эти годы стал апогеем в истории эстонской общины Эстонии. Небольшая, но в данный момент сплоченная община, в короткий исторический срок сумела добиться того, чего не смогла сделать в десятки раз большее русское меньшинство Эстонии. Введение культурной автономии давало возможности самореализации, но и налагало определенную ответственность, как на культурный совет общины, так и на каждого из ее членов. Мажорное начало, не исключило дальнейших сложных разногласий в дела еврейского образования между идишистами и сионистами, трагического конца еврейской общины Эстонии в 1940 г. Но холокост и дальнейшие скитания евреев из Эстонии были еще впереди.

Примечания

¹ Закон о культурной автономии национальных меньшинств, принятый государственным Собранием 12 февр. и опубликованный] в «Riigi Teataja» № 31/32 – 1925 // ПИ 1925. 22 февр. № 44. С. 2–3.

² Автономия немецкого меньшинства // ПИ 1925. 3 нояб. № 253. С. 3.

³ Eesti. Maa. Rahvas. Kultuur. Tartu, 1926. lk. 1251. Эстонский дипломат К.Р. Пуста в своем выступлении в Лиге наций в 1923 г. приводил следующие данные о численности меньшинств по Эстонии: 19000 немцев (1, 72%), 65 000 русских (5, 90 %), 7000 латышей (0, 64%), 4000 шведов (0, 80%), 5000 евреев (0, 45%), и 4000 др. национальностей (0,26 %), т. е. меньшинства составляли 9, 45 % всего населения. – О национальных меньшинствах // ПИ 1923. 19 февр. № 50. С. 2. По данным Таллиннского городского статистического управления на 1 марта 1925 г. в Таллинне проживало 2252 еврея (860 мужчин и 1392 женщины) – Хроника [Население Ревеля] // ПИ 1925. 10 марта. № 56. С. 3.

⁴ Хроника // Свободное слово. 1921. 27 апр. № 10. С. 4.

⁵ В регистр обществ Эстонии были внесены Таллиннская, Тартуская, Нарвская Валгаская еврейские общины (1920), литературно-драматические молодежные кружки в Таллинне, Нарве, Вильянди (1917–1922). Таллиннская (Ревельская) еврейская касса взаимопомощи (1921), Таллиннский еврейский банк (1922), Выруская еврейская община (1923), Тартуская палестинская пионерская организация «Гехолуц» (1921), Валгаская сионистская организация (1922), Эстонская сионистская организация рабочих «Гитахдут», спортивное общество «Маккаби», начавшее работу в Таллинне в 1922 г., затем открывшее свои отделения в Тарту, Нарве и Пярну (1922–23), Общество изучения еврейского языка «Орт» (1923), союзы еврейских врачей в Таллинне и в Тарту (1923, 1924). Было даже создано Таллиннское добровольное еврейское пожарное общество (1923).

⁶ D. N. Юрьев. Результаты выборов // ПИ 1923. 8 дек. № 307. С. 3.

⁷ Шор Т. Еврейская культура в массовом сознании эстонского читателя в 1920–1930-х гг. (По материалам архива газеты «Postimees») // Proceedings of the Seventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies. Part 2. Moscow, 2000. P. 165; Шор Т. «Еврейская молодая мысль» – первый общественно-политический журнал в Эстонской Республике. – Евреи в меняющемся мире. IV. Материалы международной конференции = Fourth International Conference «Jews in a Changing World». History and Culture of Jews in Latvia and Baltic Region. Riga, 2002. С. 200–211. Заметим в скобках, что в 1933 г. в Отдел печати министерства внутренних дел было подано ходатайство об издании органа «Eesti Juudid» (Эстонские евреи), но разрешения не получили, так как в этот период начался пересмотр национальной политики Эстонского государства и уже готовился новый проект закона об автономии // Государственный архив Эстонии = ГАЭ Ф. 1. Оп. 7. Д. 364.

⁸ ГАЭ Ф. 1. Оп. 7. Д. 463.

⁹ ГАЭ Ф. 1. Оп. 7. Д. 922.

¹⁰ Об открытии в Усть-Нарве пансиона «Кошер». Контора в Юрьеве Эпштейн–Каплан // ПИ 1925. 21 янв. № 16. С. 4; А. Б. [Александр Бакструб]. В еврейском клубе [24 янв. закрытый семейный вечер] // ПИ 1925. 27 янв. № 21, с. 2; А. Т-ри. [Александр Тамери] Вечер еврейских скаутов [28 февр. в помещении еврейской гимназии вечер с живыми картинами, концерт] // ПИ 1925. 3 марта. № 51. С. 4; Об утверждении устава «Насфиго» // ПИ 1925. 5 марта. № 52. С. 4. К. И-н. [Копл Йоктон]. Тарту. Еврейский любительский кружок. // ПИ 1926. 18 апр. № 85, с. 4; . Соркин С. Тарту. Бенефис М.Ш. Хасина // ПИ 1926. 20 апр. № 86. С. 3; С. С-н [Семен Соркин]. Еврейское собрание по делам культурной автономии // ПИ 1926. 18 мая. № 108. С. 3.

¹¹ Тарасов Г. Духовный концерт в синагоге // ПИ 1925. 22 дек. № 295. С. 3.

¹² Сбор в пользу бедных. // ВД. 1926. 5 дек. № 66. С. 2.

¹³ На самом деле первое благотворительное общество еврейской молодежи в Таллинне было зарегистрировано еще весной-летом 1905 г., а еврейской благотворительное общество «Эзро» в апреле 1906 г. Театральный кружок начал работать несколько позже // ИАЭ Ф. 44. Оп. 1. Д. 101, 132.

¹⁴ Объявление [Первый раз в Ревеле] // Своб. Слово. 1921. № 7. С. 4; Хроника [Последний еврейский спектакль артиста С. С. Бегерского перед его отъездом в Америку] // ПИ 1923. 1 сент. № 212. С. 4.

¹⁵ Театральная хроника [Возобновление еврейских спектаклей] // ПИ 1925. 17 янв. № 13. С. 3, 4.

¹⁶ А. Т-ри. Вечер «Hatchio» // ПИ 1925. 31 марта. № 74. С. 4.

¹⁷ В Таллиннском городском архиве (=ТГА) хранится фонд этого общества «Chaim Nachman Vjaliku nimeline Juudi Kirjandus-Dramaatiline Selts», в котором имеются документы с 1917 по 1940 г. – ТГА Ф. 1382. Оп. 1. Д. 1-43. См.: К предстоящему юбилею о-ва «Бялик» // ВД. 1928. 13 янв. № 12. С. 2; 10-летний юбилей литературно-драматического об-ва имени Х.Н.Бялика // ВД. 1928. 23 янв. № 22. С. 1.

¹⁸ Объявление [Литерно-драматический кружок им. Х.Н. Бялика. «Живой юмористический журнал»] // ПИ 1925. 20 февр. № 42. С. 4; 21 февр. № 43. С. 4.

¹⁹ А. Б. [Александр Бакструб]. «Мотке Ганев» // ПИ 1925. 3 марта. № 51. С. 4; Ревельское литературное о-во им. Х.Н. Бялика. Беседа с председ. о-ва Рохлиным

// ВД. 1926. 22 нояб. № 53. С. 2.

²⁰ ТГА Ф. 855. Оп. 1. Д. 1-9.

²¹ А. Т-ри. Вечер еврейских скаутов // ПИ. 1925. 3 марта. № 51. С. 4; А. Т-ри. Еврейский литературный кружок // ПИ 1925. 2 мая. № 98. С. 4.

²² Хроника [Лекция М. де Шалита] // ПИ 1925. 7 марта. № 54. С. 3; А. Т-ри. Палестина. Лекция М. де Шалита // ПИ 1925. 10 марта. № 56. С. 4.

²³ Таммери А. «Трудовая Палестина» // ПИ 1925. 20 мая. № 113. С. 3.

²⁴ Таммери А. Юбилей декларации Бальфура // ПИ 1925. 4 нояб. № 254, с. 3.

²⁵ Таммери А. Акт в еврейской гимназии // ПИ 1925. 2 апр. № 76. С. 3.

²⁶ Объявление. [Торжественное открытие съезда представителей всех общин Эстонии] // ПИ 1925. 30 мая. № 122, С. 4; Таммери А. Съезд евреев. Вопрос о культурной автономии // ПИ 1925. 5 июня. № 123. С. 3.

²⁷ А. Б. В еврейском клубе // ПИ 1925. 27 янв. № 21. С. 2; Рев. лит. о-во им. Х.Н. Бялика. Беседа с председателем о-ва Рохлиным // ВД. 1926. 22 нояб. № 53. С. 2; Лекция о еврейской литературе // ВД. 1926. 2 дек. № 63. С. 2.

²⁸ А. Моревский // ВД. 1926. 15 окт. № 15. С. Доклад в клубе Бялика «Театр и евреи». А. Моревский о театре // ВД. 1926. 20 окт. № 20. С. 4.

²⁹ Библиография // Свободное слово. 1921. 22 апр. № 5. С. 4.

³⁰ Скорик, Кармела. Евреи и театр Латвии // Евреи в меняющемся мире. III. Рига, 2000. С. 292-296.

³¹ Объявление [Литературно-художественный вечер известного еврейского писателя Д. Бергельсона] // ПИ 1925. 12 нояб. № 261. С. 4.

³² Бакструп А. Еврейский клуб в Юрьеве // ПИ 1925. 21 мая. № 114, с. 4.

³³ К. И-н. (Иоктон). Еврейский любительский кружок. // ПИ 1926. 18 апр. № 85. С. 4; Соркин С. Бенефис М.Ш. Хасина // ПИ 1926. 20 апр. № 86. С. 3; III. Открытие сезона в юрьевском еврейском театре // ПИ. 1926. 25 сент. № 216. С. 3.

³⁴ Таммери А. Автономия еврейского меньшинства // ПИ 1926. 10 янв. № 6. С. 4.

³⁵ Объявление [«Как строится Палестина»] // ПИ 1926. 26 февр. № 45. С. 4; Л. Яффе в Ревеле // ПИ 1926. 28 февр. № 47. С. 3. Портр.; Г. Тарасов. Л. Яффе и его миссия // ПИ 1926. 2 мар. № 48, С. 3; А. Д. Встреча Л. Яффе в Ревеле // ПИ 1926. 2 мар. № 48. С. 3; Прощальный вечер с Яффе в еврейской гимназии // ПИ 1926. 6 мар. № 52. С. 3, 4.

³⁶ Яффе Л. У Западной стены // ПИ 1926. 2 мар. № 48. С. 2.

³⁷ Юрьев. Приезд Л. Яффе // ПИ 1926. 2 мар. № 48. С. 4; Таммери А. Чествование Л.Б. Яффе // ПИ 1926. 3 мар. № 49. С. 3.

³⁸ Большой палестинский митинг с выступлением Л.Б. Яффе // ПИ 1926. 28 мая. № 114. С. 4.

³⁹ Таммери А. Открытие еврейского культурного совета // ПИ 1926. 9 июня. № 124. С. 3.

⁴⁰ «Апология ассимиляции» // ПИ 1926. 23 июня. № 136. С. 4; Таммери А. Кризис еврейства в Восточной Европе. Доклад д-ра Шехтмана // ПИ 1926. 27 июня. № 139. С. 3.

⁴¹ Приезд д-ра Левинского в Ревель // ВД. 1926. 30 нояб. № 61. С. 1.

⁴² Борман Эм. Гастроль рижского еврейского народного театра // ПИ 1926. 23 июля. № 161. С. 3; 24 июля, № 162. С. 3; 27 июля. № 164. С. 3; 30 июля. № 167. С. 3; III. Открытие сезона в юрьевском еврейском театре // ПИ. 1926. 25 сент. № 216. С. 3.

Summary

Cultural Chronicle of Estonian Jews in the Russian newspaper «Polslenije Izvestia» in the period of Preparation for Piloting of Cultural Autonomy

On the 12th February 1925 in Estonian Republic was declared a law about cultural autonomy for national minorities. One of important tools uniting Jews in that period was clever agitation invoking inner and outer resources. A major role in the period of preparation for the introduction of the Jewish cultural autonomy was played by Russian press. Largest daily Russian newspaper of these days «Poslednije Izvestija» became a tribune for popularization the law about cultural autonomy for two national minorities – Russians and Jews. For two years on its pages all major cultural events, which helped to self-identity Jews as a national minority in Estonia with the legitimate right for cultural identification, were reflected.

*Валерий Гессен (Санкт-Петербург)***Борьба властей с хасидами в Ленинграде в 1920–1960-х гг.
(по архивным материалам)**

Перед большевистским переворотом в 1917 г. в Петрограде было примерно 30 еврейских религиозных учреждений, из них 15 официально разрешенных: Хоральная синагога (ПХС), остальные – молельни. Из общего числа последних 10 хасидские. После 1917 г. все религиозные учреждения были закрыты властями. Они лишились права собственности на помещения и имущество, которые теперь находились в распоряжении райисполкомов. И каждое это учреждение самостоятельно боролось за свое существование. Группы верующих должны были создавать общества, которые разрабатывали устав на основе инструкций, образовывали правления с числом членов не менее 20 чел., называвшиеся «двадцатками», затем регистрировались районными властями. После этого они могли функционировать, создавать молельни, арендовать выделенные властями помещения, использовать имущество – в основном то, которое было в их собственности до 1918 г. Всего в Ленинграде в 1918–1929 гг. было зарегистрировано 22 еврейских религиозных учреждения. Из них больше половины хасидских. Все общества входили в состав Ленинградской еврейской религиозной общины (ЛЕРО), пока власти ее не закрыли в 1929 г. К 1938 г. все еврейские молельни были ликвидированы, действующей оставалась только Ленинградская Хоральная синагога (ЛХС).

Первым было создано хасидское общество «Мидрош-Шмуэль», целью которого являлось «проведение молитвенных собраний лиц иудейского вероисповедания». В перечне его учредителей было 50 человек, которые создали «двадцатку» с председателем Е. Фальтиновичем. Потом им стал С.А. Трайнин. Он являлся в прошлом руководителем хасидской общины Петербурга, был купцом, владел заводом и зданием (Рижский пр., 48), в одном из помещений которого расположилось на правах аренды это общество. Сам С.А. Трайнин был теперь записан в списках его членов жестянщиком, жившим в одной из квартир. Райисполком 15 сентября 1922 г. выдал «Удосто-

верение» на право занятия «под молитвенный дом вполне пригодного помещения» и вскоре власти губернии зарегистрировали его в виде «прихода»¹. Потом это общество, как и все другие, ежегодно подлежало перерегистрации на основе новых инструкций, все более ущемлявших их права. Им запрещалось заниматься коммерческой деятельностью, продавать места в молитвенных залах, устанавливать для прихожан какие-либо обязательные взносы. Все это при отсутствии солидных жертвователей ставило их в безвыходное положение. Не хватало средств на покрытие расходов. И руководству общества приходилось нарушать инструкции, ставя себя под удар. Запрещалась благотворительность, которая рассматривалась большевиками как тягчайшее преступление².

В 1924–1927 гг., с переездом в Ленинград из Ростова-на-Дону И.Ш. Шнеерсона – руководителя верующих, принадлежавших к Любавичскому движению в хасидизме (Хабад), этот город стал центром их деятельности. В нем и в пригороде Новая Деревня поселились многие хасиды, открыли здесь нелегальные хедеры и иешиву (в русской традиции – ешибот), издавали религиозную литературу. Правление общества «Мидрош-Шмуэль» 15 июня 1924 г. направило в райисполком просьбу об утверждении его (проживавшего на ул. Пестеля, 12/22, кв. 10) духовным раввином молельни. К ней был приложен документ, составленный на русском языке и иврите: «С Божьей помощью. Мы, нижеподписавшиеся, прихожане молитвенных домов “Эрец-Исраэль”, “Сохорим хозод” и “Мидраш-Шмуэль” единогласно постановили поставить над нами Раввина Ребе Иосифа сына Любавического Ребе из дома Шнеерсона в качестве духовного Раввина-Наставника во всех духовных законах, лектора по вопросам философии Еврейской религии, проливающей свой свет на все религиозные Законы и возбуждающей в душе слушателей любовь к Богу и человечеству. Вместе с тем мы обязуемся предоставить ему жалование в сумме 150 руб. в месяц, за счет общества соответствующую квартиру для семьи и нужный ему кабинет для ученых трудов, а также помещение для молитвенных собраний. Под всем этим мы подписываемся во вторник второго Шват пять тысяч шестьсот восемьдесят четвертого года (1924)»³.

Просьба была удовлетворена, составлена «Регистрационная карточка И.Ш. Шнеерсона». В ней отмечено, что ему тогда было 53 года, т.е. получается, что он родился в 1871 г.⁴ В литературе же указано, что он родился в 1880 г., так что ему в 1924 г. могло быть 43 года. Что же правильно? На обороте карточки указано, что 12 августа 1924 г. он был зарегистрирован «в качестве духовного раввина молельни “Мидраш-Шмуэль”». Но недолго существовало это общество. И правление здания, где оно находились, в конце 1925 г. сообщило, что «в занимаемом прежде религиозным обществом помещении находится Красный уголок профсоюза коммунальных работников». На основе этого Московско-Нарвский райисполком сообщил в Адмотдел Ленгорисполкома, что при проверке 15 ноября 1925 г. этого общества в указанном здании не оказалось, и поэтому просил снять его с регистрации. Главная причина этого была в том, что в конце 1924 г. умер С.А. Трайнин. Он тогда уже ничем не владел, но арендовал бывший свой завод, имел доходы, на которые содержал молельню, материально обеспечил приезд в Ленинград и начало деятельности И.Ш. Шнеерсона. А после его смерти этот источник средств иссяк, прихожанам было не под силу выплачивать арендную плату за занимаемое помещение, а, может быть, власти их просто изгнали. «Мидраш-Шмуэль» упоминался в списке действующих еврейских религиозных организаций в 1926 г. без указания адреса. Вероятно, верующие тогда собирались на квартире И.Ш. Шнеерсона, в его домашней молельне, пока он не был арестован. Молельня «Эрец-Исраэль» была отмечена в этом списке, а так же и в составленном в 1928 г. Но больше никаких сведений о ней не обнаружено. Упомянутая молельня «Сохорим хозод» ни в каких других документах не значится, так как находилась в помещении Малой синагоги, которая была частью ЛХС. В ней еще с 1893 г. помещалась Купеческая хасидская молельня. Хасиды за подписью С.А. Трайнина в 1910-х гг. подали прошение губернатору столицы о желании выделиться. Он запросил по этому поводу правление Петербургской еврейской общины. Но оттуда пришло «отрицательное мнение»⁵.

Первые сведения об обществе «Шаарей-Цион» относятся к 1922 г., когда группа верующих обратилась в райсовет с

просьбой разрешить проведение собрание. В январе 1923 г. было выбрано правление во главе с И.М. Камразом. И 1 февраля 1923 г. общество было зарегистрировано. Правление обязалось «беречь народное достояние, не допускать политических собраний, раздачи враждебных книг, произнесения проповедей против Советской власти, исправно платить за помещение». Арендованное здание находилось в плохом состоянии, и райисполком надеялся, что за время аренды верующие приведут его в надлежащий вид. Но у них необходимых для этого средств не имелось. Поэтому пожарная охрана постоянно предлагала договор на аренду расторгнуть. Райисполком разрешил евреям здесь молиться временно. Затем выделил помещение на ул. Рылеева, 3/5, где из-за тесноты они не смогли разместить часть своего имущества⁶. Но и там общество продолжало подвергаться нападкам. В 1930 г. оно подало заявление о перерегистрации. Договор на аренду квартиры районные власти согласились продлить на короткий срок. На нее стало претендовать управление Торгового порта. У общества стали забирать отдельные комнаты, ужесточались условия аренды. В 1936 г. райисполком решил покончить с этой хасидской молельней – последним еврейским религиозным учреждением, существовавшим в городе, помимо ЛХС. Это поддержал Президиумом Леноблисполкома и 25 марта 1937 г. ВЦИК принял постановление о ее закрытии⁷.

История хасидского общества «Цемех-Цедек» началась с собрания его учредителей в 1926 г. Для его регистрации были избраны уполномоченные, составлен список членов – 133 чел. Устав утвердили в 1927 г. И это было последнее с 1918 г. разрешение на возникновение нового еврейского религиозного общества в Ленинграде. Как и все подобные организации, оно находилось под постоянным контролем райисполкома, должно было информировать его обо всех своих действиях. Обследования и проверки следовали одни за другими. Общество арендовало помещение в двухэтажном флигеле, находившемся во дворе дома 51 по ул. Жуковского. Договор аренды подписали в 1923 г. на 8 лет. Но, не дожидаясь окончания этого срока, районные власти решили выселить общество, на что его членами была подана жалоба. Как ни странно, Ленсовет запретил выселение. Но райисполком начал отобрать

помещение по частям. В последующее время явно проводились аресты прихожан. Они посылали жалобы, писали, что «закрытие нашей единственной в городе хасидской молельни, обслуживающей культовые нужды более 50 тысяч верующих хасидского толка, было бы большим горем и моральным несчастьем для этих верующих». В 1932 г. помещение было опечатано сотрудниками райисполкома, составлен акт о приеме ими имущества, кроме религиозной части, отданной хасидам в виде особой милости⁸.

Общество «Яков-Бейс» фактически существовало с 15 августа 1920 г., когда верующие арендовали помещение (Щербаков пер., 10/32, кв. 2). Они подали заявление на регистрацию, в котором писали, что «хасидизму изначально присущ демократизм», что ему чужда пышность обрядов, формализм и мелочность в их проведении, что основу его составляет «простолюдин, проникнутый верой в Бога и умеющий молиться». Зарегистрировано общество было в 1923 г. с разрешением проводить моления. Однако вскоре ему было запрещено арендовать указанное помещение. В 1926 г. оно временно находилось в доме 1/3 по Б. Московской ул. в бывшей мусульманской молельне. Потом разрешили на год арендовать помещение на В.О., 6-я линия, 55. В составленном в Исполкоме Ленсовета «Списке закрытых и функционирующих церквей и религиозных обществ» на 1 января 1933 г. указано, что оно «функционировало без места», некоторое время находилось на «Городском рынке», а затем было ликвидировано⁹.

Репрессии властей в отношении хасидских религиозных обществ сопровождались преследованиями их руководителей, а также многих простых молящихся. 14 июня 1927 г. в ОГПУ было подписано «Постановление», в котором указывалось, что И.Ш. Шнеерсон «занимается активной антисоветской работой и является членом антисоветской подпольной группировки». Там утверждалось, что он вместе с Х.Р. Либерманом является «главными руководителями религиозной группы евреев-хасидов». Было сказано, что они «организовали нелегально хедеры и ешиботы, финансируя их путем обложения налогом евреев СССР», установили связи с иностранной буржуазией. «получая от нее громадные суммы денег для означенной работы». На основе этого было выдано предписание на обыск

квартиры И.Ш. Шнеерсона, где он жил с матерью, женой и двумя дочерьми, и на арест. В составленной «Анкете» был указан его возраст – 56 лет, записано, что он родился в мае 1871 г., т.е. так, как это следовало из упомянутой выше «Регистрационной карточки». На первом допросе следователь интересовался его политическими убеждениями, которые он характеризовал как «религиозные». Сказал: «В Ленинград я приехал в 1924 г., занимаюсь исключительно учением “Хасидес” и другими не интересуюсь. В хасидском кругу я пользуюсь авторитетом по его знанию. Переписку, которую я получаю или же посылаю, отправляю только почтой. Другими путями отправка почты мною не производилась. Непосредственного руководства по организации ешиботов я не имею, но существованию таковых сочувствовал бы. На религиозные нужды я никаких денег не получаю». Проходивший по этому делу как свидетель, а, наверное, уже арестованный, Я.А. Сорин говорил, что И.Ш. Шнеерсона в Ростове-на-Дону в 1921 г. несколько раз вызывали в ЧК, что там «неоднократно возбуждался вопрос о выселении его на Север. Тогда же там состоялся показательный суд над ешиботом, возглавляемый Шнеерсоном, и было постановлено закрыть его». Он его ликвидировал и разделил обучавшихся на две части, из которых одна направилась в Полтаву, а другая в Харьков. Там они продолжали существовать до 1924 г., когда были переведены в Невель. Сорин утверждал, что они содержались на средства, которые он собирал среди его приверженцев в пределах СССР, а так же «среди почитателей за границей». Что в каждом большом городе находился сборщик средств, который пересылал их в Ленинград. Он несколько раз получал и отправлял нелегальным путем письма через Польское посольство, а в 1924–1925 гг. через Эстонскую миссию. На «Обвинительном заключении» И.Ш. Шнеерсон написал: «Обвинения, мне предъявленного 21 июня 1927 г., я не признал, так как указанное в этом обвинении мною не было сделано». По некоторым данным, вначале ему был вынесен смертный приговор, замененный 10-летним пребыванием в Соловецком лагере. В протоколе № 2 заседания Тройки при ОГПУ ЛВО от 27 июня 1927 г. было записано о высылке на три года: Либермана Х.Р. в Тамбов, Шнеерсона И.Ш. в Кострому. На перроне вокзала перед

отправкой он произнес речь, в которой, в частности, сказал: «Не по своей воле ушли мы из Святой Земли, и не своими силами мы вернемся в Страну Израиля. Наш Отец изгнал нас, Он же, Благословенный, освободит и соберет нас с четырех концов света. И поведет с поднятой головою к Святой Земле с праведным освободителем Машиахом в скором будущем. Но все народы на земле должны знать: лишь тела наши были преданы изгнанию и порабощению чужими властями. Но души наши не были изгнаны и в подчинение этим властям не преданы». Однако, как известно, ссылка в Кострому под давлением международного общественного мнения была недолгой – всего восемь дней. И, действительно, 11 июля 1927 г. Коллегия ОГПУ постановила: высылку отменить, «Шнеерсону И.Ш. разрешить свободное проживание по территории СССР». После этого ему было разрешено с семьей и шестью соратниками покинуть ее. И за рубежом он еще более развернул свою религиозную деятельность¹⁰.

В 1933 г. Ф.Ш. Эстрин – председатель «двадцатки» ЛХС – пригласил минского раввина М.А. Глускина переехать в Ленинград. В начале 1934 г. он приехал и попал обстановку постоянных проверок и вызовов в райисполком, был лишен властями возможности проживать в здании синагоги, как это было заранее оговорено. Он не выдержал этого и в ноябре 1936 г. умер, фактически от репрессий¹¹. А официально тогда первым был репрессирован Л.М. Бобровский, который в 1935 г. осужден на 5 лет ИТЛ. В 1937 г. арестовали А.Н. Свердлова и Н.Л. Требника, приговоренных к 10 годам ИТЛ¹².

Наиболее крупным является следственное дело, которое мы называем «Хасидским», хотя оно явилось враждебным действием властей против иудейской религии в целом. Непосредственно по нему проходило 20 чел., из которых 30 декабря 1937 г. арестовали двух (Я.М. Голубчик и Х.М. Эпштейн), 3 февраля 1938 г. 10 чел. (П.Э. Альтгауз, Ш.Ш. Гольд, Л.И. Иосфин, С.Д. Каценеленбоген – сын к тому времени умершего раввина Д.Г. Каценеленбогена, Б.А. Кузнецов, Э.Г. Морозов, И.Б. Раскин, М.И. Фридман, Ш.Ш. Фридман и Ф.Ш. Эстрин), 26 февраля 1938 г. 8 чел. (Г.Д. Зобин, М.П. Лейн, И.Н. Локшин, С.Х. Морозов, М.Ш. Сосенко, Х.Ш. Сосенко, М.Я. Цинман и Ш.З. Эсин). Были также арес-

тованы Болотников, Лейкинд и Я.Ш. Гутерман, следственные дела которых рассматривались отдельно. Делались запросы в адресное бюро на ряд лиц, которых предполагалось арестовать: И. Лейна, П. и М. Морозовых, С. Мочкина, Оберсина, О. Сосенко, Шмукельмана.

Основными обвиняемыми считались И.Б. Раскин, Э.Г. Морозов и Ф.Ш. Эстрин. В постановлении об избрании меры пресечения И.Б. Раскина – служителя культа, резника, члена «двадцатки» – указывалось, что он «является активным участником контрреволюционной организации клерикалов, высказывал террористические настроения». На допросе он признал, что занимался обрезанием еврейских детей, является «участником секты хасидов, возглавляемой цадилом Шнеерсоном», с которым хорошо знаком. Его брат Лейба жил в Варшаве и был «одним из приближенных Шнеерсона». Отрицал свою связь с ним, а позже (видимо после физического воздействия) признал, что имел ее до 1935 г. «Потом прекратил, чтобы не компрометировать себя. И ее вел мой отец Бен-Цион Раскин». Вынужден был также признать, что в своих письмах за рубеж «сообщал клевету о положении евреев в СССР. Писал, что религиозные евреи в СССР преследуются, синагоги закрываются властями, что власти ликвидируют бассейн для ритуального омовения – “Микву” и благочестивым евреям негде будет смывать свои грехи». Говорил о выполнении указаний, которые он и Э.Г. Морозов получали от Шнеерсона, сводившиеся к тому, что хасиды «должны организовать, друг другу помогать с тем, чтобы не дать властям возможности прекратить существование нашей секты». «Я, как и Морозов, всячески помогали нашим сектантам, всегда их поддерживали, доказывали, что скоро настанут лучшие времена, когда мы сумеем свободно молиться, не боясь преследований. Мы, в данном случае, предполагали неизбежность падения советской власти». Средства для деятельности собирали в синагоге. Кроме того, во время пушного аукциона в Ленинграде получили от «английского пушного купца» Кестенбаума пожертвование для этих целей – 100 фунтов стерлингов, о чем с ним договорился раввин Глускин. «Получил же эти деньги я лично в его номере в гостинице “Астория”». В следующий его приезд в Ленинград в 1937 г. И.Б. Раскин обратился с

просьбой оказать материальную помощь промтоварной посылкой – ему и ряду других активных религиозных хасидов. Вынужден был признать, что в этом участвовали Э.Г. Морозов и Ф.Ш. Эстрин, что поручили Ш. Гольду собрать адреса в молельне «Шаарей-Цион». Признал также встречи с представителем Шнеерсона – М. Дубиным, бывшим депутатом латвийского сейма, во многом, благодаря ходатайству которого, И.Ш. Шнеерсону было разрешено выехать из СССР. Тот тогда заявил, что имеет возможность достать несколько виз для хасидов, желающих уехать в Палестину, и просил порекомендовать их ему. Следователь вынудил И.Б. Раскина признать проведение в его квартире собраний хасидов, которые именовал «сборищами» и заставлял его так их называть, что на них «обсуждали вопросы политики советской власти в контрреволюционном националистическом духе. Мы считали, что советская власть притесняет нас, как религиозных евреев. Поэтому мы, и я в том числе, говорили, что единственное для нас спасение, – это покрепче объединяться. Мы обсуждали вопросы запрещения советской властью хедеров и ешиботов. Считали, что этим советская власть ведет к ликвидации еврейской нации. Поэтому мы всячески препятствовали этому, обучая наших детей нелегально»¹³.

Во время допросов был выяснено, что молодые хасиды входили в «контрреволюционную националистическую организацию верующей еврейской молодежи “Тиферес-Бахурим”». Она была создана Ф.Ш. Эстриным, Э.Г. Морозовым и И.Б. Раскиным, которые помогали ей. Так, Эстрин предоставлял помещение ЛХС для ее «нелегальных сборищ». Он обвинялся и в том, что в молельне «Шаарей-Цион» и в Доме омовения на кладбище выступал за сбор средств для поддержки голодающих неофитов, проживавших в Воронежской обл.¹⁴ М.Б. Гинзбург, тогда член «двадцатки» и по «Хасидскому делу» проходивший как свидетель, показал, что числящиеся сторожами ЛХС М.А. Димант (потом завхоз), С.А. Кригер, А.Р. Лубанов и Х.Р. Наборосин фактически являются раввинами, и им помогает Ф.Ш. Эстрин, который выступал за создание Ваада. Последний, как и многие другие арестованные, определенное время отрицал все обвинения, и вдруг – наверное, после мощных ударов следователей – начал со всеми ими соглашаться.

Один из обвиняемых признал, что в сионистскую организацию вступил еще в 1906 г., в 1920-х гг. был членом ОПЕ, руководимого сионистами В. Гуревичем и Я.Б. Эйгером. Сионистски настроенными интеллигентами считал ряд еврейских деятелей: микробиолога В.И. Иоффе – зятя раввина Д.Г. Каценеленбогена, психиатра Н.Ш. Шварца, еврейского ученого И.И. Равребе, инженера П.Х. Смоткина, студента арабского отделения ЛГУ И. Гринберга, еврейского ученого и общественного деятеля С.Г. Лозинского, химика и знатока еврейской литературы С.Л. Цинберга. Особенно подробно говорил о последнем, как о руководителе кружка, в который входили указанные лица. Более того, вынужден был признать, что «сборища у Цинберга имели ярко выраженный контрреволюционный характер», что с ними имел связь раввин М.А. Глускин, Ф.Ш. Эстрин, Э.Г. Морозов и Я.М. Гутерман. Все это сыграло определенную роль в трагической судьбе многих из них. Этот обвиняемый также показал, что в 1926 г. участвовал в деятельности подпольного хедера (раввин Х.М. Эпштейн), потом Талмуд-Торы, подпольного ешибота «Томхей-Тмимим». И все это создавалось по указанию И.Ш. Шнеерсона. Средства собирал Ш. Гольд. В следственном деле упоминается ряд других лиц, находившихся за пределами СССР, которые были связаны с хасидами Ленинграда, в том числе бывший раввин М.Г. Айзенштадт.

20 марта 1938 г. 11 обвиняемых приговорили к расстрелу: П.Э. Альтгауз, Я.М. Голубчик, Ш.Ш. Гольд, Г.Д. Зобин, С.Д. Каценеленбоген, Б.А. Кузнецов, Э.Г. Морозов, И.Б. Раскин, М.И. Фридман, Х.М. Эпштейн и Ф.Ш. Эстрин. Остальные получили по 10 лет ИТЛ. Родственникам о расстреле ничего не сообщили, что следует из письма от 25 мая 1992 г., которое С. Раскина – дочь И.Б. Раскина – послала Прокурору РФ: «После ареста отца в течение трех месяцев принимали по 60 руб. А потом нам сказали, что он осужден на 10 лет и выслан на Дальний Восток без права переписки. После этого мы не имели от него никаких известий. Очень просим сообщить о его участи». Из Прокуратуры ей ответили, что он был расстрелян, захоронение расстрелянных в 1938 г. производилось на кладбище железнодорожной станции Левашево под Ленинградом. Ей направлялась справка о реабилитации, составлен-

ная в соответствии с постановлением Ленгорсуда от 3 апреля 1959 г.¹⁵ Тогда и была произведена реабилитация всех осужденных по «Хасидскому делу». Но еще раньше были реабилитированы лица, «принадлежавшие к “Тиферес-Бахурим”».

Л.И. Иосфин, осужденный на 10 лет ИТЛ, 10 мая 1939 г. подал жалобу на имя Генерального Прокурора СССР. В ней он писал, что во время следствия «подвергался угрозам, меня материли. Против меня были применены меры жестокого воздействия. И я был вынужден подписать липовый материал. Фактом этих жестокостей может служить мое трехнедельное пребывание в больнице им. Газа при пересыльной тюрьме». Просил пересмотреть его дело. Такие же жалобы посылали братья Сосенко, М.П. Лейн, И.Н. Локшин, Ш.Ш. Фридман, М.Я. Цинман, Ш.З. Эсин. Но никаких положительных результатов это не дало. И.Ш. Иосфин – отец Л.И. Иосфина – писал И.В. Сталину, что его сын «получил увечье – травму головы на допросах», но все напрасно. И.Ш. Иосфину посоветовали из Москвы прислать вроде справки о том, что его сын истинно советский человек. Он подготовил ее, собрал 30 подписей лиц, знавших сына. Но его не освободили, срок не сократили. Это подтверждается «Справкой», которую Л.И. Иосфин получил в 1971 г. В ней указывалось, что он провел в лагерях 10 лет.

После ареста Ф.Ш. Эстрина председателем «двадцатки» в начале 1938 г. избрали упомянутого М.Б. Гинзбурга. Но его арестовали, и им стал Я.И. Рояк. Однако вскоре М.Б. Гинзбург оказался на воле и направил властям жалобу. Писал, что его лишили права быть избранным на какую-либо работу в «двадцатке», утверждал, что до ареста выполнял все указания Райисполкома: «удалил из синагоги все ритуалы: резку птицы, обрезание, венчание, разводы и прочие атрибуты. Гарантирую, что за время моего пребывания не было выступлений раввинов и магидов, а если они начинались, то немедленно воспрещались». В 1942 г. за «активную антисоветскую пропаганду» он был осужден к высылке в административном порядке в Новосибирскую обл.¹⁶

Что касается А.Р. Лубанова, то в постановлении НКВД от 28 августа 1941 г. указано, что он, «считается в настоящее время “святым отцом” хасидов города, антисоветски настроен, по существу является нелегальным раввином города,

скрывающимся под маской сторожа синагоги. А поэтому выселяется за пределы Ленинграда». Однако в условиях блокады этот приговор сразу не удалось привести в исполнение. А 10 июля 1942 г. выселение было отменено в связи с тем, что его сын служил в РККА. В 1942 г. Лубанова судили по формулировке «за халатное исполнение служебных обязанностей», но в чем это заключалось в действительности, неизвестно. Он был арестован в 1951 г. и заключен в тюрьму на 5 лет. Пробыл в ней три года¹⁷.

Второго сына раввина Д.Г. Каценеленбогена – Г.Д. Каценеленбогена – арестовали в 1938 г., определили содержание в ИТЛ на 5 лет. Он умер в 1942 г. в Усольском ИТЛ. В 1934 г. арестовали А.М. Зархина, ставшего впоследствии в Израиле известным химиком. Он, как раньше и его отец, посещали хасидские молельни. На его квартире встречались еврейские интеллигенты, включая поэта на иврите Х. Ленского, также арестованного в те годы и погибшего в концлагере. А.М. Зархин был осужден в 1935 г. на 5 лет ИТЛ. Глубоко религиозной была семья востоковеда М.И. Тубянского. Он был арестован в 1937 г. и приговорен к расстрелу. Большую роль в хасидском движении Ленинграда сыграли представители семьи Медалье. Один из них – А.Л. Медалье – был арестован в 1951 г. Осужден на 7 лет ИТЛ. Освобожден в 1956 г.¹⁸

Староста ЛХС Г.Д. Печерский обратился к властям за разрешением организовать курсы по изучению еврейской истории и иврита. Прощение отклонили, а его в 1961 г. арестовали. Он был осужден на 12 лет ИТК усиленного режима. В 1964 г. срок сократили до 7 лет. По этому делу арестовали Н.А. Каганова (7 лет лишения свободы) и Е.Ш. Дынкина (4 года). Считается, что это был первый антиссионистский процесс после 1953 г.

Примечания

¹ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 35. Л. 1, 4; Ф. 104. Оп. 2. Д. 36. Л. 1, 2, 3.

² Там же. Ф. 104. Оп. 2. Д. 36. Л. 4, 8; Ф. 1001. Оп. 8. Д. 35. Л. 2.

³ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4. С. 777; ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 36. Л. 6, 7.

⁴ Там же. Л. 5, 5 об.

⁵ Там же. Л. 12–14; Ф. 1001. Оп. 8. Д. 35. Л. 18, 19; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 29. Л. 13; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 38. Л. 1; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 178. Л. 123, 133; ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Д. 11044. Л. 2.

- ⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 27. Л. 4, 15, 16; Д. 143. Л. 1, 3, 11, 17–20, 53; Д. 263. Л. 1, 4; Д. 330. Л. 8, 16, 25, 50, 52.
- ⁷ Там же. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 77. Л. 66; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 133. Л. 8, 13, 18, 37, 40, 44, 92, 100, 103, 109, 161; Ф. 9620. Оп. 2. Д. 1. Л. 12, 32.
- ⁸ Там же. Ф. 100. Оп. 48. Д. 77. Л. 3, 10; Ф. 1000. Оп. 48. Д. 77. Л. 10, 13, 66; Оп. 65. Д. 28. Л. 27; Оп. 68. Д. 46. Л. 13, 26; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 26. Л. 1, 3; Д. 222. Л. 1–5, 66, 87, 94, 112–124, 128–130, 137; Ф. 9620. Оп. 2. Д. 1. Л. 32.
- ⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 13. Д. 13. Л. 116; Ф. 1001. Оп. 8. Д. 4. Л. 1–7, 10, 13–17, 21, 25; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 22. Л. 222; Д. 29. Л. 10–13, 16, 17, 24–26, 37, 41, 43, 51; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 31. Л. 1, 3.
- ¹⁰ Архив УФСБ по СПб. и области. Д. П-82240. Л. 2–28.
- ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 4914. Оп. 3. Д. 10. Л. 123, 127.
- ¹² УМБ по СПб. и области. Письмо. № 10/16-10855. 1993. 11 октября. С. 1; Письмо. № 10/35-Г-2273. 2001. 26 октября. С. 3, 4.
- ¹³ Архив УФСБ по СПб. и области. Д. П-47761. Т. 1. Л. 1–333; Т. 2. Л. 1–261; Бассейн «Миква» находился в специально построенном на средства евреев здании (Наб. р. Мойки, 140).
- ¹⁴ В данном случае это т.н. геры (иудействующие): немногочисленная группа русских по этническому происхождению, которые выделились в начале XIX в. из секты субботников. В конце XX в часть их выехала в Израиль.
- ¹⁵ Прокурору РФ. Письмо. 1992. 25 мая; Письмо. № 13/3-2159. 1994. 29 марта.
- ¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 40. Л. 4, 6; УМБ по СПб. и области. Письмо. № 10/35-Г-2273. 2001. 26 октября. С. 1.
- ¹⁷ Архив ГУВД СПб. и области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 2. 11/32340. Л. 21, 78, 79, 81; УМБ по СПб. и области. Письмо. № 10/16-10855. 1993. 11 октября. С. 3; Письмо. № 10/35-Г-2273. 2001. 26 октября. С. 2.
- ¹⁸ Там же. Письмо. № 10/16-10855. 1993. 11 октября. С. 3; Письмо. № 10/35-Г-2273. 2001. 26 октября. С. 6–10.

Summary

Valeri Gessen (Saint-Petersburg)

**The struggle of the soviet authorities against the Hasidim
in Leningrad in 1920–1960 years**

(On archival materials)

On the basis of archival materials, the history of the struggle of the Soviet retaliatory bodies against the Hasidim - representatives of one of directions in Judaism - is considered. In the beginning of the 1920s, the Soviet authorities permitted the creation of Hasidic societies, but afterwards all of them were liquidated. The repressions were primarily directed towards the Hasidic leadership. However, many simple Hasidim had suffered as well. Especially cruel stroke was given on the Hasidim in 1938, when 11 people had been shot.

*Елена Генина (Кемерово)***Судьба раввина И.Б. Рапопорта в контексте кампании по борьбе с космополитизмом в Кузбассе**

Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. захватила кузбасский город Сталинск (ныне – Новокузнецк). В отдаленном от центра промышленном регионе возникло так называемое «дело КМК», когда в причастности к нелегальной еврейской синагоге обвинили ряд руководящих работников Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина¹. Участь репрессированных разделил раввин И. Б. Рапопорт.

После прибытия евреев из западных районов СССР (прежде всего польских евреев) в начале Великой Отечественной войны в Сталинске сосредоточилось значительное число лиц еврейской национальности. В 1942 г. пожилые евреи из числа прибывших в одном из барачков Нижней Колонии, расположенном напротив стадиона «Металлург», начали проводить молитвенные собрания. Впоследствии в секретной «Справке о националистической деятельности среди евреев» от 18 июля 1950 г., составленной и.о. начальника Сталинского городского отдела МГБ подполковником Б.М. Морковкиным, речь шла о «синагоге, не зарегистрированной в городском Совете»². Старик-еврей и присоединившаяся к ним молодежь совершали религиозные обряды, собираясь по субботам и религиозным праздникам. В проповедях содержался призыв к борьбе с немецкими оккупантами и отсутствовали антисоветские высказывания. Проводились денежные сборы в помощь эвакуированным.

В 1946 г. содержавшие синагогу польские евреи выехали на родину, продав религиозные книги, написанные на древнееврейском языке, И.Б. Рапопорту. Известно, что Израиль Беркович Рапопорт³ родился в 1886 г. в Винницкой области. Первоначально он был рабочим, а затем в 1929 г. переехал в колхоз той же области, где работал плотником. С началом войны эвакуирован в Сталинск. Теперь молитвенные собрания продолжались в квартире И.Б. Рапопорта по адресу: ул. Коминтерна, дом 7, кв. 43. Кантором стал Я.М. Левенсон, 1880 года рождения, уроженец Утены Литовской ССР. Деятельность си-

нагоги по-прежнему заключалась в отправлении религиозных обрядов, собирались деньги для оказания помощи евреям, в том числе вышедшим из заключения или семьям арестованных. В конце 1940-х гг. еврейская община направила от имени более чем 70 активных членов делегацию в Москву, чтобы приветствовать первого посла Израиля в СССР Г. Меир. Горотдел МГБ с 1942 г. по 1948 г. проводил наблюдение за синагогой, однако ничего «контрреволюционного» установлено не было⁴.

В связи с началом известной кампании синагога оказалась в центре внимания городского отдела МГБ и местных партийных органов. В ноябре 1949 г. ее существование в квартире И. Б. Рапопорта «обнаружили» Молотовский райком ВКП(б) и Молотовский райисполком Сталинска. Молотовский райисполком 22 ноября 1949 г. принял решение о закрытии. Последовало и решение райисполкома о выселении семьи Рапопорт из квартиры «за допущенные нарушения установленных правил распорядка в жилом коммунальном фонде»⁵.

В свою очередь, Молотовский райком партии, получив сведения об участии в синагоге коммунистов, работавших в Орджоникидзевском районе города, принял «необходимые меры». Письмом от 23 ноября 1949 г. он сообщил Орджоникидзевскому райкому ВКП(б) об участии в синагоге Иды и Семена Рапопорт, работников КМК С.З. Аршавского, М.М. Эпштейна, И.С. Хавкина и Я.С. Пинуса. Одновременно Молотовский райком партии проинформировал о последних событиях Сталинский горком ВКП(б). Упомянутых в письме коммунистов вызвали для объяснений в Орджоникидзевский райком ВКП(б), а затем их персональные «дела» последовательно обсуждались в первичных партийных организациях, парткоме КМК, райкоме и горкоме партии⁶. Постепенно выявлялись все новые подробности о синагоге, круг ее участников-коммунистов расширялся, а деятельность приобретала «враждебную направленность». Таким образом, ноябрь 1949 г. с полным правом можно считать точкой отсчета «дела КМК» и поворотным в судьбе И.Б. Рапопорта.

Один из провинившихся коммунистов – И.Н. Юдкин, работавший начальником углеподготовки коксового цеха КМК, был вынужден написать объяснение на имя секретаря Орджоникидзевского райкома ВКП(б) Б.Ф. Синякова 24 янва-

ря 1950 г. Работник комбината сообщал, что еще в 1948 г. к нему домой явился И.Б. Рапопорт с просьбой о деньгах для «бедных и нуждающихся евреев». Он пояснил, что помогает инвалидам войны и многодетным вдовам погибших на фронте. Вместе с ним сбором пожертвований занимались пожилые евреи Аршавский и Уральский. Далее И.Б. Рапопорт ознакомил И.Н. Юдкина со списком тех, кто регулярно вносил деньги: «Список был очень большой, некоторые фамилии я запомнил – Мясник, Хавкин, Либерман, Эпштейн, Аршавский, Надот, Сирота, Зарахович, Уральский, Зельцер, короче говоря, почти весь соцгород. Список этот меня и успокоил, я подумал, что не может быть, чтобы прохвосту давали деньги столько людей. Я ему дал 10 руб., и он ушел. ...Рапопорт ходил ко мне раз в месяц и получал по 10 руб. Два или три раза он брал по 25 руб. (сдачи у него не было). В одно из посещений он спросил меня, кого бы я мог еще ему рекомендовать, к кому можно было пойти за деньгами. Я послал его к Гамбергу»⁷. Из документа явствует, что оказавшиеся в эвакуации евреи старались поддерживать друг друга возможными средствами, и усмотреть что-либо криминальное в деятельности образовавшегося в Сталинске сообщества весьма трудно. Но, как известно, любые факты можно трактовать в зависимости от необходимости момента. Вот и И.Н. Юдкин закончил объяснительную записку «нужным» выводом: «Мне даже в голову не приходило, что этот елейный, благообразный старичок – активнейший агент-организатор религиозной секты, пронизанной антисоветским духом. Вина моя в отсутствии бдительности, политической близорукости и беспечности. Вина моя большая, и я ее полностью осознаю. Секту же нужно немедленно разгромить, выкорчевать без пощады все корни»⁸.

Кроме того, от И.Н. Юдкина, который сам рассматривался как участник нелегальной еврейской синагоги, удалось получить сведения об участии в ней более 70 человек. Впоследствии он признавал и националистический характер «раскрытой» организации⁹. По свидетельству же сына И.Б. Рапопорта – С.И. Рапопорта, лишь пожилые евреи собирались для молитвы по 6–7 человек один-два раза в месяц¹⁰.

Связанными с синагогой на КМК оказались, помимо И.Н. Юдкина, С.З. Аршавский – начальник финансового от-

дела, Б.Д. Надот – начальник отдела снабжения, А.Я. Уральский – старший инженер отдела главного механика, А.Я. Дехтярь – начальник отдела технического контроля, Г.Ш. Зельцер – начальник планового отдела, Я.Г. Минц – заместитель директора, С.Е. Либерман – главный прокатчик, М.М. Эпштейн – начальник цеха КИП и автоматики, И.С. Хавкин – заместитель начальника сортопрокатного цеха, Я.С. Пинус – старший инженер цеха КИП и автоматики, У.А. Сирота – обер-мастер коксовых печей, В.Я. Гольдман – начальник электросталеплавильного цеха, М.А. Людковский – начальник смены этого же цеха, Н.Г. Гибель – начальник шихтового двора электросталеплавильного цеха, Л.Я. Уральский-Троцкий – начальник отдела оборудования и другие¹¹.

В апреле 1950 г. Сталинский горком ВКП(б) начал рассматривать персональные «дела» коммунистов, связанных с синагогой. В ходе этой работы он сделал вывод о том, что нелегальная еврейская синагога являлась только ширмой буржуазно-националистической еврейской организации¹². Личные «дела» руководящих работников КМК и всех причастных к синагоге рассматривались на заседаниях бюро Сталинского горкома ВКП(б) в апреле 1950 г. – марте 1951 г.¹³. Решения бюро об исключении из партии утверждала высшая инстанция – Кемеровский обком ВКП(б).

Однако синагогу посещали не сами ответственные работники, а их пожилые родители и родственники¹⁴. Это подтверждается и сведениями, которыми располагал Сталинский горотдел МГБ: «Синагогу посещали одни старики, коммунисты ее не посещали, но знали о существовании таковой и особенно знали о проведении этой синагогой религиозных обрядов (похороны, поминки, служения и т. п.)»¹⁵. В религиозных обрядах и сборе денег принимали участие отцы С.З. Аршавского, М.М. Эпштейна, Я.С. Пинуса, А.Я. Уральского, Л.Я. Уральского-Троцкого, матери В.Я. Гольдмана и Н.Г. Гибеля, родители С.Е. Либермана, мать жены Б.Д. Надота, отец жены И.С. Хавкина¹⁶. «Деятельность» близких родственников стала весомым и удобным поводом для обвинения руководящих кадров КМК в причастности к синагоге. Хорошим дополнением к обвинениям выступила и связь с родственниками, проживающими

за рубежом. Родственники, живущие в Америке с 1905 г., обнаружили, в частности, у М.А. Людковского¹⁷.

Судя по «Справке» Б.М. Морковкина, «сотрудничать» с синагогой должны были эвакуированные инженеры КМК. Однако, круг ее участников, привлеченных к ответственности, гораздо шире: к ним причислены и евреи, работавшие на предприятии с довоенного времени¹⁸.

История семьи Рапопорт хорошо отражает суть фабрикации «дела КМК». Первым наступлению со стороны местных властей подвергся сын И.Б. Рапопорта – Семен Израилевич (Срульевич) Рапопорт, 1925 года рождения, член ВКП(б) с 1948 г. (партбилет № 8842919), имевший среднее образование, студент второго курса Сибирского металлургического института (СМИ). Эвакуированный в 1941 г. из Днепропетровска, он в течение шести лет работал токарем. В военные и послевоенные годы выполнял план на 300%. Являлся членом комитета комсомола 4-го механического цеха КМК¹⁹. 29 декабря 1949 г. состоялось заседание партийного бюро СМИ, вынесшее решение по персональному «делу» члена ВКП(б) С.И. Рапопорта. Последний, проживавший совместно с отцом, как отметило партбюро, «не только не предпринял никаких мер к запрещению деятельности известной ему скрытой общины, но и не набрался мужества заявить об этом партийным органам»²⁰. Кроме того, он обвинялся в «смазывании» характера общины, в отстаивании ее безвредности, «прикрытии» общины партбилетом. Итог оказался ожидаемым и закономерным: исключение из партии за потерю политической бдительности, за неискренность при разборе «дела»²¹. Затем «дело» С.И. Рапопорта рассмотрело открытое собрание парторганизации СМИ 30 декабря 1949 г. В выступлениях присутствовавших прозвучали выводы: «Нелегальная община минимум в 10 человек, которая собиралась каждую субботу», «Это начинает пахнуть сионистской организацией», «Подобные общины ведут большую реакционную работу», «Здесь складывается идеология, которая ведет прямой дорогой к антипартийному враждебному лагерю», «Драки, пьянки, моленье не соответствуют нашему институту как очагу советской культуры»²². Несмотря на то, что С.И. Рапопорт просил создать комиссию для рассмотрения его «дела», отнестись к нему, молодому чле-

ну партии, повнимательнее и точно установить все произошедшее, собрание безоговорочно подтвердило решение партбюро СМИ от 29 декабря 1949 г.²³.

Принятое решение было утверждено бюро Орджоникидзевского райкома ВКП(б) 21 февраля 1950 г., бюро Сталинского горкома ВКП(б) 10 апреля 1950 г., бюро Кемеровского обкома ВКП(б) 13 июня 1950 г. Обком пришел к заключению: «Рапопорт С.С. за содействие своему отцу в организации нелегальной еврейской синагоги в своей квартире, которая, кроме отправления религиозных обрядов, занималась антисоветской деятельностью, из членов ВКП(б) исключить»²⁴.

Сложившаяся ситуация не прошла бесследно для всей парторганизации СМИ. Еще на партийном собрании 30 декабря 1949 г. прозвучали призывы о проведении в институте «оздоровительной» работы²⁵. В результате в отчете о работе партбюро СМИ за период с 3 марта 1950 г. по 2 января 1951 г., в разделе «О подборе кадров и бдительности» отмечалось: «Стало известно, что активное участие в тайной еврейской синагоге, кроме Рапопорта, исключенного из партии, принимала Левинсон – лаборантка кафедры марксизма-ленинизма, уволенная из института. Старший преподаватель Гольдман не только материально помогал тайной еврейской синагоге, но принимал участие в молебнях на квартире у Рапопорта»²⁶.

Участь брата разделила Ида Израилевна Рапопорт, 1921 года рождения, член ВКП(б) с 1944 г. (партбилет № 6876423), получившая среднее техническое образование. Она работала мастером сварочных работ котельного цеха КМК. Закончив университет марксизма-ленинизма, являлась пропагандистом кружка истории ВКП(б)²⁷. 7 января 1950 г. партийное бюро парторганизации котельного цеха КМК, разобрав персональное «дело» И.И. Рапопорт, пришло к выводу о необходимости исключения ее из партии за потерю бдительности и соблюдение отцом религиозных обрядов, сбор средств для оказания помощи лицам, вышедшим из лагерей и тюрем. Соответственно она была освобождена от обязанностей пропагандиста. При вынесении заключения не приняли во внимание факт проживания дочери отдельно от отца на протяжении последних восьми месяцев. Разумеется, не были учтены просьба И.И. Рапопорт оставить ее в партии, которая для нее «дороже жизни»,

обещание, что первая совершенная ошибка будет и последней²⁸. Вскоре, на прошедшем 10 января 1950 г. общем закрытом партсобрании первичной парторганизации котельного цеха Иде Израилевне напомнили ее недавний проступок. Оказывается, 25 ноября 1949 г. на партийном собрании вынесли вердикт о несовместимости пребывания в партии и совершения коммунистами религиозных обрядов. Присутствовавшая при этом И.И. Рапопорт могла рассказать о существовании в квартире отца нелегальной синагоги, но предпочла промолчать²⁹.

Общее партийное собрание поддержало решение партбюро в отношении И.И. Рапопорт. При голосовании за исключение «за потерю бдительности» воздержался только один человек. Свою позицию он объяснил так: «Я воздержался лишь потому, что я Рапопорт знаю по совместной работе неплохим работником, и как человек она не имела отрицательных сторон»³⁰. Однако участники собрания сочли приведенные доводы неубедительными³¹.

Вынесенное решение последовательно утвердили партийный комитет КМК 31 января 1950 г., бюро Орджоникидзевского райкома ВКП(б) 21 февраля 1950 г., бюро Сталинского горкома ВКП(б) 10 июля 1950 г., бюро Кемеровского обкома ВКП(б) 7 октября 1950 г. Приведем формулировку обкома партии: «...исключить Рапопорт Иду Израилевну из членов ВКП(б) за скрытие тайной еврейской синагоги, действовавшей в квартире, где она проживала, и личное ее участие»³².

Пострадала и другая дочь И.Б. Рапопорта – Фаина Израилевна Рапопорт, прибывшая в Сталинск из Днепропетровска во время эвакуации. Она, не имевшая специального образования, первоначально работала лаборантом в СМИ, а затем – на КМК. К декабрю 1950 г. в итоге проведенной на комбинате массовой проверки и «чистки» кадров решила судьба 46 руководящих работников заводоуправления и цехов, объявленных не заслуживающими доверия и не справляющимися со своими обязанностями³³. В их числе оказалась Ф.И. Рапопорт, конструктор горного управления, вынужденная в конце октября 1950 г. уволиться «по собственному желанию». При этом в отчетном документе о «чистке», направленном первому секретарю Кемеровского обкома ВКП(б) Е.Ф. Колышеву, ее вина объяснялась следующим образом: «Чертежи, состав-

ленные Рапопорт, всегда исправлялись и часто браковались. Так, например, чертежи, изготовленные Рапопорт на детали экскаватора, посланные отделу главного механика для изготовления деталей, забракованы и отосланы обратно»³⁴. Но, безусловно, главное обвинение обусловили родственные связи: «Дочь раввина и организатора тайной еврейской синагоги»³⁵.

В сентябре-декабре 1950 г. семеро ответственных работников КМК, а также пенсионер И.Б. Рапопорт были арестованы местными органами госбезопасности, этапированы в Москву и переданы в распоряжение следственной части по особо важным делам МГБ СССР. К апрелю 1952 г. следствие завершилось. В обвинительном заключении подследственным инкриминировались националистическая деятельность, вредительство, антисоветская агитация, связь с нелегальной синагогой.

18 сентября 1952 г. «дело» о тайной синагоге в Сталинске рассмотрело заседание Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции И.М. Зарянова. Заместитель директора КМК Я.Г. Минц, главный прокатчик С.Е. Либерман, начальник отдела технического контроля А.Я. Дехтярь и заместитель начальника производственного отдела С.А. Лещинер были приговорены к высшей мере наказания. Начальник финансового отдела КМК С.З. Аршавский, начальник планового отдела Г.Ш. Зельцер и начальник сортопрокатного цеха З.Х. Эпштейн получили 25 лет лагерей. Сразу после окончания судебного заседания всех приговоренных к высшей мере наказания расстреляли³⁶.

И.Б. Рапопорта по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 58–10 (ч.2) и 58-11 УК РСФСР, приговорили к 10 годам лишения свободы, с последующим поражением в правах на пять лет и с конфискацией всего имущества. Его обвиняли в организации в 1947 г. в Сталинске, в своей квартире нелегальной синагоги, проведении среди ее участников антисоветской агитации (клевета на национальную политику КПСС и Советского Правительства). Бывший раввин отказался признать себя виновным в антисоветской агитации и сообщил суду, что после запрещения молитвенных собраний и увольнения его дочери, он высказывал недовольство действиями местных властей. Он полагал, что последние «распоряжаются без ведома высших органов власти», а его дочь

пострадала только «из-за темноты» отца. Но в то же время обвиняемый утверждал, что советская власть заботилась о нем, обеспечив государственным пособием на восемь воспитанных им детей. В условиях изменившейся политической обстановки в стране последовало Постановление пленума Верховного суда СССР № 08/91с-54 от 3 сентября 1954 г. об отмене вынесенного приговора, прекращении уголовного «дела» и освобождении И.Б. Рапопорта из-под стражи³⁷. К сожалению, мы пока не располагаем сведениями о дальнейшем жизненном пути И.Б. Рапопорта, что могло бы способствовать продолжению исследования.

И.Б. Рапопорт оказался лишь одним из пострадавших в период борьбы с космополитизмом. Возглавлявший зарегистрированную общину Биробиджана Г.Х. Кац в начале 1950-х гг. был вынужден покинуть Еврейскую автономную область из-за начавшихся преследований³⁸. В 1951 г., когда развернулось наступление на нелегальную еврейскую общину Кемерово, покончил жизнь самоубийством ее раввин А.И. Шур³⁹. Раввина официально действовавшей в Омске синагоги Э.Н. Столяра в 1953 г. арестовали и осудили⁴⁰. Все приведенные факты свидетельствуют о трагических судьбах еврейских общин в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Примечания

¹ О событиях в Сталинске см. подробнее: *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2003. С.11–41.

² Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Л. 47.

³ В архивных документах приводится и другой вариант написания фамилии Израила Берковича – Раппопорт (Центральный архив Верховного суда РФ (ЦА ВС РФ). Сведения предоставлены Г.В. Костырченко; ГАКО. Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 91. Лл. 58–59(об.); Ф. П-85. Оп. 5. Д. 33. Л. 223.

⁴ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Лл. 44, 47; Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 91. Л. 58(об.); *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2003. С.627.

⁵ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Л. 53; ЦА ВС РФ. Сведения предоставлены Г.В. Костырченко.

⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Л. 53.

⁷ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 478. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Лл. 8, 54.

- ¹⁰ ГАКО. Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 91. Лл. 58, 58(об.).
- ¹¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Л. 54; Ф. П-74. Оп. 6. Д. 198. Лл. 111, 112–113, 148; Д. 199. Лл. 72–73, 149–150; Д. 200. Лл. 75–76; Д. 201. Лл. 55, 78, 90–92, 93, 145; Оп. 8. Д. 3. Лл. 13, 36–37, 92, 150–151; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 449. Лл. 14, 15.
- ¹² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Л. 55.
- ¹³ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 198. Лл. 110–111, 112–113, 148, 155–156; Д. 199. Лл. 5–6, 9, 72–73, 149–150, 178; Д. 200. Лл. 75–76, 125; Д. 201. Лл. 55, 78, 90–93, 145–146; Оп. 8. Д. 3. Лл. 13, 36–37, 86–87, 92, 150–151.
- ¹⁴ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 198. Лл. 110–111, 112–113, 148, 155–156; Д. 199. Лл. 5–6, 9, 72–73, 149–150, 178; Д. 200. Л. 76; Д. 201. Лл. 78, 90–92, 146; Оп. 8. Д. 3. Лл. 13, 36–37, 92.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 390. Л. 47.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 198. Лл. 111, 112–113, 148; Д. 199. Лл. 72–73, 149–150; Д. 200. Л. 76; Д. 201. Лл. 78, 90–92; Оп. 8. Д. 3. Лл. 13, 92.
- ¹⁷ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 8. Д. 3. Л. 36.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 449. Лл. 5–7, 8, 14–15, 16, 34–35, 37–39; Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 2592. Л. 11; Оп. 6. Д. 731. Л. 13.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 198. Л. 110; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 419. Л. 190; Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 91. Лл. 115(об.), 116, 117(об.).
- ²⁰ ГАКО. Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 91. Л. 59(об.).
- ²¹ Там же. Л. 59(об.).
- ²² Там же. Лл. 58(об.), 59.
- ²³ Там же. Л. 59.
- ²⁴ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 198. Л. 110; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 419. Л. 190.
- ²⁵ ГАКО. Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 91. Лл. 58(об.), 59.
- ²⁶ ГАКО. Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 96. Л. 52. Стиль документа сохранен.
- ²⁷ ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 199. Л. 178; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 431. Л. 146; Ф. П-85. Оп. 5. Д. 33. Л. 223; Д. 238. Лл. 6(об.), 7(об.), 8(об.).
- ²⁸ ГАКО. Ф. П-85. Оп. 5. Д. 237. Лл. 1–2; Д. 238. Л. 6(об.).
- ²⁹ ГАКО. Ф. П-85. Оп. 5. Д. 238. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Л. 8.
- ³¹ Там же. Л. 8(об.).
- ³² ГАКО. Ф. П-85. Оп. 5. Д. 33. Л. 223; Ф. П-74. Оп. 6. Д. 199. Л. 178; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 431. Л. 146.
- ³³ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 449. Лл. 5–39.
- ³⁴ Там же. Л. 27.
- ³⁵ Там же. Л. 27.
- ³⁶ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 627–628; Определением Военной коллегии Верховного суда СССР № СП-0062/52 от 25 мая 1957 г. приговор в отношении Я.Г. Минца, С.Е. Либермана, А.Я. Дехтяря, Г.Ш. Зельцера, С.А. Лещинера, З.Х. Эпштейна, С.З. Аршавского по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, «дело» о них прекращено (ЦА ВС РФ. Сведения предоставлены Г.В. Костырченко).
- ³⁷ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 627–628; ЦА ВС РФ. Сведения предоставлены Г.В. Костырченко; Статья 58-10 карала за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч.2 – особо тяжкий вид преступления, в данном случае – использование национальных предрас-

судков), 58-11 – за участие в контрреволюционной организации (Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / Под ред. *И.Т. Голякова*. 2-е изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. С. 73–74; 74–75).

³⁸ *Генина Е.С.* Религия и власть: еврейская община Биробиджана во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: Материалы международной конференции. Кемерово, 23–27 ноября 2003 г. / Отв. ред. *Л.И. Гвоздкова, А.Н. Садовой*. Кемерово: Ин-т угля и углехимии СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 21–25; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 7. Л. 49.

³⁹ *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). С. 42–56; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 706. Л. 127; ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 4. Л. 93.

⁴⁰ *Сосковец Л.И.* Иудейская община в Омске: проблемы повседневности (1940–1960-е гг.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы IV региональной научно-практической конференции. Биробиджан, 25–26 августа 2003 года / Под ред. *Я.М. Кофмана*. Красноярск–Биробиджан: Изд-во «Кларетианум», 2003. С. 179–183; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 781. Л. 47.

Summary

The destiny of rabbi I.B. Rapoport in the context of the campaign of struggle with cosmopolitism in Kuzbass

The article deals with the tragic fate of rabbi I. B. Rapoport. After the Great Patriotic War he was at the head of the illegal Jewish commune of the town of Stalinsk (now Novokyznetsk). During the struggle with cosmopolitism the commune was routed. Some leading workers of КМК were accused of being connected with the activity of «the illegal Jewish synagogue» (the so-called «case of КМК»). The children of Rapoport also became victims of the persecution. He was sentenced to 10 years' imprisonment in 1952. In 1954 the sentence was cancelled.

Евгений Мовшович (Ростов-на-Дону)

Преследования евреев Ростова-на-Дону при Советской власти

После установления советской власти на Дону в январе 1920 г., несмотря на заметную долю евреев среди коммунистов, определявших политический курс, постоянно осуществлялись различные акции против евреев. Мотивы этих акций были религиозные, национальные, политические и иные, зачастую переплетавшиеся между собой. В разное время доминировали различные мотивы: в двадцатые годы – первой половине тридцатых – религиозные и антиссионистские, во второй половине тридцатых-сороковых годов – политические, с пятидесятых годов – национальные мотивы. Такое хронологическое деление достаточно условно, поскольку временные границы нередко перекрывались, при этом иногда истинные мотивы преследований маскировались.

Фактические данные о таких преследованиях труднодоступны, поскольку они специально не фиксировались, поэтому нет возможности дать статистические сведения и полную характеристику наиболее важных акций репрессий. Автор сделал попытку осветить проблему на примерах антиеврейских преследований по материалам архивных дел и публикаций.

Первые преследования евреев начались сразу после захвата Ростова Первой Конной армией 8 января 1920 г. Повсеместные грабежи и разбой, чинимые конармейцами, нередко переходили в еврейские погромы. По свидетельству очевидцев, тогда погибло несколько десятков евреев¹.

Но целенаправленные преследования евреев начались в 1921 г. Первая такая акция ставила своей целью закрытие в Ростове ешиботов (ешив) – специальных школ для углубленного изучения Танаха и Талмуда. Называя ешибот древним народным талмудистким университетом, еврейские коммунисты из Евсекции РКП(б) утверждали, что ешибот попал под руководство цадиков². Они имели ввиду, что в Ростове ешиботом «Томхей Тмимим» руководил 6-й Любавический Ребе Иосиф-Ицхак Шнеерсон³. Как обычно, в таких случаях предъявлялись обвинения, что ешибот попал под влияние торгашей.

Как сообщила газета «Советский юг», 3–11 апреля 1921 г. в рабочем клубе им. III Интернационала (на ул. Московской, 75, между переулками Соборным и Николаевским) состоялись 6 заседаний общественного суда трудящихся над ростовскими ешиботами⁴. Фактически суд был закрытым, ибо в зал допускались лишь «подлинные» рабочие и члены социалистических партий. Судьи состояли исключительно из пожилых пролетариев. Председателем был Гроссер. Обвинительный акт был составлен Евсекцией при Наробразе. Обвинителями были Яблонский, Шпрах и Ушан. Ешиботам предъявлялись обвинения во вредном клерикально-реакционном влиянии на еврейской улице, коверкании молодых порывов и стремлений у своих учащихся – выходцев из еврейской бедноты, создании у них враждебного отношения к советскому просвещению, размножении тунеядцев и поощрении труддезертирства и даже в возбуждении скрытых антиреволюционных мыслей.

Защищать ешиботы были допущены раввины Г.И. Берман и З.Г. Гольденберг, а также директор ешибота «Томхей Тмимим» р. Моше Розенблюм. Они обращали внимание на то, что суд представляет собой гонение на веру. После прений и короткого совещания судьи признали ешиботы виновными по всем пунктам обвинений и постановили закрыть их (против проголосовало 25 чел.).

Донской облисполком издал 20 мая 1921 г. приказ о закрытии существующих без санкции Дноблнаробраза еврейских учебных заведений в Ростове-на-Дону – духовно-нравственного учебного заведения «Тоимхо-Тмимим» (так написано в постановлении) и эвакуированный из Новогрудок «Ешибот», изъятии удостоверений личностей с их печатями, а также о том, что учащиеся ешиботов с этими удостоверениями подлежат отбыванию трудовой повинности. Помещения, занимаемые ешиботам, и их архив передаются Наробразу⁵.

Вслед за преследованиями ешиботов в Ростове начались преследования сионистов, суд над которым состоялся в том же клубе 11–14 мая 1921 г. Обвинительную речь произнес начальник политотдела Эпштейн. Суд решил «выселить» сионистов, как буржуазных, так и «красных», из рабочей среды, чтобы рабочие не считали членов Поалей-Цион (Рабочие Сиона), вошедших в Еврейскую коммунистическую партию, частью РКП(б). Глав-

ная их «вина» состояла в стремлении обособить еврейский пролетариат, объединяя его вокруг «всемирной» идеи Палестинизма⁶.

Из-за угроз сотрудников органов ОГПУ из Ростова 1924 г. был вынужден уехать в Ленинград 6-й Любвичский Ребе Иосиф-Ицхак Шнеерсон, живший здесь с 1916 г. и установивший связи с еврейскими общинами по всему СССР.

Ночью на 2 сентября 1924 г. в 156 городах по всему СССР было арестовано около 3 тыс. сионистов (среди них были и ростовчане). На закрытых заседаниях внесудебного Особого совещания (ОСО) при коллегии ОГПУ их приговаривали к ссылкам и заключению в концентрационные лагеря на сроки от 3 до 10 лет. Среди задержанных была и ростовчанка Сарра Каданская, освобожденная как несовершеннолетняя⁷.

В Ростове в 1923 г. имела еврейская скаутская организация «Югенд», вскоре распавшаяся. Вместо нее появилась молодежная организация «Гашомер-Гациор» или «Хашомер-Хациор» (Младший страж), возникшая в СССР в 1922 г. для соединения сионизма с социализмом. Члены организации, преимущественно школьники, собирались в роще или на кладбище для совместного чтения журналов и книг, бесед, разучивания песен, прогулок, обсуждения вопросов вовлечения еврейской молодежи в сионистское движение, выработки форм работы по сионистскому воспитанию молодежи, а также для составления и распространения сионистских листовок во время ноябрьских и первомайских праздников⁸.

В Ростове организацию возглавляли Миша Гутман (1923 г.), Майор Браславский, Сарра Каданская, Арон Брудный, Люба Ягудина, Дмитрий Одесский (1924–1926 гг.). После арестов в 1926 г. организация распалась. В Ростове 12 декабря 1925 г. были проведены обыски и аресты органами ОГПУ Северо-Кавказского края, которые возглавлял в 1924–1929 гг. Е.Г. Евдокимов. Их жертвами стали около двух десятков молодых социалистов-сионистов, включая подростков 14–15 лет, которых без суда высылали в Сибирь, Киргизию, Восточный Казахстан⁹.

В связи с этим оставшиеся на свободе 19-летний Майор Моисеевич Браславский, 18-летняя Сарра Яковлевна Каданская и 16-летний Аарон Юделевич Брудный составили, размножили и распространили 26 февраля 1926 г. листовку-обращение к евреям с призывом протестовать против таких арестов и произвола

ОГПУ. Кроме них, участвовали 15–16-летние И.Я. Клейнберг, Р.Л. Евнина и Ф.М. Эрлихман. Органами ОГПУ по Северо-Кавказскому краю 27–28 апреля 1926 г. были арестованы М.М. Браславский, С.Я. Каданская и несовершеннолетний А.Ю. Брудный за изготовление и распространение контрреволюционной листовки скаутско-сионистской организации «Гашомер-Гациор». Их несовершеннолетние помощники были также арестованы, но вскоре освобождены под подписку о невыезде. Впоследствии дело в их отношении как несовершеннолетних было прекращено.

Решением ОСО (Особого Совещания при ОГПУ) от 18 июня 1926 г. Браславский и Каданская были осуждены к высылке в Казахстан на 3 года, но через неделю этот приговор был заменен на высылку в Палестину через один из южных портов СССР. Несовершеннолетний А.Ю. Брудный 31 июля 1926 г. получил такой же приговор, как и его старшие товарищи. Лишь 17 июня 1927 г. ОСО приняло решение о высылке его в Палестину после оформления ему загранпаспорта, которое могло произойти лишь через год по достижению им совершеннолетия¹⁰.

29 апреля 1931 г. органы ОГПУ Северо-Кавказского края, которые возглавлял в 1929–1932 гг. будущий комиссар госбезопасности II ранга Р.А. Пиляр, арестовали группу молодых людей (в возрасте 20–22 года) чернорабочего Абрама Марковича Кукуй, кустарей Самуила Земеловича Пикус и Самуила Мовшевича Лабок по обвинению в том, что с 1925 г. (в возрасте 14–17 лет) участвовали в антисоветской деятельности подпольной сионистской организации «Гашомер-Гациор» (а после ее ликвидации в подпольной сионистской группе), устраивали нелегальные совещания, проводили антисоветскую работу и сионистскую агитацию (преступления предусмотренные ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР). Подчеркнут их отказ сознаться в продолжении сионистской деятельности с 1927 г., несмотря на их отход от такой деятельности, в которой они до этого были рядовыми активистами. Постановлением ОСО от 23 июля 1931 г. они были приговорены к высылке на 3 года в Сибирь и Казахстан. Реабилитированы 29 сентября 1989 г., как подпадающие под действие Указа Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»¹¹.

В 1935–1937 гг. в Ростове-на-Дону были «расследованы» сфабрикованные уголовные, а фактически политические дела раввинов Моисея Шмерель-Лейбовича Медалье с группой религиозных активистов Ремесленной синагоги и Гесселя Хаймовича Замского. Дело первых рассмотрело ОСО при НКВД СССР 26 февраля 1936 г.¹² Дело Г.Х. Замского было рассмотрено Специальной судебной коллегией Ростовского областного суда 14 февраля 1938 г. и ее приговор был подтвержден определением Спецколлегии Верховного Суда РСФСР 29 апреля 1938 г.¹³ Начало арестов произошло вслед за закрытием осенью 1935 г. Солдатской синагоги, переданной для размещения в ней радиозавода (раввином Солдатской, а затем Ремесленной синагоги был Замский).

Несмотря на двухгодичный разрыв в сроках рассмотрения этих дел, они оказались взаимосвязанными. Во-первых, были предъявлены обвинения по одинаковым статьям УК РСФСР (58–10, ч. 1; 58–10, ч. 2 и 58–11) и, во-вторых, Г.Х. Замский был свидетелем по делу М.Ш.-Л. Медалье и др.

Органы госбезопасности Азово-Черноморского края, возглавляемые в 1934–1936 гг. комиссаром госбезопасности III ранга П.Г. Рудь, арестовали с 25 июля по 5 октября 1935 г. 33-летнего раввина Ремесленной синагоги Ростова-на-Дону М.Ш.-Л. Медалье (избран в начале 1934 г.) и группу религиозных активистов. Последняя состояла из 41-летнего Шамоя Михайловича Выгона, малограмотного сторожа (он же шойхет или резник), 55-летнего Самуила Ехильевича Гальперина, сторожа, 40-летнего Давида Мойсеевича Лабка, служащего, 38-летнего Элизера Мордоховича Нануса, бухгалтера, 42-летнего Мордуха Иоселевича Фридмана, бухгалтера, жителей Ростова-на-Дону, а также 31-летнего Эйсера Марковича Магида, жителя Овруча (на Украине), незадолго до ареста приехавшего в Ростов-на-Дону. Кроме того, среди привлеченных по этому делу был 72-летний Вульф Моисеевич Угольницкий, председатель правления Ремесленной синагоги, находившийся под подпиской о невыезде и покончивший жизнь самоубийством 10 декабря 1935 г. За исключением Гальперина и Магида, обвиняемые не признали себя виновными.

Городская прокуратура Ростова-на-Дону арестовала 20 ноября 1937 г. 61-летнего раввина Еврейской (бывшей Солдатской) синагоги (избран в 1926 г.) Г.Х. Замского по доносам о якобы

проводимой им контрреволюционной агитации (обвинение по ст. 58–10 УК РСФСР). Ранее в 1930 и 1934 гг. он уже арестовывался органами НКВД и находился под следствием по обвинению в антисоветской агитации, но тогда был освобожден за недоказанностью обвинений.

Все подсудимые на обоих судебных процессах были обвинены в том, что:

- 1) состояли членами контрреволюционной националистической еврейской религиозной группы «Тмимим», активно участвуя в ее деятельности;
- 2) участвовали в нелегальных собраниях группы, на которых читали контрреволюционные послания раввина Шнеерсона из Польши;
- 3) вели национально-религиозную пропаганду среди еврейского населения с целью восстановления его против Советской власти и распространяли пораженческие настроения среди верующих евреев о «неизбежности падения» Советской власти;
- 4) поддерживали связи с зарубежными контрреволюционными еврейскими буржуазными организациями и получали от разных зарубежных контрреволюционных организаций иностранную валюту в качестве финансовой помощи от зарубежной еврейской буржуазии.

Раввинов М.Ш.-Л. Медалье и Г.Х. Замского обвинили, кроме того, в том, что они были посланы в Ростов-на-Дону известным контрреволюционером раввином Шнеерсоном, находящимся в Польше, по его поручению возглавили в Ростове-на-Дону контрреволюционную национал-шовинистическую группу «Тмимим» (М.Ш. – Л. Медалье) и реакционную секту «Агудас Исроель» (Г.Х. Замский), поддерживали связь с Шнеерсоном и проводили антисоветскую агитацию путем восхваления злейшего врага народа (Шнеерсона – Е.М.) и распространения клеветы против Советской власти и членов Советского правительства.

Обвинения против Г.Х. Замского были настолько «притянуты за волосы» (приговор Специальной судебной коллегии Ростовского областного суда от 14 февраля 1938 г. к 10 годам лишения свободы), что приговор по его делу определением Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 26 ноября 1939 г. был отменен (по протесту председателя Верховного Суда

СССР), дело о нем было производством прекращено с освобождением Г.Х. Замского из-под стражи (фактически такое освобождение произошло лишь 15 января 1940 г.).

В своем определении Судебная коллегия Верховного Суда СССР указала следующие основания для отмены приговора Г.Х. Замскому: а) не доказано, что связь между Замским и Шнеерсоном, являющимся высоким духовным авторитетом для первого, носила контрреволюционный характер; б) не установлено, что отдельные пожертвования, поступавшие к Замскому для религиозной общины, направлялись через Шнеерсона; в) показания свидетеля М., уличающего Замского в антисоветской агитации, не могут быть положены в основу обвинения, как из-за того, что М., являясь одним из главарей противного Замскому религиозного толка (течения – Е.М.), находился с Замским во враждебных отношениях, так и потому, что свидетели К., В. и Н., на которых ссылался М., не подтвердили его показаний; г) показания остальных свидетелей либо противоречат друг другу, либо они на суде не подтвердили свои показания на предварительном следствии.

В определении отмечено также не учтенное судом обстоятельство, что все свидетели являлись прихожанами синагоги противоположного религиозного толка относительно Замского, который боролся с их руководителем за завоевание первенствующего влияния. Поэтому показания этих свидетелей не могут служить доказательством обвинения Замского, которого они, по показаниям свидетельницы У., заподозрили в доносе на ее умершего мужа. Г.Х. Замский, здоровье которого было подорвано заключением (1937–1940 гг.), преждевременно умер осенью 1941 г. в эвакуации в Самарканде.

Если Замский был реабилитирован в конце 1939 г., то хуже пришлось М.Ш.-Л. Медалье и его товарищам, реабилитированным лишь 21 декабря 1958 г. Дело их было, по-видимому, настолько слабо обосновано, что не было направлено в суд, а рассматривалось ОСО при НКВД СССР. Последнее 26 февраля 1936 г. приговорило М.Ш.-Л. Медалье к 5 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, большинство остальных (Ш.М. Выгон, Д.М. Лабок, Э.М. Магид, М.И. Фридман) к 3 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, двоих (С.М. Гальперин и Э.М. Нанус) к ссылке на 3 года в Кировский

край и Казахстан. В.М. Угольницкий покончил жизнь самоубийством.

Президиум Ростовского областного суда 27 декабря 1958 г. по протесту (в порядке надзора) и.о. прокурора Ростовской области, внесенному по жалобе Э.М. Наноса, постановил отменить постановление ОСО при НКВД СССР от 26 февраля 1936 г. и дело о М.Ш.-Л. Медалье и др. производством прекратить за недостаточностью доказательств.

Основанием для отмены вышеуказанного постановления ОСО при НКВД СССР в отношении М.Ш.-Л. Медалье и др. явилось и то, что осужденные, входя в религиозную группу «Тмимим», собирались для толкования священного писания, и получили через «Торгсин» (коммерческая организация, обменивавшая золото и валюту на рубли или дефицитные товары – Е.М.) денежную помощь из-за границы от своих родственников и разных еврейских общин. Что касается контрреволюционной агитации и распространения всеми осужденными контрреволюционных воззваний, получаемых из-за границы, то материалы дела по этим вопросам ничего конкретного не содержат (ни контрреволюционных листовок, ни контрреволюционных писем в деле нет).

В 1937 г. в СССР действовала кровавая политическая «мясорубка», в которую на равных попадали как известные общественные, политические и др. деятели, бывшие и действующие, так и рядовые граждане. Активно действовала она и в Ростове, где органы НКВД возглавлял в июле 1937 – январе 1938 г. комиссар госбезопасности III ранга Я.А. Дейч. О некоторых ее местных эпизодах подробно рассказал И.М. Весельницкий на примере Ростсельмаша¹⁴. В ней приведены сведения о 121 подвергшемся репрессиям человеке, от директоров до рядовых, в том числе о 21 еврее.

В то время погибли и многие другие известные деятели революции. Среди них выделяются С.М. Гурвич и И.И. Шик. Самуил Миронович Гурвич (1885–1938) вырос в семье известного ростовского врача-офтальмолога. Еще в школьные годы начал активную революционную деятельность, был одним из организаторов и руководителей Южно-Русской группы учащихся средних школ (1901–1902 гг.). Вступил в РСДРП, примкнув к меньшевикам. В 1905 г. стал председателем первого Совета

рабочих депутатов Ростова, принял активное участие в вооруженном восстании на Темернике в декабре 1905 г. Сумел скрыться, продолжив революционную деятельность, но был арестован в 1906 г.

В ноябре 1908 г. осужден к 2,5 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге, а затем находился на поселении под Иркутском. В 1917 г. вернулся в Ростов, активно участвуя в общественной деятельности как один из руководителей меньшевиков, городской продовольственной управы и т.п. В 1919 г. поступил на медицинский факультет Донского университета, который закончил в 1927 г.

После установления Советской власти в Ростове отошел от политической деятельности, но в 1920, 1924, 1933 и 1937 гг. подвергался превентивным арестам. Приговорен ОСО 17 октября 1924 г. к 3 г. ссылки на Урал якобы за активную антисоветскую меньшевистскую деятельность, но которую не отбывал после публикации его заявления об отказе от меньшевизма.

7 декабря 1937 г. он был арестован органами НКВД по сфальсифицированному обвинению в участии в антисоветской меньшевистской террористической организации. Осужден 19 июня 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян. Определением Верховного суда СССР от 1 сентября 1956 г. приговор в отношении С.М. Гурвича отменен, дело производством прекращено за отсутствием состава преступления¹⁵.

Исай Израилевич Шик (1882–1938) родился в г. Керчь, окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса), будучи тесно связан с неблагонадежными элементами и специализируясь на защите политических заключенных. В 1905–1911 гг. жил в Швейцарии. С 1912 г. поселился в Ростове, будучи помощником присяжного поверенного.

В феврале 1917 г. стал председателем судебной комиссии Ростовского совета рабочих и солдатских депутатов. В марте 1917 г. возглавил партию «трудовых социалистов» («Трудовая партия»), доказывал, что диктатура пролетариата – самая большая опасность для социализма. Возглавляемая им комиссия разбирала дела охраны. Был гласным городской думы. В 1920 г.

был защитником на процессе Думенко, который несмотря на активную защиту, был приговорен к расстрелу.

Длительное время был председателем коллегии защитников № 1 и членом президиума областной коллегии защитников. Зарекомендовал себя в качестве блестящего адвоката, сотрудничавшего с Военным трибуналом СКВО. В 1921–1923 гг. неоднократно подвергался арестам органами ОГПУ. В августе 1937 г. на него поступили доносы о том, что он был в 1917–1918 гг. идейным руководителем всех антисоветских элементов Ростова, лидером народных социалистов. Арестован 15 октября 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности по ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР.

По показаниям сокамерника в мае 1938 г., Шик вел в камере антисоветскую агитацию и склонял заключенных к отказу от дачи показаний. 16 июня 1938 г. ему было предъявлено обвинение, а 19 июня Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила И.И. Шика к высшей мере наказания, в тот же день он был расстрелян, хотя в справке ЗАГС, выданной 9 августа 1956 г. утверждалось, что он умер 24 декабря 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР 19 сентября 1957 г. отменила приговор в отношении И.И. Шика по вновь открывшимся обстоятельствам и дело за отсутствием состава преступления прекратила, посмертно реабилитировав его¹⁶. Невестка И.И. Шика в заявлении о реабилитации отметила, что И.И. Шик был блестящим оратором, эрудированным юристом, человеком редкого ума и кладезем знаний.

Жена И.И. Шика домохозяйка Эсфирь Адольфовна Шик была арестована 29 июня 1938 г. как член семьи изменника родины и постановлением ОСО при НКВД СССР от 28 октября 1938 г. приговорена к 5 годам ссылки в Казахстан, продленной постановлением ОСО от 6 августа 1940 г. Она умерла от рака легкого 30 ноября 1955 г., а 25 ноября 1957 г. Военный трибунал СКВО приговор отменил, дело за отсутствием состава преступления прекратил, полностью посмертно реабилитировав ее¹⁷. Жертвами политических репрессий второй половины тридцатых годов в Ростове стали также М.И. Весельницкий (1906–1937), его жена С.М. Весельницкая (1904–1968), З.М. Циммеринг (1907–1938), В.А. Шор (1889–1937), его жена С.М. Шор (умерла в 1967 г.) и многие другие, впоследствии реабилитированные.

После окончания Великой Отечественной войны целенаправленные преследования евреев были продолжены. Эти репрессии организовал полковник Н.Г. Трапезников, возглавивший в 1946 г. Управление МГБ по Ростовской области. Так, 14 августа 1949 г. был арестован доцент кафедры политэкономии Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта Гирш Менделевич (Григорий Михайлович) Гиндин (1896–1978). Будучи в 1915–1918 гг. студентом Петроградского психоневрологического института, участвовал в революционном движении, примыкал в 1917–1919 гг. к меньшевикам-интернационалистам во главе с Ю. Мартовым. С 1920 г. член РКП(б). Он был осужден ОСО при МГБ СССР 18 августа 1951 г. по сфабрикованному обвинению в антисоветской деятельности (ст. 58–10 УК РСФСР) и приговорен к 10 г. заключения в ИТЛ в Шиткинском районе Иркутской обл.¹⁸ Судебная коллегия Верховного суда СССР 8 мая 1954 г. по протесту генерального прокурора СССР отменила решение ОСО и направила дело на новое рассмотрение. В результате 2 октября 1954 г. дело производством было прекращено и Гиндин освобожден.

5 октября 1949 г. Ростовский обком ВКП (б) под руководством Н.С. Патоличева внес свою лепту в развернувшуюся по инициативе Сталина кампанию борьбы с «безродным космополитизмом». Бюро обкома исключило из партии зав. кафедрой философии Ростовского госуниверситета профессора Лазаря Осиповича Резникова (единственного тогда на Северном Кавказе доктора философских наук), с 20 августа уже арестованного по инспирированному обвинению в антигосударственной деятельности. Профессор Л.О. Резников 4 марта 1950 г. был приговорен ОСО при Министре госбезопасности за антисоветскую пропаганду к 10 годам лагерей (статья 58–10, ч. 1 УК РСФСР).

На его счастье смерть Сталина принесла после 6 лет заключения в Центральном Казахстане (о Джекказганских лагерях см. «Архипелаг Гулаг» А.И. Солженицына) решение Центральной комиссии КГБ при СМ СССР от 14 июня 1954 г. об отмене приговора, прекращении дела и освобождении с 12 июля 1954 г. (фактически освобожден в начале 1955 г.), а впоследствии и полную реабилитацию, правда, очень больному человеку. Он умер в 1970 г. в возрасте 65 лет, будучи профессором Ленинградского университета, ибо Ростовский университет и после освобожде-

ния Л.О. Резникова не захотел, чтобы он вернулся в его лоно¹⁹. Дело Резникова явилось прелюдией к фабрикации дел еврейских врачей в Ростове.

Органы госбезопасности Ростовской обл., возглавляемые полковником Н.Г. Трапезниковым, начали фабрикацию дел еврейских врачей даже раньше, чем в Москве (где первые аресты были совершены осенью 1950 г., а в основном осенью 1952 г.). В Ростове с 16 июня по 14 октября 1950 г. была арестована группа сотрудников Ростовского НИИ эпидемиологии и микробиологии во главе с его бывшим директором 58-летним Берелем-Лейзером Абрамовичем Биром, который был снят приказом Министра здравоохранения РСФСР 15 мая 1950 г. (снять Бира предложило 1 июня и бюро Ростовского обкома ВКП (б) во главе с Н.С. Патоличевым)²⁰.

Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности его заместитель Наум Исаакович Грозовский (52 года), заведующие лабораториями Берта Ильинична Зильберман (49 лет), Анна Яковлевна Мильштейн (46 лет), Антонина Марковна Гуревич (52 года), Шора Шабселовна (Софья Шапсовна) Пайкина (53 года, арестована позже других 12 марта 1951 г.) и зав. складом Яков Соломонович Тарлавский (50 лет). Кроме того, был арестован доктор медицинских наук зав. кафедрой гигиены питания Ростовского мединститута Борис Семенович Гологорский (59 лет), давний знакомый обвиняемых Бира и его жены Пайкиной. Он был связан с Ростовским НИИ эпидемиологии и микробиологии также через свою жену Мильштейн, привлеченную по этому же делу.

Их обвинили в том, что они входили в организованную Биром еврейскую буржуазно-националистическую группу, разделявшую антисоветские взгляды. Обвиняемые якобы систематически вели антисоветские националистические разговоры, клеветали на политику коммунистической партии и советского правительства по национальному вопросу, на внешнюю политику, на решения ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам, на колхозный строй и на достижения советской науки. Отдельные случаи снятия с руководящих постов евреев они рассматривали как «дискриминацию» евреев, восхваляли американскую политику в отношении Израиля, а Гологорский и Грозовский высказывали изменнические настроения о выезде

в Израиль. Обвиняемые распространяли космополитические идеи, восхваляли науку буржуазного Запада, умаляли достижения русской науки, охаивали достижения русских ученых, стояли на позициях буржуазного объективизма. Были также выдвинуты обвинения в семейственности, халатности и т.п.

Преступления, якобы совершенные обвиняемыми, подпадали под ст. 58–7, 58–10, ч. 2, 58–11 УК РСФСР, а Гологорский также под ст. 58–9. Военный трибунал войск МГБ Северо-Кавказского округа приговорил 17 мая 1952 г. (за 2 месяца до вынесения приговора по делу Еврейского антифашистского комитета) Б.-Л.А. Бира, Б.С. Гологорского, Н.И. Грозовского, Б.И. Зильберман и Я.С. Тарлавского к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, к 5 годам поражения в правах, с конфискацией всего имущества. Приговор был окончательный без права обжалования. Ш.Ш. Пайкина и А.Я. Мильштейн были приговорены к 10 годам лишения свободы в ИТЛ, с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией всего имущества. А.М. Гуревич по ст. 58–10, ч. 2 и 58–11 УК РСФСР за недоказанностью обвинения оправдана, но по ст. 111 УК РСФСР приговорена к лишению свободы на 1,5 года и из-под стражи освобождена.

На основании статей 1 и 6 Указа президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» Пайкина, Мильштейн и Зильберман из-под стражи освобождены со снятием судимости. Бир, Грозовский и Зильберман признаны виновными в злоупотреблении служебным положением для незаконного получения премий. Кроме того, Бир, Грозовской, Тарлавский, Гологорский, Мильштейн, Зильберман и Пайкина виновны в том, что допускали антисоветские высказывания.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 11 декабря 1957 г. приговор и связанное с ним Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 мая 1955 г. в отношении Бира и Грозовского, в части осуждения их по ст. 58–10, ч. 1 УК РСФСР отменены, а дело прекращено за отсутствием состава преступления, а в части обвинения их по ст. 109 УК РСФСР приговор и Постановление изменены: наказание каждому снижено до 5 лет лишения свободы в ИТЛ, без поражения в правах. Лишение Бира и Грозовского правительственных наград из приговора исключено и в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» судимость снята.

Все судебные решения, касающиеся Гуревич, Пайкиной, Зильберман, Гологорского, Тарлавского и Мильштейн, отменены и дело о них прекращено.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 14 сентября 1960 г. приговор военного трибунала войск МГБ Северо-Кавказского округа от 17 мая 1952 г., Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 мая 1955 г. и 11 декабря 1957 г. в отношении Бира и Грозовского в части их осуждения по ст. 109 УК РСФСР отменены и дело в отношении обоих производством прекращено в целом за отсутствием в их действиях состава преступления²¹.

За отказ «помочь следствию» из НИИ эпидемиологии и микробиологии были уволены под предлогом их нахождения на оккупированной территории научные сотрудники кандидаты наук А.С. Квашнина (следователям было известно, что она находилась в плохих личных отношениях с Биром, поэтому они надеялись получить от нее нужные им показания), Е.А. Мочалова и др.

Одновременно шла подготовка к фабрикации более крупномасштабного дела врачей. Так, 4 декабря 1951 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б) во главе с П.Н. Пастушенко обвинило группу старейших еврейских врачей – профессоров Ростовского мединститута А.С. Воронова, Д.И. Зимонта, И.Я. Серебряйского, П.И. Эмдина и др. в защите «псевдонаучных идеалистических измышлений» профессора-физиолога Р.А. Рожанского, верного ученика гениального физиолога академика Павлова. Его «вина» заключалась в том, что он отверг возвеличивание ЦК ВКП (б) «открытия» О.Б. Лепешинской так называемого «живого вещества», поскольку это «открытие» основывалось на подтасованных фактах²². Многие из упомянутых профессоров в будущем стали фигурантами нового дела еврейских врачей в Ростове.

Преследования еврейских врачей Ростова были продолжены и одновременно с процессом Бира и др.. Так, 15 мая 1952 г. был арестован врач-консультант Ростовского желудочно-кишечного санатория 56-летний Лазарь Моисеевич Лихт по обвинению в антисоветской националистической агитации (рассказывал анекдоты) и еврейском буржуазном национализме (ст. 58–11 УК РСФСР). 19 декабря 1952 г. Ростовский облсуд осудил его на

25 лет ИТЛ. Однако 27 марта 1953 г. он был освобожден по амнистии. Лишь 24 июня 1958 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор и прекратила дело за отсутствием состава преступления²³.

В июне 1952 г. полковник Н.Г. Трапезников, переведенный на должность начальника УМГБ по Ярославской обл., был заменен генерал-майором А.П. Бызовым, до этого занимавшего по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 декабря 1951 г. пост начальника 5 Управления (оперативно-розыскного) МГБ СССР. Поскольку это управление занималось борьбой с еврейским национализмом, его назначение в Ростов означало усиление фабрикации дел еврейских врачей²⁴.

Непосредственная подготовка широкомасштабной кампании преследования еврейских врачей, организованная Ростовским обкомом ВКП (б), началась летом 1952 г. Тогда директор Ростовского мединститута профессор Г.С. Ивахненко, которого называли «главным антисемитом юга СССР», уволил большую группу евреев, профессоров, доцентов и преподавателей (по воспоминаниям В.А. Бродского, 22 чел). Были уволены профессора А.И. Домбровский, Д.И. Зимонт, Е.З. Злотвер, Д.И. Каган, С.Л. Клячкин, доценты А.С. Бродский, Ф.Д. Корабельник, Г.С. Пинчук, И.А. Рискин, В.А. Склярский, Я.М. Хан, Я.С. Хентов, А.Л. Шварц, А.Я. Шульгин и др. Кроме того, были уволены директор Ростовского НИИ рентгенологии, радиологии и онкологии кандидат медицинских наук А.С. Кричевский, зам. директора Ростовского противочумного НИИ по научной работе профессор И.С. Тинкер, получивший в 1952 г. звание лауреата Сталинской премии и др.²⁵

Как свидетельствует в своих записях министр и зам. председателя Совета министров СССР В.А. Малышев, при обсуждении вредительства в лечебном деле и положения в МГБ на заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 г. Сталин заявил, что «любой еврей – националист, это агент американской разведки»²⁶. После этого преследования евреев не усилились.

15 декабря 1952 г. был арестован кантор Ростовской синагоги 48-летний Мендель Львович Малкин, по обвинению в националистической пропаганде среди верующих во время пения «антипатриотических» молитв и в жестоком обращении с евре-

ями – заключенными Ахмачетского лагеря смерти в Одесской обл. (так названо еврейское гетто, среди заключенных которого М. Л. Малкин был ответственным за доставку продовольствия), а также в том, что вошел в состав руководящего ядра антисоветского националистического подполья (статьи 58–1 «а» и 58–10, ч. 2 УК РСФСР). 3 апреля 1953 г. Военный трибунал войск МВД Одесской обл. приговорил М.Л. Малкина к 10 г. заключения в лагерь. В 1955 г. он был амнистирован и освобожден 18 октября 1955 г., но только 9 августа 1960 г. приговор был отменен за не доказанностью обвинения и дело прекращено²⁷.

Эффект разорвавшейся бомбы произвело во всем мире сообщение ТАСС об аресте «врачей-вредителей»²⁸, преимущественно евреев (М.С. Вовси, терапевта, В.Н. Виноградова, терапевта, Б. В. Когана, терапевта, П. И. Егорова, терапевта, А.И. Фельдмана, отоларинголога, Я.Г. Этингера (задолго до этого погибший в тюрьме), терапевта, А.И. Гринштейна, невропатолога, Г.И. Майорова, терапевта), ведущих специалистов, лечивших высших руководителей СССР, включая Сталина. Это сообщение было опубликовано главным рупором КПСС газетой «Правда» 13 января 1953 г.

В сообщении утверждалось, что они через главврача Центральной клинической больницы им. Боткина Б.А. Шимелиовича (к тому времени уже расстрелянного по делу Еврейского антифашистского комитета) были связаны с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», якобы созданной американской разведкой для шпионажа и другой подрывной деятельности. Перечисленные врачи обвинались во вредительском лечении высших руководителей СССР – для их умерщвления.

Сигналом к развертыванию кампании репрессий против евреев по всей стране послужил упрек в редакционной статье газеты «Правда», опубликованной одновременно с этим сообщением, органам госбезопасности, которые якобы опоздали с разоблачением террористической деятельности еврейских врачей на 5–7 лет.

Уже 20 января 1953 г. в Ростове-на-Дону был арестован бывший сотрудник Ростовского мединститута доцент-нейрохирург зам. зав. кафедрой госпитальной хирургии Абрам Соломонович (Авраам Шлейма-Лейзерович) Бродский (1892–1967), уволен-

ный среди многих других еще в 1952 г., несмотря на подготовленную им к защите докторскую диссертацию (после ареста пропала в архивах МГБ-МВД). Его обвинили в том, что он был сионистом с 1902–1903 гг., когда ему было 10–12 лет, но особенно до Первой мировой войны во время пребывания во Франции, в которой он учился в Сорбонне, а также в 20–30-е гг. в СССР (статья 58–10, ч. 2 УК РСФСР)²⁹.

Вскоре были арестованы 22 и 27 января 1953 г. 54-летняя химик-заведующая лабораторией Ростовского Облпищепрома Ревекка Яковлевна Островская (невестка Ю.Д. Грейшмана) и 60-летний врач-рентгенолог 1-й Советской городской больницы Ростова-на-Дону Юрий Дмитриевич Грейшман по обвинению в составлении и отправке секретарю ЦК КПСС анонимного антисоветского письма в защиту вскоре арестованного (6 февраля 1953 г.) педиатра проф. Иосифа Яковлевича Серебряйского с буржуазной клеветой на Ленинско-Сталинскую национальную политику ЦК КПСС и советскую действительность (ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР). 12 марта 1953 г. они были осуждены Ростовским облсудом к 25 годам лагерей каждый (28 августа 1954 г. Судебная коллегия Верховного Суда СССР уменьшила срок наказания до 5 лет и освободила их по амнистии). Лишь 12 сентября 1957 г. Пленум Верховного Суда СССР отменил предшествующие решения, а дело производством прекратил³⁰.

27 января – 11 февраля 1953 г. были арестованы видные профессора Ростовского мединститута – терапевт Абрам Соломонович (Авраам Зельманович) Воронов (1899–1975), зав. кафедрой госпитальной терапии, педиатр Иосиф Яковлевич Серебряйский (1898–1965), зав. кафедрой детских болезней, нейрохирург Павел Иосифович (Ицко-Пинхос Меерович-Еселевич) Эмдин (1883–1959), зав. кафедрой неврологии и нейрохирургии, по обвинению в том, что они являются еврейскими буржуазными националистами, клеветавшими на политику КПСС и советского правительства (ст. 58–7, 58–10, ч. 2 и 58–11 УК РСФСР)³¹, а И.Я. Серебряйский – также в преступных экспериментах над детьми.

В продолжение дела Лихта был арестован 6 февраля 1953 г. 53-летний врач-рентгенолог (доцент Ростовского мединститута, уволенный в 1952 г.) Яков Михайлович Хан по обвинению в антисоветской деятельности и в установлении связи с еврейским

буржуазным националистом Л.М. Лихтом (ст. 58–10, ч. 2, УК РСФСР). Военный трибунал СКВО приговорил его 26 июня 1953 г. к лишению свободы на 3 года в ИТЛ, но с учетом объявленной амнистии он был освобожден из-под стражи в зале суда. Впоследствии он был реабилитирован³².

Наконец, 3 марта 1953 г. была арестована 51-летняя ассистент кафедры детских болезней Ростовского мединститута Фрида Зиновьева Державец по обвинению в преступных экспериментах на детях, совершавшихся совместно с И.Я. Серебряйским, заведующим кафедрой и её руководителем, а также в еврейском буржуазном национализме (ст. 58–7, 58–10, ч. 2 и 58–11 УК РСФСР)³³.

По воспоминаниям дочери ростовского раввина в 1944–1960 гг. Ш.-М.З. Ароновича (1880–1960), во время фабрикации ростовских «дел врачей» арестовали, кроме кантора М.Л. Малкина, также самого раввина по обвинению в том, что они при чтении известной молитвы специально делают ударение на словах «на следующий год в Иерусалиме», стремясь склонить верующих «предать родину», выехав в Израиль, а также в том, что в синагоге хранился радиопередатчик (это абсурдное обвинение даже не требовалось серьезно опровергать). В отличие от М.Л. Малкина, Ш.-М.З. Ароновича освободили через неделю, конфисковав единственную в его доме ценность – облигации «золотого займа».

Нарастающий вал репрессий против евреев затронул не только врачей. Например, помимо кантора и раввина Ростовской синагоги, была арестована 27 января 1953 г. начальник областного управления гострудсберкасс Ростовской области Мира Борисовна Шмин. Она была обвинена в том, что является убежденной еврейской буржуазной националисткой, ведущей антисоветскую агитацию, возводящей клевету на вождя народов (Сталина), руководителей партии и советского правительства, опшляющей национальную политику в СССР, восхваляющей врагов народа и сожалеющей, что после 1924 г. к власти не пришли троцкисты, а также оценивающей с антисоветских позиций внешнюю политику СССР (статья 58–10, ч. 2 УК РСФСР).

Судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда от 22 апреля 1953 г. приговорила М.Б. Шмин к заключению в ИТЛ на 25 лет с конфискацией имущества и

поражением в правах на 5 лет. Письмом от 20 июня 1953 г. зам. прокурора Ростовской обл. потребовал провести следствие по делу М.Б. Шмин в связи с имеющимися свидетельскими показаниями о том, что свидетели по делу М.Б. Шмин оклеветали ее под давлением следствия. 26 июня вынесено постановление о доследовании дела М.Б. Шмин. Прокурор Ростовской обл. сообщил нач. Управления МВД по Ростовской обл., что свидетели по делу М.Б. Шмин отказались от своих показаний. Постановление о прекращении дела М.Б. Шмин за отсутствием состава преступления и освобождении ее из-под стражи было утверждено 29 июля 1953 г.³⁴

Из упоминавшихся выше малосвязанных или совсем не связанных друг с другом людей (возможно, мне не удалось выявить всех привлеченных по этим делам) следователи МГБ-МВД выбивали «добровольные признания». Над частью из них состоялись тайные судебные процессы. Остальные находились в следственном изоляторе в ожидании суда над ними.

Были и другие врачи, которых собирались арестовать по этому делу, но не успели до начала марта 1953 г. Так, во второй половине февраля 1953 г. приходили с ордером на арест моего будущего тестя Семена Исааковича Рубаха, кандидата медицинских наук и директора Ростовского филиала Центрального научно-исследовательского института экспертизы трудоспособности и инвалидности. На его счастье он в это время находился в длительной командировке далеко от Ростова-на-Дону.

Но осужденным и обвиняемым невероятно повезло, ибо когда начался песах (еврейская пасха), 5 марта 1953 г. умер тиран Советского Союза Иосиф Сталин, разбитый параличом на полу своей дачи и брошенный на произвол судьбы своими приближенными, запуганными его непредсказуемым гневом. Через месяц после смерти Сталина 4 апреля 1953 г. было опубликовано потрясшее всех сообщение МВД СССР³⁵ о полной реабилитации и освобождении всех арестованных в Москве врачей (их было 37 человек, включая членов семей ряда из них, т.е. намного больше, чем указывалось в первом сообщении ТАСС).

После появления сообщения о прекращении московского «дела врачей» с запозданием прекратили расследование по аналогичному делу и в Ростове-на-Дону. В начале апреля 1953 г. следствие по делам А.С. Воронова, П.И. Эмдина и А.Г. Бродского

было прервано из-за их болезненного состояния и помещения их в больницу. Первыми освободили 30 апреля П.И. Эмдина, А.С. Воронова и Ф.З. Державец. 4 мая был освобожден за недоказанностью обвинений И.Я. Серебряйский. Последним был освобожден 6 июня 1953 г. А.С. Бродский, которого долго лечили (с 3 апреля по 29 мая) в тюремной психиатрической больнице от мучивших его слуховых галлюцинаций, и даже после возобновления 29 мая следствия³⁶.

Освобождением ростовских обвиняемых по «делу врачей» руководил начальник УМВД по Ростовской области (в марте-сентябре 1953 г.) генерал-майор МВД А. Ручкин (прислан из резерва МВД якобы по направлению тогдашнего министра Берия), который, по воспоминаниям В.А. Бродского (сына А.С. Бродского, ныне живущего в Тель-Авиве) в январе 1953 г. организовал аресты еврейских врачей в Саратове, где тоже фабриковались подобные дела. Возможно, для освобождения врачей в Саратов с той же миссией отправился генерал МВД из какого-нибудь другого города.

В центральных газетах СССР в период фабрикации «дела врачей» постоянно появлялись омерзительные откровенно погромные антисемитские статьи, напоминающие публикации бульварной черносотенной прессы России времен еврейских погромов 1905 г. В своих воспоминаниях З.С. Шейнис³⁷, Я.Л. Рапопорт³⁸, Я.Я. Этингер³⁹ отмечали, что наиболее отвратительные статьи того времени были написаны Ольгой Чечоткиной, Еленой Кононенко, Густой Фучиковой и Василием Адоратским.

Ростовская областная газета «Молот» опубликовала с 14 января по 27 февраля 1953 г. 9 больших статей, перепечатанных из газеты «Правда» (передовых, редакционных и написанных высокопоставленными чиновниками или партийными функционерами) с инсинуациями о еврейских врачах в СССР. Только одна статья была написана ростовским писателем А. Калининным, который «обличал» в ней своих «коллег» Л. Шемшелевича и И. Браиловского, как «псевдолитераторов»⁴⁰.

Широкое распространение в период преследований евреев СССР получили необоснованные увольнения евреев (не обязательно врачей) и их изгнание из занимаемых ими квартир. Например, такая участь постигла моего отца, главного бухгалтера завода эмалированной посуды в Ростове-на-Дону. Он

был уволен осенью 1952 г. под придуманными предлогами, а затем наша семья была выброшена на улицу в присутствии милиции, видимо, чтобы мы не оказали сопротивления. Подобные примеры приводят А.М. Борщаговский и З.С. Шейнис в своих воспоминаниях^{37,41}.

После прекращения дел еврейских врачей в Москве, Ростове и др., полной реабилитации в 1953–1965 гг. всех обвиняемых и осужденных по другим делам 30 – начала 50-х годов казалось, что фабрикация дел против инакомыслящих и их осуждение ушли в прошлое. Но оказалось, что эти надежды были тщетными. Одним из примеров таких дел является дело Лазаря Моисеевича Любарского⁴², родившегося в 1926 г. в г. Бельцы (Молдавия), призванного в 17 лет в армию и служившего в 1943–1948 гг. в авиации (в 1946–1948 гг. окончил вечернюю школу). В 1953 г. он окончил с отличием факультет радиосвязи Одесского электротехнического института, вступив во время учебы в ВКП(б). В 1953–1961 гг. работал инженером и руководителем группы в «Севкавэнерго» и «Энергосетьпроект» (Орджоникидзе), окончив вечернее отделение Орджоникидзевского госпединститута. С 1956 г. у него возник интерес к идеям сионизма и вопросам национальной самоидентификации. С 1966 г. главный инженер проекта и зам. нач. отдела Южного отделения «Энергосетьпроект» (Ростов-на-Дону).

В сентябре 1970 г. он подал ходатайство о выезде в Израиль на постоянное место жительства, отказавшись от допуска к секретным документам. Одновременно он начал принимать активное участие в сионистской и правозащитной деятельности. После этого он был исключен из КПСС и понижен в должности. Он попал под «колпак» органов госбезопасности Ростова, которые возглавлял генерал-майор К.З. Драгун. В 1970 и 1972 гг. в его квартире были произведены обыски с изъятием и конфискацией литературы, документов и материалов.

В сентябре 1972 г. его арестовали, а 2 февраля 1973 г. Ростовский облсуд осудил его к 4 годам лишения свободы в ИТЛ по ст. 190–1 УК РСФСР за изготовление и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и по ст. 75–1 за разглашение государственной тайны. В 1976 г. после отбытия наказания в

лагере строго режима в Белгородской обл. и освобождения он репатриировался в Израиль.

В 1994 г. Верховный суд РСФСР по протесту зам. генерального прокурора РСФСР (в порядке надзора) отменил приговор в отношении Любарского и дело производством прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления (ст. 190–1) и за недоказанностью преступления (ст. 75–1).

Заканчивая рассмотрение обстоятельств фабрикации процессов еврейских врачей и интеллигентов в Ростове-на-Дону, хотелось бы надеяться, что подобное никогда не повторится. Однако в этом заставляет сомневаться выпущенный в 1998 г. Управлением ФСБ России по Ростовской обл. сборник документов и очерков в связи с 80-летием Управления⁴³.

В нем дается дифференцированная характеристика всех начальников Управления, как положительная у одних, так и отрицательная у других, особенно у тех, кто активно участвовал в организации незаконных политических репрессий. При этом для оценки деятельности Н.Г. Трапезникова, А.П. Бызова, К.З. Драгуна авторы (Поляков М.В., Буханцов Ф.В.) нашли лишь хвалебные слова, не упоминая об их участии в организации фабрикации судебных дел еврейских врачей и интеллигентов⁴⁴. Если даже сотрудники ФСБ, знающие правду о полной реабилитации подсудимых упоминавшихся дел, не нашли слов осуждения тех начальников Управления, которые организовали их преступную фабрику, то не может быть уверенности в том, что такое не повторится.

За рамками статьи осталось множество других аналогичных дел, но и тех, что приведены, достаточно, чтобы наглядно показать картину непрерывных преследований в течение более чем полувека евреев как Ростова, так и других мест страны по различным мотивам. Зачастую преступным признавалось лишь желание соблюдать традиции, культуру и знать язык своего народа. Добившись почти полного искоренения их, они все же не смогли уничтожить у многих евреев России и других республик бывшего СССР национальное самосознание, независимо от того, остались ли они жить в диаспоре или репатриировались на свою историческую родину в Израиль, либо выехали в иные страны. Вполне возможно, что именно все меры властей по искоренению в евреях «еврейского духа» вызывало в людях

внутренний протест и стремление сохранить связь со своими предками, пробуждая национальное самосознание.

Автор признателен руководству Управления ФСБ по Ростовской обл. за предоставленную возможность ознакомиться с материалами уголовных архивных дел, В.А. Бродскому и др. за разрешение использовать их личные воспоминания (многие просили не называть их).

Примечания

¹ Мовшович Е.В. Евреи на Дону: очерки истории от древнейших времен до наших дней // Яхад (Ростов н/Д), 1999. № 3 (17). С. 4.

² Ф.Ш. Суд над Ешиботом // Советский юг (Ростов н/Д), 14.04.1921, № 81. С. 2.

³ Мовшович Е.В. Хасиды на Дону // Донской временник Год 2000-й. Ростов н/Д: ДГПБ, 1999. С. 122–125.

⁴ Ф.Ш. Суд над Ешиботом // Советский юг (Ростов н/Д), 14.04.1921, № 81. С. 2.

⁵ Ликвидация «Ешибота»: Приказ № 170 Донского Областного Исполнительного Комитета 20 мая 1921 г. // Советский юг, 21.05.1921, № 112. С. 2. Мовшович Е.В. Преследования евреев Ростова-на-Дону в 1920–1921 гг. // Шма (Ростов н/Д), 22.12.2000–9.03.2001, № 4(25). С. 5.

⁶ Ф. Ш. Суд над сионизмом // Советский юг, 18.05.1921, № 109. С. 2.

⁷ Архив Управления ФСБ по Ростовской области (АУФСБРО). Дело № П–566078.

⁸ АУФСБРО. Дело № П–41192.

⁹ АУФСБРО. Дело № П–56678.

¹⁰ АУФСБРО. Дело № П–56678.

¹¹ АУФСБРО. Дело № П–41192.

¹² АУФСБРО. Дело № П–18266.

¹³ АУФСБРО. Дело № П–3569. Мовшович Е.В. «Сфабрикованные» уголовные дела ростовских раввинов (по архивным материалам) // Шма (Ростов н/Д), 8.0–6.07.2000, № 10(20). С. 1–2.

¹⁴ «Красное колесо» переехало и через «Ростсельмаш» (хроника террора 30-х годов): Книга памяти жертв политических репрессий работников «Ростсельмаша» / И.М. Весельницкий. – Ростов н/Д: Ростовская региональная ассоциация жертв незаконных политических репрессий «Мемориал», 1999. 165 с.

¹⁵ АУФСБРО. Дело № П–53378. Мовшович Е.В. Преследования ростовских евреев по политическим и национальным мотивам в 1937–1950 гг. // Шма (Ростов н/Д), 8.04–11.05.2001, № 6(27). С. 4.

¹⁶ АУФСБРО. Дело № П–14223. Мовшович Е.В. Преследования ростовских евреев по политическим и национальным мотивам в 1937–1950 гг. // Шма (Ростов н/Д), 8.04–11.05.2001, № 6(27). С. 4.

¹⁷ АУФСБРО. Дело № П–14223. Личный архив В.А. Шика.

¹⁸ АУФСБРО. Дело № П–7488.

¹⁹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Фонд 9, оп. 1, д. 1012. Л. 37/6. Личное сообщение Д.Л. Резникова. АУФСБРО. Дело № П–13157.

- ²⁰ АУФСБРО. Дело № П–32314. *Мовшович Е.В.* Полвека Бировского дела // Донской временник. Ростов н/Д: ДГПБ, 2000. С. 44–45.
- ²¹ АУФСБРО. Дело № П–32314. *Мовшович Е.В.* Первый тайный процесс над врачами-евреями в Ростове-на-Дону // Шма (Ростов н/Д), 8.04–11.05.2001, № 6(27). С. 4, 7. Мовшович Е.В. Фабрикация судебных процессов над еврейскими врачами в 1950–1953 гг. – последние преступления сталинского режима в Ростове-на-Дону // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Ин-т славяноведения РАН (академическая сер., вып. 10), 2002. С. 331–341.
- ²² ЦДНИРО. Ф. 9, оп. 1, д. 1395, л. 214/2.
- ²³ АУФСБРО. Дело № П–17266.
- ²⁴ *Кокурин А., Петров Н.* МГБ: структура, функции, кадры (1946–1953) // Свободная мысль, 1997, № 11. С. 113.
- ²⁵ Личное сообщение В.А. Бродского. *Гонтмахер М.А.* Евреи на Донской земле. Ростов н/Д: Ростиздат, 1999. С. 257–258 и др.
- ²⁶ *Мальшев В.А.* Дневник наркома: Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти // Источник, 1997. № 5. С. 140.
- ²⁷ АУФСБРО. Дело № П–30721.
- ²⁸ Арест группы врачей-вредителей: Хроника // Правда, 13.01.1953, № 13. С. 4.
- ²⁹ АУФСБРО. Дело № П–13150.
- ³⁰ АУФСБРО. Дело № П–14728.
- ³¹ АУФСБРО. Дело № П–13150.
- ³² АУФСБРО. Дело № П–49797.
- ³³ АУФСБРО. Дело № П–13150.
- ³⁴ АУФСБРО. Дело № П–7042.
- ³⁵ Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда, 4.04.1953. № 84. С. 2.
- ³⁶ АУФСБРО. Дело № П–13150.
- ³⁷ *Шейнис Э.С.* Провокация века. М.: ПИК, 1992. С. 106.
- ³⁸ *Рапопорт Я.Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 г. М.: Книга, 1988. С. 67.
- ³⁹ *Этингер Я.Я.* К сорокалетию «дела врачей» // Международная еврейская газета, 1993, № 2–4. Л. 10.
- ⁴⁰ *Калинин А.В.* В третьем эшелоне // Молот, 19.02.1953, № 42. С. 3–4.
- ⁴¹ *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. М.: Сов. писатель, 1991. С. 36.
- ⁴² АУФСБРО. Дело № П–56202. Антисемитские процессы в Советском Союзе (1972–1975 гг.). Документы и юридические комментарии. Т. 3/. Ред. и авторский комментарий А. Рожанский. Иерусалим, 1984. С. 116–186. *Мовшович Е.В.* К 75-летию со дня рождения Л.М. Любарского // Шма (Ростов н/Д), 9.03–9.04.2001, № 5(26). С. 4.
- ⁴³ На страже отчества: Документы, воспоминания, очерки, посвященные 80-летию Управления Федеральной службы Безопасности России по Ростовской области / В.М. Бондаренко и др. Ростов н/Д: Изд-во «Юг», 1998, 248 с.
- ⁴⁴ *Поляков М.В., Буханцев Ф.В.* Начальники Управления // На страже отчества. С. 17, 18, 21.

Эмма Шкурко (Уфа)

Три дела Гени Левит¹

В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века Башкирия стала местом ссылки сионистов, эсеров, в том числе – легендарной Марии Спиридоновой, меньшевиков и троцкистов. Многие из этих людей знали в прошлом друг друга по тюрьмам, ссылкам, политизоляторам и поддерживали дружеские отношения.

Интересно, что перепись 1939 г. показала значительное число евреев, живших «в традиции», с преобладанием мужчин. В сельской местности проживало %, Можно предположить, что эту статистику создали ссыльные.

Среди них был Израиль Израилевич Бердичевский, в прошлом членом сионистского союза молодежи, и его жена Левит Геня Соломоновна, 1904 г.р., уроженка Варшавы, образование – среднее, беспартийная, из служащих (отец – учитель, по видимому, меламед) в юности связала свою судьбу с сионизмом. В 1925–26 гг. она была членом сионистского союза молодежи ЦСЮФ, участвовала в работе Полтавской, потом Киевской организации. За это она почти на 30 лет стала профессиональной осужденной. В 1926 г. по решению особого трибунала ОГПУ Геня была сослана на 3 года на Урал. Отбыв срок ссылки в 1929 г, как минус 6 лет отбывала в Уфе. Геня работала бухгалтером Башконторы «Союзутиль», растила с мужем сына Бенора, родившегося в 1930 г.

В «1937 году в Уфе была вскрыта и ликвидирована анти-советская сионистская организация, руководителем которой являлась бывший член ЦК правого «Гехолуц» Казарновский».

Казарновский Фишель Саулович, 1902 г.р., уроженец м. Ряды Оршанского района, член партии сионистов с 1920 г., был осужден в 1925 г. на 3 года за активную антисоветскую деятельность как бывший секретарь нелегальной ЦК правого «Гехолуца», в 1928 г. сослан в Уфу на 3 года. Здесь он работал экономистом дирекции автотреста.

На допросе он признал, что «пребывание в политизоляторе и ссылке не только не приостановило его антисоветской деятельности, но и расширило связи среди сионистов и других

участников различных антисоветских формирований, укрепило антисоветские убеждения и необходимость дальнейшей борьбы с Советской властью. Политическая связь сионистов с эсерами, меньшевиками выражалась в частых посещениях друг друга, систематических разговорах антисоветского содержания по вопросу природы Советской власти и диктатуры пролетариата. Особенно озлобленно он отзывался о проводимой тогда в селе коллективизации, которую считал «несвоевременной», предрекал деградацию сельского хозяйства и полный провал коллективизации.

Фишель получал письма из Палестины от брата Моисея, литературный псевдоним «Эрем», члена организации «Поалей-Цион» с 1917 года, в 1920 году Разведупром нелегально переброшенного в Польшу для выполнения секретного задания. В Польше его приговорили к смертной казни, но ему удалось бежать в Вильно, а оттуда в Литву, где работал по линии МОПРА. Из Литвы был выслан в Германию и там служил в Торгпредстве, а перед приходом Гитлера уехал в Палестину. Товарищ Моисея по Харькову – Слотин Льв, высланный в Палестину и работавший врачом в Тель-Авиве, Лерман Шошана, эмигрировавшая в 1927 г. и работавшая в сельскохозяйственной артели в Микволь-Израиль сообщали о политической и экономической жизни Палестины, ходе еврейской колонизации. Член ЦК «Гехолуц» Шнеерсона в 1930 году нелегально ездил в Палестину и так же нелегально вернулся обратно в СССР, о чем Казарновский узнал в пути следования по этапу от кого-то из сионистов.

Находясь в 1931 г. в ссылке в Уфе, Казарновский продолжал антисоветскую деятельность в существовавшей там нелегальной сионистской организации, куда входили:

Комиссаров Мотя, видный работник сионистской социалистической партии, Розенберг Борис Иосифович, экономист Башкирского управления проектов, имевший связи с Палестиной; Бердичевский Израиль Израилевич, бухгалтер Союзкож, с которым был вместе в отбывал тюремное заключение там же, также имевший связи с Палестиной, и его жена Геня Соломоновна, Левит; Межерицкий Сана, бухгалтер «Союзнефти», с которым познакомился в Верхне-Уральском политизоляторе; Шептовицкий Зельман Менделевич, плановик «Со-

юзуголь»; Розенгауз Борис Самуилович, бухгалтер Башросглавхлеба, отбывавший в Уфе «минус», до этого бывший в ссылке; Неверодская Роза Григорьевна, товаровед культбазы Башсоюз, отбывавшая в Уфе «минус», до этого бывшая в ссылке; Аптекарь Хава Яковлевна, бухгалтер «Союзнефти», была несколько раз в ссылке, имела связь с Палестиной, муж ее эсер Драверт отбывал ссылку в Уфе.

Все эти люди были признаны в дальнейшем кадровыми сионистами и обвинены в организационно-политической связи.

В задачи сионистской организации входило:

1. Поддержание организационной связи сионистов друг с другом.

2. Оказание материальной помощи кадрам.

3. Связь с Палестиной для информации заграницы о положении сионистских кадров в СССР.

С начала 1932 года была установлена политическая связь между сионистскими и эсеровскими организациями, существовавшими в Башкирии. Частые встречи участников этих организаций выявили общность их политических взглядов, сводившихся к непримиримому отношению Советской власти и политике ВКП(б) и необходимости мобилизации и консолидации сил борющихся против Советской власти. Он признал свою тесную политическую связь с эсером Белостоцким и посещения нелегальных сборищ эсеров, на которых также бывали сионисты Розенберг, Аптекарь и Бердичевский.

При обсуждении международного положения Советского Союза участники сборищ высказывались в антисоветском направлении. Например, по вопросу о возможности войны с Японией один из эсеров бросил реплику: «Неизвестно, чья еще победа нам желательна».

Участниками сионистской организации «Гехолуц» устраивали сборища, на которых с антисоветских позиций подвергали критике вопросы политики ВКП (б) и Советского правительства, пропагандировали буржуазно-националистические концепции. Свою работу контактировали с участниками вскрытой и ликвидированной в Уфе антисоветскими организациями эсеров и меньшевиков.

Контрреволюционная деятельность организации выражалась в разговорах и материальной помощи нуждающимся

участникам организации. Во время этих встреч высказывал свои взгляды, предрекал неминуемый провал этой политики ВКП (б) и разорение крестьянства, внедрял эмигрантские настроения, делился имевшимися данными о жизни в Палестине.

Эсеры обсуждали вопрос о допустимости террора в борьбе с Советской властью, эти позиции он не разделял. На собраниях меньшевиков были те же контрреволюционные разговоры, что и у эсеров.

Из протокола допроса арестованного эсера Драверта Леонида Петровича, экономиста Заготскота, 1901 г., состоявшего в партии левых эсеров с 1923 года, привлекавшегося в 1925 году за принадлежность к контрреволюционной эсеровской организации, осужденного на 3 года заключения в политизоляторе, а в 1931 году осужденного Особым Совещанием НКВД к 3 годам ссылки:

«В период пребывания в Чимкентской ссылке в 1928–30 гг. предоставлял свою квартиру для сионистов, приезжавших для получения загранпаспортов, оказывал им помощь при отъезде за границу. В 1929 г. он готовил свой побег за границу, в 1930 г. – давал указания одному сионисту о том, как информировать заграничную прессу о Сузакском восстании казаков. Рассказал он также о сионистских группах Чимкента, Полтавы и их членах.

В ноябре 1934 года, прибыв в Уфу, встретился с левым эсером Егоровым-Сугутским и в беседе о наличии в Башкирии ссыльных вообще, и в частности, сионистов, потому что его жена сионистка и должна была приехать вслед за ним в Башкирию, а также потому что за 9-летнее пребывание в изоляторах и ссылках он везде и всюду поддерживал организационно-политические связи с сионистами, исходя из партийных установок.

Приехав в Уфу в 1935 г. его жена Аптекарь Хава отвечала на запросы от товарищей по ссылкам с указанием, куда выехать на жительство тому или другому сионисту. Летом 1935 г. был приглашен из Киева сионист Межеричкий, знакомый по Тобольской ссылке.

Член центра объединенных эсеров Спиридонова, у которой Драверт жил на квартире с женой, видела, что их посещали сионисты. Он информировал ее о полученных еще в Тобольске

указаниях на подобную деятельность от Самохвалова. Спиридонова М.А., ответила, что эти установки знает, но в Башкирии практически контактов антисоветской деятельности эсеров с сионистами не осуществлялось. Она сама лично никаких связей с сионистами не имела. Когда в апреле 1935 г. Узнав, что в Уфу для окончания срока ссылки прибывает видный деятель сионистов Комиссаров, Спиридонова предложила Драверту использовать двух видных сионистских деятелей – Комиссарова и Казарновского – в целях установления политического блока между объединенными эсерами и сионистов. Такой блок был заключен на базе совместной борьбы с Советской властью и ВКП (б) и отправными пунктами являлись следующие:

1. Сионистские организации в СССР имели свои специфические и национальные интересы в Палестине, сохраняя еврейскую организационную самостоятельность;
2. Сионисты оставляли за собой право вести сионистскую пропаганду за Палестину против Биробиджана среди еврейских масс;
3. Для объединения антисоветской работы по общим с руководством контрреволюционными вопросами отдельные сионисты (по специальному разрешению руководителей местных организаций) и отдельных организаций (по разрешению сионистского центра) предоставляется право контактировать с местными эсеровскими организациями;
4. Сионисты в борьбе с властями применяют методы, принятые объединенными эсерами: а) использование служебного положения в целях вредительства, б) диверсионные акты, в) террор.
5. Сионистам предоставляют право эсерам использовать их сионистские нелегальные возможности для связи с границей;
6. После ликвидации советского строя и легализации объединенных эсеров сионистские кадры по персональному желанию каждого, в зависимости от его политических взглядов и убеждений могут вступить в эсеровскую партию.

Переговоры Белостоцкого с лидерами сионистов продолжались около двух месяцев. В процессе переговоров имели место разногласия:

1. Сионисты возражали против блока с троцкистами по вопросу о терроре, т.к. в программе сионистской организации террор всегда был исключен;
2. Эсеры настаивали на прекращении эмиграционной агитации, а отсюда, как следствие прекращение эмиграции в Палестину.

В результате по этим наиболее существенным вопросам сделана уступка с той и другой стороны, т.е. сионисты признали необходимость блокироваться с троцкистами, как метод борьбы с Советской властью – вредительство, диверсии и теракты. Эсеры согласились с предоставлением права сионистам вести пропаганду за эмиграцию в Палестину. Заключительное заседание состоялось примерно в середине июня 1935 г. за городом на воронках под видом пикника. На этом совещании были основные пункты блока объединенных эсеров с сионистами. В целях согласования блока вопросов члены сионистского центра Казарновский, который в течение 1935–36 гг. выезжал, используя служебные командировки и отпуска, в Москву, Харьков и Ростов-на-Дону, и Комиссаров сносились с другими членами центра – Левиным, находящемся в Сталинграде, Ягудой Кагановичем, проживавшем в Тобольске, Цирлиным-Розовским. Сионистка Аптекарь информировала мужа обо всех перемещениях сионистов на территории СССР.

Сборища проходили под видом устройства семейных вечеров, преимущественно в дни революционных праздников, носили ярко выраженный контрреволюционный характер. Помимо контрреволюционных разговоров пелись сионистские и бундовские песни на еврейском языке (на жаргоне «иврите»). Обсуждались вопросы единого фронта в капиталистических странах, причем общее мнение было таково, что единый фронт возможен только при условии легализации социалистических партий в СССР. Обсуждался проект Новой Конституции, причем конституция рассматривалась с контрреволюционных позиций и извращалась ее сущность. Процесс над троцкистами и зиновьевцами рассматривались как фальсификация большевиков с целью расправиться со своими политическими против-

никами и вообще осуждалась карательная политика Советской власти.

Из протокола повторного допроса обвиняемого эсера Маковского Антона Даниловича:

В 1932 г. прибыл в Уфу для отбывания срока ссылки, через эсера Белостоцкого познакомился с сионистами Казарновским Фишелем, Розенбергом, Бердичевским и его женой, которых встречал на квартире Спиридоновой и других. Они принимали участие на объединенных сборищах меньшевиков и анархистов. На одном из собраний летом 34 г. у левого эсера Подгорского все пришли к выводу, что в СССР в настоящее время существует госкапитализм и что большевикам еще далеко до социализма. Говорили о том, что есть страны, которые ближе стоят к социализму, чем СССР, например, Америка, где есть высокоразвитая промышленность, техника, культура. Большевики стремятся подтянуть СССР к социализму, но у них ничего не выйдет, т.к. путь выбран ими долгий и тяжелый для народа.

В октябре состоялось сборище на квартире Цедербаума-Левицкого, который сделал информацию о международном положении с уклоном о едином фронте коммунистов и социалистов, о необходимости консолидации враждебных ВКП (б) сил внутри СССР, информация о положении в концлагерях, изоляторах, ссылке в СССР и сделал вывод, что «фактически осуществляется блок всех социалистических партий».

В феврале 1935 г. Цедербаум-Левицкий заявил на объединенном сборище, где присутствовали также троцкист Лапидус, анархист Блатов, что после убийства Кирова произошли большие репрессии в СССР, они вызвали большое возмущение за границей, даже французская компартия раскололась под нажимом этих политических моментов внутри СССР. Разговоры велись о тайном голосовании, которое необходимо использовать в контрреволюционных целях, ибо недовольные будут стремиться провести своих кандидатов. Кац сказал, что вопрос индустриализации раздувается коммунистами, на самом деле строительство срывается, например, строительство моторного завода в Уфе сворачивается из-за отсутствия средств, то же и на других стройках. «Большевики правы были бы, если бы свернули все стройки и отдали бы их в концессии

и распустили бы колхозы, т.к. другого выхода нет». Осенью 1933 г. в квартире эсера Доброхотова Бердичевский с женой и Маковский беседовали о политических установках сионистов. Доброхотов высказал мнение что, сионисты отошли от своих прежних позиций, стали наиболее реакционными и стремились к одному общему «социалистическому фронту для борьбы с коммунистами». Бердичевский это подтвердил.

Израиль Бердичевский был арестован 2 августа 1937 г. органами НКВД, 4 ноября того же года была арестована Геня и привлечена к этому же делу в качестве обвиняемой в том, что являлась «активной участницей контрреволюционной сионистской организации, поддерживавшей тесные связи с контрреволюционными элементами и проводила контрреволюционную деятельность», т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР.

На допросах Г. Левит назвала своих знакомых, говорила о том, что они собирались на ее квартире, но никаких вопросов политического характера не обсуждали, ни в какой антисоветской организации не состояла, контрреволюционной деятельностью не занималась. Виновной себя не признала.

Дело Казарновского было передано на рассмотрение Особого Совещания, Драверт Л.П. – этапирован в распоряжение НКВД СССР; эсеры Белостоцкий Б.С., Маковский А.Д. и Егоров-Сугутский П.А осуждены военной коллегией Верховного суда к ВМН.

Дело Бердичевского прекращено со смертью обвиняемого. Следственное дело по обвинению Левит, «уличенной показаниями Казарновского, Белостоцкого, Маковского», выделено в отдельное производство и направлено через прокуратуру БАСССР на рассмотрение Особого Совещания при НКВД. Обвиняемая Левит содержалась под стражей в тюрьме г. Уфы. 31 декабря 1938 г. Постановлением срок содержания под стражей продлен.

Выписка из протокола № 25 Особого Совещания при НКВД СССР от 11.04.1940 г.: Г.С. Левит за участие в антисоветской организации заключена в ИТЛ сроком на 5 лет, считая срок ареста от 4.11.37 г.

В связи с военной обстановкой Левит была задержана в лагерях и освобождена из Карагандинского лагеря в августе

1944 г. До января 1947 г. не работала, т.к. не могла найти подходящую работу, жила на иждивении сестры во Владимирской области. Потом устроилась бухгалтером транспортного отдела строительства Щекинской ГЭС, с декабря 1947 г. работала в Ангарской экспедиции. Сын – Бердичевский Бенор Израилевич, 1930 г.р. учился в Иркутском горном институте.

20 декабря 1950 г. Геню арестовали и подвергли обыску в третий раз. Дело № 667 рассматривается 29.12.50-3.02.51 г. живет она в это время уже в деревне Малая Разводна Иркутского района. Суд нашел, что «Г. Левит, будучи враждебно настроена к существующему в СССР социалистическому строю и, являясь членом контрреволюционной сионистской организации ЦСП и ЦСЮФ, на протяжении ряда лет проводила активную организованную антисоветскую работу». Эти обвинения Г.С. Левит отрицает.

Выписка из протокола № 15 Особого Совещания от 14.04.1951 г., постановившего, что «за принадлежность к антисоветской организации сослать на поселение в Красноярский край под надзор органов МГБ». Прилагается медицинская справка: «может выполнять легкую работу».

Заключение от 19.04.1955 г. Помощник прокурора БАССР по спецделам рассмотрев архивно-следственное дело № 8-5665 по обвинению Левит по ст. 58-10, ч.1 п.11, установил:

1. «Виновность Левит в том, что она состояла в правой сионистской организации и принимала в ней участие, вела на протяжении ряда лет активную борьбу против Советской власти материалами дела совершенно не подтверждено. Левит со дня ее ареста и по настоящее время ни в чем себя виновной не считает.
2. Основными документами, имеющимися в деле, которые были положены в основу обвинения Левит, послужили копии протоколов допросов обвиняемых Казарновского, Белостоцкого, Маковского, Драверта, осужденных по другим делам к ВМН. Однако в показаниях указанных выше лиц о преступной деятельности Левит ничего конкретного не указано: где, какую контрреволюционную деятельность против Советской власти в протоколах допросов не имеется и поэтому не может быть положена в основу доказательств и осуждения ее

органами НКВД (приводятся выдержки из показаний). Муж Левит – Бердичевский показал, что “Ни в какой политической организации не состоял и никаких политических разговоров не проводил и ни в каких собраниях в Уфе не участвовал. Приглашались на вечера семейного порядка, вызванные именинами того или иного члена семьи. Вопросы контрреволюционного порядка не обсуждались”. Левит признала только, что в 1925–26 гг. состояла в молодежной организации ЦСЮФ в Киеве. В Уфе никакой деятельностью не занималась. Утверждая обвинительное заключение по делу Левит заместитель прокурора по спецделам 22.12.1937 г. пишет: “за невозможностью использовать доказательства в суде дело направить на рассмотрение Особого Сопсовещания”, т.е. считал, что недостаточно собрано было улик для предания Левит суду.

На основании изложенного полагал бы принести протест в Уголовно-Судебную Коллегию Верховного Суда СССР».

28.09.1955 г. – протест Генерального прокурора СССР – Постановление Особого Сопсовещания от 14.04.1940 г. в отношении Г.С. Левит отменить и дело производством прекратить. Г.С. Левит обратилась с заявлением о судьбе конфискованного и оставленного имущества, включая квартиру, в ответе на которое было сказано, что «имущество заключенной Левит и ее мужа в 1938 г. реализовано как бесхозное, деньги сданы в доход государства и возврату не подлежат». На ее повторное заявление в декабре 1955 г. принято решение: «при законности ее требований принять меры к возвращению изъятого имущества». Ответ КГБ БАССР от 28.02.1956 г.: «стоимость изъятых вещей на общую сумму 8486 руб. 50 коп. возвратить. Деньги отправить почтовым переводом».

Заключение от 14.04.1992 г.: «по материалам уголовного дела № 3339 Левит подпадает под действие ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов”».

Трагическая судьба Гени Левит типична для людей ее поколения, принявших участие в сионистском движении, и

четко отражает этапы борьбы с этим движением в Советском Союзе.

Примечания

¹ Временный фонд БСБ РФ по РБ № 3339.

Summary

Emma Shkurko (Ufa)

Three cases of Genya Levit

At the end of 20 – the beginning of 30th years of the last century Bashkiria became a place of the exile of Zionists, esseris, mensheviks, and trotskistis. Many of these people knew each other in the past when they were in prisons, in the exiles, politizoluatorah and had friendly relations after that.

In 1937 many of them were arrested and accused of the participation in the anti-soviet Zionist organization in Ufa which head was the former member of the Central Commettee of the right wing «Geholuts» Kazarnovski Phishel, a member of the Zionists party since 1920, the former secretary of the illegal wing of the Central Commettee of the right wing «Geholuts».

During the negotiations between essers and the leaders of Zionists disagreements took place. Zionists whose program always excluded terror, objected against the block with trotskistis concerning terror took place; esseri insisted on the termination of the emigratory propaganda, and that meant the end of emigration to Palestine.

Later on the agreement on these vital problems was achieved. The final session was held approximately in middle of June, 1935 it was a kind of a picnic. Besides conterrevolutionary talks Zionist and Bund songs in the Jewish language (on a slang «Hebrew») were sung.

Some of them were arrested, among the prisoners were Israel Berdichevski and his wife – Genya Levit, she was born in 1904 in Warsaw. It was her second arrest. In 1925-26. Genya was a member of the Zionist union of youth ЦСЮФ, participated in work of Poltava, then Kiev organizations, for that activity she was banished for 3 years to the Urals in 1926 under the decision of Special tribunal OGPU. After the exile in 1929 she was obliged to be in Ufa for 6 years and worked as bookkeeper in Bashkontory «Souzutil». She was accused that she was an active participant of

the counterrevolutionary Zionist organization supporting close communications with counterrevolutionary elements and made the counterrevolutionary activity.

Левит guilty itself has not recognized herself guilty. The case of Berdichevski was stopped because he was dead. Kazarnovski's case. and the case of the leaders of essers transferred on consideration of the Special Meeting which sentenced them to the maximum measure of punishment.

Genya Levit was put into the camp for participation in the anti-soviet organization for the period of 5 years by a special Meeting at NKVD the USSR from 11.04.1940

In special Meeting at НКВД the USSR on 11.04.1940 G.S.Levit for participation in the anti-soviet organization is made in camp for the period of 5 years.

In December, 20, 1950. Genya was arrested for the third time in Irkutsk. « For a belonging to the anti-soviet organization and was banished on a settlement to Krasnoyarsk region under supervision of bodies MGB for 3 years».

19.04.1955. The assistant of a public prosecutor Baskirskaya SSR has established:

«The Guiltiness of Левит was not confirmed by the with materials. The basis of accusation of Левит were the copies of the reports of the interrogations accused Kazarnovski, essers Belostokski, Makovski, Dravert, condemned on other affairs to ВМН. However in the indications of the mentioned above persons about the criminal activity of Levit nothing concrete was mentioned».

The decision of Special Meeting from 14.04.1940 in G.S. Levit's attitude was cancelled and her case was stopped.

The destiny of Genya Levit is typical for people of her generation which have connected destiny with Zionist movement, and precisely reflects stages of struggle against this movement in Soviet Union.

Евгений Розенблат (Брест)

Основные проблемы терминологии темы Холокоста

Тема Холокоста всё более ощутимо становится предметом научного изучения. Тем более важным и актуальным представляется вопрос о дефинициях – проблема терминологии. Ведь и сегодня у представителей различных наук, да и у специалистов в одной отрасли знаний, некоторые понятия и термины трактуются по-разному, что затрудняет адекватное понимание положений и выводов исследователя. В документах по теме, специальной литературе, мемуарах, в обиходе зачастую как синонимы используются такие термины, как:

1. Холокост (укр. Голокост, Голокауст; белор. – Галакост) – Катастрофа – Шоа – геноцид – «окончательное решение еврейского вопроса».

2. Гетто – еврейский район – еврейский квартал – концлагерь.

Наиболее острую полемику вызывает вопрос о соотношении понятий, обозначающих трагедию еврейского населения стран Европы в годы второй мировой войны. Как полярные можно отметить точки зрения о том, что 1) дефиниции Холокост – Катастрофа – Шоа – геноцид – «окончательное решение еврейского вопроса» являются тождественными; 2) эти термины имеют различную смысловую нагрузку и не совпадают между собой. Естественно, что столь различные подходы имеют определённые последствия и напрямую отражаются на выводах исследователей. Сторонники «уравнительного» подхода чаще всего отстаивают мнение о том, что, поскольку принципиальной разницы между терминами не существует, следовательно, нет необходимости использовать некие специальные дефиниции для обозначения нацистской политики массового уничтожения евреев, признавая единственно верным понятие «геноцид». Тем самым, по сути, опровергается уникальный (специфический, отличительный) характер самого явления, подчёркивается его «стандартность» (универсальность). Исследователи, настаивающие на том, что тотальное истребление еврейского народа – это исключительное, не имеющее аналогов в мировой истории явление, считают вполне закономерным использование таких специальных названий, как Холокост (Катастрофа, Шоа). Для

того, чтобы разобраться с данной проблемой, необходимо обратиться к этимологии – проследить историю происхождения каждого термина, а также определить географию его применения и степень распространения.

«Авторы» идеи поголовного уничтожения еврейского населения – нацистские лидеры (А. Гитлер, Г. Геринг, Р. Гейдрих и др.) употребляли термин «окончательное решение» (Endlösung). При этом на разных этапах разработки единой программы действий в отношении европейских евреев они вкладывали различный смысл в содержание этого понятия. Безусловно, антисемитская политика нацистов после их прихода к власти в Германии изначально не имела целью физическое истребление еврейского народа. Скорее это было ещё не достаточно артикулированное желание избавиться от евреев, удалить их путём массовой депортации за пределы того жизненного пространства, которое должна была занять «германская раса». Эволюция «окончательного решения» привела к тому, что неопределённая, не спланированная во всех деталях операция, направленная на избавление от евреев, приобрела конкретную форму, и курс был взят именно на физическое уничтожение. Существует обширная научная литература по вопросам о механизме принятия «окончательного решения»¹ и интерпретации содержания этой формулы. Только после начала второй мировой войны уничтожение евреев стало своеобразным лейтмотивом антиеврейской политики нацистов. Ещё одним поворотным пунктом стала осень 1941 г. 15 ноября 1941 г. в ходе совещания А. Розенберга с Г. Гиммлером среди прочих обсуждался и еврейский вопрос. Тремя днями позже на секретном инструктаже для немецких журналистов А. Розенберг, говоря о совещании, отметил, что еврейский вопрос может быть решен только путём физического уничтожения всего европейского еврейства (как вариант упоминалось и о другом решении – высылке всех евреев за Урал). Традиционно считается, что официально принципиальная позиция по еврейскому вопросу была сформулирована на так называемой Ванзейской конференции (20 января 1942 г.). Действительно, хотя в официальном протоколе не фигурировали такие термины, как убийство, элиминация (выселение) и уничтожение, скорее всего именно в начале 1942 г. идея «окончательного решения» выкристаллизовалась как решение о тотальном физическом уничтоже-

нии евреев. На сегодняшний день понятие «окончательное решение еврейского вопроса» определяется как планомерное, последовательное, тотальное физическое уничтожение нацистами европейских евреев в период 1942–1945 гг. и прочно ассоциируется с Ванзейской конференцией.

Термин «Холокост» («Holocaust») как определение преследования нацистами еврейского населения в оккупированных европейских странах появился впервые в бюллетене Еврейского телеграфного агентства от 24 декабря 1942 г. в значении «сожжение заживо», т. е. как обозначение одного из способов уничтожения евреев, применяемого нацистами наряду с повешениями и расстрелами. Хотя можно привести примеры «частного» использования понятия «Холокост» по отношению к гитлеровским преступлениям против еврейского народа в тот период, когда ещё не была в полном объёме развёрнута гитлеровская политика уничтожения (так, во вступительной статье А.А. Брилля к собранию сочинений З. Фрейда, изданных в 1938 г., автор употребил этот термин, говоря о гитлеровском антиеврейском терроре в Вене и судьбе З. Фрейда и его семьи).

Специальные названия на еврейском языке стали широко использоваться для определения судьбы евреев в годы второй мировой войны во второй половине 40-х годов. У каждого из них своя история. «Hurb'n» (идиш) издавна употреблялось как термин, обозначающий несчастья древних евреев, символизирующий разрушение первого и второго Храма, имеющий подчеркнутое религиозное содержание. Слово «Sho'ah» (иврит) буквально переводится как «страшное разрушение, катастрофа». Библейское определение «Шоа» включает в себя божественный суд и наказание. Использование указанных терминов на идиш и иврите вызывало у израильтян определённые сомнения, так как могло привести к интерпретации трагедии евреев в годы войны как продолжения прошлых несчастий. Поэтому израильские историки более охотно начали использовать понятие «Холокост», а параллельно с ним термин «Катастрофа» («Catastrophe») (можно отметить, что единичное использование термина «Катастрофа» началось ещё в преддверии тотального уничтожения евреев: в 1940 г. на иврите была издана брошюра под редакцией А. Гартгласа «Катастрофа евреев Польши»).

Достаточно продолжительное время понятие «Холокост» не являлось доминирующим в определении трагедии европейского еврейства. Более широкое употребление в историографии этого термина отмечается в 50-е годы XX в., когда обозначение «Холокост» воспринималось как англоязычный эквивалент еврейских понятий «Hurb'n» и «Sho'ah».

Признано, что заслуга в популяризации термина Холокост принадлежит израильскому писателю Эли Визелю, который разъяснил, что греческое слово «Холокост» взято из греческого перевода Библии и, следовательно, его смысловое значение изначально заимствовано из иврита и переводится как «сожжённая жертва», «жертвоприношение». Э. Визель сравнил Холокост с принесением в жертву Авраамом своего сына Исаака. Некоторые исследователи подчёркивали неоправданность использования термина Холокост именно в связи с его религиозным содержанием. Так, американский историк Уолтер Лакер заметил, что нацисты не выступали в роли исполнителей ритуала жертвоприношения, а евреи не являлись ритуальными жертвами. Но в конце 1960-х–70-е годы термин «Холокост» начал вытеснять на второй план все остальные аналогичные понятия (Хурбн, Шоа). Показателем признания научной общественности этой дефиниции, стало то, что в библиотеке Конгресса США книги по истории европейских еврейских общин периода второй мировой войны были отнесены в раздел «Холокост». 29 декабря 1971 г. ежегодный съезд Американского исторического общества впервые посвятил одно из своих заседаний теме Холокост (участие в нём приняли такие крупнейшие специалисты как Герд Корман, Рауль Хилберг, Исаяя Трунк, Рэндольф Брэхэм). В 1977 г. в прокате появился американский документальный 14-серийный телефильм «Холокауст» и это привело к тому, что термин Холокост получил признание не только со стороны специалистов, но и занял определённое место в массовом сознании, выйдя за пределы англоязычных стран. Такие факты как создание научно-исследовательских центров «Холокост» в различных государствах и открытие музея Холокоста («Holocaust Memorial») в Вашингтоне в 1993 г. свидетельствуют об успешном укреплении позиций термина. По мнению западных историков, временные рамки Холокоста охватывают период с 1933 по 1945 гг. В рамках темы Холокоста работают представители практически всех

гуманитарных дисциплин, находя всё новые аспекты для её углубленного изучения.

Некоторые историки вносили предложения ввести в научный оборот понятие, которое бы обозначало в целом глубину преступлений нацистов против человечности: например, Уильям Стайрон предложил использовать в универсальном и символическом смысле термин «Аушвиц»².

Но в итоге таким всеобъемлющим термином стало понятие «геноцид». Его «изобретение» принадлежит американскому юристу Рафаэлю Лемкину, который ещё в 1943 г. писал: «Пишущий эти строки называет “геноцидом” действия завоевателей, уничтожающие народы и этнические группы... Геноцид осуществляется в форме одновременной агрессии против разных сторон национальной жизни покорённого народа: уничтожаются институты его самоуправления, ему навязывается немецкая власть, регион его обитания заселяется немцами, уничтожается интеллигенция, являющаяся его духовным ядром... уничтожаются культурные учреждения или запрещается их деятельность... В сфере физического выживания проводится политика “голодных порций”, т.е. ограничения пищи для “ненемцев”, посредством чего осуществляются фактические убийства, в основном евреев, поляков, словаков и русских...»³. В 1944 г. была издана книга Р. Лемкина «Основное правило в оккупированной Европе» и термин «геноцид» стал юридическим понятием. Юридический смысл этого термина был расширен и уточнён в Международной конвенции «О предупреждении преступлений геноцида и наказания за него», подписанной 9 декабря 1948 г. в Париже и ратифицированной всеми странами – членами ООН⁴. Согласно конвенции, под геноцидом понимаются следующие действия: убийства членов какой-либо группы; причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде какой-либо группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Концепция геноцида не предполагает обязательного биологического единства преследуемой общности людей: этимология этого понятия восходит не к слову

«ген», а к родственному ему, также латинскому слову «генезис» (происхождение). Геноцид – это уничтожение или преследование людей по признаку определённой общности их происхождения, т.е. по принципу коллективной ответственности. Идеология геноцида основана на убеждении в том, что репрессии могут и должны распространяться не только на людей, виновных в чём-то персонально, но и на лиц, принадлежащих к одной с ними группе (социальной, культурной, биологической).

Термин «геноцид» вошёл в политический обиход вскоре после второй мировой войны в связи с расследованием преступлений фашизма и широко использовался в документах ООН. Но сама практика геноцида, вероятно, существовала во все известные периоды истории⁵. Геноцид – это феномен, известный ещё с античных времён. Полномасштабный геноцид означает, что его организаторы ставят целью тотальное физическое уничтожение отдельных общностей (всеобъемлющий геноцид – уничтожение не части, а всех). Было только несколько примеров полномасштабного геноцида до XX в. – наиболее крупный пример – 1492–1750 гг. – действия испанцев и португальцев против индейцев Латинской Америки и геноцид белых поселенцев против североамериканских индейцев. По мнению исследователя Х. Шеррера в XX веке было 4 случая полномасштабного геноцида, который унёс больше жертв, чем в любой предшествующий период:

1. Турецкий геноцид в отношении армян (количество жертв в 1915–1923 гг. составило 1,5 млн. чел.).
2. Действия нацистского германского государства и его союзников против населения оккупированных стран.
3. Геноцид в Кампучии (1975–1979 гг.).
4. Геноцид в Руанде (1994 г.).

Современный геноцид – это организованное государством массовое убийство или преступление против человечности, уничтожение людей, принадлежащих к отдельным национальным, этническим, религиозным группам. Геноцид – это преступление, которое планируется, готовится и систематически выполняется.

Применительно к преследованию этнической, национальной группы, чья культурная традиция насильственно искореняется и прерывается, иногда используется более узкое по содержанию понятие «этноцид». Составной частью геноцида является также

политицид (уничтожение или преследование отдельных политических групп) и демоцид (репрессии в отношении отдельных социальных групп)⁶. Следует подчеркнуть, что несмотря на данное в международной конвенции чёткое определение понятия «геноцид», дискуссии вокруг определения всё ещё продолжаются, причём научные цели зачастую «незаметно» переходят в поиск политических дивидендов или, наоборот, в стремление избежать политических последствий и ответственности. Переплетение науки и политики обусловило неприменение определения геноцида по конвенции во многих случаях, явно и бесспорно подпадающих под эту дефиницию, вплоть до отрицания самого факта геноцида (например, поведение советского руководства по отношению к жизни миллионов граждан после Чернобыльской аварии)⁷.

Исходя из нового контекста, многие понятия нуждаются в переосмыслении и переформулировании. Безусловно, необходимо ответить на вопрос, как соотносятся между собой понятия «геноцид» и «Холокост». Не трудно убедиться в том, что в настоящее время область явлений, обозначаемых как «геноцид» и «Холокост» заметно расширилась, а частота употребления этих терминов существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в названные слова, значительно изменился. Данное положение дел можно объяснить тем, что дискуссия о геноциде и Холокосте ведётся специалистами разных направлений и видов деятельности, среди которых не только учёные и политики, но и представители свободных профессий – писатели, художники, журналисты. Термин «Холокост» зачастую используется наравне с понятием «геноцид», произошло своеобразное «сращивание» терминов, это привело в определённой степени к подмене понятий. В 1980–1990-е годы произошла «вестернизация» термина «Холокост», он начал употребляться повсеместно в политологической литературе для характеристики любых проявлений геноцида. Например, уничтожение цыган нацистами также именуют Холокостом (хотя предпринимались попытки ввести в научный оборот специальный термин «параймос»), а книга историка Ричарда Лукаса «Забывтый Холокост» посвящена теме геноцида поляков в годы второй мировой войны⁸. Более того, понятие «Холокост» начало соотноситься с такими событиями прошлого, как уничтожение армян турками, а также с совре-

менными примерами геноцида. Глобализация термина «Холокост» вызывает возражения со стороны исследователей, отстаивающих «чистоту» его использования только для определения геноцида евреев. Эли Визель, много сделавший для внедрения этого термина в массовое сознание, по сути, заявил о своём отказе использовать его в дальнейшем, так как «каждое трагическое стечение обстоятельств, которое случается сейчас, называется “Холокостом”». После выхода в 1985 г. знаменитого фильма Клода Ланцмана «Sho'ah» термин «Холокост» всё чаще стал заменяться термином «Шоа». Использование ивритского термина – это попытка отойти от вестернизации и универсализации и вернуть в научную терминологию специальный термин для обозначения случившегося с евреями в годы второй мировой войны.

В советской историографии из всех рассмотренных понятий использовались только 2 – «окончательное решение еврейского вопроса» и «геноцид». Благодаря модернизационным процессам, которые происходят в исторической науке на постсоветском пространстве, можно констатировать, что термин «Холокост» всё более активно используется в научной литературе и СМИ. Но здесь есть некоторые нюансы, понимание которых позволяет осмыслить как положительные, так и отрицательные стороны этого «проникновения». Использование термина «Холокост» является своего рода показателем интеграции исторической науки в бывших советских республиках в европейскую и мировую историческую науку. При этом следует принимать во внимание, что в определённом смысле в этом присутствует политическая конъюнктура. Поскольку в Европе с большим уважением и вниманием относятся к теме Холокоста, политический и научный истеблишмент в ряде государств СНГ не только считает необходимым ввести в обиход термин «Холокост», но и рассматривает изучение самой темы как ключевой компонент в сфере воспитания толерантности (особенно это очевидно на примере Украины и Литвы). В России ситуация несколько сложнее, там менее ощутимо стремление интегрироваться в европейские структуры⁹. В Беларуси европейский вектор политики не является приоритетным, поэтому у нас ещё в меньшей степени изучается тема Катастрофы евреев в годы Великой Отечественной войны и соответственно реже используется термин «Холокост» в научных и политологических

публикациях. Тем не менее, можно сказать, что в Беларуси термин «Холокост» начал приживаться в исторической литературе. Но многие белорусские историки ещё полны сомнений, следует ли согласиться с дифференцированным подходом в изучении нацистской политики геноцида. Ведь более глубокая разработка проблемы неизбежно требует выделения нацистской политики в отношении евреев в особую тему белорусской историографии. На проходящих в республике научных конференциях, посвящённых истории второй мировой войны, постоянно поднимаются одни и те же вопросы: следует ли использовать иностранное слово «Холокост», чтобы говорить о событиях национальной истории, в чём принципиальная разница между понятиями «геноцид» и «Холокост», следует ли заострять внимание на вопросе о национальном составе жертв нацизма в Беларуси и т. д. Попробуем ответить на эти вопросы. До сегодняшнего дня историческая наука Беларуси не выработала своего оригинального термина, который бы в полной мере обозначал нацистскую политику, которая проводилась в отношении евреев. Судьба другого иностранного слова «геноцид», в отличие от термина «Холокост» оказалась более удачной, его использование нареkania со стороны отечественных историков не вызывает. Почему же наблюдается такое нежелание принять термин, признанный во всём мире? Парадоксально, но факт: подчёркивая «интернациональный» характер геноцида, современная отечественная историография, вслед за советской, «забывает» о его национальном содержании. Чувствуются опасения белорусских историков о том, что тема Холокост займёт центральное место в изучении политики нацистского геноцида в Беларуси в период оккупации. Назовём вещи своими именами: отрицание термина «Холокост» сегодня, по сути, означает отрицание самой темы, превалирование прежних идеологических штампов о тотальном уничтожении нацистами всего населения оккупированных территорий, нежелание признать особый характер политики оккупационных властей в отношении евреев. Попробуем расставить всё по своим местам: введение в научный оборот термина «Холокост» отнюдь не означает отрицания геноцида в отношении других групп населения. Холокост является составной частью геноцида, это частично совпадающие понятия, и здесь нет противоречий. Однако

наличие специфических черт позволяет отличать это явление от всех других подобных и присвоить ему собственное название. Израильский историк И. Бауэр, говоря о беспрецедентности Холокоста, писал следующее: «...Геноцид был ужасен, но он не означал тотального уничтожения угнетаемой нации, хотя бы потому, что завоёванные нужны были завоевателям в качестве рабов. Согласно нацистской терминологии, славянские народы были “унтерменшами”, низшей расой людей, но именно это и отличало их от евреев, которые вообще людьми не считались. Кто не видит этой разницы между положением евреев и остальных народов – тот искажает реальную историю»¹⁰.

Итак, попробуем дать определение термина «Холокост»:

Холокост – это многовекторная нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения, включавшая правовую дискриминацию и расовую сегрегацию; геттоизацию; интенсивную эксплуатацию евреев на принудительных работах и в производстве (уничтожение трудом); систему ограбления еврейского населения, лишение его средств к существованию. Дискриминационные и сегрегационные мероприятия, а также акции уничтожения еврейского населения проводились одновременно, являясь частью комплексной политики оккупационных властей, имевших целью на последнем этапе «окончательное решение еврейского вопроса» – планомерное тотальное физическое уничтожение еврейского населения.

В терминологии Холокоста чаще других употребляется термин «гетто». Как правило, он используется без толкований и объяснений. Подразумевается, что содержание его предельно ясно, и особых комментариев просто не требуется. Казалось бы, трудности с определением этого понятия возникать не должны. Тем не менее, вопросы остаются. Что считать гетто? Каковы определяющие признаки гетто? Какие типы и разновидности гетто существовали на территории Беларуси? От ответов на эти вопросы зависит определение количества гетто и численности узников гетто в Беларуси.

Слово «гетто» в начале XX века воспринималось как анахронизм. В эпоху средневековья в Европе так называли кварталы (ghetto, getto – итальянский), отведенные для проживания евреев. Нацистская идеология возродила саму идею обособ-

ленного проживания евреев, и вернуло в обиход слово «гетто». На период оккупации оно стало совершенно привычным понятием, как для евреев, так и для нееврейского населения.

Особо следует остановиться на характеристике гетто в белорусской историографии.

В кандидатской диссертации М.Я. Савоняки «Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.» (Мн., 1993) гетто характеризуются как особый тип концентрационных лагерей. Третий параграф первой главы «Немецко-фашистские лагеря для гражданского населения» назван «Гетто – особый тип концлагеря». М.Я. Савоняко следует в своей работе традиционному для советской историографии определению гетто, как «специального концлагеря для евреев»¹¹ (в изданиях советского периода ставился знак равенства между понятиями «лагерь» и «гетто», например, в издании «Нацистская политика геноцида и “выжженной земли” в Белоруссии (1941–1944 гг.)» гетто определяются как «специальные лагеря»¹²). Но попыток выявить отличительные признаки гетто не предпринималось. Поскольку в тот период отечественная историческая наука не ставила задачу определения особого характера нацистской политики в отношении еврейского населения, соответственно игнорировалась специфика гетто, как «специальных лагерей».

В энциклопедических и справочных изданиях последнего десятилетия даются достаточно устоявшиеся (хотя и не полные, а зачастую аморфные) определения «гетто», например:

«В период Великой Отечественной войны на оккупированной территории Советского Союза гетто – районы принудительной изоляции евреев... Территория гетто обычно обносилась колючей проволокой, охранялась войсками; самовольный выход за пределы гетто угрожал смертью. Заключённые должны были носить на одежде опознавательные знаки ...»¹³.

«Гетто – часть территории населённого пункта, обнесённая колючей проволокой и охраняемая войсками СС и полиции, выделенная для принудительного содержания лиц еврейской национальности с целью их изоляции и последующего уничтожения»¹⁴.

В связи с разработкой в Беларуси темы Холокоста появляются работы, в которых предпринимаются попытки дать более

чёткие определения термина «гетто» и разграничить различные варианты определения мест принудительного содержания евреев («открытые», «закрытые» гетто, транзитные гетто, рабочие и концентрационные лагеря).

К сожалению, далеко не всегда исследователям удаётся справиться с теоретическими и терминологическими проблемами.

В последней монографии Э. Иоффе «Белорусские евреи: Трагедия и героизм 1941–1945» (Мн., 2003) в третьей главе «Гетто на территории Беларуси. Юденраты» ставится задача уточнить определение «гетто» применительно к Беларуси и приводятся различные варианты определения, данные в энциклопедических изданиях и работах белорусских историков¹⁵. Автор выделяет гетто закрытого и открытого типа. «Закрытым» гетто он считает: «изолированную часть города, отведённую для проживания евреев. В период 2-й мировой войны 1939–1941 годов нацисты преобразовали гетто в лагеря уничтожения еврейского населения. Территорию гетто обычно обносили колючей проволокой»¹⁶. Далее Э. Иоффе даёт объяснение понятию «открытое» гетто: «...В некоторых деревнях и местечках Белоруссии гетто не обносились колючей проволокой. В этом случае их можно считать “открытыми” в отличие от большинства “закрытых” гетто»¹⁷. Однако уже через несколько страниц, подытоживая терминологические изыскания, Э. Иоффе даёт следующее определение «открытых гетто»: «... это изолированная часть небольшого города, местечка, деревни, отведённая для проживания евреев. Она преобразована нацистами на оккупированной территории СССР в лагерь для постепенного уничтожения еврейского населения. Территория “открытого гетто” обносилась колючей проволокой, каким-либо забором, охранялась войсками, полицией, а иногда и местным нееврейским населением»¹⁸. Приходится констатировать, что определение Э. Иоффе гетто «открытого» и «закрытого» типа практически идентичны. В заключении книги автор возвращается к определению гетто как лагерей смерти: «Гетто отличались друг от друга только способом изоляции, но гетто в крупных городах, местечках и больших сёлах Беларуси объединяло то, что все они были лагерями смерти»¹⁹.

На наш взгляд, определение гетто, а также его типов должно включать характеристику особенностей условий содержания

еврейского населения в сравнении с другими видами мест принудительного заключения людей в период нацистской оккупации. Невозможно дать универсальное определение «гетто», не выделяя его типов. Приведённые выше определения – это определения гетто «закрытого» типа. В связи с этим, оптимальными представляются следующие определения:

1. «Открытое» гетто – частичная изоляция еврейского населения на оккупированных нацистами территориях, путём введения правовой дискриминации и расовой сегрегации, выразившаяся в делении населённого пункта на 2 основные части – «еврейскую» и «нееврейскую». Характерными признаками «открытого» гетто являлись: принудительно переселение евреев из сельской местности в города (местечки); ограничение свободы передвижения евреев; визуальное выделение еврейского населения (специальные отметки в документах, ношение опознавательных знаков, маркировка домов и квартир); создание органов еврейского самоуправления; контроль сферы брачно-семейных отношений, запрещение публичного проведения еврейских религиозных обрядов; использование принудительного еврейского труда; дискриминация в продовольственном снабжении; запрет на занятие торговлей; лишение прав собственности на всё движимое и недвижимое имущество; введение системы контрибуций, штрафов и дискриминационного налогообложения; проведение акций уничтожения. Главным отличием «открытого» гетто от «закрытого» является отсутствие ограждения и охраны «еврейской части» населённого пункта. Существование гетто «открытого» типа было временным – до уничтожения или переселения евреев в «закрытое» гетто, отправки в трудовые лагеря, депортации в концентрационные лагеря²⁰.
2. «Закрытое» гетто – часть территории населённого пункта, обнесённая ограждением и охраняемая войсками СС и полиции, предназначенная для принудительного содержания еврейского населения с целью его полной физической изоляции и последующего тотального уничтожения. Характерными чертами гетто «закрытого» типа являлись: жёсткая фиксация границ гетто; принудительное

переселение и концентрация в гетто всего еврейского населения города (местечка) и его окрестностей; запрещение покидать территорию гетто и соблюдение строгой пропускной системы; лишение средств к существованию; ухудшение медико-санитарной ситуации (увеличение заболеваемости, смертности, эпидемические вспышки) и продовольственного обеспечения гетто (голод); интенсификация использования еврейской рабочей силы (уничтожение трудом); проведение акций уничтожения²¹.

Есть и другие понятия, которые активно используются в теме Холокоста (юденрат, праведники народов мира, еврейская полиция, антисемитизм и др.). Хотя они вызывают меньше дискуссий в научных кругах, чем приведённые выше, это не делает проблему их точного определения менее актуальной.

Определённым показателем признания научной терминологии является её использование в учебниках и учебных пособиях. В отличие от российских и особенно украинских учебников и пособий по национальной и всемирной истории, белорусский «максимум» на сегодняшний день заключается в использовании терминов «гетто» и «геноцид», а также упоминаний об акциях уничтожения еврейского населения²². Однако термин «Холокост» для обозначения темы еврейской катастрофы в годы второй мировой войны по-прежнему не употребляется, что свидетельствует о живучести стереотипов и догм прошлых лет.

Примечания

¹ По этому вопросу см.: *Михман Д.* «Окончательное решение еврейского вопроса»: возникновение и реализация идеи // Холокост и дело Еврейского антифашистского комитета: Материалы IV международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» / Под ред. И.А. Альтмана. М., 2003. С. 55–74.

² *Shapiro R.M.* Holocaust: usankcjonowanie terminu historycznego // Biuletyn ІН-и – Instytutu naukowo-badawczego w Polsce. Warszawa. 1994. Nr 1–3 (169–171). Styczeń-wrzesień. S. 3–8.

³ Катастрофа европейского еврейства. Ч. 1–2. Тель-Авив, 1995. С. 15.

⁴ *Видаль-Наке П.* Геноцид // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 57.

⁵ *Старовойтова Г.* Геноцид // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 54, 55.

⁶ *Scherrer Ch.P.* Towards a theory of modern genocide. Comparative genocide research: definition, criteria, typologies, cases, key elements, patterns and voids // Journal of Genocide Research. 1999. 1 (1). P. 13–23.

⁷ Банчик Н. Холокост европейских евреев в свете исследования геноцида (Holocaust and Genocide Studies) // Катастрофа европейского еврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть: Зб. наукових праць. Матеріали конференції 29–31 серпня 1999 р. Київ, 2000. С. 19, 23.

⁸ Lukas R.C. The forgotten Holocaust. The Poles under German Occupation. 1939–1944. Kentucky, 1986.

⁹ Подольский А.Е. Нужно ли изучать историю Холокоста в Украине? // Холокост и дело Еврейского антифашистского комитета: Материалы IV международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» / Под ред. И.А. Альтмана. М., 2003. С. 140, 141.

¹⁰ Катастрофа европейского еврейства. Ч. 1–2. Тель-Авив, 1995. С. 17.

¹¹ Савоняко М.Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Мн., 1993. С. 12–13.

¹² Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944 гг.). Мн., 1984. С. 215.

¹³ Гольдзін А.З., Иофе Э. Гета // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. Мн., 1994. С. 525, 526.

¹⁴ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси. 1941–1944. Мн., 2001. С. 6.

¹⁵ Иоффе Э. Белорусские евреи: Трагедия и героизм 1941–1945. Мн., 2003. С. 52–54.

¹⁶ Это же определение, данное Э. Иоффе, вошло в энциклопедический справочник «Беларусь» (Мн., 1995. С. 220–221).

¹⁷ Иоффе Э. Белорусские евреи. С. 51.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 362.

²⁰ Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Мн., 1999. С. 34–40; Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 72.

²¹ Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Мн., 1999. С. 40–43, 107–108.

²² Никитенков В.И. Тема Холокоста в учебниках и учебных пособиях по истории в Республике Беларусь в 90-е годы // Катастрофа европейского еврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть: Зб. наукових праць. Матеріали конференції 29–31 серпня 1999 р. Київ, 2000. С. 333–335.

*Григорий Смирин (Рига)***С.М. Дубнов в преддверии холокоста: рижские годы
(1933–1941)**

Последние годы жизни крупнейшего еврейского историка Семена Марковича Дубнова были связаны с Ригой, где трагически оборвался его жизненный путь.

Покинувший в 1922 году Советскую Россию, С.М. Дубнов в 1933 году, после прихода к власти Гитлера, был вынужден покинуть и Берлин, где он жил в эмиграции. В качестве своего нового и, как волею судьбы оказалось, последнего пристанища ученый выбрал Ригу. Это было связано с тем, что Советский Союз как место жизни и публикации трудов «антисоветского эмигранта» исключался. Однако, несмотря на то, что в Вильно (Вильнюсе) работал ИВО – еврейский научно-исследовательский институт¹, в Варшаве жила его дочь Софья, а Рига не была крупным центром еврейской культуры, здесь он имел возможность спокойно работать. В своей записной книжке 10 мая 1933 года Дубнов отметил: «Вместо дорогого и чуждого Цюриха я остановился на Риге»². В то время ему было 72 года.

Рижский период жизни С.М. Дубнова, как считает исследователь его жизни и творчества А. Гринбаум, был временем пожинания плодов³. К тому времени в переводе на немецкий язык вышел главный труд его жизни – 10-томная «Всемирная история еврейского народа» (Берлин, 1925–1929; перевод выполнен выходцем из Двинска (ныне Даугавпилс) Аароном Штейнбергом⁴), и труд этот снискал большую популярность. Однако более важным историк считал издание этого огромного труда в русском оригинале, и в Риге ему удалось осуществить этот замысел вовремя (труд вышел в 1934–1938 годах), т. е. до начала войны. Кроме того, он решил при жизни опубликовать свои мемуары, поскольку не был уверен, что его рукописи сохранятся в условиях краха еврейской культуры в Европе. Эта его мечта также осуществилась, и три тома «Книги жизни» были также опубликованы в Риге в 1934–1940 годах (последний том долгое время считался утраченным,

пока его оттиск не обнаружился в Австралии; в 1957 году он был перепечатан в Нью-Йорке).

Ощущением надвигающейся в Европе катастрофы проникнуто интервью, данное С.М. Дубновым в 1938 году журналисту П. Асину, которое было опубликовано в августе того же года в рижском иллюстрированном журнале на идише «*Идише билдер*» («Еврейские картинки»)⁵. Там же были напечатаны интересные фотоснимки, сделанные у него дома. Интервью озаглавлено: «“Еврейская история идет вперед и дальше!” Час с профессором С. Дубновым». В 1996 году я передал копию этого интервью его внучке – Виктории Яковлевне Дубновой, которая живет в Москве, и в переводе на русский язык она опубликовала его в московском еврейском журнале «Лехаим»⁶.

В том интервью на вопрос: «Профессор, скажите, что с нами будет?» – Семен Маркович ответил: «Будущее евреев связано с завтрашним днем всей Европы и человечеств в целом. <...> Мы живем сейчас в переходное время мира, мы катимся вниз к наихудшим временам в истории народов. <...> ...За все 4 тысячи лет еврейской истории не было еще таких жутких моментов. Но еврейская история идет вперед и дальше. Во все тяжелые и темные времена нас спасает наша вера в вечные высшие идеалы равенства и справедливости, и их могут только временно, но не навсегда, оттолкнуть идеи рабства, расового неравенства, грубой силы. Без веры мы не были бы вечным народом»⁷.

Будучи еще с молодых лет активным общественным деятелем, в Риге Семен Маркович не принимал участия в жизни местной еврейской общины, однако его дом в рижском районе Межапарк⁸ все эти годы был своеобразным центром интеллектуального притяжения. Из Риги Дубнов вел обширную переписку со многими странами мира, где издавались его труды, в частности со Страной Израиля, и активно включился в процесс их перевода на иврит. Он дополнил ивритскую версию своей истории, доведя ее до преддверия Холокоста⁹. В 1934–1935 годах он выступал с лекциями в Вильно, много публиковался в периодической печати.

Сложнее шла переписка с семьей сына – Якова Семеновича Дубнова, математика, профессора Московского универ-

ситета. Как рассказала Виктория Яковлевна, которая родилась уже после отъезда ее деда из России, связь отца и сына не прерывалась никогда и переписка с Москвой шла регулярно. Однако по цензурным соображениям в ней не допускалось никакой «политики», и речь в основном шла о рукописях, изданиях и переводах, что собственно и было жизнью Семена Марковича. Во второй половине 30-х годов письма из Москвы для конспирации шли на адрес соседа¹⁰.

Несколько раз С.М. Дубнов выражал желание покинуть Ригу. Предполагаемыми направлениями отъезда в разное время были Варшава, Иерусалим, Вильно, Каунас. В частности в 1939 году, после передачи Вильно Советским Союзом Литве, одним из своих писем он писал, что хочет туда переехать из-за тяжелой политической атмосферы в Латвии¹¹ (в 1934 году латышскими национально-консервативными силами был совершен государственный переворот, установивший в стране этнократический авторитарный режим). Однако еврейский погром, развязанный польским населением города после ухода оттуда Красной армии, по всей вероятности, удержал Дубнова от этого шага. У него была американская виза, и ему предлагали переехать хотя бы в Швецию, но из Риги он так и не уехал¹².

В 1940 году, когда Латвия уже была в составе СССР, в переписке С.М. Дубнова появились мотивы возможного свидания отца с сыном: была идея перевезти старого ученого в Москву. Однако в то время для поездки в республики Прибалтики требовалось специальное разрешение, и Яков Семенович в мае 1941 года сообщил отцу, что разрешение получено на август¹³, а уже 1 июля в Ригу вошли гитлеровцы.

Об обстоятельствах трагической гибели С.М. Дубнова в Рижском гетто на сегодняшний день известно не более чем во время составления знаменитой «Черной книги»¹⁴, в которой рассказывается о его последних днях¹⁵. С большой степенью достоверности можно утверждать, что свой рок он встретил 8 декабря 1941 года, во время второй акции по уничтожению «большого» гетто. Дискуссионным является вопрос о месте гибели и месте захоронения великого историка. По одной версии, 81-летний ученый был убит на территории гетто¹⁶, как и многие другие старые и немощные люди (они не могли дойти

до Румбульского леса, где на 13-м километре от Риги были расстреляны большинство рижских евреев), и был затем захоронен в общей могиле на Старом еврейском кладбище¹⁷ (находилось на территории гетто). По другой версии, часть тех, кто не мог передвигаться самостоятельно, до места расстрела доставляли «синие автобусы»¹⁸. В нашем распоряжении в настоящее время нет достоверных показаний очевидцев гибели С.М. Дубнова или документов, проливающих свет на ее конкретные обстоятельства, и мы не знаем, действительно ли, когда его выводили на расстрел, он произнес фразу: «Евреи, записывайте!»¹⁹ – или это только красивая легенда.

Примечания

¹ ИВО (*Идишер висншафтликер институт*) — Еврейский научно-исследовательский институт, основанный группой ученых в Вильнюсе в 1925 году с целью всестороннего изучения жизни европейского еврейства; продолжает действовать в Нью-Йорке и в настоящее время.

² Дубнов С.М. книга жизни. СПб., 1998. С. 552.

³ Гринбаум А. Рижские годы С.М. Дубнова // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25–27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 171.

⁴ См.: Столович Л. Евреи и русская философия // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25–27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 98.

⁵ Идише билдер. 1938. № 34.

⁶ См.: Асин П. «Еврейская история идет вперед и дальше»: Час с профессором Семеном Дубновым // Лехаим. 1997. № 1. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Межапарк — район Риги, занимающий природный лесопарк и застроенный преимущественно особняками.

⁹ Гринбаум А. Указ. соч. С. 173.

¹⁰ Дубнова В. Переписка с С.М. Дубновым членов его семьи в сталинское время // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25–27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 176–177.

¹¹ Гринбаум А. Указ. соч. С. 173.

¹² Там же.

¹³ Дубнова В. Указ. соч. С. 178.

¹⁴ «Черная книга» — сборник материалов, показаний очевидцев и документов об уничтожении нацистами евреев на территории Советского Союза и Польши, составленный под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Сборник создавался с 1943 года в рамках международного проекта при финансовой поддержке американских еврейских организаций; в проекте приняли участие А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер и другие выдающиеся интеллектуалы и общественные деятели. Уже набранная книга была уничтожена в 1948 году при ликвидации Еврейского антифашистского комитета. Сохранившаяся рукопись была издана в 1980 году в Иерусалиме; имеется также ряд ее последующих изданий (напр.: Киев, 1991; Вильнюс, 1993; и др.).

¹⁵ См.: Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. под ред. В. Гроссмана и Э. Эренбурга. Вильнюс, 1993. С. 336–337.

¹⁶ См.: Там же. С. 337.

¹⁷ Старое еврейское кладбище в Риге существовавшем с 1725 г. На протяжении существования гетто оно было одним из мест казни «провинившихся». Кладбище не сохранилось: в 1960 году оно было снесено и на его месте был устроен парк, где теперь установлен памятный камень.

¹⁸ См.: *Ezergailis A.* Holokausts vācu okupetajā Latvijā, 1941–1944. R., 1999. 287. lpp.

¹⁹ См.: Евреи в Риге: Фрагменты еврейской истории на карте Ряги: Крат. Путеводитель / Авт. текста и карты М. Вестерман. Рига, 1992. С. 36.

*Дмитрий Олехнович (Даугавпилс)***«Антисемитизм есть порождение буржуазии...» –
антисемитизм глазами советских идеологов: по
материалам периодической печати Латгалии (1940–1941)**

Размышляя над событиями, потрясшими жителей оккупированной нацистами во время Второй мировой войны Латвии, особое внимание уделяется участию населения в уничтожении еврейской общины Латвии. Научные спекуляции, имеющие в основе явные политические цели, вульгаризируют историческую науку, вынося ее на страницы прессы под лозунгами *кто виноват?* Выведение данного вопроса на уровень политического дискурса, несмотря на имеющиеся предостережения¹, не способствует его изучению и осмыслению, становясь своеобразной формой *научного покаяния*, целью ставящего вполне конкретные политические интересы². Доминирующие в советской историографии представления не только пересматриваются на концептуальном уровне, но и полностью отвергаются (зачастую вполне справедливо), а ревизия трудов историков-эмигрантов, если и происходит, то только на частном уровне. Активная деятельность Комиссии историков при президенте Латвии являет собой пример попытки переосмысления собственной истории, в том числе и такой печальной страницы ее истории, как Холокост. Несмотря на наличие значительного количества исследований³, проблема, что же заставило людей, более четырех веков живших в соседстве с евреями, взяться за оружие, остается в наименьшей степени осмысленной.

Историки, ставящие целью исследование данных вопросов сталкиваются с проблемой недостаточной источниковой базы, что требует обращения как к нетрадиционным источникам⁴ (например, источникам устной истории), так и к периодической печати, где, по справедливому замечанию В. Коломийцева, нашли отражение все события новейшей истории⁵.

Д. Левин справедливо отмечает, что невозможно понять Холокост без информации о том, что случилось на западных советских территориях в 1939–1940 году⁶. С началом установления советской власти на территории Латвии 16–17 июня

1940 года, вышедшая из подполья коммунистическая печать стала рупором введенного *нового порядка*. Попытка легитимизации оккупационного режима превратилась в критику Независимой Латвии, а особенно режима К. Улманиса. Актуализируя социально-политические вопросы, развенчание деяний сподвижников режима авторитарного диктатора стало главной задачей пропагандистов. Декларирование марионеточным Народным правительством Латвии единых прав для представителей всех национальностей проживающих на территории Латвии⁷, и принятия решений по национальной политике, зачастую подлежащих неоднозначной трактовке⁸, явилось формой вовлечения в активную политическую жизнь представителей национальных меньшинств, однако политика латышизации, проводимая К. Улманисом, сменилась построением системы в духе *сталинского интернационализма*, воспринятой частью населения как: *...меньшинства – русские и евреи – сейчас радуются, что пришла их пора властвовать над латышскими ...*⁹. Это, естественно, вызвало негодование и боязнь представителей титульной нации: *...многие служащие латышской национальности боятся, что с победой Трудового Блока их начнут увольнять и садить на их места русских, евреев и коммунистов ... Это относится и к офицерам армии ...*¹⁰. Данные опасения в большинстве случаев были беспочвенны, так как, несмотря на массовые репрессии в 1936–1938 годах против латышей, живших в СССР, кадровая политика советских властей основывалась на классовом, а не национальном принципе. В такие тонкости нацистские пропагандисты не углублялись, и с началом оккупации Латвии заявляли, что с установлением советской власти евреи заняли все руководящие должности на производстве и в государственном аппарате¹¹.

Ощущение возможной ущемленности в правах, вызванной потерей собственной государственности, вызвало рост ксенофобских, и в первую очередь, антисемитских и антирусских настроений: *... старший сержант Лепер 6 июля в канцелярии роты, ударив кулаком по столу, крикнул: «Я бы вам, жидам¹², русским и коммунистам глотку перерезал бы, или застрелил из пулемета», сержант Ределис ... избил двух санитаров военного госпиталя – евреев ... командир артиллерийского полка капитан Кугениекс, известный юдофоб и враг*

Советского Союза, произнес 19 июля речь, в которой обвинил евреев в произошедшей демократизации ... Затем он велел всем евреям встать и обозвал в присутствии всей батареи свиньями, прибавив, что они сами себе яму роют. Кроме того, напал на русских, поляков и «продавшихся» латышей, т.е. коммунистов... *Вирсержант*¹³ ... Ансе по приходу Красной Армии хвалился, что мол еще покажут этим красным чертям, а для жидовок, лезищих на советские танки пули уже припасены. Увидев, что солдаты готовят ящик, заявил, что это будет гроб для коммунистов и жидов. [подчеркнуто мною – Д.О.]...¹⁴ . Аналогичные инциденты носили массовый характер: ...²³ июня ... инструкторы Видземского артиллерийского полка ... в присутствии солдат и офицеров, устроили провокации против солдат еврейской национальности... Инструкторы пели песни антисемитского содержания и призывали бросить евреев в Даугаву... распространяли слухи о том, якобы Германия потребовала от СССР оставить страны Балтии в течении 5 дней...¹⁵ . Данные факты были активно использованы советскими пропагандистами для дискредитации всей Латвийской армии. Заметим, что именно в военной и студенческой среде антисемитские настроения были наиболее сильны и до 1940 года¹⁶, а непродуманная социально-экономическая и национальная политика, особенно сталинские репрессии, только способствовали их усилению. С началом оккупации Латвии солдатами вермахта, оставные военные, интеллигенция, студенты и родственники жертв репрессированных составили *пятую колонну*, на руках которых и кровь латвийских евреев.

Однако не только в означенной среде были реанимированы подавляемые К. Улманисом с целью консолидации всего населения Латвии юдофобские стереотипы. Бытовой антисемитизм, основанный на синтезе средневековых представлений и *антисемитизма эпохи разума*, заявил о себе с новой силой. Так, газета *Латгальская Правда*, занимаясь развенчанием *плутократического режима* клики Улманиса, в статье *Не поддаваться на провокацию* сообщает, что на прошедшем в городе Субате 1 июля 1940 года митинге: ...*Присутствовали 140 человек ... Большинство из присутствующих были русские, затем – евреи и др. Во временное правление было избрано 4 русских и 1 поляк. На*

предложение освободить одно место для представителя еврейских рабочих, вновь избранные члены правления начали кричать, что «мы торф копали, а жидаы – сапожники нам не товарищи!», «Долой жидаов!» и т.д. Их поддержала часть присутствующих. На этом собрание и закончилось...»¹⁷.

Сообщения, аналогичные выше приведенному, достаточно часто появляются на страницах периодической печати данного периода. Факты не остаются незамеченными коммунистическими идеологами, которые дают собственную, в духе диалектического материализма, трактовку проявлению антисемитских настроений в Латвии: ... *второй конек фашизма*¹⁸ – *антисемитизм. Натравливая народ на евреев, правительство хотело отвлечь внимание от своих преступлений. Антисемитская пропаганда не была направлена против еврейских богачей. Еврейские богачи и торговцы хорошо зарабатывали на эксплуатации ...как евреев, так и не евреев. Но за них страдали еврейские рабочие и беднота. На улицах их избивали фашистские бандиты, над ними издевались в армии, изгоняли с рабочих мест... Все, кто натравливает один народ на другой, кто кричит «бей жидаов!»... все они агенты банды Ульманиса...»¹⁹. Опыт классового подхода в интерпретации антисемитских настроений не являлся оригинальным, вместе с тем проблема не только не решалась, а загонялась в подполье, при этом советских пропагандистов ни в коей мере не интересовало истинное положение еврейской общины. Одержимые идеей мировой революции, они использовали антисемитские настроения части населения в собственных интересах, доказывая необходимость классовой борьбы и правомерность марксистско-ленинского подхода для миропонимания.*

Стоит заметить, что факты антииудаизма не акцентировались, даже на фоне бескомпромиссной борьбы с *религиозным мракобесием*, и только в руководимом М. Шац-Анином журнале *Uzboj* и газете *Kamf*²⁰, была развернута грязная кампания по очернению иудаизма и беспочвенному обвинению раввинов. Если бы подобные нападки проводились не еврейской прессой, то это могло бы послужить обвинению того режима в антисемитизме²¹, но именно отсутствие в латышской и русской прессе критики иудаизма, наряду с массивной антирелигиозной кампанией, дала возможность впоследствии

доморощенным антисемитам заявить: ... *жидо-большевики – звери, но очень хитрые...* *Везде провозглашались лозунги ... "Dolaj belogvardeicev, dolaj popov, dolaj ksendzov (no tolko ne rabinov)..."* [так в тексте – О.Д.]²².

Парадоксально, но актуализации в массовом сознании столь любимого идеологами нацизма отождествления советского строя и еврейства²³ невольно способствовала и периодическая печать Советской Латвии. Наряду со значительным количеством клишированных статей, посвященных восстановлению социальной справедливости в духе социалистического интернационализма, выделяются сообщения, послужившие в последствии доказательством *иудео-большевистского заговора*: ... *ульманская клика, не желая дать возможности рабочим заниматься, в 1934 году закрыла вечернюю еврейскую школу в Даугавпилсе. Благодаря Советской власти, в этом году еврейская вечерняя школа открылась вновь ... теперь уже насчитывается 580 учеников ... Мы, ученики еврейской вечерней школы, докажем, что рабочая молодежь способна овладеть знаниями ...*²⁴. Евреи Латвии, ставшие объектом манипуляций с целью популяризации советской власти, стали заложниками ситуации. Несмотря на то, что среди членов Коммунистической партии и комсомола было значительное количество евреев, определяющей роли в политических и хозяйственных преобразованиях они не играли, так как находились на вторых ролях, за исключением разве что К. Берковица (директор секции пропаганды ЦК КПЛ), М. Иоффе (Народный комиссар здравоохранения), М. Блументаля (директор Государственного банка) и печально известного С. Шустина (Народный комиссар государственной безопасности ЛССР). Именно с именем последнего, еврея из СССР в последствии стали ассоциироваться проводимые репрессии. Еврейские организации, позднее распущенны как и все остальные неподконтрольные КПЛ(б) не коммунистические организации, летом 1940 года поддерживали²⁵ или активно призывали евреев способствовать установлению советской власти: ... *сионисты-социалисты (а также представители организации «Гаовед», студенческого союза «Гашахар» и Сионистской-социалистической молодежи) города Даугавпилс призвали голосовать за Блок Трудового Народа...*²⁶, а 13 июля

1940 года еврейская община Даугавпилса призывала всех еврейских граждан отдать свои голоса за Блок Трудового Народа: ...*Евреи города Даугавпилс! Наступил конец нашему позорному бесправию!*²⁷. При этом, в рубрике частных рекламных объявлений появляется заметка, что из Москвы получены новые граммофонные пластинки на еврейском языке²⁸. Как справедливо заметил Ф. Гордон в своей неоднозначно оцениваемой исследователями работе, появление евреев на политической арене Советской Латвии стало основой для идентификации латышами ненавистного им режима с еврейством²⁹.

В годы нацистской оккупации Латвии пропагандисты взяли на вооружение не только опыт Третьего Рейха, но и умело спекулировали некоторыми приведенными выше фактами, показывая генетическую связь между сталинским режимом и евреями. Примером тому является умело сфальсифицированное издание *Страшный Год*³⁰, ставшее апогеем антисемитской пропаганды.

Поддержка евреями установления советской власти была результатом выбора между двумя диктаторами – И. Сталиным и А. Гитлером, причем решающим фактором в разрешении данной дилеммы послужила советская пропаганда, рисующая идеалистические картины происходящего в Советском Союзе при практически полном отсутствии информации из альтернативных источников. В советских средствах массовой информации после заключения Пакта Молотова – Риббентропа кардинально меняется трактовка отношений между СССР и Третьим Рейхом³¹, а следовательно, и причин начавшейся мировой войны, т.е. – ее развязали Англия и Франция, и как подтверждение этому часто приводятся речи А. Гитлера. За небольшим исключением³² в периодической печати того времени нет никаких сведений о положении евреев на оккупированных нацистами территориях. Частичную информацию о проводимой нацистами и некоторыми их союзниками антисемитской политике, еврейское население республики получило, столкнувшись с потоками беженцев из уже оккупированных стран.

Борьба с *контрреволюционными элементами* стала одной из форм культивирования ненависти к евреям на уровне межличностного общения. Появление в печати статей, раскрывающих факты саботажа в торговле на фоне усиливаю-

щегося дефицита промышленных и продовольственных товаров, вызывало негодование нееврейского населения, а впоследствии также было использовано нацистами в собственных интересах. Так, газета *Daugavas Vestnesis*, говоря о саботаже советской торговли, замечает, что у торговцев Мовши Сафро, Шмуила Свиркста, Ханы Копиловской, Жени Фейгельсон, Эллы Бера и др. были найдены запасы неучтенных продуктов³³. Конечно, нельзя возводить статьи подобного рода в ранг антисемитских, однако данные сообщения давали повод для антисемитских спекуляций, хотя национальная принадлежность саботажников не называлась.

Инкорпорация территории Латвии в состав Советского Союза вызвала глубинные преобразования в социально-экономической и политической жизни Латвии, изменив картину мира жителей. Идеологи коммунистического режима, следуя провозглашенной идее пролетарского интернационализма, обнажили многоуровневые проблемы межнациональных отношений в Латвии, и особенно антисемитизм. Поверхностная, примитивная трактовка данного явления, промахи в национальной политике в годы нацистской оккупации были активно использованы в антисемитской пропаганде. Примитивные попытки борьбы с антисемитскими настроениями на деле стали козырем в руках идеологов Третьего Рейха в построение новой картины мира.

Воздействие антисемитской пропаганды на потенциальную аудиторию, остается до настоящего времени одним из наиболее спорных вопросов. Оценочный характер влияния пропаганды бесспорно важен, но, не менее значимым является и ответ на вопрос, почему нацистам в столь короткий срок удалось мобилизовать часть населения на уничтожение еврейской общины. Не выдерживают критики выводы о том, что это только заслуга нацистских пропагандистов, так как во многих местах расправы с евреями начались еще до оккупации данных территорий частями вермахта, как и попытки все списать на *генетический антисемитизм* некоторых народов. Думается, что рассмотрение комплекса факторов станет основой для детального изучения процессов, происходящих на территориях, оккупированных Третьим Рейхом.

Примечания

¹ Автор фундаментальной монографии «Холокост в оккупированной немцами Латвии» [здесь и далее перевод мой – Д.О.], предостерегает от излишней политизации исследований, указывая многогранность вопроса об ответственности за преступления совершенные в годы Второй мировой войны. Подробнее.– *Ezergailis A. Holokaustu nedrīkst politizēt // Jauna Avīze. 2000. 8.jūn.* [Все названия на латышском языке даны без диакритических знаков – Д.О.]

² См. например, *Latvija Otrajā pasaules kara. Starptautiskas konferences materiāli. Rīga, 2000.*

³ См. например.– *Šteimans I. Pardomas par Holokausta historiografiju Latvija / / Daugavpils Universitātes Humanitāras Fakultātes XIII zinātniskie lasījumi: Vesture / History = Proceedings of the XIIIth Scientific Readings of the Faculty of Humanities: Vesture: Avoti un Cilveki / History: Source and Person. VII. Daugavpils, 2004. 216. – 219.lpp.*

⁴ Подробнее: *Олехнович Д.* Особенности изучения периодической печати и устных сведений как исторического источника // Материалы международной научной конференции посвященной 70-летию исторического факультета БГУ «XXI век: актуальные проблемы исторической науки». Минск, 2004. С. 98–100.

⁵ *Коломийцев В.* Методология истории. Москва, 2001. С. 47.

⁶ Цит. по: *Gordons F. Latvieši un zīdi: spīles starp Vaciju un Krieviju. Stokholma-Rīga-Toronto, 2001. 58.lpp.*

⁷ ... *упразднить все ограничения для немалышей. Разрешить всем использовать национальные языки... опрaвлять религиозные культы...* *Cīņa. 1940. 22.jūn.*

⁸ Например, о запрете использования в латышском языке этнонима *zīds*. *LPSR AP Prezīdija zinotājs. 1940. 2.dec.* Для части населения Латвии, этноним *zīds* не несет негативной коннотации, тогда как *ebrejs* воспринимается как русицизм.

⁹ Краткие указания агитаторам «Единого трудового блока» // Латгальская Правда. 1940. 10 июля.

¹⁰ Там же.

¹¹ Например, ...среди тюремщиков были только евреи, которые устроили в тюремной церкви магазин... все тюремные начальники евреи пытались показать себя с лучшей стороны ... *Daugavpils Latviešu avīze. 1941. 25.sept.*; ... *еврей Шнейер из Балтиनावы став землеустроителем, делил землю по-еврейски ...брал большие взятки...лучшие участки при этом выделяя своим евреям...* *Rezeknes Zīns. 1942. 25.marts.*

¹² Язык источника сохранен – Д.О.

¹³ Старший сержант – Д.О.

¹⁴ Чего они ждут? // Латгальская Правда. 1940. 23 июля.

¹⁵ *Cīņa. 1940. 23.jūn.*

¹⁶ *Dribins L. Antisemitisms un tā izpausmes Latvija // Latvijas vēsturnieku komisijas raksti. Rīga, 2002. 81. – 103.lpp.*

¹⁷ Латгальская Правда. 1940. 06 июля.

¹⁸ Определение советскими идеологами политики правительства К. Ульманиса.

¹⁹ Латгальская Правда. 1940. 1 июля.

²⁰ См.например. Латгальская Правда. 1940. 8 июля.

²¹ См. например, *Gordons F. Latviesi un zidi: spiles starp Vaciju un Krieviju. Stokholma-Riga-Toronto, 58.–62.lpp.*

²² *Musu pienakumi // Rezeknes Zinas. 1941. 30.jul.*

²³ Данные идеи эксплуатируются в антисемитском риторике Латвии и сегодня.

²⁴ В еврейской средней школе // Латгальская Правда. 1940. 3 ноября.

²⁵ Там же.

²⁶ Латгальская Правда. - 1940. 12 июля.

²⁷ Там же. 13 июля.

²⁸ Там же. 7 сентября.

²⁹ *Gordons F. Latviesi un zidi: spiles starp Vaciju un Krieviju. 60. – 61.lpp*

³⁰ *Vaigais gads.* - Riga: Zelta Abele, 1942. Издание, одной из целью ставившее целью доказать наличие сговора между латвийскими евреями и большевиками, в целях оккупации Латвии и проведения крупномасштабных репрессий. *Страшный год*, обозначение 1940–1941 года введенное нацистскими пропагандистами, обозначающее время существования Латвийской ССР в 1940–1941 году, ставшее в последствии нарицательным и активно используемым, в том числе и в научном дискурсе.

³¹ См., например: *Невежин В. Культура Третьего Рейха через призму советской пропаганды 1939 – 1941 гг. // Россия и Европа в XIX – XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Москва, 1996.*

³² В источниках встречаются заметки общего характера, например: ...Лион, 19 октября (ТАСС). Как сообщает агентство «Гавас» евреи – иностранцы будут заключаться в отдельные лагеря. При министерстве внутренних дел создана комиссия, которой поручено управлять этими лагерями. - Концентрационные лагеря для евреев иностранцев во Франции // Латгальская Правда. 1940. 20 октября; или же без комментариев говорить о применении антисемитских законов в Словакии, сообщается о начале регистрации евреев во Франции – там же. 1940. 28 ноября и 23 октября соответственно.

³³ *Daugavas Vestnesis. 1940. 24.jul.*

Summary

«Anti-Semitism is the Creature of Bourgeoisie...» – Anti-Semitism from the Soviet Ideologists' Viewpoint: according to the Materials of Latgale Periodicals (1940–1941)

Anti-Semitic propaganda in Latvia occupied by Nazi is a very difficult question in historiography. Nazi ideologists used all available resources in order to propagate their ideas. Very often they referred to the year when Latvia was occupied by Soviet power. The Soviet ideologists also dealt with the problem of anti-Semitism, but they interpreted it in sort of vulgarized form basing their theories on Marxism-Leninism principles. The present article is focused on several examples that allow for conclusion that Soviet ideologists unintentionally provoked anti-Semitic disposition of Latvia's population.

*Витаутас Толейкис (Вильнюс)***Освещение Холокоста в Литве:
ситуация, контекст, прогнозы**

Уже около девяти лет назад тема Холокоста вошла в систему обучения Литвы. Хотя пройден не очень большой путь, но мы уже можем говорить о «литовском варианте» преподавания Холокоста, о его специфике. Хорошо то, что свою ситуацию мы могли сравнить на международном семинаре под названием «Holocaust education at schools in eastern European countries», организованном Фонда приобразования просвещения, который проходил в Вильнюсе, Каунасе, Кедайняй с 16 по 20 сентября 2003 года. Приехали гости из Эстонии, Латвии, Польши, Молдавии, Белоруссии, России и Украины. В течении этих дней мы не только показывали, рассказывали, что у нас уже сделано и планируется сделать. Естественно возникал вопрос: А как же этот вопрос обсуждается у Вас? В чем же заключается наша, литовская, специфика? Можем ли мы говорить об этом самокритично? Думаю, что да.

Фонд постоянно обновляет и пополняет базу данных на литовском и английском языках на тему Холокоста (страничка интернета: <http://www.holokaustosvietimas.smm.lt/>). На сегодняшний день в Литве просвещением проблемы Холокоста занимается около 800 учителей, 600 из них уже участвовало в различных семинарах в нашей республике и за рубежом. Во время этих семинаров педагогам была предоставлена возможность ознакомиться с историей, культурой и религией евреев Литвы. Больше всего внимания уделялось проблеме Холокоста, ориентируясь на европейский контекст и моральный аспект этой темы. 800 человек – цифра, учитывая, что наша страна малочисленна по количеству жителей, достаточно значительна. Из каких же областей преподавания в семинарах участвовало больше всего учителей? Несомненно преподаватели истории, много учителей этики, религии (1 час/нед. 5–12 кл. Сначала дети обучаются по выбору родителей, позже – по желанию самого учащегося). Также к анализу темы Холокоста подключились учителя обществоведения, полито-

логии, реже – философии, драмы, рисования, музыки. Просвещение ведется по разному: начиная с учебников истории, экзаменов, часов внеклассной работы, создания проектов. По форме проекты довольно разные: спектакли, популярные инсталляции, монтаж, собрания воспоминаний, выпуск буклетов, создание фильмов, компакт дисков, интернет сайтов, уборка кладбищ. Мы не можем охарактеризовать побуждения и желания этих педагогов. Думаю, что это довольно пестрый и красочный контингент, в рядах которого нашлись бы те, которые осмелились бы подписаться под петицией, направленной против антисемитских выпадов в Литве, открыто стали бы говорить об этой проблеме по радио и телевидению. Почему я думаю, что не все 800 приняли бы определенную политическую позицию? Первая причина в том, что *участвующих в «движении» педагогов у нас действительно много, но оно («движение») такое хрупкое, что мы еще не знаем сколько к этой массе человек прикнет, а сколько отсеится.*

В Литве просвещением о холокосте заботились и заботятся не только, к сожалению, еврейская община Литвы и зарубежные организации, но и литовские представители «титулованной» нации, чья роль и инициатива доминирует в теме.

Можем смело заявить, что тема Холокоста уже дело не только евреев Литвы, а всей общественности, по крайней мере, активной ее части. Очень важна инициатива не государственных организаций. В Центре усовершенствования школ создан 4-х серийный фильм «Закат в Литве» (дублирован и на русский язык), как методический материал-приложение к кинокартине выпущена книга, организуются первые семинары для учителей по просмотру кинофильма. Очень много семинаров для педагогов организовал неустанный преподаватель ВПУ В. Маренгольцас. Популярны эдукационные программы. В последнее время много переносных выставок стал организовывать Национальный еврейский музей им. Виленского Гаона. Особенно значителен конкурс «Евреи – соседи моих дедов и прадедов», который организовала общественная организация «Дом памяти» («Atminties namai»). Он вдохновил учителей и учеников всех регионов нашей республики на сбор воспоминаний, а также материалов о траги-

ческой судьбе литовских евреев. Этот конкурс сопровождают семинары, ежегодная акция памяти в разных местах республики, а также публикации лучших работ (уже выпущены две книги). Важно, что этот проект не романтическая случайность – члены организации готовы до тех пор продолжать проект, пока не будет найден хоть один свидетель. Но к сожалению, с каждым годом их становится все меньше и меньше. В акцию очень активно втягиваются дети. Они не только культурные слушатели – они активные участники. Ими создан интернет сайт: www.atmnamai.lt. Хочу сказать, что лидеры всех этих проектов, придерживаются морального принципа: поддержку своей финансовой деятельности ищут в Литве, подчеркивая, что это дело литовцев. Если объяснить попроще – трагедия холокоста – это трагедия нашего народа, а не непростое явление в истории Литвы.

Просвещение о холокосте, в принципе, со дня провозглашения независимости Литвы поддерживалось официальными властями. Я имею в виду некоторые решения Правительства Литовской республики, а так же позиция министерств, в особенности Министерства культуры и просвещения. Тема Холокоста в Литве появилась в системе образования во время реформы. В 1991 г. мы ее замечаем в программе, а позднее, и в учебниках по истории. Эта же тема наблюдается и в методических материалах таких предметов как этика, литература, вероисповедание. Ощущается стремление усилить историю Литвы, как историю многонационального общества, показывая аспекты ксенофобии, национальной и религиозной дискриминации. Совершенно закономерным шагом был приказ Министра просвещения Альгирдаса Монкявичюса № 1296 от 10-09-2003, в котором была утверждена программа просвещения Холокоста. Особое внимание этой теме уделяется Министерством иностранных дел, а так же Министерством культуры Литвы. Работники культуры охотно поддерживают связи с литовскими евреями во всем мире, чтут их традиции, оберегают культурное наследие прошлых времен. В 2002 г. на Международной выставке книг во Франкфурте, где Литва присутствовала в качестве гостя, было продемонстрировано особое внимание обсуждаемой нами теме, писателям еврейской национальности их культурному наследию, творческим

работам. Хотя такой акцент и не очень понравился некоторым литовским политикам, но благодаря Министру культуры Ромы Жакайтене, сценарий изменен не был. Такой факт имел место только единожды, но из этого видно, какой тон задают вышестоящие институции нашему обществу.

Во время советской оккупации о холокосте в Литве вообще не говорилось. Эта тема преподносилась как организованное массовое убийство советских граждан и использовалась для советской пропаганды. По этой причине и сейчас учителя истории чувствуют психологический барьер, описывая еврейских борцов ГЕТО, как членов коммунистической партии или советских партизан. По этой же причине простому учителю истории Литвы, как бы и не хочется организовывать поездку учеников в Руднинскую пушу, где боролся Аба Ковнер. Тема сопротивления только входит в сознание нашей общественности, а будет ли когда-нибудь в Вильнюсе улица им. И. Витенберга? Также в Литве не было возможности провести объективных исследований и ознакомиться с работами зарубежных историков на поднятую нами тему. В последнее время, а особенно после 1995 г., этот пробел начал заполняться (появилось множество литературы (более 100 книг)), но к сожалению, с некоторыми недоработками. Когда книги рассылались во все средние школы Литвы, многие из них не были широко представлены педагогам. Отношение книги и его читателя остается проблематичным. Появляется необходимость в консультантах не учеников, а учителей, которые помогли бы отобрать предложенный материал по теме холокоста.

Довольно новым явлением в Литве стало освещение темы холокоста через региональные музеи, иногда совсем небольших городков. Уже третий год Фонд приобразования просвещения и Министерство культуры Литвы, организуют конкурсы: «История Холокоста в нашем крае», «История еврейской общины на нашей земле», которые дали ощутимые результаты. Перед конкурсантами были поставлены две задачи: раскрыть ранее не экспонировавшуюся жизнь еврейской общины в довоенные годы и для достижения этой цели пригласить учащихся не как зрителей, а как участников проекта, выполняющих конкретную работу. Работа – это участие в

летних экспедициях, в которых работники музеев вместе с учителями и учениками собирают материал об еврейской общине, а так же о событиях военных лет. Позднее собранный материал печатается в книгах и брошюрах, интернет-страничках, учебных компакт дисках на литовском и английском языках. Организуются переносные экспозиции в региональном или школьном музеях. Деятельность участников проекта зависит от местных ресурсов, материала, а так же от мотиваций и потребностей авторов проектов. В процессе работы организуются своеобразные информационные центры, где собираются единомышленники: работники музеев, школ, представители местных организаций. Самую большую работу провели музеи городов Кедайняй, Шилуте, Аникшчай.

Нужно подчеркнуть, что холокост это одно из выделяющихся событий истории Литвы, имеющее свои исторические условия, обусловленный сложным, а так же довольно болезненным контекстом для литовцев. Во время второй мировой войны, в принципе, была уничтожена одна из самых больших, проживавших в Литве национальных общин, которая славилась своей уникальной культурой во всей Европе, оставившая следы в Литовской культуре и экономике. *Самое главное то, что литовцы довольно-таки активно сотрудничали с нацистами.* После провозглашения независимости, начавшаяся полемика по этому поводу показала, что обществу не хватает информации о холокосте в Литве, что оно (общество), только сейчас начало к этому готовиться. Эти события все еще живы в памяти людей, общество нервно реагирует на эту тему. Часть политиков Литвы склонны спекулировать: что мешает спокойной и последовательной работе, конструктивному диалогу историков, благосклонному общественному мнению? Нередко беспокойные волны антисемитизма, уводят педагогов от этой темы. Они чувствуют психологическое давление своих коллег. Отсюда и теория двух геноцидов – попытка романтизировать восстание 23 июня 1941 г.

Сталкиваясь с выше названными проблемами, мы должны признать, что не всегда энтузиастам просвещения Холокоста удается общаться без эксцессов, добываясь одной цели. Особенно ситуация изменилась, когда Литва в июне 2002 г. стала действительным членом Международной рабочей группы

памяти Холокоста по вопросам исследований и просвещения. Открывшиеся новые финансовые возможности приблизили к ряду просветителей этой темы не только неправительственные организации (энтузиастов высоких мотиваций), но и новую волну профессиональных управленцев, до сих пор не работавших с такими проектами. Появилась боязнь, что тема будет превращена в конъюнктурную, что будет работать куча поверхностных педагогов с сомнительной репутацией, стремящихся только к финансовой выгоде, т.е. появятся своеобразные функционеры холокоста. Особенно стали бояться предложений некоторых энтузиастов ввести в школах курс преподавания Холокоста и писать хорошо дотируемые государственные программы. Счастье в том, что выше упомянутую программу создавало большое количество представителей разных институций и «ветеранов» и «новичков». Общее дело, бурные споры всех объединили и были выделены основные приоритеты.

Сегодня самым главным в Литве является то, чтобы при ведении любой практической деятельности все работники придерживались основных принципов – они жизненно важны. Поэтому и мы стремимся к тому, чтобы во всех областях, где встречается тема Холокоста тоже придерживались некоторых принципов, которые процитирую из программы:

«добровольность» – добровольное вступление и поощрение инициативы «снизу», а так же поддержка растущей инициативы:

«контекстность» – просвещение холокоста – подача проблемы и внедрение программы в широком деловом контексте (преступления тоталитарного режима, многокультурность, толерантность, равные возможности, права человека и т.д.):

«интеграция» – программа предназначается и рекомендуется для использования различных ее аспектов в различных обучающих дисциплинах (история, гражданское воспитание, литература, этика, искусство и т.д.):

«сотрудничество» – программа привлечения желающих работать и работающих в правительственных и неправительственных организациях Литвы, а также за рубежом. работа и координация деятельности.

В заключении, хочу затронуть для нас всех общую и актуальную тему. Это массовое внедрение культуры во все области нашей жизни. Рафинированное игнорирование иудейских, христианских или гуманистических ценностей, их опровержение, воспитание потребительского сознания, не благоприятно осмыслению темы Холокоста с молодым поколением так же, как и темы антисемитизма. Банальность не может понять и сочувствовать, нужно ли приносить себя в жертву? Не побоюсь показаться старомодным, но меня беспокоит слащавое внедрение в процесс обучения различных релятивистических философий, которые не формируют (особенно в подростковом возрасте) позитивных идеалов, а даже стирают четкие границы между добром и злом. Наверное скажете, что давайте будем учить пониманию и оценке. Я не против модели критического мышления. Она очень нужна. Но ее механическое внедрение, не учитывающее возрастных групп учащихся, имеющаяся информация, поверхностное понимание самого учителя, меня начинает волновать. Ведь не достаточно только дискутировать, нужно еще и знать о чем дискутировать. Дети должны видеть, что учитель чувствует и понимает суть темы, а не повторяет как попугай модные фразы о толерантности и солидарности наций. Думаю, что если мы перестанем на проблему Холокоста смотреть через призму человеческих ценностей, то дадим право молодежи иметь свое личное мнение по этому вопросу. Как бы не получилось так, что после нескольких лет современного преподавания Холокоста, на фразу «Я освобожу вас от химеры совести», последует реакция: «А, что такое совесть? Все же ведь, релятивно ...»

*Неринга Латвите Густайтене (Вильнюс)***Особенности холокоста в провинции Литвы:
Тракайский уезд**

Объект исследования. Тракайский регион, как объект исследования, был выбран не случайно. Со времен образования Литовского государства Тракайский регион занимал особое место в истории страны. Его отличное месторасположение между Вильнюсом и Каунасом, крупнейшими городами Литвы, и величайшими реками – Неманом и Вилюей – явились основанием для развития и значимости этого района в торговой, общественной, культурной и политической жизни страны.

В ранний период истории государства Литвы Тракай некоторое время был даже столицей Великого Княжества Литовского. В разные века здесь пересекались стратегически важные военные и торговые пути, возникали поселки земледельцев, торговцев и ремесленников, представлявших разные народности и говоривших на разных языках. Сильный толчок для их роста и развития дали построенные во второй половине XIX века через Тракайский уезд железные дороги Петербург-Варшава и Лиепая – Ромны. Расцвела торговля. Вместе резко выросла и община евреев.

Тракайский уезд, можно сказать, сформировался в 1564–1566 гг., когда в Великом Княжестве Литовском проводилась административная реформа: Литва была разделена на 13 воеводств и 26 поветов. Центром одного из поветов стал Тракай в воеводстве с аналогичным названием. После третьего разделения Литовско-Польской Республики, когда в 1795 г. Литва была присоединена к России, поветы были переименованы в уезды. Границы уезда в ходе истории изменялись не раз. В 1920–1939 гг. часть Тракайского уезда (в составе Вильнюсского края) была оккупирована Польшей. В годы немецкой оккупации (1941–1945 гг.) страна была наименована генеральным Литовским округом и разделена на четыре краевых округа, округа – на уезды, а последние – на волости. В состав

Тракайского уезда Вильнюсского округа в годы немецкой оккупации входило 10 волостей: Аукштадварис, Кайшядорис, Онушкис, Рудишкес, Семелишкес, Тракай, Вевис, Жасляй, Жежмаряй и Лентварис.

Первые евреи в уезде появились довольно-таки рано – в конце XIV века в Тракай. Получив привилегии от великих князей литовских, многие из них обосновывались в городах и поселках. Занимались торговлей, мелким производством, ремеслами, некоторые обрабатывали землю. В деревне Жидкаймис, находящейся в волости Онушкис, в 1936 г. землю обрабатывали 20 семей евреев и 5 семей литовцев¹. Это была единственная деревня в уезде со столь большим количеством евреев-земледельцев.

С самого начала обоснования в Литве эта этническая группа активно участвовала в экономической, политической, культурной жизни края, наряду с этим сохраняя и свою региональную самобытность. Пути литовцев и евреев пересекались не только в повседневной, но и в политической жизни.

Численность евреев в уезде за весь период их существования колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч. Самая многочисленная еврейская община была в период между войнами. Хотя в процентном изображении их число, скажем, в 1923 году в семи волостях из десяти (волости Лентварис, Рудишкес и Тракай в 1920–1939 гг. принадлежали Польше) было только 6,5% от всех жителей волости,² однако в некоторых местечках округа они составляли половину местных жителей или даже большую часть.

Наиболее важные события начала XX века (восстановление независимости Литвы и др.) были отмечены близким сотрудничеством евреев и литовцев. Можно было бы отметить множество положительных моментов в отношениях евреев и литовцев, однако, с течением времени их дороги разошлись.

В течение всего оккупационного периода в Литве было уничтожено более 200 000 граждан еврейского происхождения, из них 170 000 – 180 000 до 1942 г. В августе-октябре 1941 г. Тракайский уезд потерял более 5 000 евреев.

Еще половина от этого числа из оставшихся литовских и белорусских евреев могла быть уничтожена в 1942–1944 гг. в шести трудовых лагерях, действовавших в уезде.

Только отдельным лицам удалось избежать смерти, убежав из колонн, идущих на расстрел, гетто и трудовых лагерей. Некоторым из них помогли спастись жители края.

Тема холокоста в провинции, при рассмотрении событий в Тракайском уезде, отличается от других провинциальных уездов (уездный центр не был большим городом по сравнению с Вильнюсом, Каунасом или Шяуляем) тем, что после ликвидации местных жителей евреев, в 1942 г. были начаты организовывать трудовые лагеря, в которые попадали евреи из больших гетто, оставшихся к тому времени в Литве и из гетто нынешней северной Беларуси (находившейся в административной черте тогдашней Литвы). Следует отметить, что это был скорее всего единственный уезд, во всех десяти волостях которой в августе – октябре 1941 г. формально действовали еврейские советы (Юденраты).

Оккупационная политика. Завоевав многие из европейских стран, 22 июня 1941 г. фашистская Германия начала войну против Советского Союза. Согласно идеологии и политике, а так же планам военной экспансии А. Гитлера еврейство должно было совсем исчезнуть. Как раз к этому и стремились немцы на всех оккупированных территориях.

В первые дни войны в Литве Красная армия отступала, вместе с ней и большинство советских служащих и гражданских беженцев, среди которых было немало и евреев. «Кто на машинах, кто на телегах, на велосипедах или просто пешком, заполнили дороги. И одним, и другим оставаться в Литве было опасно. В стране разгорелось восстание против бывших оккупантов, сопровождаемое схватками с советской армией, а так же хаосом и самоуправством.»³ Аресты и расправы в первую очередь были направлены против коммунистов, комсомольцев и тех, кто с ними сотрудничал, однако такая же участь постигала и ни в чем не повинных людей, особенно евреев.⁴

Образовавшееся Временное Правительство, органы самоуправления провинции и местные жители были втянуты в политику, проводимую немцами. Немцам нужны были пособники. Они надеялись воспользоваться местными жителями и найти много верных и послушных сотрудников.

По указанию немцев в Вильнюсе и Каунасе были учреждены военные полевые комендатуры. Коменданты «на подвластной им территории имели неограниченную власть»⁵, не обращали внимания на самостоятельность органов власти Литвы, хотя сотрудничали и от помощи не отказывались. В ведении военных комендатур были все дела, как военные, так и гражданские. Тракайский уезд был подчинен Вильнюсской комендатуре (комиссар Хорст Вульф), а сам город Тракай остался центром уезда.

До 17 июля 1941 года приказы по управлению занятым краем объявляла военная администрация – верховная оккупационная власть, которая «свою инициативу часто маскировала, принуждая литовскую администрацию от своего имени подписывать антисемитские постановления.»⁶

После введения немцами гражданской власти (25 июля 1941 г.), приказы, связанные с преследованием евреев, выпускали немецкие должностные лица, а местная литовская администрация только повторяла данные ими указания.⁷

В Тракайском уезде как во времена гетто и временных мест изоляции в 1941 г., так и в период трудовых лагерей в 1942–1944 г.г., немалое число местных жителей стали прямыми исполнителями немецких приказов: надсмотрщиками в еврейских гетто, местах временной изоляции, трудовых лагерях, выполняли обязанности обслуживающего персонала. Они сопровождали евреев на место работы и расстрела, участвовали в расстрелах. Случалось, что местные жители, заслужившие доверие немцев, скоро поднимались по карьерной лестнице и становились даже заместителями начальников лагерей, не говоря уже о том, что получали материальное вознаграждение.

Ограничения в отношении евреев. В июле 1941 г. было определено понятие еврея: евреем является лицо, у которого трое (позднее решено, что двое) бабушек и дедушек были чистокровными евреями или то, которое до 22 июня 1941 г. принадлежало к иудейской религии или до объявления циркуляра было в браке с человеком этой национальности. Появились запреты евреям здороваться друг с другом на улице, покупать и продавать только в установленные часы, появилось обязательное требование каждому еврею, достигшему десяти лет, носить звезду Давида и др.⁸

1 августа 1941 г. жизнь евреев как Тракайского уезда, так и всей Литвы «откорректировал» «Устав о положении евреев», на основании которого, евреи, проживавшие в Литве, были разделены на 2 категории (не подходящие тогдашней власти по своим политическим воззрениям и все остальные, не попадающие в первую категорию),⁹ они обязаны были носить желтый круг восьми сантиметром в диаметре с буквой «J» посередине. Евреям было запрещено без специального разрешения полиции выезжать из территории, предназначенной для их жительства, они не могли иметь все движимое имущество, а также, им было запрещено пользоваться услугами лиц других национальностей.¹⁰ Правда, теоретически были объявлены еврейские группы, на которых это положение не распространялось, однако, практически, этого пункта никто не учитывал.

18 августа 1941 г. комиссар Вильнюсского округа объявил, что для евреев Тракайского уезда «установленные обязательства о ношении знака и положении еврейского района (*ghetto*). То же положение применялось и к полуевреям, т.е. таким евреям, одна сторона родителей которых является настоящими евреями»,¹¹ еврейской половине смешанных семей и супругу, если он не желал разводиться.¹²

Была установлена норма продовольствия для каждого жителя уезда: евреям очевидно меньшая, нежели другим (например, нееврею норма хлеба на неделю составляла 1 750 граммов, еврею – 875 граммов, а мяса, жира и сахара евреи не получали совсем).¹³

Можно утверждать, что в середине августа 1941 года бесправность евреев и дискриминация этого народа были узаконены окончательно.

Период гетто и мест временной изоляции (август-октябрь 1941 г.). 25 июля 1941 г. начальник Тракайского уезда Тракайскому бургомистру и всем старостам Тракайского уезда приказал запретить любой выезд евреев из уезда и указал всех поместить на территориях, предназначенных только для них, выслев из них семьи христиан. Начальник уезда просил прислать план переселения евреев в другую местность, указать место переселения, обозначить помещения.¹⁴

В середине августа 1941 г. евреев Тракайского уезда (сначала мужчин, потом женщин и детей) загоняли в гетто¹⁵ и временные места изоляции, существовавшие с августа по октябрь 1941 г., и находившиеся в прямой зависимости как от немецкой, так и от местной власти. В уезде было 2 гетто: в Кайшядорис и в Тракай – уездном центре. Во всех других волостных центрах короткое или более продолжительное время действовали места временной изоляции. Учреждение гетто в Кайшядорис и Тракай не было случайным явлением. Неподалеку от этих городов позже проводились три из четырех акции массового уничтожения в августе-октябре месяцах 1941 г. В гетто и в местах временной изоляции в заключении находились от нескольких десятков до нескольких сотен местных жителей. Узники гетто и мест временной изоляции евреев, находящихся в прямом подчинении у органов оккупационной власти, были унижены, их свобода стеснена и жизнь управлялась другими лицами, которые старались евреев ослабить и замучить.

Евреев, находившихся в заключении, охраняла стража из литовцев. Арестованных гнали на работы. Очень часто бывало, что женщины, дети и старики выполняли бессмысленные работы, такие как прополка рыночной площади местечка и др.

После того, как евреи были загнаны в гетто, вышли специальные указания, как следует обращаться с имуществом евреев, где его содержать, кому оно должно принадлежать и др.¹⁶

Еврейские советы (Юденраты). Как говорит литовский историк Арунас Бубнис,¹⁷ малые провинциальные гетто обычно не имели самоуправления, однако, указы начальника Тракайского уезда от 25 июля 1941 г. и отчеты старост волостей о выполнении приказов, говорят о другом. В каждой общине, которая была поручена старостам, было приказано «учредить представительства евреев, которые имели бы оттенок еврейского Совета.»¹⁸ В еврейский совет должны были входить не менее 3 и не более 12 человек.¹⁹ Во всех волостных центрах Тракайского уезда, в которых было скопление евреев, местные еврейские советы, организованные еще до создания закрытых территорий, действовали до момента их ликвидации.²⁰ Еврейский совет (Юденрат) был «обязан через своего управляющего или его заместителя принимать указы всех немецких учреждений и полиции,»²¹ заботиться о правильном и быстром исполнении этих приказов. Очень часто с первого раза не удавалось выбрать еврейскую власть, так как люди отказывались идти в совет.²² В больших городах немцы свои приказы исполняли руками еврейских советов. Какие функции выполняли еврейские советы в Тракайском уезде и выполняли ли они обязательства, возложенные на них немцами, неизвестно. Считается, что в этом случае их избрание должно было для евреев ассоциироваться с заверением более продолжительного существования гетто.

Массовая ликвидация гетто и мест временной изоляции. Массовая ликвидация гетто и мест временной изоляции происходила летом–осенью 1941 г. Первыми, во избежание сопротивления, были расстреляны мужчины (очень небольшая часть тех, кто попал в рабочие лагеря, выжила до 1944 г.), позже – женщины, старики и дети.

Расправы проходили по заранее намеченному плану. Вначале в отдаленном месте, чаще всего в лесу, подбиралось место. В назначенный день местным жителям приказывали выкопать там одну или несколько ям и через некоторое время появлялись первые колонны обреченных. В Тракайском уезде

евреев одной волости не расстреливали. Обычно на место ликвидации пригоняли евреев 2–3 волостей. Расправы всегда сопровождались издевательствами, вымогательством имущества, молитвами и стоном жертв, насмешками пьяных палачей.

Тракайский уезд потерял более 5 000 своих жителей евреев. В расправах участвовал мобильный отряд, сформированный с немецкой полиции безопасности и СД 3А оперативного отряда. В мобильной команде, руководимой оберштурмфюрером СС Йоахимом Хамманом, было 8–10 немцев – должностных лиц безопасности и СД и несколько десятков литовцев. А так же примерно из несколько десятков местных коллаборационистов и нескольких немцев из оперативного отряда сформированный Особый отряд, литовская полиция, бывшие участники восстания против Советской власти в Литве в первых днях войны (еще называемые белыми повязками, повстанцами или активистами). Попадались и добровольцы из числа местных жителей.

Случалось, что, спрятавшись в лесу, за расправой наблюдали местные жители.²³

Уничтожив почти всех евреев-жителей уезда, 20 ноября 1941 г. начальник Тракайского уезда комиссарному заседателю Вильнюсского округа представил подробный отчет от каждой волости об отчуждении и хранении еврейского имущества.²⁴

Период трудовых лагерей (1942–1944 гг.). Как в Вильнюсском, Шяуляйском, так и в Тракайском уезде, после ликвидации местных жителей евреев начался период основания трудовых лагерей. Их появление было обусловлено стратегическим положением и нехваткой рабочей силы в той местности, а так же необходимостью выполнять нужные для немецкой власти работы по прокладыванию дорог, заготовке древесины, добыче торфа. Случалось, что лишенные свободы евреи работали в хозяйствах надсмотрщиков лагерей, кроили или шили для членов их семей.²⁵ «В январе 1942 года живых евреев в Литве оставалось только 34 000.»²⁶ В 1942 г. в уезде уже действовало шесть мест временной изоляции трудового типа или так называемые лагеря принудительных работ (в

Вевис, Жежмаряй, Кемяляй (Кайшядорис), Мияугонис, Ужу-тракис и Воке). Часть их были основаны по новой, часть появилась после того, как гетто были переформированы в лагерь. Здесь оставшихся в живых работающих евреев из Тракайского уезда было меньшинство. Для работ в лагерях привозили оставшихся евреев из гетто Вильнюса и Каунаса; а также из гетто, находившегося в то время на территории нынешней северо-восточной части Республики Беларусь (упомянутая область Белоруссии в те времена была в административной черте Литвы). Считать, что сюда попадали люди только трудоспособного возраста, было бы неправильно, так как есть данные, что в трудовых лагерях уезда были лишены свободы и дети, которых так же выгоняли на работу.²⁷ Все лагеря по принудительным работам были в ведении немцев, однако, надсмотрщиками чаще всего были местные жители. В 1942–1944 гг. здесь работали от 100 до нескольких сот человек. Условия работы и жизни во всех лагерях были очень тяжелыми: рабочих мучили болезни, голод и ежедневный изнуряющий труд. «Лагеря по принудительным работам были не только центрами по организации массовых расправ в Литве, но и местами массовых пыток, истязаний и повреждений здоровья жителей.»²⁸ В лагерях возникали инциденты между евреями и лагерными стражниками. Случаи побега чаще всего кончались неудачами.

После ликвидации лагерей (первый трудовой лагерь был ликвидирован в декабре месяце 1943 года, а последний в 1944 году) часть рабочих из них были расстреляны в Панеряй (недалеко от Вильнюса), в IX форте Каунаса или просто вывезены в неизвестном направлении.

Спасители евреев. Расправы над евреями происходили не без помощи сограждан, однако этого нельзя обобщать. Некоторые простые деревенские жители, рабочие в маленьких поселках и интеллигенты, предоставляли евреям не только продукты питания, временное или постоянное место жительства, но и рискуя своей жизнью и жизнью близких отдавали им частицу своего сердца поощряемые не только сочувствием,

дружбой или пользой, но и просто из человеческого долга. В Тракайском уезде официально зарегистрированы 42 случая спасения евреев. За неподчинение немецкой политике, все эти люди в годы войны могли разделить судьбу евреев, однако не испугались, старались помочь своему ближнему, невзирая на его национальность. И помогали для того, чтобы выжившие могли рассказать о жестокости того времени будущим поколениям, а последние избежали повторения подобных событий.

Имена некоторых людей, во время Второй мировой войны спасавших евреев, в Израиле вписаны в список Праведников народов мира. В Литве спасители евреев и помогавшие им во время войны, на основании материала, представленного Государственным еврейским музеем имени Вильнюсского Гаона, Президентом Литвы награждаются орденом «Крест спасения погибающих».

Примечания

¹Центральный Государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Фонд 1251. Опись 1. Дело 4781. Страницы 83, 84, 87, 89, 93, 95, 97, 99, 101, 108, 109, 124, 134, 136, 138, 140, 142, 144, 150, 152, 154, 156, 158, 160. Ведомость об исследовании земли.

²Lietuvos gyventojai. Pirmojo 1923 m. rugsėjo 17 d. visuotinio gyventojų surašymo duomenys (Жители Литвы. Данные первой всеобщей переписи населения 17 сентября 1923 года). Kaunas, [1925]. P. 25. Смотреть приложение № 1.

³*Puišytė R.* Nacių okupacija Lietuvoje (Нацистская оккупация в Литве) // *Žydų gyvenimas Lietuvoje: Parodos katalogas. Jewish Life in Lithuania: Exhibition Catalogue.* Vilnius, 2001. P. 154, 155.

⁴Ibid.

⁵*Bubnys A.* Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944) (Литва под оккупацией немцев). Vilnius, 1998. P. 72.

⁶*Bubnys A.* Mažieji Lietuvos žydų getai ir laikinos izoliavimo stovyklos 1941–1943 m. (Малые еврейские гетто в Литве и лагеря временной изоляции в 1941–1943 г.) // *Lietuvos istorijos metraštis. 1999 metai.* Vilnius, 2000. P. 154.

⁷*Brandišauskas V.* Lietuvių ir žydų santykiai 1940–1941 metais (Отношения литовцев и евреев в 1940–1941 годах) // *Darbai ir dienos.* 1996, Nr. 2 (11). P. 57.

⁸*Krašto vado skelbimas užimtam kraštui* (Указ управляющим занятым краем) // *Naujoji Lietuva.* 1941 06 23. P. 5.

⁹*Masinės žudynės Lietuvoje (1941–1944)* (Массовые истребления в Литве): *dokumentų rinkinys.* Vilnius, 1965. P. 105.

- ¹⁰ Библиотека Академии наук Литвы Отдел рукописей (БАНЛ ОР). Ф. 264-1329.
- ¹¹ Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф. R-685. Оп. 5. Д. 4. Т. 1. С. 1. Письмо начальника Вильнюсского округа К. Календры начальникам Тракайского и других уездов.
- ¹² Ibid.
- ¹³ ЦГАЛ. Ф. R-500. Оп. 1. Д. 1. С. 134. Указ начальника Тракайского уезда о разделении продовольствия по уезду.
- ¹⁴ ЦГАЛ. Ф. R-500. Оп. 1. Д. 1. С. 152. Указания начальника Тракайского уезда по вопросам переселения евреев.
- ¹⁵ Местность или ее часть, в которой были собраны евреи.
- ¹⁶ ЦГАЛ. Ф. R-713. Оп. 1. Д. 1. С. 6. Указания комиссара Вильнюсского округа старостам волостей Тракайского уезда, об имуществе евреев.
- ¹⁷ *Bubnys A. Mažieji Lietuvos žydų getai ir laikinos izoliavimo stovyklos 1941–1943 m.* P. 151.
- ¹⁸ ЦГАЛ. Ф. R-500. Оп. 1. Д. 1. С. 184. Поручение начальника Тракайского уезда бургомистру города Тракай и всем старостам волостей о создании еврейских советов.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Кайшядорский музей (КшМ). Дело 59. Рассказ М. Лашиниса (звукозапись).
- ²⁴ ЦГАЛ. Ф. R-1548. Оп. 1. Д. 1. С. 751. Отчет начальника Тракайского уезда комиссарному заседателю Вильнюсского округа по вопросу отчуждения и хранения еврейского имущества.
- ²⁵ Особый архив Литвы (ОАЛ). Ф. R-1. Оп. 58. Д. 45615/3. С. 31. Протокол опроса свидетеля Г. Каца.
- ²⁶ *Lietuvos žydai 1918-1940 (Евреи Литвы): straipsnių rinkinys / sud. I. Plasseraud ir H.Minczeles. Vilnius, 2000.* P. 27.
- ²⁷ *Tory A. Kauno getas: diena po dienos (Каунасское гетто: день за днем).* Vilnius, 2000. P. 322, КшМ. Д. 243. Воспоминания Г. Бутримавичюте-Путникене. С. 2, 3, 6. КшМ. Д. 240. Воспоминания Р. Дайните-Любшевичене. С. 3.
- ²⁸ БАНЛ ОР. Ф. 26-1475.

*Марк Гольденберг (Феодосия)***Евреи в крымском партизанском движении и подполье
1941–1944 гг.**

Перед войной в Крымской АССР проживало 1 126 429 жителей, в том числе 65 452 еврея (5,8%). Евреи были четвертой по численности национальной группой после русских (49,6%), татар (19,4%) и украинцев (13,7%). В отличие от ряда других регионов, в Крыму партизанские отряды были сформированы заблаговременно из партийно-советского актива. В ноябре 1941 года в рядах партизан насчитывалось 3734 бойца. Согласно материалам Крымского штаба партизанского движения (ГААРК – ф. П-151) в партизанском движении в 1941–1944 годах участвовало 233 еврея и крымчака. Из них 218 боролись с ноября 1941 года, таким образом, в 1941 году евреи составляли 6,5% крымских партизан¹. Учитывая, что сформированные в бывших еврейских национальных районах Фрайдорфский и Лариндорфский отряды не смогли выйти в леса и вместе с Красной Армией отошли в Севастополь, а списки личного состава отрядов за 1941–1942 годы далеко не полны, участие евреев в партизанском движении осенью 1941 года следует признать очень активным.

Пожалуй, ни в одном регионе СССР (в границах 1939 г.) партизанское движение не сталкивалось с такими трудностями, как в Крыму. Уже в первые недели оккупации в результате предательства были утрачены склады с годовым запасом продовольствия. С весны 1942 г. начался голод, ставший для партизан не менее грозным врагом, чем каратели.

Евреи Крыма были уничтожены нацистами уже в конце ноября 1941 – январе 1942 г. В документах фонда П.-151 упоминается лишь 4 еврея, избежавших гибели и пришедших к партизанам. Объясняется это тем, что леса были плотно блокированы карателями.

Только за первый год борьбы крымские партизаны уничтожили около 12 тысяч солдат и офицеров противника. Но и потери партизан были огромны. Если в начале 1942 г. вели борьбу 3576 человек, то к концу года осталось 432 бойца, а в июле 1943 года – всего 227.

Абсолютное большинство евреев-партизан. 145 человек, погибли в боях, умерли от голода и ран в 1941–1942 годах. К февралю 1943 года среди 266 крымских партизан оставалось лишь 9 евреев². Несколько десятков раненных партизан-евреев были эвакуированы на Большую землю.

Во второй половине 1943 года часть эвакуированных вернулись в крымские леса, среди влившихся в отряды бежавших из плена бойцов и командиров были и шесть евреев. Пять офицеров-евреев были присланы с Большой Земли.

С приближением фронта начался стремительный рост партизанского движения, и к моменту освобождения Крыма в апреле 1944 г. насчитывалось 3970 партизан. Всего за 2,5 года крымские партизаны уничтожили по официальным данным около 30 тысяч солдат и офицеров противника.

Немало евреев среди руководителей партизанского движения в Крыму. Так секретарь обкома ВКП (б) Пинхус Рувимович Ямпольский³ с октября 1942 г., осуществлял оперативное руководство движением, в августе 1943 г. возглавил областной партийный центр, а с января 1944 г. – Северное соединение в составе двух бригад. В апреле 1944 года Северное соединение вошло в Симферополь вместе с частями Красной Армии.

Леонид Абрамович Вихман⁴, 1919 г.р., пришедший в лес из окружения в 1941 г, в январе 1944 г. возглавил 7-ю бригаду Южного соединения. В апреле 1944 г. его бойцы первыми ворвались в Ялту, предотвратив уничтожение города нацистами.

Яков Михайлович Кушнир⁵ в 17 лет стал партизаном, в 18 – кавалером ордена боевого Красного Знамени, а в 19 лет – командиром 4-го отряда, насчитывавшего около 300 бойцов. В апреле 1944 года отряд Кушнира перерезал шоссе Симферополь – Феодосия и в течение 2-х суток отражал атаки противника.

Юхим Гершович Руманов командовал 6-м отрядом⁶. Эммануил Маркович Грабовецкий, Николай Наумович Злотников, Тимофей Григорьевич Каплун и Григорий Аронович Фельдман были комиссарами отрядов⁷.

Тимофей Григорьевич Каплун стал комиссаром бригады⁸, а Ефим Абрамович Попов – комиссаром района⁹. Илья Абрамович Соломонович, Абрам Лейбович Шарипов, Зиновий Давидович Хайтович и Михаил Наумович Канторов возглавляли штабы отрядов¹⁰.

Среди 163 партизан, представленных по Крымскому штабу партизанского движения к наградам после освобождения полуострова 92 русских, 38 украинцев, 8 евреев, 5 белорусов, 3 татарина¹¹.

Вместе с мужчинами сражались и женщины еврейки, медсестры и рядовые бойцы Софья Красовицкая, Анна Краснер, Раиса Карась, Эсфирь Волынская, Песя Богуславская, Мария Эрберг и Сара Фахарединова¹².

В воспоминаниях крымских партизан, как пример самоотверженности описывается подвиг Мили Бубиса¹³. Он добровольно остался прикрывать отход своих товарищей и погиб в неравном бою. Григорий Коган отличился в схватке 12-ти партизан с отрядом карателей, насчитывавшем не менее 400 человек¹⁴.

Песах Марьяхин, партизанский разведчик, отличился при освобождении 46 приговоренных к смерти узников старокрымской тюрьмы (март 1944 г.)¹⁵.

К сожалению как минимум два партизана еврея погибли по вине командира в декабре 1941 г. Бойцы Клейн и Шамес были отправлены командиром Бюк – Онларского отряда «домой», то есть на верную смерть¹⁶.

Евреи-подпольщики

В нацистских документах упоминается ряд евреев – подпольщиков, казненных в первые месяцы оккупации.

Это врач Кантер из Ялты¹⁷, расстрелянный в конце 1941 года. В Феодосии в феврале 1942 г. золндеркомандой 10Б была ликвидирована подпольная группа из восьми человек, среди них евреи Михаил Гольдштейн и Федор Язницкий¹⁸.

В поселке Ички в декабре 1941 года были расстреляны подпольщики Захар Фалькович и Иосиф Брауде¹⁹.

Весной 1942 г. в Феодосии сложилась крупная подпольная организация во главе с Ниной Листовничей. Среди членов организации были три еврея – Лещинский (имя неизвестно), Мария Шихманович и ее сын Роман Шихманович. Весной 1943 г. организация была провалена предателем. Лещинский был расстрелян в числе наиболее активных подпольщиков, 17-летний Роман Шихманович погиб под пыткой. Мария Шихманович была арестована, но предатель ее не опознал на очной ставке, и женщину отпустили²⁰.

В Евпаторийском подполье с 1942 по 1944 год участвовал Яков Наумович Ципкин²¹, в Ичкинском (ныне Советском) районе подпольные группы в семи деревнях с сентября 1942 по июль 1943 года создал уполномоченный Крымского штаба партизанского движения Абрам Лейбович Шарипов²².

В деревнях Азат и Фриденталь действовали партизанские разведчики Александр Соломонович Эйдельберг и Борис Александрович Ваксман²³.

Тема участия евреев в партизанском движении и подполье Крыма требует дальнейшего изучения. Но уже сейчас очевиден их весомый вклад в борьбу крымчан с нацизмом.

Примечания

¹ Подсчитано автором по документам Крымского штаба партизанского движения.

² Книга Памяти. Т. VIII – Симферополь, 1998. С. 82.

³ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–3; Д. 238. Л. 85–93.

⁴ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 215. Л. 107.

⁵ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 224. Л. 158–165.

⁶ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 547. Л. 1, 13, 28–29, 39, 48.

⁷ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 126. Л. 205–206; Д. 148. Л. 1–9; Д. 154. Л. 1–6; Д. 235. Л. 62–63.

⁸ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–6.

⁹ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 197. Л. 27–28.

¹⁰ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 247. Л. 91–92; Д. 568. Л. 131; Д. 299. Л. 80; Д. 221. Л. 74–77.

¹¹ Брошеван В., Тыглиянц П. Изгнание и возвращение. Симферополь: Таврида, 1994. С. 20.

¹² ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 425. Л. 8 об.; Д. 244. Л. 52, 53; Д. 215. Л. 157–162; Д. 314. Л. 25 об., 26; Д. 306. Л. 384; Д. 235. Л. 38–39.

¹³ Генов И.Г. Дневник партизана. Симферополь, 1963. С. 206.

¹⁴ Генов И.Г. Четыре времени года. М., 1969. С. 56.

¹⁵ ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 227. Л. 124–125.

¹⁶ ГААРК, ф. -156. Оп. 1. Д. 57. Л. 42.

¹⁷ Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах / Сост. А. Круглов. К., 2002. С. 114.

¹⁸ Andrej Angrick. Die Einsatzgruppe D. Berlin, 1999. P. 335.

¹⁹ Книга Памяти. Т. VII – Симферополь, 1996. С. 132, 135.

²⁰ ГАРФ – ф. 7021. Оп. 9. Д. 58. Л. 8, 31 об.

²¹ ГААРК, ф. 849. Оп. 1. Д. 307. Л. 4, 6, 18, 26.

²² ГААРК, ф. П-151. Оп. 1. Д. 568. Л. 131.

²³ ГААРК, ф. 156. Оп. 1. Д. 91. Л. 16, 63; Ф. П-151. Оп. 1. Д. 215. Л. 11.

Summary

The Jews in Crimean guerilla Movement and under-ground 1941–1944

65452 Jews (5,8 % of the population) lived at 1939 in Crimea. In 1941–1944 years in guerilla groups 233 Jews battled.

Among 3734 Crimean guerilla, entered in struggle with nattiest in November, 1941, Jews there were 218 men (6.5 %). Taking into account, that the lists guerilla for 1941–1942. Were badly kept, of the Jews guerilla could be more. By the end of 1942 145 Jews guerilla were lost in fights or for famine, some tens the man were evacuated on the Large Earth. In February, 1943 among escaped 2606 Crimean guerilla there were only 9 Jews.

As a minimum 4 Jews came in guerilla groups, having avoided destruction in cities and villages of Crimea in the beginning of 1942. 6 Jews solders and officers of Red Army came in guerilla groups in 1942–1944 years, having run from captivities. 5 officers of the Jews were sent from the Large Earth in 1942–1944 years.

*Эмануил Иоффе (Минск)***Юденрат минского гетто**

Об истории Холокоста написаны сотни книг и тысячи статей. До сих пор одной из самых малоисследованных проблем этой истории является проблема юденратов.

Юденрат (в переводе с немецкого – «еврейский совет») – это орган, учреждавшийся в годы Второй мировой войны германскими оккупационными властями для управления еврейским населением отдельных городов, который состоял из назначенных властями евреев и нес ответственность за исполнение нацистских приказов, касавшихся евреев. После создания гетто юденрат отвечал за все происходившее внутри его. Юденрат вскоре приобрел главенствующую роль и контролировал еврейскую полицию, мировой суд, пожарную часть, службу трудоустройства, хозяйственную деятельность, обеспечение продовольствием, жилищное хозяйство, здравоохранение, социальные службы, статистический учет, образование, учреждения культуры.

Нацисты использовали особенности социальной организации и психологию еврейского населения для того, чтобы свести до минимума возможности сопротивления.

Создание гетто с опорой на юденраты не означало отказа нацистов от политики тотального истребления еврейского населения. Создавая видимость упорядоченной жизни в гетто, немцы старались поддерживать в обреченных на гибель евреев иллюзорную надежду на спасение.

С самого начала создания юденратов о их роли в еврейской жизни велись ожесточенные споры. Многие видели в деятельности евреев в юденрате только сотрудничество с нацистами и ничем не оправданное приспособленчество. Другие считали, что работа в юденрате давала возможность более успешного противостояния жестокому врагу.

По данным исследователя этой проблемы Ишаяху Трунка, в начале 1942 года. В зависимости от позиции, которую они занимали по отношению к властям, с одной стороны, и к своим общинам – с другой, юденраты условно можно разделить на четыре группы.

Одни на начальном этапе их существования пытались вести относительно самостоятельную политику, отражавшую интересы общин. Их руководители не всегда прислушивались к требованиям оккупантов и поэтому вскоре были ликвидированы нацистами: 182 председателя юденратов (25,3 процента) убиты еще в 1941 – первой половине 1942 года, 383 (53,2 процента) расстреляны на месте или депортированы вместе с членами своих общин в 1942–1943 годах¹.

Вторая группа председателей юденратов, возглавивших общины после уничтожения своих предшественников, пыталась найти путь к сотрудничеству с нацистами в сфере хозяйственной деятельности. Она надеялась, что «добросовестной работой» на нацистов удастся сохранить жизнь узникам гетто. Но идея «спасения через работу» не оправдала надежд.

Третья группа поводила политику соглашательства с оккупантами. Она жертвовала частью людей ради спасения остальных.

Четвертая группа председателей юденратов безропотно выполняла приказы гитлеровских властей и покрыла себя позором.

Особый интерес представляет история юденрата Минского гетто. Это гетто, просуществовавшее до октября 1943 года, является редким исключением на территории Восточной Беларуси, где гетто, если и создавались вообще, то подвергались ликвидации в течение короткого времени.

Несмотря на исследования Ш. Холявского, И. Трунка, Г. Кнатько, Р. Черноглазовой, история минского юденрата во многом еще продолжает оставаться малоизученной.

В Минске еврейский совет был создан по распоряжению полевого коменданта города еще в начале июля 1941 года. Одним из первых упоминаний в сохранившихся нацистских документах о функциях юденратов является распоряжение полевого коменданта о создании гетто в Минске от 19 июля 1941 года. Еврейский совет упоминается в трех из двенадцати пунктов этого документа: в связи со сбором контрибуции; с информированностью властей о квартирах, освобожденных евреями, и ответственностью за осуществление данного приказа. В этом распоряжении полевого коменданта не были определены численность, структура и функции данного юденрата.

В сообщении полиции безопасности и СД № 31 о деятель-

ности айнзатцгруппы «Б», действовавшей на территории Беларуси, от 23 июля 1941 года, говорилось:

«В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 8 человек. Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте. Более того, еврейский совет должен создать трудовые группы из числа евреев в возрасте от 15 до 55 лет...»².

Руководителей юденратов обычно называли «председатель» или «старейшина». Именно с их выбора или назначения начиналось создание еврейского совета.

Сохранилось несколько версий относительно обстоятельств создания юденрата в Минском гетто.

«Еврейский комитет» (юденрат – Э.И.) был создан следующим образом: работники гестапо поймали на улицах города 10 мужчин, завели их в Дом правительства и заявили, что они представляют Еврейский комитет и обязаны выполнять все распоряжения немецких властей. За малейшую провинность – расстрел.

Председателем Комитета назначили Илью Мушкина – бывшего заместителя директора Минпромторга»³.

А вот что вспоминал бывший узник, один из руководителей антифашистского подполья в Минском гетто, автор книги «Мстители гетто» Г. Смоляр:

«К комендатуре приводили людей и обливали с ног до головы желтой краской.

Одну такую группу долго держали на улице возле комендатуры. Их не “красили”. Вышел офицер и приказал выступить на два шага вперед тому, кто понимает по-немецки. Никто не двигался с места. Офицер повторил приказ. Многие понимали по-немецки, но никто не выходил.

– Я немного понимаю, – тихо проговорил наконец Илья Мушкин и вышел из ряда. Когда Мушкин вернулся из комендатуры, показалось, что его начинающая сесть голова совсем побелела, а прямые плечи сгорбились»⁴.

На следующий день на всех улицах и переулках будущего гетто был расклеен приказ о том, что «жид Илья Мушкин

прызначаецца старшыней жыдоускай рады. Усе жыды павінны безумоцна выконваць яго загады»⁵.

Илья Мушкин родился в Минске. Он был беспартийным. Согласно одному источнику, до Великой Отечественной войны Мушкин работал инженером в Минском горсовете, согласно другому – заместителем директора Минпромторга, согласно третьему – был каким-то профсоюзным функционером.

После ареста в феврале 1942 года И. Мушкина его пост занял уроженец Западной Беларуси, бывший директор Вильнюсского радиозавода «Электрит» (по другим данным, адвокат, по третьи данным, композитор) Моше Иоффе. Он был беженцем и прибыл в Минск после его оккупации нацистами. До назначения председателем минского юденрата Иоффе работал переводчиком этого юденрата. Он погиб во время самого страшного погрома в конце июля 1942 года.

По мнению Ш. Холявского, после гибели М. Иоффе юденрат Минского гетто был распущен. Он писал, что позднее немцы превратили гетто в концлагерь, и юденрат был распущен. Главной личностью в этот период стал начальник отдела труда в юденрате, прибывший в Минск в 1941 году в качестве беженца, При нем работало несколько помощников, но совета не имелось⁶.

В действительности, юденрат минского гетто хоть и в своем составе уменьшился количественно, но он существовал. Об этом свидетельствуют материалы Национального архива Республики Беларусь⁷ и беседы автора этих строк с многими узниками минского гетто.

Исследователь гибели минского гетто Г.Д. Кнатько отмечает: «С августа 1942 года обязанности председателя юденрата Минска исполнял польский еврей Н. Эпштейн. Он погиб в 1943 году»⁸.

Почти одновременно с созданием юденрата была создана еврейская служба порядка или как ее называли «еврейская полиция». В сообщении № 32 полиции безопасности и СД от 24 июля 1941 года говорилось:

«...Для поддержания порядка во вновь созданном гетто была организована еврейская служба порядка. Еврейская служба порядка подчиняется еврейскому совету старейшин и используется им для выполнения распоряжений и указаний немецких учреждений и городского управления...»⁹.

Вскоре в минском гетто была создана полиция в составе 200 человек. Ее формировал еврейский совет из жителей гетто. Руководитель еврейской полиции Зяма Серебрянский одновременно являлся членом юденрата. Оперативную группу полиции возглавлял Эпштейн, а сторожевую охрану – Левин.

В качестве отличительного знака полицейские носили на рукаве белую повязку с шестиконечной звездой. Они были вооружены резиновыми дубинками или палками.

Юденрат курировал все стороны жизни узников гетто через созданные в его структуре отделы: жилищный, санитарный, труда, опеки, охраны порядка и др. Он располагался в помещении бывшего 5-го отделения милиции по улице Ратомской. Именно через юденрат происходило переселение и расселение евреев Минска в гетто.

В состав юденрата минского гетто входили немецкий еврей Блюменшток, начальник внутренней охраны Зяма Серебрянский, заведующий отделом обеспечения гетто и организации мастерских Гирш Рудицер, заведующий жилищным отделом, бывший артист и режиссер театра имени Янки Купалы Борис Дольский, заведующий отделом труда Н. Эпштейн. Отдел помощи при юденрате возглавил режиссер, заслуженный артист БССР Михаил Зоров (Штоклянд). Отделом внутреннего труда (мастерские в самом гетто) заведовал юденратовец Гольдин.

В беседе с ответственным работником Белорусского штаба партизанского движения Н.А. Коссым на его вопрос: «Кто входил в состав комитета (юденрата – Э.И.)?» в феврале 1944 года бывшая узница минского гетто Х.И. Рубинчик ответила:

«– Ришелевский – был назначен заместителем Мушкина, сам он из Западной Белоруссии, Иоффе – из Западной Белоруссии, Бляхер, Блюменшток, Резник, Серебрянский. Еврейский комитет помещался в б помещении отделения милиции на Юбилейной площади. Мушкин и его заместитель носили белые повязки с надписью “Юден-рат”...Еврейский комитет провел паспортизацию и регистрацию всего населения гетто»¹⁰.

Узник Минского гетто и малолетний партизан Абрам Рубенчик в своей книге «Правда о Минском гетто» вспоминает:

«Внешне юденрат был похож на обычный райсовет. Кабинеты, служащие ходят с бумагами, в коридорах топят печи. Посетители, конечно, с хмурыми и озабоченными лицами.

Руководили юденратом, насколько я запомнил их фамилии, Илья Мушкин, Беркович и еще Эли Палеес...

Еще одна особенность минского гетто. При самом юденрате служили полицаи-евреи. Конечно, они были без оружия и совершенно бесправными. Ходили вместе с жандармами. Но нам, узникам гетто, они иной раз оказывали неоценимую услугу. Частенько на идиш предупреждали:

– Гейт нит... Анклеифт... Цип оф фун данен! (– Не ходите... Убегайте... Срывайтесь отсюда!)¹¹.

В целом юденрат Минского гетто и его первый председатель пользовались популярностью среди узников гетто. О Мушкине говорили, что «он был очень порядочным человеком» или «он был очень способным и порядочным человеком». Хотя эту высокую оценку заслужил лично Илья Мушкин, однако минский юденрат обычно отождествляли с ним.

Израильский историк с мировым именем Ш. Холявский, положительно оценивая отношение узников Минского гетто к юденрату, отмечал:

«Еврей гетто называли юденрат “ди идише кехиле” (“еврейская община” – Э.И.), относясь к нему с симпатией и без всякой критики. Юденрат первого состава завоевал уважение жителей гетто... Он помогал нуждающимся одеждой, обувью и бельем. В первые дни существования гетто он был местом встречи и обмена мнениями»¹².

В отличие от многих юденратов на оккупированной территории Беларуси и всего Советского Союза, минский юденрат с первых же дней своего существования был тесно связан с антифашистским подпольем в гетто и в первую очередь с его руководителями Смоляром и Гебелевым.

Глава юденрата Илья Мушкин часто встречался с одним из руководителей подполья Гиршем Смоляром. Благодаря своему личному авторитету он сумел убедить ряд членов юденрата в необходимости исполнения решений подпольного штаба.

С подпольем активно сотрудничали начальник внутренней охраны Зяма Серебрянский, заведующие жилищным отделом юденрата Борис Дольский и Соломон Блюмин, заведующий отделом помощи при юденрате Михаил Зоров (Штоклянд), сотрудница жилищного отдела юденрата Софья Садовская. За исключением Садовской, все они погибли в борьбе с

нацистами – Мушкин, Серебрянский, Дольский, Блюмин, Зоров.

В 1989 году в Нью-Йорке вышла в свет книга Гирша Смолера «Минское гетто. Борьба советских евреев-партизан против нацистов». В ней есть такие строки:

«...Однако с каждым новым контактом, с каждой новой отправкой в лес людей риск разоблачения нашего подполья увеличилась. И поэтому далеко не с легким сердцем мы все же отважились лично встретиться с руководителями юденрата. Беседы с ними требовали особой секретности... Тем не менее было постановлено: будто бы проводя осмотр всех отделений больницы, “еврейский старейшина” зайдет и ко мне в котельню. Так в своей суверенной “резиденции” я впервые вблизи глянул на председателя юденрата.

Илья Мушкин оказался обаятельным приятным человеком с тонкими, выразительными чертами лица и высоким лбом. Чуть заметно усмехнувшись, он спросил меня, как идет работа, “проинспектировал” большой котел и, будто самому себе, отходя уже, сказал: “Теперь я вынужден идти, найдете меня сами, потому что я не смогу придти сюда опять”.

В этот же день мы назначили Хасю Биндлер нашим специальным связным с единственной обязанностью поддерживать связи с руководителями юденрата Ильей Мушкиным, Гиршем Рудицером и Зямой Серебрянским... Хася успешно передавала в юденрат все наши инструкции, а там в свою очередь получала всю необходимую нам информацию. Через нее мы направили запрос в юденрат на половину всех денег и конфискованной одежды, собранной для немцев. Все это было использовано на нужды наших людей, которые собирались присоединиться к партизанам. Существенная помощь поступала к нам из мастерских, которые находились под контролем юденрата...»¹³.

А вот что вспоминала через четверть века после великой Победы над нацистской Германией бывшая сотрудница юденрата минского гетто и активная подпольщица Софья Садовская:

«Михаил Зоров возглавлял отдел помощи при юденрате. Правда, средства, которыми он располагал, были очень незначительными. Как использовать их так, чтобы они не прилипли к рукам предателей? Подпольная организация поручила Зорову открыть столовую и выдавать талоны на получение тарелки

супа и кусочка хлеба самым нуждающимся. Постепенно столовая стала также пунктом для встреч подпольщиков. Здесь всегда хранилось немного резервного хлеба, который выдавали людям, уходящим в партизанские отряды...»¹⁴.

Этой бесплатной столовой для голодных заведовал помощник Зорова Розенберг.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением израильского ученого Йехиама Вайца, что тесная связь между антифашистским подпольем в гетто и юденратом привели к странному и, в значительной, мере уникальному явлению. С одной стороны, подполье приняло на себя оказание социальной помощи и раздачу пищи, что в других гетто было традиционной функцией юденрата. С другой стороны, сам юденрат минского гетто исполнял некоторые из функций антифашистского подполья.

Очень важно, что юденрат поддерживал связи не только с подпольем гетто, но также (и в большей степени) с руководством партийного подполья Минска («городским комитетом»), в частности с И. Казинцом и И. Ковалевым. По прибытии в гетто представитель руководства Минского партийного подполья встречался как с подпольщиками гетто, так и с членами юденрата. Выходило, что «городской комитет» имел в минском гетто два филиала. Одним из них, легальным, был юденрат, а другим, секретным – подполье гетто. В действительности возникла уникальная ситуация, при которой юденрат минского гетто и его подполье составляли единый орган.

У Гирша Смоляра были все основания утверждать, что «первый юденрат (во главе с Ильей Мушкиным) был частью подполья».

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится очень ценный документ — очерк-отчет Г. Смоляра в ЦК Компартии Беларуси, который, скорее всего, можно датировать зимой 1945/1946 годов, т.е. до выхода его известной книги «Мстители гетто». В этом отчете Смоляр писал:

«Еще один спорный вопрос был об отношении к так называемому “Юденрату” (Еврейскому комитету), который был поставлен немцами во главе гетто.

Мы считали, что этот “Юденрат”, хоть и создан немцами в принудительном порядке, однако является органом немецкой оккупационной политики, проводником гитлеровских меро-

приятый в условиях гетто. Отсюда и наше отношение к нему: беспощадная борьба и разоблачение “Юденрата” как немецкой агентуры. Это, однако, не исключает, что мы можем связаться с отдельными людьми, которые готовы содействовать нашей борьбе с оккупантами.

В своем ответе тов. “Славик” (Исай Казинец – Э.И.) высказал удивление такой непонятной моей позицией. “Ты лучше, чем кто иной, знаешь, что немцы в одинаковой мере ненавидят всех евреев, поэтому характеризовать “Еврейский комитет” как немецкую агентуру – означает плевать на людей, которые ненавидят немцев...”. Тогда я узнал, что через мою голову “Резервный комитет” (Минский подпольный горком партии – Э.И.) установил связь с “Юденратом”, что связь с ним также имеют связные партизанских отрядов Быстрова и полковника Ничипоровича и что, мотивируя иногда тем, что ведь все равно вас перебьют»¹⁵.

Трагически сложилась судьба второго председателя юденрата минского гетто Моше Иоффе. Выполняя распоряжения немецких властей, он одновременно старался защитить не только узников гетто, но и руководителей антифашистского подполья, что было смертельным риском.

Когда гестапо потребовало выдачи руководителей подполья в гетто Гебелева, Смоляра, Фельдмана, Окуня, угрожая в противном случае расстрелом всех работников юденрата, у Иоффе хватило мужества отвергнуть этот ультиматум.

Тогда после ночного погрома 31 марта 1942 года гестапо настойчиво потребовало от Иоффе выдачи Гирша Смоляра, который по документам в гетто числился Ефимом Столяревичем. Иоффе выписал геттовский пропуск на имя Ефима Столяревича, сходил на еврейское кладбище, где лежало еще много непохороненных жертв минувшей ночи, и испачкал документ кровью одного из покойников. Потом показал документ гестаповцам, будто бы, вот что «нашел» он в кармане одного из расстрелянных. Гестаповцы удовлетворились, считая, что Столяревич (Смоляр) погиб.

Последний подвиг Моше Иоффе датируется 28 июля 1942 года.

В первый день самого ужасного четырехдневного погрома в Минском гетто, обманутый шефом гетто Рихтером, он начал

свое выступление с успокоения возбужденной толпы узников, говоря, что немцы проведут лишь регистрацию и обмен лат. В этот момент на Юбилейную площадь въехали крытые машины-душегубки. Иоффе сразу стало понятно, что это значит. И тогда он крикнул взволновавшейся толпе:

«Товарищи! Меня ввели в заблуждение. Вас будут убивать. Сегодня погром! Проклятые палачи...»¹⁶.

Председатель юденрата Моше Иоффе вскоре сам стал жертвой этого погрома 28–31 июля 1942 года.

Почти четверть века тому назад всемирно известный израильский историк Ишаяху Тронк дал такую оценку деятельности минского юденрата:

«Совет евреев Минска (Белоруссия) на деле служил базой партизанского движения. Подпольный городской комитет коммунистической партии поддерживал тесные связи с советом. Председатель юденрата Илья Мушкин, который не был коммунистом, сотрудничал с организаторами подполья и с партизанами. Руководители различных отделов юденрата и начальник полиции также помогали подпольщикам. Они сообщали им важную информацию о намерениях немцев, поставляли теплую одежду и обувь, явочные квартиры и поддельные документы»¹⁷.

Да, среди членов минского юденрата в Минске были предатели, коллаборационисты, активные пособники нацистов, такие как заведующий отделом труда, руководитель биржи труда, а затем третий председатель юденрата, польский еврей Н. Эпштейн. Но их было меньшинство.

Как пишет Г. Смоляр, служба безопасности и СД даже создали специальный оперативный отдел при еврейской полиции Минского гетто, который следил за «неблагонадежными» узниками гетто. Возглавил его варшавский уголовник Розенблат, который привлек в свою банду еще двух продажных агентов — Эпштейна и Вайнштейна.

Таким образом, первого и второго председателей юденрата минского гетто — Илью Мушкина и Моше Иоффе следует отнести к первой группе, а третьего, последнего руководителя юденрата этого гетто Н. Эпштейна — к четвертой группе председателей юденратов.

В истории минского юденрата было все — позитивное и негативное, трагическое и героическое, славное и позорное.

И, конечно, гибель десятков тысяч узников минского гетто в результате облав и погромов нельзя считать его виной.

Деятельность юденрата минского гетто – это неразрывная часть истории этого гетто – истории трагической и героической. Она заслуживает отдельной книги.

Примечания

¹ *Trunk I.* The Jewish Councils in Eastern Europe under Nazi occupation. New-York–London, 1972. S. 70–82; *Dawidowich L.S.* Der Krieg gegen die Juden 1933–1945, Wiesbaden, 1979. S. 211–229 и др.

² Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 4683. Оп. 3. Д. 943. Лл. 88–89. Пер. с немецкого.

³ Черная книга. Ч. 1. Составители В. Гроссман и И. Эренбург. Ч. 1. Запорожье, 1991. С. 136.

⁴ *Смоляр Г.* Мстители гетто. М., 1947. С. 8.

⁵ НА РБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 662. Л. 8.

⁶ *Холявский Ш.* Юденрат в Минске // Образ еврейского руководства в странах, оккупированных нацистами. Под ред. И. Гутман. Иерусалим, 1980. С. 100–107.

⁷ НА РБ. Ф. 3500. Оп. 4. Д. 277. Лл. 81–82.

⁸ *Кнатъко Г.Д.* Гибель минского гетто. Мн., 1999. С. 7.

⁹ Там же. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 943. Л. 93. Пер. с немецкого.

¹⁰ Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Гр. 3. Оп. 2. Арх. № 40. Лл. 216–227. Подлинник.

¹¹ *Рубенчик А.* Правда о Минском гетто. Тель-Авив, 1999. С. 48–49. Пер. с идиш.

¹² *Холявский Ш.* Буря гибели: еврейство Восточной Белоруссии в годы Второй мировой войны. Тель-Авив, 1988. Пер. с иврита.

¹³ *Смоляр Г.* Менские гета. Барацьба савецкіх габраяў-партызанаў супраць нацыстаў. Мн., 2002. С. 71–72.

¹⁴ *Садовская С.* Искры в ночи // Сквозь огонь и смерть. Мн., 1970. С. 78.

¹⁵ *Смоляр Р.* Антыфашысцкае падполле у Мінским гета (ліпень 1941 – жнівень 1942 г.). Уступны артыкул, падрыхтоўка да друку і каментарыі дактароў гістарычных навук Р.П. Платонава і Э.Р. Иофе // *Польмя*. 1995. № 6. С. 221–222.

¹⁶ *Вауцисов С.* Партизанская хроника. Второе, дополненное и переработанное издание. Мн., 1971. С. 214–215.

¹⁷ *Тронк И.* Юденрат – еврейский совет в Восточной Европе в годы нацистской оккупации. Иерусалим. 1979. С. 417. Пер. с иврита.

Summary

Judenrat of Minsk Getto

The article is devoted to the history and the activity of udenrat of minsk getto in 1941–1943. The materials of archives and museums of Belorus, Russia, the USA, Israel and other countries are used.

*Игорь Смольский (Львов)***Зарождение и развитие сионизма в Галиции
в конце XIX – начале XX вв.**

Первые сионистские организации появились в Галиции в начале 80-х годов XIX века. Их появление было связано с идейным кризисом, который охватил еврейскую интеллигенцию Галиции. Несмотря на эмансипацию 1867 г. и форсированную ассимиляцию, проблема дискриминации евреев не была снята с повестки дня, особенно в экономических отношениях, которые являются основой общественной жизни. Появление новейшего антисемитизма и пауперизация евреев Галиции содействовали их эмиграции из Австро-Венгрии. Начиная с 70-х годов XIX века возросли темпы эмиграции, евреи покидали Галицию бесповоротно, целыми семьями. Эти обстоятельства вынудили представителей еврейской интеллигенции искать новые пути развития еврейского общества.

Большое влияние на развитие сионизма и настроения еврейской интеллигенции в Галиции оказывал венский журнал *«Зельбстэманципацион»* (Автоэмансипация), который редактировал доктор Натан Бирнбаум и созданная по его инициативе организация еврейской академической молодежи *«Кадима»* (Вперед)¹. Первым, кто начал сионистскую агитацию во Львове, был один из основателей венской студенческой организации *«Кадима»* доктор Рудольф Бирер. По его инициативе были проведены первые макавейские вечера во Львове².

Первые еврейские националистические организации имели просветительский характер и большого влияния на еврейское население не оказывали. Например, в 1887 г. в Дрогобыче был основан студенческий кружок *«Эйнигкэйт»*³. Кружок занимался пропагандой еврейской национальной традиции и ивритской литературы. На одном из заседаний кружка один из его членов, Сало Геймберг, прочитал реферат о ближайших задачах еврейского народа в Галиции. Этот реферат был издан отдельной брошюрой и был принят как программа кружка. Основные тезисы ее были следующие:

1. Духовные задачи: нужно постараться получить глубокие знания местного языка, а также досконально изучить иврит и историю еврейского народа.
2. Экономические задачи: воспитание образованного ремесленного сословия и урегулирование эмиграционных процессов.
3. Политические цели: нужно добиваться полного согласия с местным населением, если оно не ущемляет права евреев. Ассимиляция евреев – это обман или самоубийство народа.

Одновременно газета *«Надднестрянка»*, которая также издавалась в Дрогобыче, напечатала серию статей под названием *«Месиада»*, посвященные решению еврейского вопроса. Впоследствии эти статьи были изданы отдельной брошюрой в Коломые под названием *«Новая Иудея, или практическое решение еврейского вопроса и открытое письмо к патриотам Исланда»*. Они были подписаны псевдонимом *«Омега»*. Смысл этих статей заключался в следующем: наибольшим счастьем для еврейского народа, как и для других народов, может быть только независимое отечество. Еврейское государство, по замыслу автора должно было возникнуть в Америке, на берегах рек Небраска и Арканзас. Колонизация должна стоить около 500 миллионов и эту сумму должны были дать наиболее богатые евреи. Работа практической и научной ценности не имела, поскольку она была плагиатом с работы изданной в 1840 г. в Берлине под тем же названием⁴.

Более широкий резонанс в Галиции получила деятельность общества *«Микра Кодеш»*, которое было основано в 1885 году в Львове. Одним из основателей общества был доктор Юзеф Кобак, раввин Прогрессивной синагоги в Львове. Юзеф Кобак был известный еврейский ученый. Он родился во Львове в 1832 году. В молодости получил основательное религиозное воспитание и обучение. Обучение в гимназии и университете, он совмещал с посещениями городского Бейт-Мидраша, где вместе с Урией Вольфом Салатом (позднее львовский вице-раввин) слушал лекции раввинов – Эленберга и Натансона. По окончании гимназии, изучал ориенталистику в львовском университете у доцентов Игля и Блюхера и защитил докторскую диссертацию во Вроцлаве в 1860 году. Одновременно

получил свидетельство раввина (*сэмиха*) от Абрахама Эннера, краковского вице-раввина и двух венгерских раввинов: Абрахама Левинсона и Давида Оппенгейма. В 1864 году ему была предложена должность раввина в Бамберге, обязанности которого он исполнял на протяжении 19 лет. Кроме исполнения обязанностей раввина Юзеф Кобак занимался научной деятельностью. Еще в молодом возрасте стал издавать ивритско-немецкий научный ежегодник «Ешурун». Сотрудниками ежегодника были наиболее известные ученые-гебраисты того времени: Луццатто, Саломон Егуда Раппапорт, Исаак Мизес, Гиршфельд, Штейншайдер и другие⁵.

Через 19 лет он был вынужден вернуться в родной город, где получил должность учителя религии во всех (трех) средних школах Львова после раввина Левенштейна. Долгое время Юзеф Кобак, вышеупомянутый Рудольф Бирер был душой «*Микра Кодеш*». Среди ее членов были Озиаш Тон, позднее краковский раввин и известный деятель сионизма, Маркус Эренпрайс, раввин в Стокгольме и другие⁶.

К развитию теоретических основ сионизма в определенной мере был причастен известный еврейский публицист и писатель Альфред Носсиг, который сначала был членом ассимиляторского общества «*Агудас Ахим*» (Союз братьев) и вел борьбу с еврейскими националистами. В 1884 году, заканчивая серию статей об участии евреев в польских восстаниях, Носсиг сделал вывод, который у евреев осталось два пути – или эмиграция в Палестину, или постепенная ассимиляция посредством принятия христианства⁷. Однако вскоре Носсиг изменил свои взгляды. В своем очерке под названием «Попытка решения еврейского вопроса», который был опубликован в 1887 г. в «*Пшегльонде сползном*» (Общественный обзор), он попробовал научно доказать, что большинство еврейского народа будет проводить политику, целью которого есть сохранение национальной самобытности, а евреи оставят страны, где проживают, и образуют свое государство в Палестине⁸.

На формирование политического сионизма в Галиции также имели влияние идеи Леона Пинскера⁹ и палестинофильское движение «*Ховеве Сион*» (Возлюбленные Сиона). Движение «*Хиббат Сион*» имело своих последователей в Галиции уже в конце 80-х годов XIX века. Однако, дело к основанию цент-

рализованной организации и начала акций по сбору средств подошло только в 1895–1896 гг. На двух съездах «Ховевей Цион» была основана «Галицийское общество для колонизационной работы в Палестине» под названием «Агават Сион» с центром в г. Тарнове. Организацию возглавили: раввин Ф. Шрайер (Богородчаны) – почетный председатель, раввин В. Вейсс (Черновцы) – председатель, адвокат из Тарнова – А. Зальц, заместитель председателя. В состав Правления общества вошли 31 человек, среди них 15 человек из Тарнова. В 1898 г. на втором году существования организация насчитывала 597 членов, в их числе 208 человек из Тарнова. Из известных деятелей сионистского движения которые вошли в состав организации были: Т. Герцль (Вена), архитектор О. Марморек (Вена), Альфред Носсиг (в то время пребывал в Париже), раввин Д. Симонсон (Копенгаген). В 1897 году сионисты с Тарнова, при поддержке известного французского еврейского финансиста Эдмонда Ротшильда, основали первую галицкую колонию в Палестине – Махнаим¹⁰. На этом заканчивается первый протосионистский период развития сионизма.

Новый этап развития сионизма связывается с личностью Теодора Герцля, который в 1894 году опубликовал работу под названием «Еврейское государство». Идеи Герцля взбудоражили еврейскую общественность Галиции и не только её. В 1896 году в газете «Тыдзень» (Неделя) была опубликована рецензия известного украинского литератора и общественного деятеля Ивана Франка на работу Герцля. Заканчивая статью, Иван Франко дал высокую оценку идеям Герцля: «Однако невозможно отказать ему в том, что его план одушевлен глубокой верой и горячей любовью к своему народу, особенно к его угнетенным и обиженным массам. Нужно сожалеть, но нам кажется, что автор очень поверхностно знает эти массы. План, однако, без сомнения, имеет перед собой будущее, и если сегодняшнее поколение еще не созрело до этого, то со временем он должен дожидаться молодежи, которая захочет и сможет его осуществить»¹¹.

После проведения в 1897 году первого сионистского конгресса в Базеле, в Галиции начинают появляться сионистские общества, которые подчинялись руководству в Вене и занимались сбором средств для колонизации Палестины¹². С 1897 года

общество «Сион» начало издавать свой партийный орган – «*Пишпilosць*» (Будущее), а с 1900 года газету «*Всхуд*» (Восток), редактором которой стал известный лидер галицийских сионистов Адольф Штандл¹³. К тому времени образовалось три основных центра сионизма в Галиции – в Львове, Кракове и Тарнове.

В 90-х годах XIX века в Галиции появились первые рабочие организации сионистской ориентации. Одним из активистов еврейского рабочего движения в Кракове был Саломон Рубинштейн, позднее видный деятель сионистской партии «*Поалей Цион*». В 1893 г. в Кракове ему удалось организовать независимую еврейскую рабочую организацию «*Брудерлихкайт*», которая насчитывала 187 человек¹⁴. В 1902 году в Львове было зарегистрировано общество еврейской торговой молодежи под названием «*Ахва*» (Братство)¹⁵, в 1903 году общество торговых помощников «*Ахдут*» (Единство)¹⁶ в Львове и Золочеве. В 1906 году филиал общества «*Ахва*» был основан в Кракове¹⁷, в 1903 году в Кракове был основан «Союз еврейских торговых помощников и рабочих в Галиции», который в своей программе сделал больший акцент на национальной (сионистской) программе, чем на профсоюзных задачах. На основе этого профсоюза в 1904 году в Кракове состоялся учредительный съезд сионистской партии „*Поалей Цион*” (Рабочий Сион). Она выдвигала основную задачу образование независимого еврейского государства в Палестине на социалистических основах¹⁸. Вскоре Галиция укрылась сеткой организаций «*Поалей Цион*» (см. табл. 1)¹⁹.

Новый этап развития сионизма связан с выборами в Государственный совет 1907 г. Еще в 1905 г. лидер украинского парламентского клуба Юлиан Романчук, во время дебатов относительно избирательной реформы, поставил на голосование предложение об образовании отдельной еврейской курии. Это предложение нашло широкий отклик среди еврейской общественности. Сионисты развернули широкую агитацию за отдельную еврейскую избирательную курию. С ними блокировались Еврейская народная партия и еврейские социалистические партии. Однако против этого проекта выступили: польский клуб, польская социалистическая партия, еврейские ассимиляторы, члены Государственного совета, руководители еврейских общин, а также консерваторы, которые создали в

1906 г. во Львове съезд солидарных с ними представителей еврейских общин. Правительство отступило от этого проекта. Однако сионисты и далее вели борьбу за национальные права.

Таблица 1. Филиалы „Поалей Цион” в Галиции в начале XX столетия.

№ п/п	Местность	Дата легализации (утверждения устава)
1	Бяла	16.11.1905
2.	Бохня	29.11.1905
3.	Бучач	7.10.1907
4.	Глиняни	20.08.1905
5.	Городенка	12.02.1906
6.	Добромиль	20.09.1905
7.	Залищики	19.03.1905
8.	Коломыя	12.01.1906
9.	Краков	14.11.1905
10.	Новый Сонч	16.06.1906
11.	Перемишль	2.08.1905
12.	Перемышляны	16.06.1906
13.	Подгуже	12.09.1905
14.	Самбор	12.08.1905
15.	Скала Под.	27.01.1906
16.	Станислав	22.11.1905
17.	Тарнобжег	15.11.1905
18.	Турка	31.01.1906
19.	Ярослав	7.08.1905

Источник: ЦГИА Украины во Львове, ф. 146, оп. 58, д. 1795 – 1798

На выборы 1907 г. сионисты Галиции возлагали большие надежды. Сионисты в союзе с украинскими партиями впервые приняли участие в избирательной компании. Союз с украинскими партиями носил временный характер. Избирательный комитет сионистов возглавили: д-р Маркус Брауде, Адольф Штанд, и д-р Гершон Зиппер. Основными лозунгами сионистов были: борьба против ассимиляции, против экономического и национального гнета, признание национальных прав и национального языка, еврейской автономии и ликвидация вынужденного воскресного отдыха. Сионисты выставили таких кандидатов: Маркус Брауде (Львов), Хаим Хильфштейн

(Краков), Адольф Штанд (Тернополь, Броды), Саломон Мерц (Тарнов), Озиаш Тон (Коломыя), Гедали Шмелькес (Мелец), Гершон Зиппер (Дрогобыч), Абрагам Зальц (Стрый, Калуш), Саломон Рапапорт (Бережаны), Юзеф Самуель Блох (Жовква), Натан Бирнбаум (Бучач), Давид Мальц (Бобрка), Артур Малер (Явожно, Тереховля), Зигмунт Вейгласс (Печенижин), Генрих Габель (Подгайцы), Лебль Таубес (Сокаль), Абрагам Корнхезер (Бережаны), Юзеф Браун (Скалат)²⁰.

Итак, сионисты выставили 19 кандидатов на 21 избирательный округ. Однако вместо 6–7 избирательных мандатов, сионисты получили только три (Адольф Штанд, д-р Генрих Габель, д-р Артур Малер). Остальные мандаты были утрачены в результате противодействия со стороны противников сионистов. Трое сионистских депутатов в парламенте вместе с еще одним депутатом от сионистов от Буковины – д-ром Бено Штраухером, создали первый в европейском парламенте еврейский клуб²¹.

Еврейский парламентский клуб просуществовал недолго. На выборах 1911 года галицкие сионисты не получили ни одного мандата. Это свидетельствует о том что, несмотря на ведение сионистами активной национальной агитации, большинство еврейского населения Галиции вначале XX века находилось под сильным влиянием консерваторов и хасидов. Кроме того, обилие идеологических направлений в сионизме (паолей-цион, мизрахизм, культурный сионизм) вводило в заблуждение еврейскую общественность Галиции и мешало созданию объективной картины относительно его целей. Следующей особенностью развития сионизма в Галиции (особенно в восточной части, где большинством являлось украинское население), что еврейское население оказались втянутыми в польско-украинское противостояние. Все эти обстоятельства были препятствием для развития сионистского движения в Галиции, вплоть до мирового кризиса 1914–1918 гг.

Примечания

¹ *Nussenblat T. Sionizm w Maiopolsce Wschodniej przed Teodorem Herzlem // Chwila. 1931. 10 czerwca. S. 7.*

² *Stand A. Mikra Kodesz. Galerya pragonów syonizmu galicyjskiego. // Almanach żydowski na rok 5678 (1917/18). Wiedeń, 1918. S. 199; Kirton J. Do dziejów asymilacji i syonizmu w Galicyi (1880–1892) // Moriah. 1906. № 12. S. 315.*

³ Kirton J. Do dziejów asymilacji i syonizmu w Galicyi (1880–1892) // Moriah. 1906. № 12. S. 314–315

⁴ Ibid., s. 314.

⁵ Balaban M. Historia Lwowskiej synagogi postępowej. Lwów, 1937. S. 131.

⁶ Ibid., s. 131.

⁷ Feldman W. Stronictwa i programy polityczne w Galicyi. Kraków, 1907. T. II. S. 279.

⁸ Nossig A. Proba rozwiązania kwestji żydowskiej. Lwów, 1887. S. 81–83.

⁹ Пинскер Леон (1821–1891) – врач, публицист, общественный деятель. Автор политического трактата «Автоэмансипация – обращение русского еврея к своим соплеменникам» (1882). Один из основателей палестинофильского движения «Ховеве Сион» (Возлюбленные Сиона).

¹⁰ Schiper I. Dzieje syonizmu na ziemiach polskich (do 1918 r.) // Żydzi w Polsce Odrodzonej. T. I. S. 526.

¹¹ Franko I. Państwo żydowskie // Tydzień. R. 1896. Nr. 10. S. 74.

¹² Появление сионистских организаций местные власти в Галиции воспринято неоднозначно. Например, руководитель Збаражского староства 10 ноября 1898 г. писал: «...*Что существование обществ для колонизации Палестины, а также поддержка ими эмиграции, не противоречит интересам государства. Делаю этот вывод на том основании, что в данной ситуации организации помогают эмигрировать только тем лицам, которые не имеют недвижимости и средств к существованию.. А значит, являются ненужным и непродуктивным балластом среди населения. Существование таких обществ в интересах государства.*» Тем не менее, Министерство внутренних дел Австро-Венгрии рескриптом от 4 февраля 1896 г. определила деятельность сионистских организаций как опасную для государства. См.: Центральный государственный исторический архив Украины во Львове (далее ЦГИАУЛ). Ф. 146. Оп. 58. Д. 49. Л. 18.

¹³ Адольф Штанд (1870–1919) – известный деятель сионистского движения в Галиции. Редактор еженедельника «Всход». Председатель еврейской фракции в венском парламенте 1907–1911 гг. О взаимоотношении Адольфа Штанда и Теодора Герцля см.: Bienenstock M. Stosunek Standa do Herzla // Chwila. 1925. № 530. S. 5–6.

¹⁴ Zbikowski A. Żydzi krakowscy i ich gmina w latach 1869–1919. Warszawa, 1994. S. 97.

¹⁵ ЦГИАУЛ. Ф. 146. Оп. 58. Д. 1802. Л. 1–4.

¹⁶ Там же. Д. 1799. Л. 10; Д. 1801. Л. 10.

¹⁷ Там же, д. 1803, л. 1–6.

¹⁸ Friedman F. Dzieje żydów w Galicji (1772–1914) // Żydzi w Polsce Odrodzonej. T. I. S. 400.

¹⁹ Следует заметить, что в таблице указаны только те филиалы «Поалей Цион» которые были легализованы австрийскими властями.

²⁰ Dubanowicz E. Stanowisko ludności żydowskiej w Galicji wobec wyborów do parlamentu wiedeńskiego w r. 1907. Lwów, 1907. S. 20.

²¹ Gabel G. Klub żydowski. Lwów, 1907. S. 3–5.

*Борис Волкович (Даугавпилс)***Сионистское движение в Латвии (1918–1940)**

В Латвийской Республике жило около 95 тысяч человек евреев (примерно 5% всего населения). В социальном отношении оно не было однородным – экономические интересы и общественные симпатии рассекали еврейских жителей Латвии на отдельные слои. Немногочисленная еврейская буржуазия играла важную роль в экономике Латвии. Однако основную массу еврейства составляли рабочие и ремесленники, мелкие торговцы и беднота.

В 20-е гг. евреи Латвии сумели упрочить свои позиции. Однако во время мирового экономического кризиса и особенно после государственного переворота К. Ульманиса (в середине мая 1934 г.) ситуация для евреев, как и для других меньшинств, существенно ухудшилась: усилилось их вытеснение из экономики, они страдали от антисемитизма, дискриминации, безработицы, высоких налогов. В результате еврейская община испытывала недовольство официальной Латвией, не чувствовала прочности своего положения. В этих условиях сионизм представлялся части евреев Латвии альтернативой тяжёлому положению.

Социальная неоднородность еврейского населения в частности была причиной появления различных политических и общественных движений и организаций, в том числе и сионистских. После создания независимой Латвии стала возможной свободная политическая деятельность. Здесь был режим парламентской демократии, и евреи, как и другие меньшинства, были адекватно представлены в Учредительном собрании и во всех Сеймах. До мая 1934 года они сумели развить высокую политическую активность.

В зависимости от отношения к Палестине евреев Латвии в 1918–1940 гг. можно разделить на сионистов, несионистов и антисионистов. Первые представляли всеобщие сионисты, члены Мизрахи, сионисты-социалисты и ревизионисты, последних – коммунисты, действовавшие в подполье, бундовцы, несионистские средние слои населения и антисионистская клерикальная партия Агуддат Израэль. Между всеми этими движениями и организациями существовало острое соперничество.

Сионистские организации Латвии начали свою деятельность уже в 1920 году и представляли все основные течения, сложившиеся в международном сионизме. Общий сионизм, на который ориентировались преимущественно буржуазные слои, был представлен партией **Хистадрут Хационит**. Идеи религиозного сионизма выражала партия **Мизрахи**. Цели рабочего («трудового») сионизма пытались реализовать в своей деятельности партии **Цеирей-Цион и сионистов-социалистов**, объединившиеся в январе 1931 года в **Объединённую партию сионистов-социалистов Латвии**. Ревизионистское течение проявлялось в работе партии **сионистов-ревизионистов**.

В своих программах и уставах сионистские партии декларировали поддержку и защиту государства, требовали культурно-национальной автономии, провозглашали поддержку созданию национального очага в Палестине и подготовку эмиграции в эту страну, утверждали значение иудаизма и иврита как национального языка еврейского народа.

Партия общих сионистов – **Хистадрут Хационит** (Сионистская организация) – представляла интересы буржуазных слоёв населения. Работала она в Латвии с 1925 года. Подобно всем сионистам, они считали ненормальным преобладание торгового элемента в еврействе и считали необходимым приобщить евреев к производительному труду в сельском хозяйстве и промышленности («продуктивизировать»). Исходя из местных условий, идеологи латвийской Хистадрут Хационит считали, что их организация не является партией восстановления Палестины: надо создать на исторической Родине национальный очаг, однако необходимы и достойные условия жизни для евреев в Латвии, поэтому переселение в Палестину должно быть соразмерно с реальными возможностями. Общие сионисты придавали большое значение религии. Они сотрудничали со многими сионистскими организациями. Конфронтация у них была с ревизионистами и левыми движениями в сионизме, которые они считали наносными явлениями, органически чуждыми еврейской идеологии.

Партия **Мизрахи** выражала идеи религиозного сионизма. В Латвии она функционировала с 1920 года. Влияние иудаизма в Латвии было достаточно большим, однако не все иудаисты принимали сионизм. Среди тех, кто сыграл большую роль в

повороте ортодоксов к сионизму был известный палестинский раввин – уроженец Латвии А.И. Кук (1865–1935), считавший, что в сионистах «следует видеть орудия, неосознанно творящие святое дело» божьего искупления. Эта организация пользовалась наименьшим влиянием среди сионистских организаций. Однако она добивалась известных успехов на выборах, чем была обязана своему лидеру раввину М. Нуроку, популярному в Латвии и в мире деятелю, одному из основателей Всемирного еврейского конгресса, позже члену Кнессета и правительства Израиля.

В Латвии были и две левосионистские партии **Цейрей Цион и сионистов-социалистов**, которые в январе 1931 года объединились в **Объединённую партию сионистов социалистов Латвии**. Свою борьбу за социализм они связывали с работой по созданию национального очага в Палестине. Сионисты-социалисты не признавали диктатуру пролетариата и классовую борьбу, полагая, что социализм должен быть создан не в результате революции, а в путём эволюции. Идеологию левого сионизма (в Латвии его называли «трудовым») развивал профессор-правовед М. Лазерсон (1887–1951) в книге «Право на банальность: Опыт обоснования трудового сионизма в Латвии» (Рига, 1925). М. Лазерсон был депутатом первых трёх Сеймов (1922–1931). Левосионистские партии активно отстаивали права евреев Латвии, боролись с антисемитизмом, выступали за культурно-национальную автономию, сохранение и развитие еврейской культуры и образования (в частности на языке иврит). Левые сионисты находились в острой конфронтации с клерикальной партией Агуддат Исраэль, Бундом и сионистами-ревизионистами.

Ревизионизм в сионизме возник в начале 20-х гг., и первые сионистские организации были созданы в Латвии, в частности, партия **Латвийский союз сионистов-ревизионистов**. Ревизионисты резко критиковали руководство Всемирной сионистской организации (в частности в программе латвийских ревизионистов указывалось, что на современном этапе ВСО не соответствует потребностям строительства Палестины). Они считали необходимым пересмотр (ревизию) установок политического сионизма по созданию еврейского государства, требовали большей активности по всем вопросам сионистской

деятельности, за что их называли ещё и активистами. Латвийские ревизионисты выступали за активное участие в жизни диаспоры, за национальную автономию и школу на иврите и за объединение всех евреев без различия классов вокруг них. Ещё их характеризовало враждебное отношение к рабочему движению и резкая критика политики Англии, в частности за ограничение еврейской эмиграции в Палестину. Лидер и идеолог ревизионизма В. Жаботинский неоднократно бывал в Латвии. Его статьи публиковались в местной печати.

Для финансирования сионистской деятельности в Латвии функционировали фонды **Керен Хаессод** и **Керен Каемет лей Исраэль**. Основной фонд – **Керен Хаессод** – был главным финансовым органом ВСО и Еврейского агентства (ЕА) для Палестины. Задачей фонда было содействие еврейской эмиграции в Палестину и забота об устройстве там иммигрантов. В Латвии он работал уже с 1921 года и в мае 1938 года в фонде насчитывалось 918 членов. В правление фонда, которым руководил лидер религиозных сионистов М. Нурок, входили представители многих сионистских организаций левый сионист М. Лазерсон, представитель партии общих сионистов Ж. Трон и др. При Керен Хаессоде Латвии работало **Палестинское бюро (ПБ)**, ведавшее ещё до создания в 1929 году ЕА эмиграцией и туризмом. Благодаря и деятельности Керен Хаессода в конце 1935 года в Палестине было около 3 тысяч евреев из Латвии. Другой – Еврейский национальный фонд – **Керен Каемет лей Исраэль** – работал в Латвии с 1926 года. Это был финансовый инструмент для приобретения земли в Палестине и её первичного освоения. Долгое время этим фондом руководил упомянутый выше член Хистадрут Хационит Ж. Трон также при участии представителей других организаций. В конце 1939 года в этой организации насчитывалось 5 тысяч человек.

В системе сионистских организаций Латвии роль фондов была очень важной. Они объединяли и координировали деятельность сионистских организаций, подчас идейно далёких друг от друга. Значение фондов значительно возросло после майского переворота 1934 года, когда деятельность политических партий и многих организаций (сионистских в том числе) была запрещена. Здесь в значительной мере сосредоточилась вся сионистская деятельность в Латвии.

Сионистские партии создали в стране ученические, студенческие, молодёжные и женские организации. Так, партия общих сионистов создала в 1932 году молодёжное общество **Герцлия**, в котором работало в 1937 году более 500 человек (8 отделений в провинции). Организацией сионистско-социалистического характера была созданная в 1925 году и курировавшаяся партией Цеирей Цион общество **Хашомер Хацаир**, в 21 отделении которой в 1936 году состояло (включая Эстонию) 1600 человек. Хашомер Хацаир входило в движение Трудящейся Палестины вместе с созданной той же Цеирей Цион в 1927 году молодёжной организацией **Гордония** и организацией **Борохов-югнт**, созданной партией сионистов-социалистов зимой 1924–1925 гг. Молодёжной организацией партии сионистов-ревизионистов была **Брит Иосиф Трумпельдор**, или – сокращённо – **Бетар**, созданная впервые в мире в Риге в 1923 году во время визита В. Жаботинского. Эта организация в 1939 году имела 16 отделений в стране, объединявших 696 активных членов и 1379 сочувствующих. Движение **Гехалуц в Латвии** было создано в Риге как отделение российского Гехалуца уже в 1918 году. Однако в связи с отъездом большинства его участников в Палестину деятельность организации почти прекратилась. Возобновилась она только в 1926 году. В сентябре 1930 года палестинский трудовой союз Гехалуц, функционировавший в Латвии до 1937 года, насчитывал 15 отделений, в работе которых участвовали Хашомер Хацаир, Гордония и Борохов-клуб. Основным направлением в работе Гехалуца была подготовка молодёжи к переселению в Палестину. В этой работе помощь движению оказывала партия сионистов-социалистов.

После государственного переворота 15 мая 1934 года большинство сионистских организаций (особенно левого направления) были закрыты, однако после ряда демаршей была достигнута легализация некоторых из них учреждением общества **Олим**. В 1939 году эта организация имела в стране 12 отделений (595 активных членов и 790 сочувствующих). Под его крышей продолжили свою деятельность члены закрытых Борохов-югнт, Хашомер Хацаир и Гордонии. Естественно, работа Олима шла под строгим надзором властей.

Сионистски настроенные женщины были объединены в женской организации **ВИЦО**, которая работала в Латвии с

1930 года. Следует также упомянуть и несколько студенческих организаций сионистской ориентации – Хасмоней, Хашахар, Ярдения. Были и другие организации.

Взаимоотношения молодёжных организаций были сложными. Главными противниками сионистской молодёжи выступали коммунистическая молодёжь и Бунд, старавшиеся срывать их мероприятия. В отношениях между собой сионистские организации стремились к сотрудничеству, однако по ряду причин (идейные установки, интересы различных слоёв еврейского населения, социальное расслоение) это не всегда получалось. Например, Брит Трумпельдор не шёл на сотрудничество с левыми организациями. В отношениях между молодёжными организациями дело подчас доходило до драк. Это противостояние, конечно, мешало объединению усилий в борьбе за улучшение положения еврейского населения. Однако во второй половине 30-х гг. такого рода стычки пошли на убыль.

Сионистские организации проводили работу по нескольким направлениям.

Во-первых, они готовили переселенцев в Палестину для работы в сельском хозяйстве и промышленности. Для профессиональной подготовки кадров в Латвии была создана хахшара – система из более чем 10 пунктов, в которых желающих (обычно группы состояли из 15–35 человек) обучали профессиям, необходимым для Палестины. Преимущественно это было обучение сельскохозяйственному труду и активно занимались этой работой под руководством сионистских партий молодёжные организации. Брит Трумпельдор также готовил трактористов и моряков. Для подготовки последних было приобретено судно водоизмещением 400 тонн «Теодор Герцль». Подготовка членов Хашомер Хацаир включала работу на сельскохозяйственной ферме Гехалуца и труд в крестьянских хозяйствах. Например, даугавпилсский Гехалуц имел сельскохозяйственную ферму с инвентарём и столярной мастерской. Специалистов-ремесленников готовили в ремесленных училищах ОРТа в Риге, Даугавпилсе, Лиенае, а также в городских группах, связанных с фабриками и мастерскими, например, в Даугавпилсе. Помимо получения профессии, члены хахшары изучали палестинское ведение и язык иврит, без знания которого нельзя было получить сертификат на право въезда в Палестину, а также при-

учались к коллективной жизни. Фактором, тормозившим эту работу, была нехватка средств, однако подготовку кадров для Палестины удавалось поддержать с помощью пожертвований.

Кроме профессиональной подготовки, будущих переселенцев закаляли и физически, для чего многие организации культивировали физкультуру и спорт. Много внимания этому уделяли, например, в Брит Трумпельдоре. В соответствии с идейными установками ревизионизма в спортивную программу организации входило также овладение т.н. защитным спортом – боксом, джиу джитсу, фехтованием, стрельбой и т.д.

Подготовке халуцов служило и ежегодное проведение летних и зимних лагерей. В их работе участвовало до 100 человек, которые в течение нескольких недель занимались спортом, изучали иврит, историю еврейского народа, историю и географию Палестины и вели спартанский образ жизни.

Во-вторых, большое внимание сионистские организации уделяли культурно-просветительной работе. Проводилось множество вечеров, балов, концертов, отмечались национально-религиозные праздники. Устраивались выставки и экскурсии по стране и даже в Палестину, например, для учителей иврита. Во многих организациях работали самодеятельные драматические кружки и студии, спектакли которых вызывали большой интерес у населения. В гости к евреям Латвии приезжали и гастролёры из-за рубежа – палестинский театр Габима, еврейский театр из Варшавы, ансамбли из разных стран. Сионисты устраивали и мероприятия для детей.

В-третьих, насыщенной была и пропагандистская работа сионистских организаций – курсы, доклады, лекции, рефераты, митинги, дискуссионные вечера, диспуты, «живые газеты», массовые собрания, общественно-литературные суды (например, «суд на проституткой Масловой») и т.д. В основном эти мероприятия проводились местными силами, однако много лекторов приезжало и из других стран, в том числе многие руководящие деятели международного сионизма – В. Бродецкий, Д. Бен-Гурион, В. Жаботинский, М. Грос, раввин Левин, поэты Б. Яффе, Н. Быстрицкий и Х.Н. Бялик, З. Рубашов (будущий президент Государства Израиль З. Шазар) и др. Местные слушатели, таким образом, получали информацию из первых рук. Выступления названных и других ораторов, в том числе местных

М. Лазерсона, М. Нурока, Ж. Трона и др., вызывали большой интерес не только у сионистов – выступления проходили при переполненных аудиториях. Подчас такие встречи вызывали острые дискуссии. Например, ожесточённые споры вызывал Биробиджанский проект.

Сказанное позволяет сделать вывод о значительной работе проводившейся сионистами в Латвии в 20–30-е гг. прошлого века.

Сионистское движение пользовалось значительным влиянием среди евреев Латвии. Это было наиболее значительное еврейское движение своего времени в стране.

Во-первых, в пользу такого утверждения говорит приведенный выше количественный состав сионистских организаций (для сравнения – в Бунде было не более 500 человек, то же и в нелегальной КПЛ).

Во-вторых, сионистское движение в Латвии проводило, как было показано, большую работу, привлекавшую внимание значительной части еврейского населения Латвии. В сионистских организациях были представители многих социальных слоёв еврейского населения.

В-третьих, в 1918–1940 гг. влияние сионистских идей в Латвии выросло. Об этом свидетельствуют, в частности результаты голосования местных евреев на выборах делегатов на конгрессы Всемирной еврейской организации (ВСО).

По данным результатов голосований в 1925–1933 гг.¹, всё большее число еврейских жителей Латвии поддерживало сионистов (хотя, конечно, представителей разных течений по-разному). Например, в 1925 году выборы проходили в 12 населённых пунктах, то в 1933 году – в 60 (рост в 5 раз). Росло число избирателей, о чём свидетельствует следующая таблица:

Годы	Имели право голоса (% от еврейского населения Латвии)	Участвовали в выборах (% от еврейского населения Латвии)	% участвовавших в выборах
1925	3314 (3,5%)	860 (0,9%)	25,9%
1927	4500 (4,7%)	2102 (2,2%)	46,7%

1929	4899 (5,1%)	(3113 (3,3%)	63,5%
1933	22536 (23,8%)	19474 (20,6%)	86,4%

Как показывают данные, если в 1925 году число тех, кто покупал т.н. «шекели», дававшие право голосовать на выборах на конгрессы ВСО, оставляло 3,5%, то в 1933 году число покупателей «шекелей» выросло до 23,8%, что составило почти четверть еврейского населения Латвии. Росла и активность избирателей: если в 1925 году голосовало около 26% имевших право голоса, то в 1933 году в выборах принимало участие более 86% избирателей. По отношению ко всему еврейскому населению Латвии участники выборов в 1925 году составляли менее одного процента, а в 1933 году – более пятой части всего еврейского населения Латвии (20,6%). В то же время другие еврейские партии – Бунд, Еврейская национально-демократическая партия, Фолкс-партей в значительной мере утратили своё влияние на еврейской улице.

И, наконец, о том, кому отдавали предпочтение избиратели делегатов на конгрессы ВСО.

Годы	Цеирей Цион	Сионисты -социа- листы	Общие сионисты	Мизрахи	Ревизио- нисты
1925			362		498
1927	876	132	217	188	889
1929	747	474	341	504	1047
1933		8531 ²	4073	1481	5337

Таким образом, в начале 30-х гг. прошлого века наибольшим влиянием пользовались сионисты-социалисты, затем ревизионисты, общие сионисты и Мизрахи.

Примечания

¹ После переворота К. Ульманиса 15 мая 1934 года выборы на конгрессы Всемирной сионистской организации в Латвии не проводились.

² Партии Цеирей Цион и сионистов-социалистов объединились в январе 1931 года в Объединённую партию сионистов - социалистов Латвии

Участие евреев Латвии в выборах делегатов на конгрессы Всемирной Сионистской организации (ВСО)

Год	Коли- чество насе- лённых пунктов, в кото- рых про- ходили выборы	Центр Цион	Сионис- ты-соци- алисты	Объеди- нённая партия сионис- тов-со- циалис- тов Латвии ¹	Общие сионис- ты	Миз- рахи	Ревизи- онис- ты	Коли- чество имевших право голоса (% от ев- рейского населения Латвии) ²	Коли- чество участ- вовав- ших в выбо- рах (% от ев- рей- ского насе- ления Латвии)	% участ- вовав- ших в выборах
1925	12			362	498			3314 (3,5%)	860 (0,9%)	25,9%
1927	25	876	132	217	188	889		4500 (4,7%)	2102 (2,2%)	46,7%
1929	29	747	474	341	504	1047		4899 (5,1%)	3113 (3,3%)	63,5%
1933 ³	60			4073	1481	5337		22536 (23,8%)	19474 (20,6%)	86,4%

¹ Партия Центрей Цион и сионистов-социалистов объединились в январе 1931 года.

² Еврейское население Латвии в 1925 году составляло 95675 человек, в 1930 году — 94388 человек.

³ После переворота К. Ульманиса 15 мая 1934 года выборы на конгрессы ВСО в Латвии не проводились.

*Татьяна Кузнецова (Даугавпилс)***Этноним «еврей/жид» в информационном пространстве газеты «Brīvā Zeme» (1920–1934)**

Экзистенциальная ситуация человека и социума определяется присутствием многообразно и на всех уровнях человеческого бытия явленного Другого, вызывающего «бесформенную, биологического характера, дикарскую», по словам У. Эко, нетерпимость.¹ От отношения к Иному, травмирующего своей инакостью, но и ждущего признания себя именно в качестве иного, во многом зависит жизнестойкость как индивидов, так и людских общностей. В периоды кризисные, каковым является и формирование собственной государственности, отношение к Другому становится насущной проблемой, успешность решения которой в значительной степени связана с уровнем самосознания людей и их, особенно властных лиц, способностью сочетать индивидуальное с надындивидуальным.

В недавней истории Латвии обнаруживаются явления, на первый взгляд, не находящие логического объяснения. В стране отсутствовала государственная политика антисемитизма, косвенным подтверждением чего может служить, например, запрещение распространять в Латвии «научный труд» Г. Феста, опубликованный в Риге в 1935 году тиражом в 3000 экземпляров, «Большевизм и еврейство».² Местное население, судя по источникам устной истории, не воспринимало евреев как врагов.³ Специалисты по истории Латвии отмечают доброжелательную атмосферу, царившую в Первой Латвийской республике, особенно до политического переворота в мае 1934 года. Так, А. Эзергайлс пишет, что «демократический период можно охарактеризовать как филосемитский, однако надо указать на то, что в латвийской прессе и парламенте были слышны враждебные голоса»⁴. В отличие от А. Эзергайлса, нюансирующего свою оценку, позиция авторов «Истории Латвии 20 века» безоттеночна. *«Пиетет»* (выделено мною – Т.К.) к

живущим в Латвии меньшинствам, их желаниям своеобычнее решать специфические проблемы культуры способствовал интеграции общества»,⁵ - подчеркнуто во введении к тому ответственным редактором издания В. Берзиньшем. Думается, что подобные суждения, в основе которых лежит эмоционально насыщенная оппозиция любви – ненависти не вполне адекватны современному состоянию мира и требованиям его интеллектуального освоения. Они восходят к порождающей их модели социальных отношений, свойственной «закрытым», численно ограниченными, доиндустриальным обществам, структура которых базировалась на непосредственных, личных контактах и связях, в силу своего *modus vivendi* приобретающих эмоциональную окраску и бинарность. Мысль историка, остающаяся в пределах такой парадигмы не только упрощает картину этносоциальных отношений, но и, препятствуя её более или менее глубокому осмыслению, консервирует очуждение Другого.

Как будто ничем не предвещаемое участие латышей в Холокосте, тем не менее, имело место. Этот факт вызывает к пониманию, к индивидуально – социальной саморефлексии. Однако, как справедливо заметил В. Бибихин, «вглядеться в себя может быть всего труднее» и очень часто не хватает решимости пуститься «на опаснейшее из исторических предприятий человека, самоосмысление»⁶.

Едва ли можно понять извивы видимой истории Латвии без выявления ментальных структур её жителей, в данном случае – аудитории газеты “Brīvā Zeme” – печатного органа фактически правящей партии в Первой республике (1920 – 1934) – Латышского крестьянского союза.

Созданная в апреле 1917 года партия стала ядром формирующейся на демократических принципах политической системы. О ключевой позиции Крестьянского союза могут говорить многие факты, но назовем лишь некоторые из них. Так, из 19 правительств, начиная с первого, образованного 18 ноября 1918 года, 13 возглавлялись членами этой партии, в состав 16 кабинетов министров она входила как коалиционная.

Но при этом никогда не имела хоть половины депутатов парламента – численность партийной фракции колебалась от 26 в Учредительном собрании (1920–1922; 150 депутатов) до 14 в IV Сaeиме (1931–1934; 100 депутатов)⁷. Более того, избирательный корпус партии неуклонно сокращался, о чём свидетельствует соотношение между примерным количеством членов Крестьянского союза и суммой полученных им на выборах в Сaeим голосов. В 1920 году эта корреляция составляла 1:10; в 1922 году – 1:6; в 1925 году – 1:9, в 1928 году – 1:5 и в 1931 году – 1:3.⁸ Наконец, именно эта партия и один из её лидеров – идеологов К. Улманис совершили государственный переворот в мае 1934 года. На системообразующую роль Крестьянского союза в Первой Латвийской республике указывает также наличие у него разветвленной сети местных печатных изданий, официально не являвшихся партийными газетами. Они охватывали, правда, неравномерно, все регионы страны: в Земгале насчитывалось 6 изданий круга Крестьянского союза, в Видземе – 4; в Курземе – 4 и в Латгале – 1.⁹ Партийным же рупором была “Bīvā Zeme”, начавшая выходить 1 августа 1919 года в Риге вначале под руководством редакционной коллегии, а затем Я. Варсбергса (1879–1961) и Э. Фрейвалдса (1891–1922), выпускавшего газету в 1919–1922 годах.¹⁰ Последний – человек достаточно молодой, но с немалым жизненным опытом. Он родился в Лиепae (Курземе) – городе, в котором по переписи 1897 года жило 9454 еврея, что составляло 14,66% от всей численности горожан,¹¹ изучал право в Одессе, известной в конце XIX века как «крупнейший еврейский центр с лоском европейской культуры и с большой еврейской интеллигенцией, хотя в большинстве ассимилированной»¹², и в Москве, где «к 1917 году зарегистрированное, «оседлое» еврейское население составило около 60 тысяч человек. И на короткое время Москва становится одним из важнейших центров российского еврейства».¹³ Быть может, эти жизненные обстоятельства сказались на степени вовлеченности Э. Фрейвалдса в обсуждение национального вопроса и таких его компонентов, как евреи и национальное самосознание.

Его перу принадлежат, например, «Разгон евреев и местная пресса», «Расовое сознание и национальное сознание», опубликованные в 1920 году¹⁴, «Еврейский (Židu) вопрос», «Жиды и другие народности», «Мы и меньшинства», появившиеся на страницах газеты через год¹⁵.

«Vgīvā Zeme», с 1921 года выходявшая в свет ежедневно, помимо воскресных и праздничных дней, отличалась долговечностью – она просуществовала до 1940 года, пережив партию, которую представляла в демократической республике, но и нестабильностью как объема – он менялся в диапазоне от 2 до 60 страниц, так и тиража, который колебался от 4 и до 18 тысяч экземпляров.¹⁶ Думается, что такие черты «образа жизни» газеты косвенно говорят об относительно неустойчивой, узкой социальной аудитории и поисках средств её расширения и стабилизации. На это же указывает неизменно пристальное внимание к «Vgīvā Zeme» со стороны партии, чему доказательство – протоколы конференций и съездов Крестьянского союза и принятые на них резолюции.

Так, по решению III съезда Крестьянского союза, состоявшегося 11–12 января 1920 года, «обязанность каждого члена партии – читать партийную газету “Vgīvā Zeme” и содействовать её распространению»¹⁷. И хотя через три года Я. Варсбергс, один из редакторов газеты и член Центрального правления партии, с удовлетворением сообщит делегатам съезда о том, что в начале 1922 года «Vgīvā Zeme» читали 6400 абонентов, в конце же – 10500,¹⁸ до обретения газетой массовой аудитории было далеко. Ибо в 1929 году очередной, уже XIV съезд партии (20 – 21 апреля) вновь вернется к вопросу о распространении «Vgīvā Zeme» и примет специальную резолюцию, подчеркнув принцип: «В каждом доме – “Vgīvā Zeme”». При этом все местные партийные отделения обязывались найти в том же 1929 году дополнительно 10 новых абонентов газеты. Кроме того, партийным лекторам и депутатам, приглашаемым на народные собрания, вменялось по возвращении в Ригу вносить в партийную кассу сумму, равную плате за две подписки.¹⁹ Для облегчения «завоевания» читателей газету

распространяли через партийные отделения, которые дотиrowали доставку её абонентам – те получали печатное издание по пониженной цене.²⁰ Однако это не приводило к желаемому увеличению числа не только читателей «Brīvā Zeme», но и членов Крестьянского союза, на что, например, сетовал начальник партийного отделения в Кабиле (Кулдингский уезд, Курземе) в своем письме с предложениями по укреплению партии, направленном им в Центральные правление, совет Крестьянского союза и на его конференцию.²¹ Такое положение дел, обнажавшее «равнодушие землевладельцев к политическим вопросам»²², побуждало искать иные средства овладения социальной аудиторией. Уже на партийной конференции 1927 года (6 февраля) прозвучало предложение привлечь к содержанию «Brīvā Zeme» хозяйственные организации.²³

Неоднократное обращение на партийных форумах к проблеме «Brīvā Zeme» говорит как о значимости для идеологов Крестьянского союза информационного пространства Латвии, образуемого способами коммуникации и всей совокупностью печатной продукции, так и о желании контролировать его, заняв в нем доминирующие позиции. Подобное стремление отражало основную идеологическую установку партии – достижение единодушия, полного единомыслия²⁴ (по крайней мере – в среде крестьян). Но обретение его с помощью газеты, ориентирующейся главным образом на информацию политико-экономического характера (см. приложение 1), затруднялось отношением крестьян к письменным формам коммуникации (возможно, они предпочитали устные каналы со – общения). Так, делегат Лиепаи на партийной конференции 1925 года (12–14 июня) восклицал: «У крестьян нет веры в газеты»²⁵ Ему вторил Валтерс, также представлявший Лиепаю. Он отмечал узость кругозора сельских жителей: «Привлечь интеллигенцию к нашей работе, тут надо думать дальше нашего двора, надо понимать её положение. Но дальше нашего двора – это трудно».²⁶ Если рижане в составе партии полагали, что чтение газеты должно быть добровольным, и признавали заслуги «Brīvā Zeme» в качестве узко партийного органа, но при этом

не находили ей оправдания в деле расширения политического влияния на другие группы общества²⁷, то представителей сельских партийных отделений принудительный характер распространения газеты не смущал. В такой позиции видятся следы патриархального сознания, допускающего лишь одну модель поведения: повеление – послушание. В равной мере на эту же ментальную структуру указывает отношение к Другому (т.е. множественному разнообразию) как к угрозе целостности, устойчивости. Например, Шимминьш из Бауски (Земгале) на партийной конференции 1924 года (12 октября) высказался вполне откровенно: «Создавать новую газету – значит раскалывать партию. Чтобы этого избежать, необходимо присоединить её к “Brīvā Zeme”»²⁸.

На характере информационного пространства (его «плотности» и содержательности) сказалось влияние ряда факторов, среди которых отметим, во-первых, стремление верхушки партии к консолидации социума, понимаемой как единство, исключающее качественное многообразие составляющих его компонентов²⁹; во-вторых, абсолютизацию государства и народа, придание им статуса надындивидуального и надвременного, тогда как они включают в себя и индивидуальное, и временное, будучи порождением людей или их совокупностью. Обратная сторона абсолютизации подобных феноменов есть оттеснение на задний план человеческого «я», которое приобретает статус вторичного явления. Одно из многочисленных подтверждений значимости для идеологов Крестьянского союза такой парадигмы мироотношения – высказывания, устные и письменные, К. Улманиса. Так, в 1924 году на партийной конференции (12 октября) из его уст прозвучало: «У нас растет крайне правое крыло, которое *не доказало своей любви к Латвии*»³⁰ (выделено мною – Т.К.). В статье же «Латышский народ», открывающей том его сочинений и речей, изданный в Риге в 1935 году, сказано: «Я хочу здесь назвать идеи, которые во все исторические времена были способны объединить людей в общем чувстве и общих усилиях. Это идея о народе и идея о государстве. Народ – это идея об общей крови, об об-

шей земле, об общих обычаях, об общей истории, об общей чести. И государство – идея государства – это знак совершеннoleтия народа и свидетельство того, что чувство общих связей стало столь сильным, что привело к ощущению, а позднее и к осознанной воле поддержать, обеспечить, защитить это чувство общности народа сделать его вечным»³¹.

В-третьих, немаловажное значение имели некоторые психологические особенности латышского крестьянства³². Такие, в частности, как замкнутость, разобщение и связанное с ними преобладание местных связей, слабое чувство причастности к другому, нехватка чувства собственного достоинства, о котором, например, говорил один из делегатов партийной конференции 1925 года (12–14 июня). Он заявил: «В дальнейшем нам нужно подчеркивать не только чувство собственного достоинства крестьянина, но и чувство собственного достоинства народа»³³. Весьма распространенными были неуверенность, сомнения в себе и в смысле, если даже не в самом факте своего существования – судя по страстной настойчивости, с которой К. Улманис призывал от них избавиться: «Скажи сомнениям: с меня довольно, злой дух!»³⁴, «будем смелы, сильны, поддержим свою радость труда и мы будем на своих местах...»³⁵. Изрядная пассивность и привычка ожидать и получать чаемое свыше – от властных лиц³⁶ вкуче с прочими ментально-поведенческими установками, видимо, заставляла достаточно остро, даже болезненно реагировать на присутствие Другого, проявления инакости которого были, пожалуй, разительно отличны от стереотипов психологии и поведения латышского крестьянства. Как отметил Ш. Эттингер, «...ни сами евреи и ни окружающие их народы не могли в достаточной степени оценить ... душевные качества и черты характера, сформировавшиеся на протяжении многовекового существования ...: умение приспособливаться к изменяющимся условиям, интеллектуализм, огромное значение придаваемое в их среде самому процессу учения, быстрая сообразительность и аналитические способности...»³⁷. Эти черты вычитываются, например, и из мемуарной книги С. Дубнова,³⁸ изданной в Ри-

ге в 1934 году, и из «Еврейских Речей и Еврейских Мыслей»³⁹ К. Штерна, также опубликованных в 1934 году в Риге, и многих других писаний, вышедших из-под пера евреев в том же историческом пространстве. Кроме того, думается, исключительное значение имел сохранявшийся, особенно благодаря раннему традиционному образованию и воспитанию, «глубоко иудаистический ум, одержимый настойчивой потребностью практического монотеизма»⁴⁰. Все это содействовало превращению еврея в абсолютное воплощение Другого.

Еще один фактор, влиявший на отношение к Иному, соответственно на характер информационного пространства и должный быть принятым во внимание, - это этнорегиональная ситуация в стране, индикаторами которой могут быть степень гомогенности состава населения, долговременность, плотность и равномерность расселения этнических групп, интенсивность и способы коммуникации их с автохтонами, составляющими большинство обитателей страны.

Население формировавшейся Латвийской республики было полиэтничным, включая в себя такие группы, как немцы, русские, евреи, поляки, литовцы, эстонцы и другие, чья доля в составе жителей была менее 1%. Еврейский компонент социума отличался стабильностью: в 1920 году он составлял 5,13% от общей численности населения страны, через 5 лет - 5,33%⁴¹. Имела место региональная концентрация этнических меньшинств, которая могла усугублять отчуждение между ними и латышами. Так, по переписи 1925 года евреи представляли 11,68% всех жителей Риги, в Латгале их удельный вес равнялся 5,88%, в Курземе - 5%, в Земгале 2,84%. Максимально гомогенным было население Видземе, доля евреев в котором составляла 0,48%, тогда как 94,89% жителей являлись латышами⁴². Локальная концентрация евреев замечалась не только на уровне регионов, но и городов, сосредоточивших в себе бесспорное большинство еврейского населения. Наиболее насыщенными им оказались латгальские города. Так, 38,26% горожан Краславы в 1925 году составляли евреи, в Лудзе их удельный вес равнялся 34,31%, в Даугавпилсе - 31,14%, в Ре-

зекне – 30,99%. Более 10% населения представляли евреи в таких городах, как Лиепая (Курземе), Бауска (Земгале) и др. Всего подобного типа поселений к 1925 году было 18 (из общего количества городов и местечек – 38)⁴³.

Социальная гомогенность латышской среды – свыше 80% всех сельских жителей по данным переписи 1925 года составляли латыши⁴⁴ – в сочетании с невысокой степенью капитализации втягивающейся в систему товарно-денежных отношений деревни, с одной стороны, делала неизбежным регулярные контакты с евреями (прежде всего торговцами), но с другой – дистанцировала их, демонстрируя противопоставленность латыша и еврея в любом акте купли – продажи. Совокупность этих, отнюдь не исчерпанных факторов, думается повлияла на структуру информационного пространства «*Bīvā Zeme*» и смысловую нагрузку этнонима «еврей/жид» в нем.

Сведения, сообщаемые средствами масс-медиа, обладают значительным принудительно-созидательным потенциалом. Они не только наполняют содержанием человеческую мысль, но и задают, актуализируя уже сложившиеся, парадигмы и стереотипы мироотношения, закладывают в подсознание образ мира и модель жизненного поведения человека. Поэтому большое значение приобретает анализ способов подачи информации, ибо именно они более всего воздействуют на сферу бессознательного в человеке, которая может быть особо востребованной и действенной в экстремальных ситуациях.

Итак, каким предстает информационное пространство печатного органа Крестьянского союза, какая структура восприятия «идеального» Другого – еврея внушалась со страниц «*Bīvā Zeme*», и в первую очередь названиями её статей, фиксирующими параметры видения того или иного предмета. Во – первых, примечательно, что этноним «еврей/жид» встречается лишь в публикациях, отнесенных составителями Библиографического указателя, издаваемого Латвийской Государственной библиотекой А. Гинтерсом, с 1921 года – им и В Цауне, к рубрике «Национальный вопрос» в разделе «Политика». Представляется, что это уже само по себе выводит евреев в

особую сферу жизни, манифестирует их обособленность, закрепляет её в подсознании аудитории и в конечном итоге затрудняет интеграцию общества (еще раз подчеркнём – имеется в виду уровень явно не данных ментальных структур, актуализуемых принципами рубрикации печатного материала). Косвенное подтверждение правомерности этого суждения находим в замечании главного статистика страны и политика М. Скуениекса. По его мнению, несмотря на большой процент латышей, Латвия всё-таки является государством наций, а не национальным государством⁴⁵.

Во-вторых, интенсивность появления в информационном пространстве «*Vēlā Zeme*» статей по национальному вопросу неравномерна (см. приложение 2), в равной мере как и степень насыщенности его подобными публикациями невысока. В 1920 году коэффициент частотности таких материалов составлял 0,03 (21 публикация по национальному вопросу из 660 – общего количества статей в газете), в 1921 году 0,02 (29 из 961), в 1922 году – 0,05 (32 из 698), в 1923 году 0,05 (40 из 862).⁴⁶

При этом число публикаций, манифестирующих в своих названиях «еврей/жида» (обе формы этнонима употреблялись параллельно в 1920 – 1922 годах, с 1923 года в обиходе осталась только «жид») незначительно: 1920 году было лишь 4 подобных статьи; в 1921 году – 8; в 1922 году – 5; в 1923 году – 6. Однако их удельный вес в контексте всех публикаций по национальному вопросу является на порядок выше: в 1920 году индекс частотности таких материалов составил 0,2 (9 статей в четырёх номерах «*Vēlā Zeme*» из 21 – общего числа газетных номеров с информацией по национальному вопросу); 1921 году – 0,3 (8 из 29); 1922 году 0,1 (4 из 32); 1923 году 0,15 (6 из 40). Правда, на фоне всех опубликованных в «*Vēlā Zeme*» сообщений картина выглядит весьма невыразительно. Соответствующие индексы частотности появления статей с этнонимом «еврей/жид» в своих заглавиях равнялись в 1920 году – 0,006 (4 из 660); 1921 году – 0,008 (8 из 961); в 1922 году – 0,007 (5 из 698); в 1923 году – 0,005 (5 из 862)⁴⁷. Эти данные едва ли по-

звolyают говорить о всплеске антисемитизма в Латвии в эти годы⁴⁸ и о лепте, внесённой в него «Brīvā Zeme».

Малочисленность публикаций, фокусирующих внимание на «еврее/жиде», с одной стороны, в определенной мере снимала остроту присутствия Другого и создавала таким образом иллюзию этнически однородного общества, однако с другой – замалчивание Других, реально и весомо участвующих в разных сферах жизни Латвии, ставило под угрозу консолидацию полиэтничного социума и, пожалуй, усиливало до поры до времени прикровенную напряженность этнонациональных отношений.

Существенной чертой информационного пространства «Brīvā Zeme» является казусно-ситуативное введение в него еврейской темы. Так, появление соответствующих публикаций в 1920 году было вызвано случившейся в Риге стычкой между «некоторыми военными», к коим присоединились «другие элементы со стороны», и евреями⁴⁹. Повышенное внимание к евреям в 1921 году оказалось связанным с готовящимися (и принятыми) поправками к Закону о гражданстве, согласно которым для получения латвийского гражданства надо было прожить на территории Латвии 20 лет до Первой мировой войны или быть её постоянным жителем до 1881 года⁵⁰. Подобный способ выведения этнонима «еврей/жид» на авансцену информационного пространства газеты свидетельствует о пока недостающем «теоретическом» осмыслении проблемы отношения к Другому, в частности – к евреям. Это в свою очередь указывает на некорректность отождествления антисемитских настроений («дикарской нетерпимости») с антисемитизмом как политикой, составной частью которой является идеология.

Несмотря на малое количество публикаций, фиксирующих «еврея/жида» в своих названиях, и кажущуюся поэтому неэффективность воздействия этих статей, сам грамматический строй их заглавий «впечатывал» в подсознание читателей определенные ментально-поведенческие установки. Характерно упоминание этнонима «еврей/жид» во втором, уточняющем, заключенном в скобки названии ряда статей: например, «Де-

монстрация студентов (Еврейский погром)», что приглушало потенциальный антиеврейский настрой, о реальности которого говорит конструкция фраз, содержащих данный этноним. Предложение строится так, что представляет еврея в качестве последнего основания, необходимого для самоопределения или определения других («Крестьянский союз и жида», «Жида и другие народности» и др.). Показательно, что задаваемая бинарность восприятия отсутствовала в названиях статей, посвященных балтийским немцам («Правые и левые немцы-балтийцы»). Это указывает на маргинальность евреев, которые в отличие от немцев предстают «внешними». О непринадлежности их к «нашему кругу» свидетельствует и такая весьма распространенная формулировка как «еврейский вопрос». Уместная, например, в правительственных документах – в массовом печатном издании, потребителем которого является конкретное лицо, она насыщается социально значимыми негативными коннотациями, ибо дистанцирует, очуждает и обезличивает евреев. Существенно также, что этноним «еврей/жид» не вводился в контекст государства, гражданского общества. Это закрепляло в подсознании читателей исключенность евреев из сферы политических отношений.

Таким образом, на уровне внушаемого способа мировосприятия имела место маргинализация евреев. Подобная установка отмечает весьма слабую готовность латышской аудитории и её политиков, представленных Латышским крестьянским союзом к приятию Другого и к социально созидательному диалогу с ним, что в свою очередь обусловило нежизнеспособность Первой Латвийской республики и сделало возможным Холокост в ней.

Примечания

¹ Эко У. Миграции, терпимость и нетерпимость // Эко У. Пять эссе по этике. Санкт-Петербург, 2003. С. 142–143.

² Valsts bibliotēkas bijetens: Latvijas bibliogrāfijas žurnāls. Red. M. Stumbergs. Rīga, 1935. Nr.10. 153.lpp

³ См.: Саленице И. Евреи Латвии глазами латышей: 20–30-е годы XX века // Материалы Десятой Ежегодной Международной Меж-дисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. М., 2003. С.226–239.

⁴ *Ezergailis A.* Holokausta vācu okupētājā Latvijā: 1941. – 1944. Rīga, 1995. 101.lpp.

⁵ 20.gadsimta Latvijas vēsture II. Neatkarīgā valsts 1918–1940. Rīga, 2003. 10.lpp.

⁶ *Бибихин В.* Сильнее человека // Наше положение: Образ настоящего. М., 2000. С. 128.

⁷ *Кузнецова Т.* Латышский крестьянский союз – знакомый незнакомец (1917–1934). Даугавпилс, 2003. С. 184–185.

⁸ Там же, С. 169.

⁹ Latvijas Republikas prese 1918–1940. R. Treija redakcijā. Rīga, 1996. 334–349. lpp.

¹⁰ Там же, С. 57.

¹¹ *Skujenieks M.* Latvija : zeme un iedzīvotāji. Rīga. 1927. 309.lpp.

¹² *Дубнов С.* Книга жизни: воспоминания и размышления. Рига, 1934. Т. 1. С. 246.

¹³ *Клемперт А.* Палестинофильство и сионизм в дореволюционной Москве // Российский сионизм: история и культура. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 133.

¹⁴ См.: *Ginters A.* Latviešu zinātne un literatūra 1920. gads. Rīga, 1920. 29. lpp.

¹⁵ Latviešu zinātne un literatūra 1921. gads. Rīga, 1924. 63.lpp.

¹⁶ Latvijas Republikas prese. 153.lpp.

¹⁷ Государственный исторический архив Латвии (в дальнейшем – ГИАЛ), ф. 3282. Оп 1. Д. 2. Л. 37.

¹⁸ Там же, ф. 3282. Д. 7. Л. 84.

¹⁹ Там же, д. 23. Л. 67.

²⁰ Там же, д. 76. Л. 13.

²¹ Там же.

²² Там же, д. 77. Л. 5.

²³ Там же.

²⁴ Там же, д. 210. Л. 85; д. 71. Л. 82; д. 220. Л. 113; д. 222. Л. 480.

²⁵ Там же, д. 71. Л. 118.

²⁶ Там же, д. 74. Л. 162.

²⁷ Там же, д. 74. Л. 163.

²⁸ Там же, д. 71. Л. 115.

²⁹ См.: *Кузнецова Т.* Латышский крестьянский союз. С. 86–93.

³⁰ ГИАЛ. Ф. 3282. Оп. 1. Д. 71. Л. 80.

³¹ *Ulmanis K.* Sabiedriskie raksti un runas. Izlase. Rīga, 1935. 13–14. lpp

³² *Кузнецова Т.* Латышский крестьянский союз. С. 29–30.

³³ ГИАЛ. Ф. 3282. Оп. 1. Д. 74. Л. 115.

³⁴ *Ulmanis K.* Sabiedriskie raksti un runas. 2.sēj. Rīga, 1935. 436.lpp.

³⁵ ГИАЛ. Ф. 3282. Оп. 1. Д. 83. Л. 23.

³⁶ Как признал представитель Гарсенского партийного отделения (Илукстский уезд, Земгале).Пуренс на VIII съезде Крестьянского союза (26–27 марта

1924 года), «наш народ привык всего ждать от высшей власти». – Там же. Д. 10. Л. 22.

³⁷ Очерк истории еврейского народа. Под. ред. Ш. Эттингера. Иерусалим, 1979. Т. 2. С. 179.

³⁸ Дубнов С. Книга жизни.

³⁹ Штерн К. Еврейские Речи и Еврейские Мысли. Рига, 1934.

⁴⁰ Мандельштам О. О природе слова // Мандельштам О. Собр. соч. в 4 томах. М., 1991. Т. 2. С. 242.

⁴¹ Skujenieks M. Latvija. 256. lpp.

⁴² Там же. С. 255.

⁴³ Там же. С. 309–310.

⁴⁴ Zvidriņš P., Vanovska J. Latvieši: Statistiski demogrāfisks portretējums / Rīga 1992. 26.lpp.

⁴⁵ Skujenieks M. Latvija. 260.lpp.

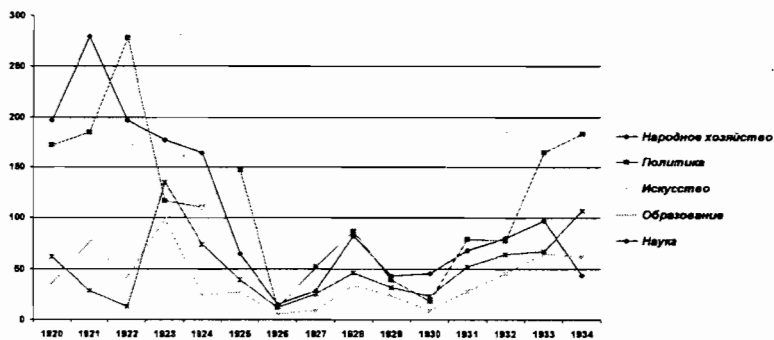
⁴⁶ Остановимся на этих годах, ибо в дальнейшем не будет появляться искомый этноним в названиях статей.

⁴⁷ Составлено по данным: Latviešu zinātne un literatūra. Rīga, 1920–1934.

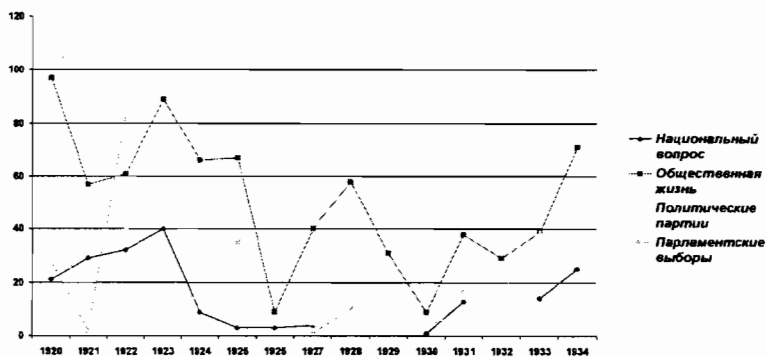
⁴⁸ Dribins L. Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā. Rīga, 2002. 183–185. lpp.

⁴⁹ Brīvā Zeme. 1920. Nr. 124.

⁵⁰ 20. gadsimta Latvijas vēsture II. 308. lpp

Приложение 1. Структура информационного пространства «Vēlā Zeme» 1920–1934 гг.

Приложение 2. Национальный вопрос в структуре информационного пространства «Vēlā Zeme» (в разделе политика) 1920–1934 гг.

Составлено по: Latviešu zinātne un literatūra. Rīga, 1920–1934. Учитывается количество номеров газет с соответствующего характера публикациями

Галина Осипова (Норильск)

Антисемитизм и дискриминация евреев в Дагестане в первые годы советской власти

До революции антисемитизм в Дагестане широко и открыто не проявлялся. И дело не только в том, что евреи проживали здесь с «незапамятных времён», а власть воспринимала их как один из местных народов Дагестана. Вообще, в одинаково унижительном положении находились все народности Дагестана. Да и мусульмане не устраивали погромы, боясь, что царское правительство обвинит их в беспорядках, несмотря на то, что в европейской России еврейские погромы не только поддерживались, но, зачастую, и организовывались местной администрацией (правда некоторые случаи антисемитизма случались в Дагестане и в то время).

Во время гражданской войны, одинаково уничтожали и грабили хозяйства и мусульман и евреев, однако, мусульманские поселения пострадали от рук бандитов и белогвардейцев, а селения евреев более уничтожались соседями-мусульманами, которые часто обвиняли евреев в большевизме. Часто это действительно соответствовало истине, евреи ждали защиты и обещанного социального и национального равенства, поэтому оказывали поддержку большевистским отрядам, пополняли ряды партизан-большевиков. Но и когда евреи никаким образом не были связаны с большевиками, им всё равно доставалось. После установления советской власти положение евреев, по сути, не изменилось, а даже (по мнению самих евреев) стало хуже, чем при царском режиме.¹ Сложилась парадоксальная ситуация, евреи, которые больше пострадали «за большевистскую власть», от этой власти необходимой защиты не получили.

Советское правительство, заявив об уничтожении национального гнёта и равенстве всех национальностей, фактически мало, что для этого сделало, и равноправие наций оказалось только декларацией.

Данная статья написана на основе анализа жалоб евреев, часто подписываемые целыми сёлами, в различные органы власти, статистических данных и решений комиссий по обследованию положения горских евреев.

Антисемитизм как явление проявлялся в разных формах: от бытовых конфликтов до политики государственных органов. Дискриминация горских евреев происходила при решении хозяйственных проблем, в образовании, при оказании медицинской помощи, при распределении социальных льгот.

Вот только некоторые факты:

хозяйственная политика:

Во время гражданской войны, многие евреи вынуждены были покинуть свои поселения и земельные участки, принадлежавшие раньше евреям, перешли в пользование мусульман. Евреи понимали, что попытки вернуть эти земли приведут к столкновениям с мусульманами, поэтому ожидали решения этого вопроса советскими органами власти: евреи неоднократно обращались в местные и центральные органы власти с просьбой о наделении их землёй и переселения на свободные участки, тем более, что в Дагестане имелась свободная земля. И если, в конечном итоге, центральная власть приняла решение о наделении крестьян-евреев землёй, то местные органы – не только не выполняли постановления и приказы НКЗ ДССР по этому вопросу, но и земли, выделенные Дагестанским правительством, для хозяйственной деятельности евреев, использовали не по назначению (например, отводили её под пастбища для мусульманского населения).

Тоже происходило и с материальной помощью для евреев: суммы, отпущенные на восстановления еврейских хозяйств и улучшения быта дагестанских евреев, распределялись и между другими аулами, часто одну и ту же сумму считали дважды, нередко эти деньги вообще пропадали. Причём не по назначению тратились не только деньги правительства, но и деньги из иных, в том числе, и зарубежных источников. Так, не ясно, куда пошли деньги из фондов Джойнта, Нансена и др., получаемые «систематически и ежемесячно самим Дагправительством на помощь евреям», во всяком случае, «сами крестьяне-бедняки этих денег не видели».²

Еврейское население особо остро переживало проблему безработицы, так как на свободные места доступ для евреев был ограничен, на некоторые заводы и промыслы евреев вообще не принимали (рыбные промыслы в Буйнакске, некоторые случаи на заводах Дагестана). В 1927 году на четырёх крупнейших государственных фабриках и заводах Дагестана из общего количества трудящихся 2146 человек евреев было только 18.

Евреи составляли 12,3% всего городского населения ДССР, а постоянную работу имели только 140 человек.³ Вот динамика национального состава завода «Дагестанские огни» за 1926 год: свыше 500 мусульман, 7 евреев – в начале года, 750 мусульман и 8 евреев в сентябре-октябре этого года. Интересна в этом отношении жалоба еврея беженца из селения Ашага –Арага, где он сетует, что отработал на заводе «Огни» более 2 недель и по закону должен был зачислен в штат завода. Однако в этом ему было отказано, в связи с отсутствием вакансий, но в последующее время, на завод было принято еще 50 человек – все мусульмане, для которых вакансии нашлись. Автор жалобы обращает внимание на то, что такое случается постоянно.⁴ Это не единственная жалоба по этому поводу, но органы местной власти, как правило, оставляли такие жалобы без внимания. Никак не отреагировала администрация и на другие просьбы еврейского населения о решении хозяйственных проблем, более того, когда эту проблему пыталась решать центральная власть местная относилась к этому равнодушно: «Со стороны лиц и учреждений, от кого зависит решение ряда намеченных мероприятий замечается явно недоброжелательное, а в лучшем случаи безучастное отношение, вследствие чего директивы высших органов не выполняются» (Из сообщения в Москву инструктора НК РКИ Дагестана Галилова).

образование:

В г. Дербенте: на 4000–8 000 (по разным оценкам) жителей мусульман приходилось 3 начальной национальной школы (1 для горянок) – более 500 учащихся, интернат, школа 2-ой ступени – 75 человек (на 1926 год), школы садоводства; Для горских евреев (число проживающих в Дербенте 6000 человек) после долгих хлопот была создана 1 школа, в которой число учащихся было сначала ограничено до 100–120 человек⁵, затем число учеников возросло до 300 человек.⁶ Безусловно, в любую школу, ведущую преподавание на русском языке, мог поступить любой ребёнок, но если даже не брать во внимание традиционные и языковые различия, то вот пример о национальном составе одной такой школы: 97.5 процентов детей-мусульман, 2 процента – русских и всего 2 человека еврейской принадлежности. По мнению родителей – доступ в такие школы был практически закрыт для еврейских ребятшек. Была открыта и партшкола, где обучалось 98 процентов мусуль-

ман и один горский еврей. Конечно, существовала школа второй ступени и на базе Дагестанского правительства, но бедняцкое еврейское население не имело возможности посылать туда своих детей.⁷ Несмотря на неоднократные поручения Дагправительства Наркомпросу развивать сети школ для горско-еврейской бедноты, по сути, ничего не было сделано.⁸ Не было евреев и среди обучающихся в Педагогическом техникуме. Еще хуже обстояло дело в южном Дагестане, где в еврейских аулах вообще отсутствовали не только школы, но медицинские и фельдшерские медпункты⁹ (впоследствии эта ситуация изменится к лучшему – данные за 1927 год).

Тяжелая обстановка была и в самих школах, газета «Красный Дагестан» сообщала о случаях антисемитизма: травля педагога-еврея, организованная самими работниками школы (главный виновник гонений учитель Веселовская после настойчивых заявлений была освобождена от данной работы, но «устроена в лучших условиях на другую»), оскорбление еврейских школьников, которых «называли не иначе как жидами», а некоторые учителя так и «работают под лозунгом: бей жидов, спасай Россию».¹⁰

социальная политика:

Семьи горских партизан, погибших во время гражданской войны не получали пенсии наравне со всеми,¹¹ в свою очередь и соцстрах постоянно отказывал в выдаче пенсий по потери кормильца семьям рабочих-евреев,¹² таким образом они оставались без всяких средств к существованию.

отдельные проявления антисемитизма и дискриминации:

По случаю 10-летия установления советской власти, в Дагестане комиссия по досрочному освобождению амнистировала ряд осуждённых: помилование в основном касалось мусульман, на что обратили внимания и некоторые представители власти. Так, были освобождены: некий Ибрагим Карабудагов, осужденный на 8 лет за взяточничество, вымогательство, растрату казённых и общественных денег в сумме 10–15 тысяч рублей, терроризирование местного населения, злоупотребление властью и т. д., а также зав ОНО Дербента Гасанов, осужденный за убийство и зав Детдома Шабанов, которого суд признал особо «социально опасным» и приговорил к 10 годам заключения в 1926 г. (в результате чего, он находился в заключении только год). Но при этом не только помилова-

ния, но и «никаких льгот» по случаю праздника не получил аптечный провизор Гавшон (еврей), осуждённый за растрату 3000 рублей в 1924 году (т.е. он провёл в заключение более 3 лет), несмотря на то, что по аттестации тюремной администрации отличался «хорошим характером и поведением».

Решение объединенного пленума ДК и ДКК ВКП(б) о коренизации госаппарата в ДССР, Дагестанское правительство поняло по-своему: «во всех организациях проводили замену Мордыхая и Ивана на Абдулу и Махмуда», увольняли евреев и русских, даже тех, которые родились в Дагестане и хорошо знали местные традиции и языки, а принимали мусульман, несмотря на то, что некоторые были уроженцами других стран, «поселились в Дагестане недавно и плохо знали местные условия».¹³

На безнаказанность антисемитских проявлений обращают внимания многие заявители. Во время революции и гражданской войны происходили убийства евреев без причин, а убийц отпускали без суда и следствия, такое положение продолжалось и в первые годы существования советской власти. Евреев постепенно уничтожают, возникает проблема вымирания – пишит один из заявителей.¹⁴

В 1918 году бандиты напали на селение Ханжал-кала, ограбили местное население, организатор этой акции Муртаза – Али Мамедов до сих пор не наказан, более того продолжает свою антисемитскую деятельность (в 1927 году, ударив прикладом винтовки на улице еврея на вопрос зачем, ответил: «Радуйтесь, что я его совсем не убил»)¹⁵

Основным промыслом жителей селения Ашага Араг является мелкая торговля по аулам, но в последнее время это занятие стало невозможно, так как их постоянно обвиняют в ритуальных убийствах, избивают и грабят, часто нападают и на село. Некоторые обитатели села обратились с просьбой об организации охраны в селе, которая существовала и ранее. Но большинство жителей считают, что данная мера проблемы не решит, необходимо переселить евреев, тем более, что на этом настаивали и соседи-мусульмане: «если Советская власть не найдёт земли, то бросить их в море, но не оставлять здесь».¹⁶

Некоторые крестьяне-евреи вынуждены были покидать свои сёла и жить в городе, т.к. опасались за жизнь. Так, большинство горских евреев, которые вернулись в 1925 г в своё

родное село Мамрач, вынуждены были снова бежать после безнаказанного убийства своего односельчанина-еврея.¹⁷ Поселившись в Дербенте, многие из них выходили на поля и сеяли хлеб по прежнему месту жительства. Но мусульмане – жители таких поселений евреев, прибывающих на сельские работы, избивали, грабили, не пропускали на поля (например, селение Мамрач), случались «потравы барановодами еврейских полей» (например, в ауле Ньюгди).

Переселенцы Кизлярского и Дербентского кантонов сетовали, что местные жители – мусульмане разрушали каналы («из желания просто навредить»), распространяли клевету и ложь, уличая в убийстве русского ребёнка в ритуальных целях, даже толкали к вооруженному сопротивлению (впоследствии, переселенческие посёлки в этих районах ликвидируют, одна из причин обострение взаимоотношения с «окружающими селениями, которое постепенно переходило в открытую форму антисемитизма»¹⁸)

Нередко поступали жалобы от евреев на похищение их жён мусульманами, те принуждали женщин к общежителству, от мужей требовали выкуп. Прокуратура не только не занималась разрешением проблемы, но «систематически чинила препятствие». А суд Дербента, например, по одному из таких процессов, вместо того, чтобы наказать виновного, «принудил пострадавшего к выплате 20 руб и приговорил к сроку по шариату за отказ дать развод».¹⁹

Анализ таких жалоб так же свидетельствует о постоянном характере, больших количествах и острой проблеме антисемитизма. За одно только лето 1926 года было организовано несколько попыток погромов евреев в разных городах Дагестана (Махачкала, Дербент, Буйнакск, Хасав – Юрт), в связи с обвинением в ритуальных убийствах; избиение еврейских женщин в Дербенте, 3 ограбления и 12 убийств в аулах Ашага-Араг и Ньюгды.²⁰ Погром в г. Махачкала, подавлен вооруженными силами Дагестанского ОГПУ.

Некоторые представители власти обращали внимание на то, почти все преступления относятся к периоду до 1924 г, когда «не был ещё установлен достаточный гражданский правопорядок», а безнаказанность таких преступлений относятся в основном к периоду до 1926 г.²¹ По их мнению, впоследствии, эти «отдельные проявления антисемитизма были искоренены», а то,

что происходят погромы, земельные споры, грабёж скота, изнасилование еврейских женщин и убийства евреев не являются фактами проявления антисемитизма и не вызывает необходимости создания особой следственной комиссии: убийство мусульман в Дагестане совершаются ещё чаще. Но авторы жалоб обращают внимание на то, что последних убивают не за то, что они мусульмане. Более того, количество таких фактов после названного периода не уменьшилось (пример, лето 1926 г, см. выше). А что касается безнаказанности, то об этом говорит и факт погрома в Махачкале в 1926 г., который возник под предлогом использования евреями мусульманской крови в ритуальных целях. Комиссия впоследствии констатировала, что такой погром был, скорее всего, подготовлен и мог возникнуть только на почве полной уверенности в неравноправии горско-еврейского населения и безнаказанности всякого рода выступлений против него.²²

Горские евреи обращались в различные органы власти с просьбой решить проблему антисемитизма на местах. Тем более что, по их мнению, главным виновником такого беспредела была местная администрация: погромы происходили при равнодушии и бездействии местных органов милиции, взыскание убытков местным судом при разрушении и фактическом грабеже хозяйств горских евреев не производилось, жалобы на конкретных погромщиков и сообщения о случаях антисемитизма не рассматривались. Мусульмане чувствовали свою безнаказанность: «били и говорили: “наша власть, сволочи, убьём”».²³ Такое положение подрывало авторитет советской власти среди еврейского населения, более того, вселяло недоверие: среди евреев ходили слухи, что некоторые грабежи были организованы непосредственно местными властями.

Особый интерес представляют заявления евреев о том, что в своё время они с «оружием в руках отстаивали советскую власть против некоторых из тех, кто ими сейчас управляет и их обижает». В частности, в Райсовете Дербента служил «бандит, истребляющий горско-еврейскую бедноту в 17–18 гг, ... устрашая бедноту повторением убийств»²⁴ и т.д.

Сами авторы жалоб предлагали свой вариант решения проблемы: провести «чистку» местной милиции, создать в аулах отряды вооруженной милиции из горских евреев для защиты от нападений, ввести горских евреев в состав местных судов, про-

водить разъяснительную работу среди мусульман «о нелепости, контрреволюционности и преступности агитации по поводу ритуальных убийств», призвать к ответу этих агитаторов, взыскать убытки, нанесённые хозяйству в результате их деятельности, наказать следователей и тех «соответственных лиц, которые проявили равнодушие, бездействие, или уличаемы в антисемитских выходках..., дать указания по всей проф. и хозяйственной линии, чтобы горские евреи непременно принимались рабочими на заводы..., на общих основаниях выдавать пенсии семьям красных партизан горских евреев, погибших от рук белобандитов» проводить широкую работу в печати. По сути, горские евреи требовали «социалистической законности».²⁵ Таким образом, одной из главных причин такого положения, по мнению евреев, было то, что они не были представлены в местных органах власти. Например, горские и европейские евреи составляли половину населения Дербента, а в городском совете было только 19 евреев из 150 человек (по официальной версии). Причём в официальных отчётах цифры о количественном составе евреев в органах власти завышались²⁶, но и эти данные говорят о многом.

В мае 1926 г. в «Бакинском рабочем» (№ 128) появилась статья о бедственном положении евреев в Дагестане, которое авторы (Никольский и Ракитников) квалифицировали как политически скандальное и отмечали, что не малую роль в этом играет антисемитизм: «горские евреи ... неравноправны, и это убийственные факты, ... от такого заключения не отвертеться, как бы оно ни было не приятно».²⁷ Эта статья вызвала шок в обществе и полемику в печати, где авторов обвинили в необоснованности высказываний (статья в газете «Красный Дагестан» № 162), но в последствии один из критиков признал свою ошибку (когда сам стал очевидцем убийства на национальной почве, и познакомился с выводами специальной комиссии по обследованию положения горских евреев). Евреи Дагестана, не добившись изменения политики от местной власти, послали в Москву своего представителя. В результате, в феврале 1927 года, сюда был командирован инструктор ВЦИК Островский для обследования действительного положения евреев Дагестана. Собранные материалы подтвердили обоснованность этих жалоб, а комиссия Островского констатировала «безнаказанность антисемитских выходок админи-

страции, безнаказанность убийств, и насилий, бесплодность жалоб и неадекватное им должное движение». ²⁸Такая политика была названа отвратительным видом нацизма. ²⁹

Позже, когда еврейское население отчаялось, что-либо изменить в своём положении, оно обратилось с просьбой о переселении их из Дагестана «в другое место», обратив внимание на то, что они остаются патриотами и данная просьба является вынужденной мерой: «Ни одна советская страна не должна иметь пасынков, к великому нашему сожалению, по отношению к нам мы этого утверждать не можем». ³⁰

Примечания

¹ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 170.

² ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 171, 171 об.

³ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 311.

⁴ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 37.

⁵ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 23.

⁶ ГАРФ № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа

⁷ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 23.

⁸ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 31(144).

⁹ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа

¹⁰ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 31.

¹¹ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 23.

¹² ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 34.

¹³ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 191.

¹⁴ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 142.

¹⁵ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 23.

¹⁶ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 35 об.

¹⁷ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 304.

¹⁸ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 210, листа 74.

¹⁹ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 142.

²⁰ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 33 об.

²¹ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 71 об.

²² ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 201.

²³ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 23 об.

²⁴ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 142.

²⁵ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, лист 306–309.

²⁶ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 170 об.

²⁷ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 202.

²⁸ ГАРФ, № фонда 7541, описи 1, дела 209, листа 200.

²⁹ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 172.

³⁰ ГАРФ, № фонда 1235, описи 122, дела 274, листа 171 об.

*Гекторас Виткус (Клайпеда)***Идеологическая инструментализация антисемитизма в истории движения литовских предпринимателей (1930–1940 гг.)**

Союз литовских торговцев, промышленников и ремесленников (*Lietuviu prekybininku, pramonininku ir amatininku sąjunga*) (1930–1940 гг.)¹ в истории литовско-еврейских отношений не был одиночным случаем, когда консолидирующие возможности антисемитского утопизма были рационализированы в идеологической сфере общественной жизни Литвы. Биография этой организации, в литовской и зарубежной историографии, остается общепринятым одиозным символом экономической радикализации литовского антисемитизма. В важнейших нишах деятельности «сплоченного» движения литовских торговцев, промышленников и ремесленников просачивалась последовательная антисемитская линия, проходившая под траекториями общих экономических, социальных, культурных и, наконец, политических стремлений, методы и приемы распространения которых особенно импонировали радикальному крылу идеологических «инженеров» литовского национализма.

Сегодня невозможно однозначно определить все причины юдофобских комбинаций в когнитивных и аффектных установках идеологических представителей СЛТПР. Историческому познанию пока еще слишком аморфными кажутся структурные контуры этой идеологической формы. Разумеется, их границы постепенно нивелировались разнокачественными историографическими традициями. Разумеется, это затрудняет аналитическую работу сегодняшних исследователей истории литовской «разновидности» антисемитизма. Безусловно, надо учесть, что литовские и зарубежные авторы, интересующиеся проблемой литовского антисемитизма в контексте истории литовско-еврейских отношений, неоднократно уже останавливались на ксенофобских аспектах деятельности Движения литовских предпринимателей. Несмотря на методологическую селективность подобных исследований, надо признать, что обобщающие их резервы смогли сформулиро-

вать вполне обоснованную теорию идеологического созревания этой националистической организации. Во-первых, акцентируется «традиционная» неприязнь литовских предпринимателей (социо-экономические мотивы антииудейских установок) по отношению к еврейским конкурентам. Во-вторых, подчеркивается важность негативного влияния всемирной экономической депрессии 1929–1933 гг. на все сословия литовского социума², идеологическая сфера которого оказалась неустойчивой перед внушительностью этно-радикальных оттенков «социально»³, «экономически»⁴ и «культурально»⁵ выведенной теории «литуанизации» ('sulietuvinimas', 'atlietuvinimas')⁶ «городских» промыслов страны. В некоторых случаях Движение литовских предпринимателей принимало подобие расистской идеологии.

С другой стороны, многие аналитические работы практически не преследовались формулированием направленных гипотез, способных эмпирически реконструировать всю структурную контравертность идеологии СЛТПР. А потому они еще слишком зеркальны, ими фиксируется только фасадная – официальная – сторона этого идеологического строения. Таким образом, нами диспонируемая аналитическая инициатива еще может воспользоваться возможностью возобновить «дело СЛТПР» путем исторического рефлексирования менее известного идеологического материала этой организации. Это – главная нить приводимого аналитического умысла, претендующего хоть частично компенсировать методологический пробел многих историографических инициатив, изучающих многокалоритный фактаж исторических случаев инструментализации идеологическими ресурсами антисемитизма.

Поводом для исторического экскурса послужил анализ существеннейшей особенности Союза литовских предпринимателей – идеологически он конструировался, как воссознанию многократно применившийся и гибким требованиям условий поддавшийся комплекс идей. Но он не столько апеллировал на приумножение количества своих последователей, сколько субординировался тому латентному уровню идеологии, который чувствовал необходимость связать своих приверженцев в целую и единую систему. Подобный разрез идеологического монолита СЛТПР проявляет интенции его пред-

водителей выйти далеко за рамки идеологии, которая проектировалась не только рассеянному, а потому нестабильному «электорату» мелких литовских предпринимателей⁷. Эта характеристика отражает бывшую гибкость и живучесть постепенно установившейся идеологической системы СЛП. Инициатива его идеологов строилась на методе, который прагматически рационализировал разнокачественные источники претензий радикального лагеря литовских националистов, ориентированных на перенятие организующего монополия в социо-экономической сфере общественных связей Литвы.

Уместно акцентировать некоторые аспекты исторического контекста зарождения этой организации и ее идеологической структуры. Начавший 5 июня 1930 г. официально свою деятельность Союз литовских предпринимателей⁸ не был единственным и, тем более, однократным явлением идеологической формы антисемитизма. Надо констатировать, что идея учреждения СЛТПР, как организации, способной принципиально образовать индивидуальную экономическую инициативу литовцев⁹, зародилась в сложном контексте социальных, экономических и политических причин. Соответствующим образом они отразились и в главных целях созданного движения: 1) сплотить всех литовцев торговцев, промышленников и ремесленников в один союз, который должен заботиться об их правовых, экономических и культурных делах; 2) поднять их техническую и коммерческую квалификацию; 3) экономической и культурными методами достигнуть улучшения их материального и духовного существования¹⁰.

Сфера общественных связей Литвы пережила, особенно в четвертом десятилетии XX века, стадию интенсивного «эксперимента» социальной фрагментации¹¹. Она принесла с собой и модернизированные формы этнического давления, которые не задержались отголоситься радикальными, уже намеренно под антисемитскую оркестровку настроенными акцентами. Правда, «эффективные» их сочетания в разных идеологических комбинациях имели историческое прошлое, уже и раньше играли в Литовском обществе особую культурную и психологическую роль. Но в актуализируемом случае ими мотивировались «первоочередные»¹² вехи дальнейшего развития литовского национализма (также в направлении консоли-

дированных претензий инициативности литовского мелкого предпринимательства в освоении сектора городских промыслов Литвы¹³).

В этом плане исторический случай объединения литовских предпринимателей имел и свои особенности. В нем роль внешней предпосылки сыграл негативный опыт всемирного экономического кризиса 1929–1933 гг., который в Литве особенно повлиял на политическое восприятие предложений по принципиальному изменению концепции «национального хозяйства» (они в экономической истории Литвы известны под литовскими вариациями универсальных идей экономической автаркии и принципа хозяйственного самообеспечения¹⁴). В этот момент решающее внимание государства обратилось к ранее позабытой проблеме «углубленного расширения национальных интересов литовцев»¹⁵ в области социальных, экономических, культурных и, наконец политических возможностей занятия мелкими индивидуальными промыслами¹⁶. Именно в такой ситуации начала зарождаться новая версия идеологической актуализации социо-экономической «надобности»¹⁷ решения «еврейского вопроса». Разумеется, в его дальнейших теоретических траекториях стратеги Литовского хозяйства уже не скромнились взвешивать практические возможности идеи «потеснить или упразднить преобладающую инородную инициативу»¹⁸, улучшить «соотношения этнического участия»¹⁹ в мелкой индивидуальной торговле, промышленности и ремесленничестве Литвы.

Но нужно рассмотреть и глубинные причины деятельности и идеологической структурности Движения литовских предпринимателей. Ранее упомянутая «литуанизация» внутреннего и внешнего уровней экономической жизни Литвы проводилась многонаправленным внедрением принципа хозяйственного кооперирования. На первом этапе развития экономической системы межвоенной Литвы (1920–1930 гг.) он сконцентрировал так называемый «литовский капитал» в форме крупных акционерных обществ. Но на первых порах второго периода (1930–1940 гг.) выяснилось, что этому решению экономического преобразования не удастся подчинить практику индивидуального мелкого предпринимательства, которым активно занимались не только «инородцы», но уже и предста-

вители литовской национальности. Если в 1923 году «не-еврейская» инициатива располагала 2 160, то к 1936 году ей уже принадлежало 10 200 магазинов²⁰. Некоторое время особенного стремления «изменить» уже традиционно установившееся соотношение тогдашняя власть Литвы не чувствовала, поскольку старалась избегать внешнего и внутреннего обострения этнических интересов²¹. Но умеренные социально-экономические проекты ей вскоре пришлось ревизовать – из-за подавляющего влияния всемирного экономического кризиса, правительственные круги Литвы вскоре столкнулись с проблемами пауперизации литовской части общественности. С другой стороны, подобным образом отразились результаты переселения деревенских жителей в города, долгое время идеологически активно поощрявшегося разными общественными и политическими течениями. Например, своими демографическими подсчетами лидеры СЛТПР утверждали что этот городской «прирост» ежегодно составлял 20–25 тысяч жителей²². Подобная социальная динамика идеологически обосновывались «жизненной важностью литуанизации» Литовских городов и местечек. Но самое главное – в правительственных кругах Литвы было принято решение попытаться направить социальное недовольство этой, так называемой литовской городской «творческой интеллигенции»²³ в желаемые русла мелко-индивидуальной экономической деятельности. Разумеется, истинные лейтмотивы подобной образующей практики идеологически выражались в разных практических установках Союза литовских предпринимателей: «создание недостающего среднего слоя литовской буржуазии»²⁴, «поднятие социального, экономического и культурного блага литовских мелких предпринимателей» путем «литуанизирования городских промыслов Литвы»²⁵, «Литва – литовцам»²⁶, «литовская колонизация городов»²⁷ (или «литовское движение городов»²⁸), «бойкот еврейского бизнеса» (или «покупай только у литовца») ²⁹, «ревизия закона от имени ремесленника»³⁰, «правовая ревизия регламентирования дней отдыха и праздников»³¹, «первоочередное урегулирование таможенных пошлин в пользу литовских торговцев»³², «война еврейским синдикатам»³³, «акция Синих знаков» (Melynieji zenklai)³⁴ и т.д., и т.п.

Конечно, можно только гипотетически предположить, какими были нами не затроннутые интенции практических рекомендаций СЛТПР. Но активное идеологическое влияние³⁵ представителей главной политической силы в Литве того времени – Союза литовских националистов (*Lietuvių tautininkų sąjunga*) – позволяет утверждать, что антисемитский сценарий деятельности ими опекаемой организации не был случайностью. Из периодической печати, переписки, протоколов конгрессов, ежегодных съездов и частых заседаний руководящего состава СЛТПР явствует, что идеологическая инструментализация антисемитизма в «программировании» литовских предпринимателей, прежде всего, была хорошо отлаженным методом идеологического притягивания населения. Если учесть эту особенность, то можно подчеркнуть, что присутствие названного идеологического свойства идентифицируется во всей истории деятельности СЛТПР. Это важный факт, тем более если мы вспомним, что непосредственная практическая инспирация идеологического развертывания ДЛП шла «сверху»³⁶. Значит, актуализируемый исторический случай нельзя комментировать односторонне – только проявлением единства литовских мелких предпринимателей, морально направленных на реализацию полно осознанного общего лейтмотива взаимодействия – «упразднения еврейского преобладания в сфере мелких промыслов Литвы»³⁷. Такая модель антисемитской идеологии по своим критериям больше подошла бы определению влиятельной общественной организации, консолидирующая сила которой исходила из соответствующей части самого общества. Официальный контингент ДЛП составлял только малую ее часть: в период зенита своей деятельности оно насчитывало 5 000 членов (конечно, надо учесть, что число сочувствующих могло быть значительно больше: около 10 000–30 000 человек). К тому же, руководители этой организации постоянно сталкивались с неустойчивостью и «текучестью» ее контингента, из-за чего многие отделы СЛТПР были вынуждены прекратить свою деятельность. А потому и идеологический вариант у анализируемого общественного движения был кардинально иной. Признаком тому служит идеологическая дихотомия, имевшая место в практическом соотношении принципов «органического»

литовского национализма³⁸ и диссонировавшими ему симпатиями мелких литовских предпринимателей, промышленников и ремесленников к установкам либеральной этики. Таким образом в идеологической структуре СЛППР произошел раскол, который со временем глубоко вжился во многие идеологические рассуждения и попытки практической деятельности активистов этой организации.

Подобный характер идеологической системы СЛП непосредственно отразился и на рационализацию главного объекта ее деятельности – «еврейском вопросе». Преобладание антисемитской формы в обширном поле социальных, экономических и культурных аспираций этой общественной организации, в главной степени было практически неисчерпаемым источником, который «модернизировал» инструментализацию юдофобии в обильно выражавшихся мотивациях идеологических инженеров СЛТПР. Это осуществляли его органы периодической печати («Промысел» („Verslas“) и «Ремесленник» („Amatininkas“)), ему официально принадлежавшая школа, а также высказывания лидеров организации по Литовскому радио («Radiofonas») и т. д. А упомянутая инициатива, наряду с другими традиционными формами и методами стимулирования антисемитского мышления, в случае развития деятельности Союза литовских предпринимателей уже не могла разминуться с механизмами идеологического внедрения соответствующих средств идеологической симпатии: влияние акционерного общества «Аматбанкас» («Amatbankas»), лотерея «Синих знаков», мнимые «судебные процессы» с участием литовского покупателя или литовского предпринимателя и другое.

Важно отметить, что в идеологическом дискурсе СЛТПР часто проявлялись фрагменты циничного идеализма. Они внедрялись путем гибкой антисемитизации главных составляющих особой разновидности национального мифа, который декларировал «историчность», «новизну» и «сомнению не поддающийся будущий успех» своего движения³⁹. Таким путем идеологи СЛП отрицали позитивное влияние еврейских предпринимателей в экономическом развитии страны. Подобная идеологическая инструментализация непосредственно прикладывалась на психологические способности литовских

предпринимателей соотносить общественные проблемы с трудностями личного промысла, видя причинно-последственную связь между ними. К тому же, изучая наследие ДЛП нельзя не заметить, что слой мелких литовских предпринимателей чувствовал себя неким, ярко выделенным социально-экономическим меньшинством. Представители этой социальной прослойки в общественной картине Литвы междувоенного периода, часто скептически относились к рекомендуемой им из принципиальных соображений хозяйственной кооперации⁴⁰. Они, аналогично своим конкурентам-«инородцам», предпочитали ценой своих индивидуальных экономических способностей, материальных ресурсов и «испытания» предпринимательского риска достигать большей прибыли. Потому неудивительно, что антисемитский дискурс производившийся на почве социального, экономического и культурного негативизма СЛП, со временем уже перестал гнущаться выяснения «двойных стандартов» в социо-экономической линии государственной политики. Но антисемитская форма цинизма могла быть только негативной, агрессивной стороной идеологической амбивалентности СЛТПР – идеологическая элита этой организации своими соображениями нападала на еврейских конкурентов, прежде всего пытаясь решить внутренние проблемы ими предводимого движения. Например, антисемитские настроения идеологически переносились на неспособность этой организации наладить свое влияние в Литовской провинции. Потому главным форпостом и решающей ареной деятельности СЛП стала тогдашняя столица Литвы – город Каунас⁴¹.

Со временем антисемитская одержимость деятелей Движения литовских предпринимателей вывернулась идеологической формой социо-экономических апелляций, которая отнюдь не являлась определяющим фактором идеологических симпатий и практических интенций контингента этой общественной организации. Разумеется, большинство случаев идеологической инструментализации антисемитизма были детерминированы соответствующими политическими, социальными, экономическими и культурными реалиями. Но такую одиозную деятельность идеологической элиты СЛТПР нельзя однозначно определить только результатом перенесения на

почву собственных интересов чужих идеологом, почерпнутых от чужих систем антисемитского мышления. Они в нередких случаях не стыковались с менталитетом литовских предпринимателей. Все же, признаки подобных попыток фиксируются в кропотливо производившейся линии идеологического «предложения» ДЛП. Агитаторы этой организации оперировали практическими и идеологическими примерами германских, австрийских, польских, румынских, венгрийских, латвийских, эстонских и других аналогичных организаций. Таким образом СЛТПР был неким идеологическим посредником – руководящий его состав поддерживал интенсивные контакты с зарубежными «коллегами»⁴². Но характер идеологического заимствования в деятельности активистов СЛП отличался большой изобретательностью. Идеологическая элита мелких литовских предпринимателей выражала далеко идущее стремление организации к новой социо-экономической динамике литовско-еврейских отношений. Подобным образом идеологически отражались глубинные интенции СЛТПР, спешившего занять место в политике активизации «литовского предпринимательского менталитета».

Можно констатировать, что случай идеологической инструментализации антисемитизма на историческом примере Движения литовских торговцев, промышленников и ремесленников, развивался не только как идеологический атрибут возникшей новой группы социо-экономического давления, но и как форма самовыражения некой «доктринальной общности». Она взаимно занималась практикой идеологического деления тех же самых дискурсов социального, экономического, культурного и политического содержания. Не возникает сомнений, что эта техника идеологического конструирования кристаллизовалась в атмосфере идеологической кореляции литовского традиционного антисемитизма, новых националистически ориентированных претензий мелких литовских предпринимателей и рационального использования новых «модернизирующих» тенденций. Результаты этого практического употребления антисемитской информации преобладали на официальном уровне идеологии СЛТПР. Но его идеологи подыгрывали не столько идеологическому тону радикального крыла литовских националистов, сколько части самой литов-

ской общественности. Потому охарактеризованные идеологические особенности Движения литовских предпринимателей отражают главные условия и тенденции антисемитской ин-струментализации в междувоенной Литве.

Примечания

¹ Идеологические консолидаторы этой общественной организации не установили окончательного ее наименования. Потому в далее приводимом тексте используется весь спектр ее оглавлений и аббревиатур.

² Pruskus V. Verslininkystes ideju raiska Lietuvoje (XIX a. antroji puse–1940 m.). Vilnius, 1997.

³ Например, отразившиеся в утверждениях СЛТПР вроде «нужды элиминировать проблему еврейского преобладания в социальной сфере городских сословий Литвы» (1932 10 17 d. Lietuviu prekybininku, pramonininku ir amatininku sajungos Centro valdybos aplinkrastis // LCVA. F. 605. Ap. 1. B. 5. L. 2.) и т. п.

⁴ Например, приводившиеся в такой идеологемической конструкции активистов СЛТПР: «нужда государственной важности освободить литовцев из под экономического рабства евреям» (1933 10 7–8 d. II-ojo Lietuviu verslovininku kongreso Protokolas // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 10. L. 1–24; Lietuviu prekybininku, pramonininku ir amatininku sajungos Centro valdyba visiems Lietuviu prekybininku, pramonininku ir amatininku skyriams // LCVA. F. 595. Ap. 1. B. 5. L. 31–31a.) и т. п.

⁵ Риторически эскалировавшихся задачей «освобождения литовцев из под экономического гнета евреев, как основного императива борьбы литовской общности за культурную ее целостность» (Lietuviu verslininku klubo Istatai // LCVA. F. 605. Ap. 1. B. 7. L. 1.) и т. п.

⁶ Skucaite V., Zemaityte A. Verslas Lietuvoje: istakos, praeitis, dabartis. Kaunas, 1993; Pruskus V. Verslininkystes ideju raiska Lietuvoje (XIX a. antroji puse–1940 m.). Vilnius, 1997; Sruoga B. Verslininkai, zydai ir kooperacija // Vairas. 1995 (VII) m. sausio men. Nr. 1. T. XIII. P. 100; Meskauskas K. Lietuvos ukis 1900–1940. Vilnius, 1992; Cesevicius D. Lietuvos ekonomine politika 1918–1940. Vilnius, 1995; Vaskela G. Lietuva 1939–1940 metais: kursas i valstybes reguliuojama ekonomika. Vilnius, 1992; Vaskela G. The Course towards State-Regulated Economy in Lithuania in 1939–1940 // Lithuanian Historical Studies. Nr. 2. Vilnius, 1997. P. 151–174.

⁷ Truska L. Antanas Smetona ir jo laikai. Vilnius, 1996. P. 299; Encyclopedia Judaica. Vol. 11. Jerusalem, 1996. P. 377; Lietuviu Verslininku S-gos Veikimo Planas (nuo 1939. X. 24 d. iki 1940. I. 1 d.) // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 67. L. 2.

⁸ Учредить СЛТПР удалось только благодаря вмешательству политической элиты тогдашней Литвы. Но было несколько предшествовавших «самостоятельных» попыток консолидироваться (в 19 мая 1928 г. и 13 сентября 1929 г.), которые из за «малой активности литовских мелких предпринимателей» не удались (Lietuviu Prekybininku, Pramonininku ir Amatininku Sajungos Isikurimas ir Pirmieji Jos Zingsniai // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 13. L. 1–10).

⁹ 1939. 04. 26 d. Lietuvos Respublikos Seimo Pirmininko R. Sakenio rastas

Lietuviu Verslininku Sajungai // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 5. L. 5.

¹⁰ Lietuviu Prekybininku, Pramonininku ir Amatininku Sajungos Ištatai. (Iregistruoti 1930 m. rugpjucio men. 27 d. Kauno Miesto ir Apskritis Virsininko rastineje. Draugiju rejestro Nr. 1453) // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 1. L. 1.

¹¹ В четвертом десятилетии XX века в Литве сменилась преобладающая форма общественного труда (аграрно-индустриальным). Именно потому углубилась дифференциация (так же и менталитетная) общества на отдельные сферы, обладавшие собственной, относительно автономной логикой существования и развития. К тому же, атрибутом этой модернизации явилось формирование автономно-суверенного индивида, личности (*Хорос В.Г., Чешков М.А.* Политическая модернизация в постсовременных обществах // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. Москва, 1996. С. 7).

¹² *Urnis J.* Kai kuriu tautiniu Lietuvos mazumu reikalu // *Vairas*. 1938 (XI). Nr. 7. T. XXIII. P. 387–388.

¹³ *Iksas.* Ekonominis bendradarbiavimas – kaip mes ji suprantame // *Apzvalga*. 1938. Nr. 2(121). P. 2.

¹⁴ *Domas Cesevicius.* Lietuvos ekonomine politika 1918–1940. Vilnius, 1995. P. 81–90.

¹⁵ *Kubilius A. K.* Lietuvos ukio perspektyvos. Kaunas, 1930. P. 261.

¹⁶ Nutarimas // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 1. L. 16–17; Neleistina demagogija // Amatininkas. 1934 m. birzelio 7 d. Nr. 17. P. 1–2.

¹⁷ *Atamukas S.* Lietuvos zydu kelias: Nuo XIV amziaus iki XX a. pabaigos. Vilnius, 2001. P. 142–148.

¹⁸ *Galvanauskas E.* Apie lietuvius ir zydu verslininkus // *Verslas*. 1936. Nr. 6(208). P. 3; *Ziedas A.* Lietuvos urbanizacija ir zydai // *Verslas*. 1936. Nr. 51(253). P. 4.

¹⁹ „Lietuviai versle“. Pasikalbejimas su knygu leidimo bendroves «Dirvos» Direktoriumi p. Adomu Dundzila // *Verslas*. 1932. Nr. 1. P. 5.

²⁰ *Encyclopaedia Judaica*. Vol. 11. Jerusalem, 1996. P. 377.

²¹ *Eidintas A.* Antanas Smetona. Politines biografijos bruoza. Vilnius, 1990. P. 138–139.

²² *Pruskus V.* Verslininkystes ideju raiska Lietuvoje (XIX a. antroji puse–1940 m.). Vilnius, 1997. P. 54.

²³ *Rastenis V.* Nelietuviai verslovininkai ir musu kultura. Kodel kovojama uz lietuviska versla // *Verslas*. 1933. Nr. 41(86). P. 1–2.

²⁴ Sausio men. 22 d. suvaziavimas // *Verslas*. 1933. Nr. 1(359). P. 1.

²⁵ 1936 m. gruodzio 6 d. LPPAS Kongreso memorandumas LR Seimo pirmininkui Svenciu ir Poilsio Klausimu // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 11. L. 3–8.

²⁶ Lietuva – lietuviams! (Raso Kauno Valstybines Prekybos Mokyklos Direktorius, savanoris kurejas Jurgis Kiaune) // *Verslas*. 1940. Nr. 1(431–432). P. 3.

²⁷ *Gostautas V.* Naturalios eigos nepakeisite! // *Verslas*. 1938. Nr. 4(310). P. 6.

²⁸ Miestu sajudis pradetas dideliu entuziazmu // *Verslas*. 1936. Nr. 50(252). P. 1–3.

²⁹ II-ojo Lietuviu Verslovininku Kongreso 1933 m. spalio 7–8 d. Kaune Protokolas // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 10. L. 1–24.

³⁰ Kada ir kaip bus kvociami amatininkai? // Amatininkas. 1934. Nr. 1. P. 2.

³¹ 1936 m. gruodzio 6 d. LPPAS Kongreso memorandumas LR Seimo pirmininkui Svenciu ir Poilsio Klausimu // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 11. L. 3–8.

³² Nutarimas // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 1. L. 16–17; Neleistina demagogija //

Amatininkas. 1934 m. birželio 7 d. Nr. 17. P. 1–2.

³⁵ J. M. Sindikatus reikia sutvarkyti. Cia turetu isikisti valstybe // Verslas. 1937. Nr. 35(289). P. 4; Venskevičius J.Z. Del zydisku sindikatu // Verslas. 1936. Nr. 2(204). P. 3.

³⁴ Jonysa B. Melynieji zenklai Siauliuose // Verslas. 1934. Nr. 51(520). P. 5.

³⁵ Деятельность СЛТПР активно координировали известные представители Союза литовских националистов: Винцас Растэнис (Vincas Rastenis), Миколаш Шляпавичюс (Mykolas Slepavicius), Казис Сруога (Kazys Sruoga), Ионас Вержис (Jonas Vezys), Домас Цесявичюс (Domas Cesevicius), Витас Статкус (Vitas Statkus), Антанас Дедаля (Antanas Dedele) и другие (Lietuviu Prekybininku, Pramonininku ir Amatininku Sajungos Isikurimas ir Pirmieji Jos Zingsniai // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 13. L. 1–10; Butenas J. Lietuvos zurnalistai: Atsiminimai ir paieskos. Vilnius, 1991; Stikelis St. Eterio sviesa: moksline apybraiza. Kaunas, 2001).

³⁶ В условиях авторитарного режима, идеологи СЛТПР в своей пропагандистской работе старались избегать акцентов политического и индивидуалистического содержания. Но, конечно, в не столь уж редких случаях их ориентировки политического, а так же индивидуалистически-ценностного типа просачивались.

³⁷ 1933 10 7-8 d. II-ojo Lietuviu verslovininku kongreso Protokolas // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 10. L. 1–24.

³⁸ Подробнее, см.: Skrupskelis K. Organiskumas, kataliku akcija ir liberalioji srove // Kulturos barai. 2004. Nr. 1(470). P. 73–81; Skrupskelis K. Organiskumas, kataliku akcija ir liberalioji srove // Kulturos barai. 2004. Nr. 2(471). P. 70–76.

³⁹ Miestu Sajudzio Giesme // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 11. L. 38.

⁴⁰ 30. IX. – 33. Juozo Miglino rastas Lietuviu Prekybininku, Pramonininku ir Amatininku Sajungos Centro Valdybai // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 39. L. 162.

⁴¹ Kovas J. Paverskime Kauna lietuviu verslovininku tvirtove // Verslas. 1939. Nr. 11(369). P. 5.

⁴² 1937 m. vasario 2 d. Latvijos Amatu Rumu prezidento rastas Lietuviu Prekybininku, Pramonininku ir Amatininku Sajungai // LCVA. F. 605. Ap. 3. B. 97. L. 61; 1931 m. balandzio men. 7 d. Lietuvos pasiuntinybes Berlyne konsularinio skyriaus atsakymas Lietuviu Prekybininku, Pramonininku ir Amatininku Sajungos Valdybai Kaune // LCVA. F. 605. Ap. 1. B. 2. L. 1; Anmeldung zum Internationalen Kongress der Internationalen Gesellschaft fur Kaufmannisches Bildungswesen. 12.07.1938, Berlin // LCVA. F. 605. Ap. 2. B. 5. L. 24.

Ирина Масюкова (Москва)

Законодательно-правовая система государства Израиль и проблемы иммиграции (1950–1970-е годы)

Государство Израиль создавалось и продолжает создаваться, в первую очередь, в результате иммиграции евреев со всех стран мира. Процесс создания еврейского государства концептуально имеет глубокие идеологические, религиозные и политические корни, в его основе находится теория «собираения евреев всего мира» («кибуц галуйот»)¹ в одной стране: на исторической родине – на «Земле обетованной» в «Эрец Исраэль».

Израильское общество сформировалось благодаря иммиграции и имеет свою характерную специфику. Каждая иммиграционная «волна», начиная с конца XIX века (еще задолго до создания государства Израиль), и позднее, после его провозглашения в мае 1948 года, имела свою этническую окраску и вносила уникальный вклад в развитие Израиля. «Израильская нация складывается из евреев разных этнокультурных групп, – отмечает российский исследователь Левин З.И., – французских, русских, польских, немецких евреев-ашкеназов, североафриканских и южноевропейских *сефардов*, эфиопских *фалашей*, кавказских *татов*, бухарских евреев и пр.» (курсив – Л. З.)².

В результате в Израиле создано многоликое этнокультурное общество, в котором на протяжении десятилетий этнокультурные различия остаются неизменными: «...наряду с абсорбцией идет активный процесс интеграции репатриантов в общество в качестве этнокультурных образований – каждое со своей системой ценностей, нравов, обычаев, хотя и претерпевших отчасти трансформацию»³.

Для анализа проблем иммиграции в израильском обществе, на наш взгляд, следует обратиться к истории вопроса, рассмотреть подходы и пути формирования законодательно-правовой основы и законодательных актов по этой проблеме на различных этапах развития государства Израиль.

Формирование законодательно-правовой системы по проблемам иммиграции

На протяжении многих десятилетий до и после создания государства Израиль концепция «собираения евреев» находится в основе идеологического, социального и политического развития страны, влияя на все процессы, происходящие в израильском обществе. Иммиграция в Палестину (а затем – в Израиль) – «алия»⁴ продолжается постоянно в течение многовековой истории еврейского народа, но наиболее значительный приток репатриантов связан с возникновением и развитием сионистского движения в 80-х годах XIX века.

Право на возвращение в Палестину было сформулировано в Базельской программе Первого сионистского конгресса (1897 г.), на котором один из основоположников сионизма Теодор Герцль провозгласил право евреев на «национальное возрождение на своей земле» и через несколько лет оно было признано 2 ноября 1917 года в Декларации Бальфура⁵. Позднее это право получило детальное изложение в Статье 6 Мандата на Палестину, предоставленного Великобритании Лигой Наций в 1922 г. Согласно этому документу Англия брала на себя обязательства поощрять еврейскую иммиграцию, «прочное поселение евреев на земле», а также способствовать созданию таких политических, административных и экономических условий, которые «обеспечат создание еврейского национального очага»⁶. В дальнейшем право евреев на иммиграцию и обязательства Израиля перед иммигрантами неоднократно декларировались и закреплялись в различных законодательных актах страны: Декларации независимости (1948 г.), Законе о возвращении (1950 г.) и др.⁷

В создании государства Израиль значительная роль отводилась помощи и поддержке со стороны диаспоры: во многих документах подчеркивалось, что государство Израиль – это государство еврейского народа, поэтому объединение евреев всего мира – основная задача государства и сионистского движения, требующая постоянных усилий со стороны всех евреев⁸.

В Декларации Независимости, принятой 14 мая 1948 года, подчеркивалось, что «Государство Израиль будет открыто

для еврейской иммиграции ...из всех стран Рассеивания... будет способствовать развитию страны... обеспечит полное социальное и политическое равноправие всем его жителям без религиозного, расового и полового различия... будет гарантировать свободу культа, вероисповедания, языка, образования и культуры... обеспечит сохранение святых мест всех религий и будет соблюдать принципы Устава Объединенных Наций»⁹.

В период британского мандата иммиграция регулировалась администрацией Палестины в соответствии с «экономической целесообразностью», относительно показателей которой английские власти и европейские лидеры вели постоянные дискуссии.

После провозглашения государства Израиль все ограничения на репатриацию были сняты и в течение первого полугодия существования государства с 15 мая по 31 декабря 1948 года в страну прибыло 102 000 новых иммигрантов (по сравнению с 450 000 – в течение 29 лет Британского мандата). Массовая иммиграция продолжалась в течение 1948–1951 гг. В течение 1949–1951 гг. массовая иммиграция резко увеличилась, и если в 1948 г. население составляло 650 000, то менее чем за следующие три года оно возросло более чем в 2 раза¹⁰. В кратчайший срок в Израиль прибыли сотни выходцев из различных стран мира, которых, как подчеркивает израильский исследователь Ш. Эттингер, – «сближала общность религии, происхождения и стремлений, но разделяла различие языка, обычаев, навыков, бытового уклада, уровня жизни и подхода к основным вопросам общественного строя и культурным ценностям»¹¹.

Мощный поток массовой иммиграции воплощал на практике идеи сионизма по созданию государства для всех евреев, но одновременно вызывал напряжение в израильском обществе между различными группами: старожилками и вновь прибывшими; евреями европейских и восточных стран; более и менее обеспеченными слоями и т. д. Государство, с трудом выдерживая напор многочисленной «волны» репатриантов, продолжало последовательно осуществлять законодательную деятельность, направленную на абсорбцию иммигрантов. Так, например, в 1949 году был принят Закон о всеобщем бесплат-

ном обязательном обучении детей в возрасте от 5 до 14 лет, с целью объединения и сплочения выходцев из различных стран¹².

В условиях массовой иммиграции, в период ее наивысшего подъема, 5 июля 1950 года Кнессет принял Закон о возвращении (Хок-ха-Швут) – один из первых законодательных актов, предоставляющий право каждому еврею иммигрировать и поселиться в Израиле при содействии и помощи со стороны государства¹³. Многовековое стремление еврейского народа к возрождению своего государства получило официальное юридическое оформление в Законе о возвращении (ЗОВ), гарантируя всем евреям право на возвращение на родину предков: «...каждый еврей имеет право на иммиграцию (дословно, “подняться”) в эту страну»¹⁴. И, далее, в Законе: «...двери его [государства Израиль. — И. М.] открыты для каждого еврея, стремящегося иммигрировать в страну»¹⁵.

В своей первоначальной версии Закон не давал конкретного определения для тех, кто мог пользоваться правом на иммиграцию. К этим лицам относились верующие евреи и евреи, чувствующие себя связанными с еврейским народом и разделяющие общую веру¹⁶. Закон позволял иммигрировать в Израиль каждому еврею кроме лиц, действия которых были направлены против еврейского народа (хотя эта процедура никогда не применялась на практике); тех, кто представлял опасность по медицинским показаниям; нёс угрозу безопасности государству либо имел «криминальное прошлое, способное нарушить общественный порядок» (это положение часто использовалось в отношении евреев, пытавшихся избежать судебных расследований в стране проживания)¹⁷.

В конце 1940-х – начале 50-х годов первое израильское правительство было вынуждено делать акцент в своих законодательных постановлениях на формулировках, необходимых для охраны здоровья и безопасности населения. Так, например, на заседании кнессета в мае 1949 года, было принято решение: «запретить въезд в страну туберкулезным, душевнобольным и носителям заразных заболеваний»¹⁸. В этот период представители СОХНУТа на местах имели соответствующие инструкции, так как Израиль с трудом справлялся с огромным потоком иммигрантов со всего мира.

Закон о возвращении (1950 г.) утвердил основополагающий принцип государства: каждый еврей имеет право поселиться в Израиле и беспрепятственно получить гражданство, что также относилось к любому еврею, поселившемуся в стране или родившемуся в ней до принятия Закона. С принятием ЗОВ возник ряд юридических проблем, основной из которых являлась проблема установления критерия, позволяющего признать данное лицо евреем: должен ли этот критерий совпадать с критерием Галахи¹⁹ (согласно которому евреем считается человек, рожденный от матери-еврейки или принявший иудаизм) или евреем может быть признан всякий, кто заявляет о своей принадлежности к еврейскому народу. Закон не распространяется на евреев, перешедших в другое вероисповедание²⁰.

Закон положил начало полемике, продолжающейся до настоящего времени, и мучительному поиску ответа, как в религиозных, так и в светских кругах, на вопрос «кто есть еврей?»²¹. Вместе с тем, после образования государства Израиль и в трудные послевоенные годы проблема национальной идентичности не была первоочередной. В период стихийной массовой иммиграции сотни тысяч новых репатриантов, многие из которых не являлись евреями по Галахе, регистрировались в качестве таковых. Постепенно эта проблема оказалась в центре внимания политической и общественной жизни страны и в марте 1958 года стала предметом острых дискуссий²². Бывший в тот период министр внутренних дел Бар-Исхуд (партия Ахдут ха-Авода – Поалей Цион) издал директиву для служащих регистрационного ведомства, согласно которой «лицо, чистосердечно декларирующее свое еврейство, следует регистрировать как еврея, не требуя от него иных доказательств»²³.

Данный документ вызвал протест в религиозных кругах и под их давлением в июле 1958 г. правительство вынуждено было изменить директиву Бар-Исхуды, постановив, что тот, «кто чистосердечно декларирует, что он является евреем и не принадлежит к иной конфессии, регистрируется как еврей». По мнению израильского исследователя А. Рубинштейна, это решение правительства не успокоило религиозную общественность, поскольку утвержденная формулировка все еще была далека от религиозной концепции: согласно Галахе –

евреем считается тот, кто рожден от матери-еврейки или принял иудаизм²⁴.

Стремясь прояснить и конкретизировать проблему принадлежности к еврейству и желая успокоить религиозные круги, премьер-министр Д. Бен-Гурион в 1958 году создал комиссию, которая обратилась к 50 еврейским мудрецам, раввинам, руководителям еврейских общин, как в Израиле, так и в диаспоре для формулировки понятия «кого считать евреем», то есть по каким критериям определять принадлежность к еврейству в контексте Закона о возвращении²⁵. На призыв комиссии откликнулись 45 из 50 мудрецов, причем 37 однозначно поддержали галахическое определение еврея. В результате лидер религиозной партии Мафдал получил пост министра внутренних дел и 1 января 1960 г. издал «процедурное распоряжение» относительно установления еврейства. Согласно этому документу, «еврей – тот, кто рожден от матери-еврейки и не принадлежит к иной конфессии или принял иудаизм согласно Галахе»²⁶. Подобная формулировка была принята под давлением религиозных кругов, что не могло не беспокоить светскую часть населения.

Иммиграция из СССР в 1970-х годах и дополнения к Закону о возвращении

В начале 1970-х годов постепенно стала увеличиваться иммиграция из СССР, в основном, по мнению американского исследователя Ц. Гительмана, под воздействием двух факторов: рост национального еврейского движения в СССР и активная поддержка иммиграции советских евреев на международном уровне.

Анализируя идеологические мотивы иммиграции из СССР в 1970-х годах, следует подчеркнуть, что большое число среди репатриантов составляли активисты сионистского движения, «узники Сиона», отказники и др. В 1970-х годах сионизм в СССР официально рассматривался как подрывная враждебная идеология; репатрианты 1970-х, стремясь на «землю обетованную», в определенной мере, выступали против запрета сионистской деятельности, проявления антисемитизма в той или иной форме, а также против политических, религиозных, культурных запретов и ограничений.

География выезда иммигрантов из СССР характеризовалась в основном преобладанием евреев из Грузии и западных районов СССР. Хотя в 1970-х годах грузинские евреи составляли около 3% от численности советских евреев, их число среди иммигрантов в Израиль составило 27%. Аналогичная ситуация сложилась с латвийскими и литовскими евреями, составлявшими примерно треть от всей еврейской иммиграции из СССР, хотя их численность не превышала более 3% от всех советских евреев²⁷. Иммиграция из СССР в течение 1971–74 гг. составила более 100 тысяч человек²⁸. В иммиграционном потоке из СССР в Израиль в 1970-х годах часть евреев не считалась таковыми с точки зрения традиционных еврейских законов, а часть иммигрантов состояли в смешанных браках.

В 1970 г. кнессет, стремясь уточнить формулировку, кого считать евреем и положить конец постоянным спорам и конфликтам по этому вопросу, принял дополнение к Закону о возвращении, где в статье 4Б давалось определение еврея по религиозному закону – Галахе: «...еврей тот, кто родился от матери-еврейки или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии». В том же году в Законе появилась еще одна поправка, расширившая его формулировку, в связи с необходимостью, в период активизации иммиграции из СССР, разрешения проблем советских евреев, многие из которых состояли в смешанных браках. В соответствии с этой поправкой, в пункте 4А «Права членов семьи», отмечалось: «...права еврея, предусмотренные настоящим Законом, а также права репатрианта, предусмотренные Законом о гражданстве 1952 года, и все права репатрианта, предусмотренные другими законодательными актами, предоставляются также детям и внукам еврея, его супруге/супругу, супругам его детей и внуков»²⁹. В мае 1971 года кнессет единодушно одобрил резолюцию М. Бегина (бывшего в тот период членом кнессета) с обращением к правительству СССР разрешить свободную иммиграцию евреям из страны. Одновременно кнессет внес поправку в Закон о возвращении с целью предоставления израильского гражданства евреям, требовавшим его, даже если они не переезжали (а в случае с советскими евреями не могли физически) переехать в Израиль³⁰.

Проблемы иммиграции из СССР в 1970-х годах стали приобретать международный резонанс: в этот период проводились международные конференции с участием представителей международных еврейских организаций, фондов, а также западных союзников и сторонников Израиля с целью защиты прав советских евреев в СССР и оказания помощи для иммиграции в Израиль. В 1971 году состоялась первая Брюссельская конференция по проблемам защиты прав евреев СССР под председательством Д. Бен-Гуриона, а в 1976 г. – вторая аналогичная конференция под руководством Г. Меир.

Алия 1970-х годов заложила основу для дальнейшего развития иммиграции из СССР, явилась своеобразным «прорывом» в иммиграционном процессе и заслуживает, на наш взгляд, всестороннего комплексного исследования.

Примечания

¹ На иврите термин «кибуц галуйот» означает «собрание изгнанников», то есть возвращение евреев в Израиль из всех стран их рассеяния. См. подробнее: *Раби Йосеф Телушкин*. Еврейский мир (важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии). Мосты культуры. Гешарим, 2000. С. 246.

² *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 71.

³ Там же.

⁴ Термин «алия» в переводе с иврита означает «подъем». Этот термин укоренился с давних времен, когда евреи прибывали в «Эрец Исраэль» преимущественно из Египта и Вавилонии, в топографическом отношении лежавших ниже Палестины.

⁵ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. Т. 2. 1982. С. 299–300; *Бен-Гурин Д.* Евреи в своей стране (пер. с англ.). Лондон, 1966.

⁶ Государство Израиль. Справочник. М. Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. С. 50.

⁷ *Бин-Нун А.* Законы государства Израиль. Иерусалим. 1993, MNY Ltd; *Facts About Israel*. Jerusalem, 1994; *Divrei Ha-Knesset*. Israel (Hebrew), 1950; *Gitelman Z.* Becoming Israeli. N. Y. 1982; *Cohen H.* The Law of Return // *National Quarterly* (Hebrew), № 3–4 (1972–1973).

⁸ World Zionist Organisation and Jewish Agency for Eretz Israel (Status Law), 1952, sec. 1; sec. 5.

⁹ Декларация Независимости Государства Израиль // В.П. Воробьев. Конституционно-правовая система Государства Израиль. М. 2002. С. 301.

¹⁰ *Dominitz Y.* Israel's Immigration Policy and the Dropout Phenomenon // *Russian Jews on Three Continents. Migration and Resettlement*. Ed. by Lewin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband. Frank Cass. L., 1997. P. 114.

¹¹ История еврейского народа. Под ред. Эттингера Ш. Мосты культуры. М., Иерусалим. 2001. С. 597.

¹² Там же. С. 600.

¹³ *Fridlander D., Goldscheider C.* The Population of Israel. Columbia University Press. N. Y. 1979. P. 29.

¹⁴ World Zionist Organisation and Jewish Agency for Eretz Israel (Status Law). 1952, sec. 1.

¹⁵ *Gouldman M. D.* Israel Nationality Law. Jerusalem. 1976. P. 19.

¹⁶ *Бин-Нун А.* Законы. С. 14–15.

¹⁷ *Воробьев В. П.* Правовой статус личности в государстве Израиль: его основы, особенности и специфика. М. 2001. С. 125.

¹⁸ *Рамм Р.* Чистые и нечистые репатрианты // Алеф, февраль, 1996, № 622. С. 20–21.

¹⁹ Галаха – свод законов, унифицирующий и регулирующий еврейский образ жизни во всем мире. Главные предписания Галахи, основанные на Торе и Талмуде, охватывают практически все стороны жизни евреев от рождения – до смерти.

²⁰ The Encyclopedia of Judaism, ed. by Geoffrey Wigoder. New York. 1989. P. 384.

²¹ См. подробнее: *Shakis A.* Who is a Jew according to the Law of the State of the State of Israel? Jerusalem 1977, 1978 (Hebrew); *Gitelman Z.* Immigration and Identity. The Resettlement and Impact of Soviet Immigrants on Israeli Politics and Society. The Susan and David Wilstein Institute of Jewish Policy Studies, 1995; *Akzin B.* Who is a Jew? A Hard Case // Israel Law Review (1970), vol. 5. P. 259.

²² *Воробьев В. П.* Правовой статус личности в государстве Израиль: его основы, особенности и специфика. М., МГИМО(У) МИД Россия. 2001. С. 120–121.

²³ *Вархафтиг З.* Декларация независимости: Декрет о порядке отправления власти и судопроизводстве (1949 г.) и проблема взаимоотношений между религией и государством. Тель-Авив, Саргай, 1982. Т. 1. С. 156–179 (иврит).

²⁴ *Рубинштейн А.* Конституционное право Государства Израиль. Тель-Авив, 1991. Т. 1. С. 18 (иврит).

²⁵ *Edelheit H., Edelheit A. J.* Israel and the Jewish World, 1948–1993. A Chronology. L. 1995. P. 51.

²⁶ *Нойбергер Б.* Власть и политика в Государстве Израиль. Издательство Открытого Университета Израйля. Ч. 6. С. 117.

²⁷ См.: *Soviet Studies*, v. XXIX, № 4, October, 1977. P. 543–544.

²⁸ *Gitelman Z.* From a Northern Country: Russian and Soviet Jewish Immigration to America and Israel in Historical Perspective // *Russian Jewish Three Continents*. Op. cit. P. 28.

²⁹ *Hok yesod: Amendment № 2 (5730–1970)* // *Gitelman Z.* Soviet Political Culture: Insights from Jewish Emigres // *Soviet Studies*, v. XXIX, № 4, October 1977. P. 544.

³⁰ *Edelheit H., Edelheit A. J.* Israel and the Jewish World. 1955. P. 172.

Ирина Баулина (Москва)

Динамика арабо-израильских переговоров 1990-х годов и их влияние на социально-экономическую и политическую жизнь израильского общества

Вот уже больше полувека продолжается противостояние Израиля и его арабских соседей. Арабские государства не согласны мириться с появлением на Ближнем Востоке еврейского государства. 90-е годы были отмечены началом мирных переговоров между Израилем и арабскими государствами. Можно выделить три волны арабо-израильского процесса: с 1993 до середины 1996 года, с середины 1996 по 1999 год и период с сентября 2000 года по настоящий момент.

Первый период с начала процесса Осло и до волны терроризма в Иерусалиме и Тель-Авиве можно отметить как довольно успешный отрезок мирного процесса. После подписания Декларации о принципах 1993 г., были начаты переговоры между израильской и палестинской делегациями о временном соглашении. Это соглашение было подписано 28 сентября 1996 г., оно отмечает заключение первой стадии в переговорах между Израилем и ООП. Арабо-израильские мирные переговоры не ограничились соглашениями с палестинцами. 25 октября 1994 года была опубликована Вашингтонская декларация. Израиль и Иордания объявляли о прекращении военного состояния между ними. Уже 26 октября был подписан мирный договор, а 27 ноября, с ратификацией мирного договора были установлены полные дипломатические отношения между Израилем и Иорданией. Ведутся, хоть и не без труда переговоры с Сирией и Ливаном.

Таким образом, в 1993–1996 гг. складывается весьма благоприятная геополитическая ситуация в регионе. Израиль последовательно налаживает отношения со своими арабскими соседями, что незамедлительно сказывается на социально-экономическую и политическую жизнь израильского общества. С другой стороны, спад мирного процесса в 1996 году также незамедлительно сказывается как на экономике, так и на политическую жизнь Израиля.

На фоне экономического застоя в Европе израильская экономика, ориентированная в основном на США и Европу, должна была бы тоже оказаться в кризисе. Однако начавшийся мирный процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке, ослабление арабского бойкота Израиля позволили ему установить дипломатические отношения и внесли изменения в географическую направленность экономических связей. Проникновение Израиля на азиатские рынки стало одним из главных факторов стремительного роста его экспорта.

Стабильный рост экспорта с 1993 по 1996 год составил с 7,2% до 14,7%, почти 20 % от общего экспорта за счёт сбыта в странах Азии¹. Если в целом товарный экспорт Израиля вырос в 1993–94 гг. на 29%, то экспорт в азиатские страны – на 53%, в том числе в Японию на 187 %. В 1995 году израильский экспорт в Японию достиг 1,3 млрд долл. Таким образом, Япония оказалась на втором месте после США по объёму экспорта, заменив собой Великобританию².

Помимо Японии крупным потребителем израильских товаров в Азии являются Гонконг, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, заинтересованные в импорте высоких технологий. Особое место в планах развития внешнеэкономических связей Израиля занимают Китай и Индия³.

Нельзя не отметить рост экспорта в соседние арабские страны. Благодаря заключённым соглашениям, экспорт в Египет в 1993–1996 года увеличился в 6 раз, а с Иорданией рост с нуля в 1994 достиг 8,4 млрд. долл. в 1996 году. Экспорт на палестинские территории также стабильно рос с 1015 млн. в 1993 году до 1633 млн. в 1996 году, то есть на 38% за 4 «мирных» года.

Неотъемлемой частью израильского экспорта, как и важной статьёй дохода, является туризм. К 1993 году положение в отрасли нормализовалось после спада 1990–91 гг., связанного с началом боевых действий в регионе. Доходы от туризма впервые превысили показатели докризисного 1989 года. Надежды на скорейшее арабо-израильское урегулирование сыграли немаловажную роль в увеличении притока иностранных туристов в 1992–1995 гг.⁴

Однако сворачивание мирного процесса, сопровождавшегося волной терроризма, негативно сказалось на этой отрасли. Итогом стал новый спад в 1996 году. В то же время

развитие мирного процесса позволило включить в число туристов, посещающих Израиль, значительное число жителей соседних арабских государств. В 1995 году среди посетивших Израиль туристов было более 100 тыс. человек из арабских стран, в том числе 27 тысяч из Египта и 85 тысяч из Иордании.

Ещё одной сферой экономики, на которую оказала влияние изменившаяся в связи с подъемом мирного процесса геополитическая ситуация, это рынок инвестиций. С одной стороны в 90-е годы израильское руководство развернуло общенациональную кампанию по привлечению иностранных частных инвестиций, улучшив инвестиционный климат. С другой стороны снижение геополитического риска в ближневосточном регионе повысило привлекательность Израиля для зарубежных предпринимателей и усилило приток сюда иностранных прямых инвестиций⁵.

Экономика Палестинской автономии исторически связана с израильской экономикой. К середине 70-х годов экспорт товаров из Израиля на подконтрольные ему территории возрос до 75,5% от всего ввоза продукции в эти районы, ещё десятилетие спустя – до 90,7%⁶.

Успешный ход мирного процесса сказался и на политической жизни израильского общества. К 1993 году, когда Израиль сел со своими арабскими соседями за стол переговоров, появилась возможность не акцентировать внимание лишь на проблемах безопасности.

Растёт количество мелких и средних партий, поднимающих проблемы не связанные с ближневосточным урегулированием и проблемой безопасности. В период между выборами 1992 и 1996 годов количество мелких партий возросло с 7 до 10. Крупные партии теряют свои мандаты в пользу образующихся новых партий. В 1993 году из партии Авода (Рабочей партии) выходят два депутата, считающие, что переговоры необходимы, но И. Рабин сделал слишком резкий крен влево, и образуют новую – «Третий путь». В 1995 году из Ликуда выходят два депутата и основывают партию «Гешер». Стоит отметить, что программа партии была сконцентрирована на социальных проблемах Израиля. В этом же году (1995) были основаны ещё две партии, программы которых не имели ярковыраженной «голубиной» или «ястребиной»

тенденции – это «Партия центра» и партия, которая своей задачей поставила борьбу за интеграцию новых репатриантов – «Израэль ба Алия» во главе с Натаном Щаранским.

Здесь же следует отметить снижение военных расходов, которое было также связано с ослаблением напряжённости в регионе. Высвобожденные финансовые средства были инвестированы в экономику. Социальная сфера получает дополнительные средства, которые направляются на развитие социальных программ (образование, культура, религия и т.д.).

Период с 1993 по 1996 года был отмечен успехами в ближневосточном урегулировании. Благоприятная геополитическая обстановка незамедлительно сказывается на израильском обществе, на его социально-политической и экономической жизни. Благоприятная тенденция сменяется спадом в 1996 году, на который приходится волна терроризма на территориях и операция «Гроздь Гнева» в Ливане и убийство Ицхака Рабина, премьер-министра Израиля и активного участника мирного процесса.

На фоне этих событий в ходе всеобщих выборов, состоявшихся 29 мая 1996 года, премьер-министром Израиля был избран Б. Нетаниягу. 17 января 1997 года был подписан Протокол о передислокации израильских войск в Хевроне, согласно которому под контроль Палестинской администрации перешел один из самых важных для еврейской истории городов. Израильские войска сохранили лишь контроль за обеспечением безопасности жителей небольшого еврейского квартала (так называемая зона «Н-2»). 23 октября 1998 года в Вашингтоне представителями Израиля и ООП был подписан так называемый Уай-Ривский меморандум. Согласно Уай-Ривскому меморандуму, территория, находившаяся под полным контролем Палестинской администрации (зона «А») увеличивалась почти в шесть раз – до 18% всей территории Западного берега. Кроме того, Израиль согласился значительно увеличить площадь зоны «В», которая достигла в итоге 22% территории Западного берега.

После прихода к власти летом 1999 года правительства Эхуда Барака израильско-палестинские переговоры продолжились. Однако единственным подписанным соглашением стал меморандум, подписанный в египетском городе Шармаль-Шейхе 4 сентября 1999 года.

Снижение интенсивности арабо-израильского мирного процесса отразилось и на социально-экономическую жизнь израильского общества. Это отразилось, как на экономических взаимоотношениях с арабскими странами, так и на отношения с азиатскими партнёрами.

Общий экспорт за пять лет увеличился на 53,7%. Экспорт в Азию хоть и увеличился в абсолютном значении, но процентное отношение к общему (возросшему) экспорту снизился на 2%. Экспорт в страны Юго-Восточной Азии (Гонконг, Индию, Таиланд, Филиппины, Южную Корею, Японию) снижается. Это «снижение» не столь тотально, оно скорее отражает стагнацию экономических отношений, связанную с осторожностью торговых партнёров. Увеличение экспорта, как общего, так и в Азию, относится к 2000 году, что можно связать с общим экономическим подъёмом в Израиле.

Что же касается товарооборота с арабскими странами, то следует отметить снижение (хоть и незначительное) экспорта в Египет с 57,4 млн. долл. В 1996 году, до 54 млн. долл. в 1999 году. В 2000 году экспорт в Египет достигает уровня 1996 года и даже несколько превышает его.

В отношении товарооборота с Иорданией, с одной стороны это увеличение экспорта до 25 млн. долл. в 1998 году, с другой стороны – ... Продолжение мирного процесса по палестинскому направлению позволило увеличить экспорт в ПНА с 1633 млн. долл. в 1996 году до 4000 млн. долл. – 1999 году, т.е. более чем в два раза за пять лет.

Изменение внутренней обстановки в стране, интенсификация террористических актов в первую очередь оказывают влияние состав рабочей силы в Израиле. В 1996 году количество рабочих из Иудеи, Самарии, Сектора Газа и Южного Ливана составило лишь 26,6 тысяч человек. Если сравнить, например с 1994 годом, когда с «территорий» на официальную работу приехало 38,3 тыс. человек, то снижение составило 11,7 тысяч человек. Много это или мало можно судить по тому факту, что в 1994 году рабочие «с территорий» составляли почти половину от общего числа иностранных рабочих, тогда как в 1996 году – лишь 25%.

В рассматриваемый период тенденция по абсолютному значению в целом положительна, однако если брать соотно-

шение общего числа иностранных рабочих к количеству рабочих из Иудеи, Самарей, Газы и Южного Ливана, явно не в пользу последних. Например, в 1998 году, когда количество иностранных рабочих достигло рекордной отметки в 116,2 тыс. человек, также рекордное количество рабочих «с территорий» составило 36,9 тыс. человек, т.е. лишь 31,7 %⁷.

Доля «арабской составляющей» среди иностранных рабочих Израиля в 2000 году снизилась до 21%. Столь «незначительное» снижение можно связать с тем, что начало интифады и в свою очередь закрытие блокпостов относится к концу 2000 года, т.е. данного периода. Картина резко меняется с начала 2001 года.

Сфера туризма как никакая другая чувствует малейшие колебания геополитической ситуации и внутренней обстановки в стране, которая предоставляет туристические услуги. Период 1996–2000 года нельзя однозначно назвать ни провальным, ни удачным. Стоит отметить снижение общего потока туристов в 1996 году (на 5,2 %) и в 1997 году (на 9,3 %) по сравнению с 1995 годом, когда страну посетило 2215,6 тысяч человек. Тем не менее, уже в 1999 году общий поток туристов составил 2312,3 тысяч человек, а в 2000 году – 2416,8 тысяч человек, что на 4,3 и 9,1 % соответственно больше, чем в 1995 году⁸.

Отрицательная тенденция проявляется в цифрах, которые показывают снижение потока туристов из арабских стран. Количество туристов из Иордании сократился в 1996 году почти наполовину (с 84,4 тыс. чел в 1995 году до 29,8 тыс. чел. в 1996 году), из Ливана – на 15 %, из Египта – на 25,5 %. Это, в целом, можно объяснить охлаждением арабо-израильских отношений, в связи с торможением мирного процесса. Эта тенденция снижения потока туристов из арабских стран продолжается и в 1997 году. Ситуация начинает стабилизироваться (как и во всей отрасли) к 1999 году, однако если поток туристов из Иордании в 2000 году сопоставим с данными 1995 года, то количество туристов из Ливана и Египта катастрофически снижается на 60 и 35 % соответственно (по отношению с тем же 1995 годом).

Положительная тенденция на рынке инвестиций, начатая в 1995 году, в период с 1996 по сентябрь 2000 года в целом

продолжается. Объём иностранных инвестиций в израильскую экономику в 1996 году составил 2,9 млрд. долл., что на 31,8 % больше, чем в 1995 году.

Иностранные инвестиции в Израиль в 1997 году составили 3,4 млрд. долл. Несмотря на Азиатский кризис и экономический застой в Израиле, объёмы иностранных инвестиций резко возросли (на 17 %). Самые крупные суммы были вложены в приобретение концернов «Кур» и «Безек», банка Аполим, группы «Ай Ди Би», крупные средства были инвестированы в компании «хай тек»⁹.

Определённый спад относится к 1998 году, когда объём иностранных вложений составил лишь 2 млрд. долл., что на 41,2 % меньше, чем в предыдущий год. Этот спад не был связан с ходом мирного процесса и уже в ноябре ситуация стабилизировалась¹⁰. Тем не менее, именно в 1998 году международный концерн «Филипс» открыл в Израиле своё первое представительство, задачей которого является координация инвестиционной деятельности концерна. Концерн «Филипс» в течение долгих лет воздерживался от прямых связей с Израилем из-за объявленного арабскими странами бойкота¹¹.

Суммарные иностранные инвестиции составили в 1999 году 3,9 млрд. долл. Фонды рискованного капитала вложили 1 млрд. долл. в израильские молодые компании, что на 67 % больше, чем в 1998 году, и на 200% больше по сравнению с 1997 годом. Большой интерес у инвесторов вызвали израильские интернеткомпании, телекоммуникационные компании и израильский хай-тек¹².

2000 года стал рекордным по объёму иностранных инвестиций в Израиле, объём которых составил 11,8 млрд. долл. В первой половине 2000 года быстрый рост уровня рискованных капиталовложений продолжился. Примерно 40 % инвестиций было сделано фондами рискованного капитала, расположенными в Израиле, и 60 % – иностранными фондами¹³.

Прямые иностранные инвестиции уменьшались, как в относительном, так и в абсолютном исчислении. Они сократились с 1,82 млрд. долл. в 1999 году до 1,23 млрд. долл. в 2000 году. Однако объём портфельных инвестиций сильно возрос с 1,9 млрд. долл. до 3,5 млрд. долл.¹⁴ Рост портфельных инвестиций при снижении прямых вложений демонстрирует

отношение инвесторов к «затуханию» мирного процесса в регионе.

Таким образом, рассматриваемый период (1996 – 1999 гг.) можно назвать периодом экономического застоя, который по многим показателям был связан с замедлением мирного процесса. Изменения, происходившие в данный период, незначительны. Существенные изменения относятся к началу 2000 года, к пику экономического подъёма в Израиле. Эта тенденция продолжается до сентября 2000 года, после начала интифады ситуация меняется.

В мае 1996 года в Израиле проходили выборы премьер-министра, в результате которых с минимальным перевесом (0,5 %) победил лидер Ликуда Б. Нетаньяху. Программа правительства Ликуд по мирному процессу отличалась более жёсткими подходами на израильско-палестинском направлении. Было объявлено о намерении «развивать» существующие на территориях израильские поселения, отвергалась возможность создания палестинского государства и территориального компромисса по Иерусалиму. Правительство настаивало в рамках осуществления первой фазы передислокации на уход только с 9 % территорий Западного берега, хотя палестинцы настаивали на 20 %¹⁵.

На выборах 1996 года тенденция, которая возникла в предыдущий период, продолжается: крупные партии теряют мандаты (Авода с 44 мандатов в 1992 году до 34 – в 1996 году и 26 – в 1999 году). Суммарное количество мандатов крупных партий также снижается (76 мандатов в 1992 году, 66 – в 1996 и 45 – в 1999). Количество мелких партий увеличивается. По количеству мелких партий стало не намного больше (с 7 до 8), но по числу мандатов средняя сумма мандатов партий, кроме Аводы и Ликуда, составляет в 1992 г. – 5,3, в 1996 г. – 6 мандатов. В 1999 году в Кнессете уже 13 партий, кроме Аводы и Ликуда, причём среди них выделяется партия ШАС, которая лишь два мандата уступила Ликуду (17 против 19).

В течение каденции крупные партии теряют мандаты: Авода – 4 мандата, Ликуд – 3 мандата. Вышедшие из Аводы профсоюзные лидеры Амир Перец и Х. Кац и другие образуют в 1998 году партию «Ам Эхад» («Один народ»). Эта партия

имеет чётко выраженную левую программу по социальным и экономическим вопросам, программа по вопросам мира и безопасности, государства и религии отсутствует¹⁶. В данный период образовалось в общей сложности четыре партии (включая партию «Шинуй», «Ам Эхад», Партию центра и Ихуд Леуми).

Многочисленные кризисы привели к внеочередным выборам (они состоялись 17 мая 1999 года), которые Б. Нетаньяху проиграл ставшему незадолго до этого председателем Партии Труда Эхуду Бараку. Однако пребывание Э. Барака на посту главы правительства оказалось ещё более коротким, а промежуток между выборами сократился до года и девяти месяцев. Это, во многом, было связано в авантюрной политикой премьера в отношении палестино-израильского мирного процесса¹⁷.

Центральная роль арабо-израильского конфликта и проблем безопасности в израильской общественно-политической жизни привела к массовому использованию кандидатами в депутаты от обеих партий опыта военной службы в своей внутрипартийной и предвыборной агитации¹⁸.

Третий период охватывает период с сентября 2000 года по настоящий момент. В 2000 году стороны перешли к переговорам об окончательном урегулировании конфликта – переговорам, закончившимся сокрушительным провалом и новым витком палестинской интифады.

Кризис израильской экономики начиная с 2000 г. связан с несколькими факторами: общим спадом в мировой экономике, падением курса акций НАСДАК в США и с началом интифады Аль-Акса¹⁹. Меня интересует, прежде всего, последний фактор.

Экономические потери Израиля уже за первый месяц интифады составили примерно 1,2 млрд. долл. Всего за несколько месяцев интифады страна оказалась в условиях глубочайшего кризиса. И всё это на фоне успешного развития экономики в конце 90-х годов²⁰.

Осложнение геополитической ситуации в регионе и увеличение экономических рисков привели к снижению деловой активности. Прежде всего, Израиль понёс убытки из-за ослабления сотрудничества с Иорданией, Египтом, ПНА. К убыт-

кам от сокращения экономических отношений с ПНА можно отнести как резкое снижение товарообмена, так и убытки от закрытия израильско-палестинских промышленных зон²¹. Что же касается других арабских стран, Израиль не только понёс потери из-за снижения экспорта, но и от проводимой этими странами совместно с некоторыми европейскими государствами политики бойкота израильских товаров²².

Если в 2000 г. общий экспорт Израиля вырос на 24 %, то уже в 2001 г. он упал на 13,2 %²³. В итоге в 2000–2002 совокупный экспорт Израиля на 6,5 %, в том числе в Европу на 26 %, в Азию на 7 %. Израильский экспорт в арабские страны в результате кампании бойкота сократился с января по апрель 2002 года, по данным Института экспорта Израиля, на 39 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего и составил 21,3 млн. долл.²⁴. Осложнились отношения и с дальневосточными партнёрами. Сократился экспорт на азиатские рынки.

На протяжении 90-х годов инвестиции в израильскую экономику увеличивались и в 2000 году составили 11,3 млрд. долл. Однако за первые восемь месяцев 2002 года они снизились и составили лишь 4,4 млрд. долл.²⁵

В связи с угрозой террористических актов с началом интифады был ужесточён контрольно-пропускной режим на КПП, расположенных на границах с палестинскими территориями. Это привело к тому, что уже в 2001 году количество рабочих-арабов из Иудеи, Самарей, Газы и Южного Ливана уменьшилось в 4 раза. За два года интифады количество арабских рабочих снизилось с 27,7 тысяч до 6,4 тысяч человек (то есть в 4,3 раза)²⁶.

Как уже отмечалось, важной частью израильского экспорта является туризм. Эта отрасль особенно чутко реагирует на состояние мирного процесса в регионе. В связи с празднованием нового тысячелетия, 2000 год стал самым удачным для сферы туризма Израиля. Естественно, с началом интифады Аль-Акса в сентябре 2000 года, а тем более с провалом арабо-израильских переговоров в Табе туристическая отрасль Израиль понесла убытки.

Атаки террористов вызвали у населения боязнь посещать общественные места. В тоже время напряжённая внутривнутриполитическая ситуация, боязнь и постоянное ожидание терактов,

неуверенность в завтрашнем дне привели к повышенной активности израильского населения в сфере страхования жизни, имущества и т.п.²⁷

Из-за интифады расходы на содержание силовых ведомств (армия, полиция, пограничная служба и др.) выросли в 2001 году на 4,9 млрд. шек. (примерно 1 млрд. долл.)²⁸.

Примечания

¹ расчёт по IYA 1997.

² Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества, М., 1998. С. 300.

³ Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества, М., 1998. С. 300–301.

⁴ Сатановский Е.Я. Израиль в 90-е годы. С. 73.

⁵ Федорченко А.В. Экономика переселенческого общества. С. 312.

⁶ Новгородова М.А. Взаимная торговля Израйля, Палестины и Иордании: прошлое, настоящее, будущее. // Ближний восток и современность. Вып. 9. М., 2000. С. 159.

⁷ Данные по CBS.

⁸ Данные по CBS.

⁹ Наумова И.В. Иностраные инвестиции в Израиль в 90-е годы // Востокведный сборник, № 4. Институт изучения Израйля и Ближнего Востока. М. 2002. С. 182.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 183.

¹² Там же. С. 184.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Карасова Т.А. Ближневосточное урегулирование и израильское общество // Ближний Восток и современность, вып. 7. М., 1999. С. 73.

¹⁶ Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. С. 312.

¹⁷ Эштитейн А.Д., Урицкий М.А. Кризис парламентаризма в Израйле // Ближний Восток и современность, вып.16. 2002. С. 250.

¹⁸ Там же. С. 250–251.

¹⁹ Симановский С.И. Израиль: экономические последствия интифады // Ближний Восток и современность. Институт изучения Израйля и Ближнего Востока. М., 2003. Вып. 17.

²⁰ Там же. С. 187.

²¹ Там же. С. 190.

²² Там же.

²³ Там же. С. 200.

²⁴ Там же. С. 201.

²⁵ Там же. С. 193.

²⁶ Данные по CBS (http://www.cbs.gov.il/shnaton53/st12_33.pdf и http://194.90.153.197/shnaton54/st12_34.pdf)

²⁷ Симановский С.И. Израиль: экономические последствия интифады. С. 192.

²⁸ Там же. С. 191–192.

Contents

<i>From Editorial Board</i>	8
<i>R. Goldman</i> . In Memoriam – Nehemia Levtzion	11
JEWISH HISTORY	13
<i>Natalia Kashovskaya, Sergey Kashaev</i> Judaism in Bosphorus – the Archeological Context	13
<i>Eduard Kravchenko</i> The Non-Inventoried Sepulchers of the Western Periphery of Khazaria (About the Dissemination of Monotheistic Religions in the Kaganate)	24
<i>Igor Semyonov</i> On Khazar General Bluchan's Raid on Georgia in the VIII Century	40
<i>Alexander Tortika</i> Dynastic Matrimonies as an element of Foreign and internal Policies of the Khazar State	47
<i>Evgeny Bakkal, Oleg Bely</i> Survey of the Archive of Karaite Enlightener D.M. Gumush (1899–1980)	81
<i>Dan Shapira</i> Contemporary State of Some Colophons on Biblical MSS from Abraham Firkovich's First Collection	102
<i>Jurgita Siauciunaite-Verbickiene</i> Restrictions on Jewish Crafts and Trade in the Towns of the Grand Duchy of Lithuania	131
<i>Vitaly Andreev</i> The XVIIth Century «Greek Orthodox Abyss» in the Historical Consciousness of the Jewish People: a Historiographical Aspect	141
<i>Inna Sorkina</i> Paradoxes of Russian Government's Struggle Against Jewish Publicans at the End of XVIIIth – First Half of XIXth Centuries (Based on the Byelorussian Materials)	153
<i>Boris Gelman</i> Lejba Ashurovich Fronstein – the Mayor of Sevastopol (1810)	171
<i>Maya Vitenberg</i> Jews and the Power (Jewish Reports in the 1881 Gubernya Commission)	179
<i>Vladimir Shchukin</i> Features of the Jews-farmers' (colonists) Legal Status in Novorossia (XIX- Beginning XX Cent.)	188
<i>Vyacheslav Zarubin</i> M.M. Vinaver and Crimea	196
<i>Nadezhda Ablova</i> Jews in Manchuria: First Approach to the Problem	212
<i>Gertrud Pickhan</i> Changing the Context: The General Jewish Workers' Union («Bund») in Interwar Poland	218
<i>Victor Gusev</i> The Bund's National Program: from the Civic Equality of the Jews to the Cultural-National Autonomy (1897–1917)	224

<i>Anatoly Moshchuk</i> Poland Bund – Between Social-Democracy and Bolshevism	241
<i>Marina Lobanova-Gulak</i> The Ideological and Political Foundations of the Conflict Between Bund's Ideologists and V. Lenin	252
<i>Tatiana Shor</i> Cultural Chronicle of Estonian Jews in the Russian Newspaper «Poslednije Izvestia» During Preparation for the Introduction of Cultural Autonomy	266
<i>Valery Gessen</i> Struggle of Authorities with Hassids in Leningrad in 1920–1930 years (On archival materials)	281
<i>Elena Genina</i> The Destiny of Rabbi I.B. Rapoport in the Context of the Campaign Against Cosmopolitanism in Kuzbass	294
<i>Evgeny Movshovich</i> Persecution of the Jews of Rostov-on-Don in the Soviet Period	305
<i>Emma Shkurko</i> Three Cases of Genya Levit	329
<i>Eugeny Rosenblat</i> Main Problems of Holocaust Terminology	341
<i>Grigory Smirin</i> S.M. Dubnov on the Eve of the Holocaust: the Riga Years (1933–1941)	356
<i>Dmitry Olekhnovich</i> «Anti-Semitism is the Offspring of the Bourgeoisie...» – Based on Latgalian Press (1940–1941)	361
<i>Vitautas Toleikis</i> Teaching the Holocaust in Lithuania	370
<i>Neringa Latvite Gustaitene</i> Features of the Holocaust in Provincial Lithuania: District (Uyezd) of Trakai	377
<i>Mark Goldenberg</i> Jews in the Crimean Partisan Movement and Underground. 1941–1944	388
<i>Emmanuil Ioffe</i> The Minsk Ghetto Judenrat	393
<i>Igor Smolsky</i> Origins and Development of the Zionist Movement in Galicia at the End of the XIX th – Beginning of the XX th century	404
<i>Boris Volkovich</i> Zionist Movement in Latvia (1918–1940)	412
<i>Tatiana Kuznetsova</i> Ethnicon «Jew/Kike» in the Information Space of the Newspaper «Brivâ Zeme» (1920–1934)	422
<i>Galina Osipova</i> Anti-Semitism and Discrimination of Jews in Daghestan During the First Years of Soviet Regime	437
<i>Gektoras Vitkus</i> Realities and Marginalia of the Emergence of «the Jewish Problem» in the Ideology of the Movement of Lithuanian Businessmen (1930–1940)	446
<i>Irina Massukova</i> Israel in the 1970ies: Immigration from the USSR	458
<i>Irina Baulina</i> Dynamics of Arab-Israeli Negotiations in the 1990-ies and Their Influence on the Social-Economic and Political Life of Israeli Society ...	467
<i>Contents</i>	478

**Материалы Одиннадцатой Ежегодной
Международной Междисциплинарной
конференции по иудаике**

Часть 1

М34 Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной
Междисциплинарной конференции по иудаике.
Часть 1. – М. : Пробел-2000, 2004. – 480 с.

ИД № 04356 от 23.03.2001г. Подписано в печать 20.12.04 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл.печ.л. 27,9. Тираж 500 экз.
Издательство и типография «ПРОБЕЛ-2000». 121069, Москва,
ул. Поварская, д. 30-36. Тел.: 291-03-54. E-mail: probel-2000@mail.ru

Материалы Одинадцатой конференции по иудаике Часть 1